ЭММА ДОНОХЬЮ

УДИВИТЕЛЬНАЯ ЗАХВАТЫВАЮЩАЯ ИСТОРИЯ

Запечатанное ПИСЬМО

ОТ ФИНАЛИСТА «BOOKER PRIZE»

АВТОРА РОМАНА «КОМНАТА»

Запечатанное письмо

Эмма Донохью

Аннотация
Глава 1. PRIMA FACIE. (лат.: наличие достаточно серьезных доказательств для возбуждения дела)
Глава 2. FEME COVERT. (англ., юр.: замужняя женщина)
Глава 3. ОБОСНОВАННОЕ ПОДОЗРЕНИЕ. (подозрение, способное убедить незаинтересованного человека в здравом рассудке)
Глава 4. ENGAGEMENT. (англ.: обручение, помолвка; наем работника; столкновение противников)
Глава 5. НАДЗОР. (слежка за подозреваемым или содержание осужденного под стражей)
Глава 6. ACTUS REUS. (лат.: преступление, преступное деяние, преступный акт. Юридический принцип латинского права Actus non facit reum, nisi mens sit rea означает: «Совершенное деяние не делает человека виновным, если у него отсутствует преступный умысел»)
Глава 7. УХОД. (уход от семьи, жены и т. п.; оставление семьи и т. п.; отказ от выполнения обязательств по отношению к членам семьи)
Глава 8. MUTATIS MUTANDIS. (лат., юр.: соответ-

ствующими изменениями; относится к применению предполагаемых, взаимно согласованных мер)
Глава 9. КОНТРОБВИНЕНИЕ. (обвинение, сделанное ответчиком с целью свести на нет обвинение истца)
Глава 10. ПОВЕСТКА В СУД. (письменное предписание свидетелю явиться в суд для дачи показаний)
Глава 11. TRIAL. (англ.: испытание; переживание, злоключение; рассмотрение дела компетентным судом, судебное разбирательство)
Глава 12. УЛИКА. (доказательство; факт, подтверждающий заявление; устное свидетельство; письменные и материальные объекты, имеющие право быть предъявленными суду)
Глава 13. САБОТАЖ. (повреждение или уничтожение имущества для противодействия осуществлению чего-либо; действия, направленные на ослабление противника путем диверсий, повреждение или уничтожение военных сооружений)
Глава 14. ПРЕЗРЕНИЕ. (сильное чувство неуважения или антипатии; сознательное игнорирование власти; поступок в расчете препятствовать суду, наказуемый штрафом или тюремным заключением)

Глава 15. CHARGE. (англ.: обвинение в правонарушении; атака, нападение; цена)
Глава 16. СВИДЕТЕЛЬСТВОВАТЬ. (видеть что-либо своими глазами; давать показания против кого-либо или в пользу кого-либо; служить признаком, уликой, доказательством)
Глава 17. ВЕРДИКТ. (от англо-нормандского «говорить правду»: окончательное и единодушное решение жюри по окончании судебного разбирательства)
Глава 18. FEME SOLE. (англ. юр.: незамужняя женщина)
Послесловие автора
Благодарность

Аннотация

Красавица Хелен, дерзкая искательница развлечений, не боится рисковать, и в какой-то момент о ее измене становится известно мужу — адмиралу Кодрингтону. Чтобы избежать огласки и развода, Хелен задумывает интригу, в которую вовлекает старую деву Эмили Фейтфул. Пожилой муж, ветреная жена и близкая подруга образуют роковой треугольник. Их сложные отношения дают толчок к стремительному и неожиданному развитию сюжета, за которым читатель напряженно следит до самой последней страницы, как в настоящем детективе.

Роман основан на действительно происходившем в 1864 г. бракоразводном процессе «Кодрингтон против Кодрингтон и Андерсона», подробные отчеты о котором печатались во всех английских газетах.

Глава 1
PRIMA FACIE
(лат.: наличие достаточно серьезных доказательств для возбуждения дела)

Каждая женщина должна иметь право зарабатывать на жизнь, используя дарованные ей Богом способности.

***Эмили Фейтфул.*[2]**

Из письма в «Журнал английской женщины». Сентябрь 1862 г.

Последний день августа, и небо цвета раскаленного пепла. От рынка Смитфилд несется смрад, в воздухе сверкают частицы каменной пыли. Она быстро идет по Фаррингдон-стрит в толпе пешеходов, в которой мелькают дамские шляпки, котелки, цилиндры и плывут корзины на головах уличных торговцев. Неожиданно кто-то прикоснулся к ее руке. Она резко остановилась, инстинктивно прижав к себе сумочку, но в тот

---

[2] Примечания: 2

Фейтфул Эмили (1835–1895) — активистка английского движения за права женщин, издатель и автор.

же миг узнала эту руку с нежными розовыми пальчиками.

— Фидо?[3] — Веселый мелодичный голос словно отбросил ее на много лет назад.

Сейчас ее так зовут почти все знакомые, но первой была Хелен. Фидо подняла взгляд: изящный овал лица, все те же медно-рыжие волосы. Нарядное платье броского лимонного цвета, в свободной руке зажата белая кружевная перчатка. Плотный людской поток оттеснил Фидо в сторону и толкнул прямо на офицера в красном мундире с ослепительно сияющими медными пуговицами, который поспешно извинился.

— Я сразу тебя узнала! — воскликнула Хелен, скрываясь от палящего солнца под ярко-зеленым зонтиком. — А ты, видно, приняла меня за карманного воришку? — При этом она весело смеется.

— Только в первый момент, миссис Кодрингтон, — облизнув пересохшие губы, ответила Фидо.

Красивое лицо исказила гримаса боли.

— О, Фидо, зачем так официально?

— Ну хорошо, Хелен, — уступила Фидо и улыбну-

---

[3] Примечания: 3

Фидо (от *ит.* Fido) — верный (друг).

лась, несмотря на сильное волнение, вызванное встречей с бывшей подругой. Она выхватила из кармана жакета носовой платок и промокнула вспотевший лоб.

Женщины затруднили движение пешеходов, их обогнул старик с рекламными щитами на спине и на груди с надписью «Это должно быть в каждом доме!», но Фидо не успела заметить, о чем речь.

— Но какая ты стала большая! — удивилась Хелен.

Фидо невольно опустила взгляд на свою полную грудь под скромным коричневым платьем.

— Что правда, то правда.

Розовые пальчики взлетели к коралловым губкам.

— Несносная! По-прежнему ухитряешься по-своему истолковывать мои слова или притворяешься, что понимаешь их именно так. Я хотела сказать, что ты стала очень взрослой.

— Но ведь прошло… лет семь? — неуверенно произнесла Фидо. Поправляя шляпку, она вдруг увидела, что красный мундир все еще маячит рядом, и повернулась, намереваясь прогнать его возмущенным взглядом.

— Ах, извини! — спохватилась Хелен. — Поз-

вольте вас познакомить. Мисс Эмили Фейтфул — полковник Дэвид Андерсон, с Мальты, друг семьи.

Полковник учтиво склонил белокурую кудрявую голову. Фидо машинально позволила ему пожать ей руку.

— Очень рада, — рассеянно улыбнулась она.

— Вы — мисс Фейтфул?

Она вздрогнула. Судя по акценту, этот человек шотландец.

— Владелица типографии и издательства имени королевы?

А он хорошо информирован! Фидо кивнула.

— Ее величество удостоила нас чести добавить ее имя к названию нашего предприятия «Виктория-пресс». — Она обернулась к Хелен. Ей так много хочется сказать, но слова застряли в горле. — Вы с капитаном Кодрингтоном приехали домой в отпуск или…

— Даст бог, навсегда! — с чувством ответила Хелен.

Ее губы слегка изогнулись, и эта знакомая улыбка мгновенно вернула Фидо в прошлое, вызывая головокружение. Она боялась, как бы с ней не случился обморок прямо здесь, в пыльной толчее лондонского Сити.

— Собственно, теперь он — вице-адмирал Кодрингтон, — заметил полковник Андерсон.

— Да, конечно, извини, Хелен, — быстро проговорила Фидо. — Дело в том, что я помню его под именем, которое он носил в дни… — «Когда я знала его? Когда я знала тебя? Но я уже не та девушка. На дворе 1864 год. И мне уже скоро тридцать», — проносится у нее в голове.

— Гарри закрылся со своими бумагами, сразу после того, как наша ужасная посудина покинула Мальту, и по сию пору не выходит из кабинета, — пожаловалась Хелен. — Вот и пришлось мне сегодня буквально навязать полковнику роль носильщика моих покупок.

— Я согласился на это исключительно по собственной воле, миссис Кодрингтон, — галантно поправил ее полковник, покачивая тесемками, на которых болтались два маленьких свертка. — Пожалуй, перейду на другую сторону, чтобы забрать ваши… как бишь их?

— Дюжину пурпурных кистей для штор, — напомнила Хелен.

— Вот именно!

«Полковник довольно тактично нашел предлог, чтобы оставить нас наедине», — подумала Фидо. Но без него между ними сразу возникло

напряженное молчание.

— Ужасная жара, — выдавила она.

— А меня она возвращает в прошлое, — с очаровательной улыбкой сказала Хелен, слегка отклоняя зеленый купол зонтика и подставляя голову беспощадным солнечным лучам.

Глядя на ее свежее лицо, Фидо с трудом верилось, что ей уже около тридцати шести лет.

— В Италию? Или ты имеешь в виду Индию?

— О, и ту и другую: всю мою пылкую юность.

— А на Мальте… тоже было жарко?

У Хелен вырвался низкий грудной смешок, скорее похожий на рыдание.

— Значит, мы дошли уже до разговоров о погоде!

Фидо охватило раздражение.

— Видишь ли, сегодня у меня мало времени…

— Ну да, я едва не забыла, какой важной персоной ты стала! Мисс Фейтфул, известная поборница новых идей и филантроп.

От возмущения Фидо готова была схватить ее за плечи и встряхнуть, как куклу.

— Я предпочитаю называть себя женщиной, занимающейся делом.

— Теперь понятно, почему я была забыта, как только покинула родину, — с горькой усмешкой

заметила Хелен. — Ты была слишком поглощена своей героической битвой в защиту нашего угнетенного пола!

Фидо была поражена.

— Что значит — забыта?

Хелен изящно повела обнаженными плечами.

— Однако, наверное, существуют способы сделать это не так резко и жестоко, ты согласна? — Внезапно Хелен оставила шутливый тон. — Известно, что порой дружба подвергается тяжелым испытаниям. Но ты могла бы расстаться со мной более бережно — после всего, что между нами было.

Фидо сморгнула попавшую в глаз угольную пыль.

— Я хочу сказать, что с твоей стороны это было слишком грубо и бесцеремонно. И не в твоих правилах, насколько я тебя знала.

— Погоди! — Фидо взмахнула рукой в простой белой перчатке, словно желая заставить ее замолчать.

Но Хелен продолжала тараторить:

— Очевидно, ты все решила относительно нас с Гарри уже в тот момент, когда мы только поднимались на корабль, чтобы отплыть на Мальту, не так ли? Мы вдруг до смерти надоели тебе своими

ссорами, да? — В ее голубых глазах блеснули слезы. — Я допускаю, что мы тебя утомили. Но, признаюсь, когда я поняла, что забыта, как забывают вчерашнюю газету…

— Но, дорогая! — гневно вскрикнула Фидо. — Твои обвинения несправедливы, просто чудовищны!

Хелен подняла на нее взгляд обиженного ребенка:

— Может, напомнить тебе, что я отправила на ваш адрес в Валлетте два письма, но ни на одно не получила ответа?

— Что за вздор ты несешь!

Фидо была совершенно сбита с толку.

— Неужели ты всерьез думала, что я на них не ответила? — воскликнула Хелен с оскорбленным видом.

— С Мальты?

— Разумеется, с Мальты! Я впервые оказалась в этой чужой для меня стране и как никогда раньше нуждалась в задушевной подруге. Почему бы я перестала тебе писать? Я изливала тебе все свои огорчения…

— Когда это было? — прервала ее Фидо. — В каком месяце?

— Как я могу помнить после стольких лет! —

пожала плечами Хелен. — Но я помню, что сразу ответила на твое письмо, — кстати, заметь, на одно-единственное твое письмо, которое получила от тебя за все время нашей жизни на Мальте. Я отправила тебе несколько длиннющих посланий, но ты просто перестала отвечать. Ты и представить себе не можешь, как я волновалась, когда приходила почта из Англии и я вскрывала пакет…

Фидо закусила губу с такой силой, что почувствовала солоноватый привкус крови.

— Той осенью я действительно переехала на новое место, — признала она. — Но почтовая контора должна была пересылать мне твои письма.

— Может, они затерялись по пути через море? — хмуря бровки, предположила Хелен.

— Одно — еще можно допустить, но чтобы континентальная почта работала так… нет, этого не может быть.

— Письма часто теряются.

— Это невозможно! — Фидо вдруг заметила, что говорит слишком громко, и умолкла. Подступившие слезы обожгли глаза. — Право, не знаю, что и сказать.

— О боже, я только теперь все понимаю! — с горечью воскликнула Хелен. — Я должна была

снова и снова писать тебе, не обращая внимания на боль и обиду, которые причиняло мне твое молчание.

— Нет, это мне следовало писать! Но я думала… — Она пыталась вспомнить, что думала и переживала, когда Хелен не ответила ей, в тот странный год, когда Кодрингтоны отправились за границу, а она осталась в Лондоне одна, чувствуя себя беспомощной и растерянной. — Наверное, я думала, что для тебя эта глава жизни осталась в прошлом.

— Фидо, моя дорогая! Ты для меня — не глава, а многотомный роман! — горячо возразила Хелен.

У Эмили голова пошла кругом, а тут еще этот палящий зной. Она боялась расплакаться прямо здесь, на Фаррингдон-стрит, в двух шагах от своей конторы, где ее может увидеть любой клерк.

— Какое нелепое недоразумение, как в оперетте! Мне невероятно грустно.

— Мне тоже. Эти семь лет показались мне целой вечностью!

Произнеси это любая другая женщина, и Фидо сочла бы сказанное грубым преувеличением, но почему-то в устах Хелен эти слова звучат чарующе искренне. В ее тоне слышна была какая-то торжествующая нотка — так могла сказать ак-

триса, сознающая, что она сама лучше, чем роль, которую она играет.

Она сильно сжимала руку Фидо, затянутую в нитяную белую перчатку.

— И не странно ли, что я снова увидела тебя всего через две недели после нашего возвращения? Ты словно роза в этих диких городских зарослях! — чересчур возвышенно произнесла она и, выпустив руку Фидо, широким жестом указала на шумную толпу.

Фидо заметила светлые кудри полковника Андерсона, который направлялся к ним с другой стороны Фаррингдон-стрит, поэтому быстро проговорила:

— Я все думала, не появилось ли у тебя новое занятие, целиком тебя поглотившее, — может, еще один ребенок?

Хелен смеясь передернула плечами:

— О нет! Уж на этот счет между мной и Гарри — полное понимание.

— Твоим девочкам сейчас, должно быть, лет десять, да? — При этой мысли Фидо стало совсем грустно. Она живо представила себе двух малышек в их детской, увлеченно запускающих волчки.

— Нет, одной одиннадцать, а другой уже

двенадцать. О, Нэн и Нелл стали настоящими барышнями! Ты их не узнаешь.

В этот момент к ним подошел шотландец.

— Очень досадно, миссис Кодрингтон, — докладывал он, — но в магазине нашлось всего восемь кистей пурпурного цвета. Я велел управляющему, как только они получат новую партию, прислать недостающее количество к вам на Экклестон-сквер.

Перед внутренним взором Фидо мгновенно предстали высокие белые стены здания в Белгравии, которое она когда-то называла своим домом.

— Вы поселились в том же доме? — взволнованно спросила она у Хелен. — Вам удалось отказать арендаторам?

— Да, дорогая, все в том же, — ответила Хелен. — Мы с Гарри вернулись к прежнему образу жизни, как к вынутому из гардероба старому шерстяному плащу, изъеденному молью.

— Кажется, это у Троллопа[4] кто-то говорит девушке: «Не позволяй ему уводить тебя дальше Экклестон-сквер»? — вставил полковник Андерсон.

---

[4] Примечания: 4

Троллоп Энтони (1815–1882) — английский писатель, романист Викторианской эпохи.

Фидо смеется.

— Да, он до сих пор остается последним оплотом респектабельности.

— Вы тоже живете в Белгравии, мисс Фейтфул?

— Нет, я из Блумсберри, — уточнила она слегка виновато. — Я одна из «новых женщин», таким не полагается обитать на Экклестон-сквер.

— Даже «издателю ее величества»?

— Думаю, именно из-за этого титула. Нет, я живу скромно и одиноко на Тэвитон-стрит, читаю за завтраком «Таймс», что крайне смущает мою горничную.

Все дружно рассмеялись.

— Я как раз направлялась домой после утра, проведенного в моей шумной конторе, она находится вон там, в доме под номером 83. — Фидо указала рукой вдоль Фаррингдон-стрит. — Сейчас там набирается ежедневная газета «Друг народа»,[5] а завтра она пойдет в типографию.

— Наверное, очень интересно! — пробормотала Хелен.

— Ничего особенного. Помощники удивительно упрямые, а бумага коробится от жары!

Фидо говорила спокойно, хотя в душе она была

---

[5] Примечания: 5

«Друг народа» — издававшаяся в это время чартистская газета.

задета явным равнодушием подруги к делу, в котором она видела смысл всей своей жизни. Порой, проснувшись, она вся трепетала от радости, что занимается издательским делом, а не осталась просто младшим отпрыском многочисленного семейства преподобного Фердинанда Фейтфула.

— Я возьму на стоянке кеб, — предложил Андерсон, — и развезу вас по домам, дамы. Не возражаете?

— У меня идея получше! — воскликнула Хелен. — С тех пор как я прочла о подземной железной дороге,[6] я мечтаю спуститься в этот ад.

Фидо улыбнулась, вспоминая, что значит быть втянутой в орбиту этой женщины с ее неожиданными прихотями и неистребимым жизнелюбием.

— Не хочу тебя разочаровывать, но там вполне респектабельно.

— Ты уже побывала там?

— Еще нет. Но, между прочим, мой врач считает, что мне это было бы полезно, — неожиданно для себя заявила Фидо.

— Моя подруга страдает астмой, — пояснила Хелен полковнику.

---

[6] Примечания: 6
Первый участок лондонского метрополитена открылся в 1864 г.

«Моя подруга»! Эти два слова кружат Фидо голову.

— Метро — необычайно удобное новшество, — сказал он, — и, конечно, передвигаешься в нем быстрее, чем по переполненным улицам.

— Тогда вперед! В путешествие во чрево земли!

Рука без перчатки теплой змейкой скользнула под локоть Фидо.

Их путь лежал через новую строительную площадку. Андерсон поддерживал дам на хлипких дощатых мостках, желтая юбка Хелен раскачивалась колоколом. На разрытом пустыре сотни тачек, лопаты так и мелькали в руках землекопов, чьи загорелые лбы напомнили Фидо скучные лекции о приемах художественного изображения лица, которые она недавно посещала в миссионерской школе Компании Южных морей.

— Я едва узнаю Лондон — он протягивает свои щупальца во все стороны, — заметила Хелен.

— Да, а правительство с прискорбным равнодушием относится к нуждам бедняков, — живо откликнулась Фидо, — застройщики тысячами сгоняют их с прежнего места жительства…

Но Хелен ничего не ответила, а лишь остановилась и смахнула соринку с оборки юбки, и Фидо

поняла, что ее подругу по-прежнему не волнуют подобные вещи. Прежняя, то есть молодая, Фидо тоже не слишком интересовалась положением народа, а если и знала что-то, то лишь по впечатлениям от поездок с матерью в Сюррей по приходским делам. Тогда ее интересовала не статистика, а романы, балы и удачные браки. Но за прошедшие семь лет разлуки взгляды Фидо серьезно изменились, и теперь, похоже, их с Хелен разделяет зияющая пропасть.

Увидев, как сверкают в проникающих через застекленную крышу солнечных лучах позолоченные буквы названия станции «Локаст», Хелен возмутилась:

— Но мы вовсе не под землей!

— Одна из многих добродетелей — терпение, — наставительно пробормотал полковник Андерсон, помогая дамам войти в уютный вагон первого класса.

Белые стены, диваны красного дерева, зеркала, прекрасная ковровая дорожка — вагон напоминает гостиную, отметила про себя Фидо. Из подвешенных к потолку газовых светильников в форме шара льется свет, бледный, но вполне достаточный даже для того, чтобы читать, и странный резкий запах.

Хелен прижалась к Фидо и театрально вздрогнула:

— На мой взгляд, сочетание газа и огня в туннеле представляет большую опасность.

Это удивило Фидо: раньше перспектива даже малейшего риска вызывала у Хелен восторженное предвкушение.

— Полагаю, мы можем довериться изобретателям метрополитена.

— Если произойдет взрыв, — успокоил Андерсон Хелен, — я вас мигом вынесу отсюда. Я имею в виду вас обеих, леди, — учтиво уточнил он. — Просто зажму под мышкой, как овечек.

При этой вольности Фидо удивленно подняла брови.

— Прошу прощения, я, кажется, позволил себе слишком увлечься. — Вьющиеся бакенбарды полковника в этот момент еще больше напоминали вислые уши спаниеля.

— Ты должна извинить полковника, — смеясь, прошептала Хелен на ухо Фидо. — На Мальте мы слишком распустились, видимо, под жарким солнцем незаметно испарились все наши английские понятия о приличиях.

Впрочем, сама Хелен провела детство в Калькутте, а юность во Флоренции, и ее никак нельзя

назвать типичной англичанкой; она всегда беззаботно пренебрегала принятыми правилами поведения женщин в обществе. Этим ее качеством Фидо восхищалась еще в юном возрасте, задолго до того, как серьезно задумалась о деспотизме этих правил.

Хелен устремила взгляд на наклеенную на окно маленькую афишку с изображением сердца и надписью, выполненной готическим шрифтом: «Мертвое сердце».

— Это название пьесы, — объяснила ей Фидо.

— А! — вздохнула леди Кодрингтон. — Я столько времени отсутствовала, что совсем отстала.

— Весь город усыпан этими назойливыми плакатами, — проворчал Андерсон. — На самом деле реклама уже свое отжила, теперь публику не обманешь.

— Кстати, когда ты бываешь в театре, тебя не бесят женщины, которые не решаются смеяться? — спросила Хелен у Фидо.

— Ужасно бесят! — ответила та и улыбнулась в ответ.

Самым странным ей показался этот всплеск привычной близости, будто подруги ни на минуту не разлучались.

От пронзительного свистка Фидо вздрогнула;

поезд дернулся и отошел от станции. И она сразу почувствовала, как платье становится влажным под мышками и на спине; грудь ее сдавило, она задыхалась. Колеса скрежетали, двигатель грохотал. Вагон наполнился испарениями, вызывающими у нее отчаянный кашель. Андерсон встал, чтобы открыть окно.

— Дыши глубже, — заботливо посоветовала Хелен, поглаживая Фидо по спине.

Из-за резкого запаха газа она старалась глубоко дышать и задерживать воздух в легких. Поезд вполз в темный туннель, и газовый свет приобрел зеленоватый оттенок. На большой скорости из-за судорожной работы мотора возникла странная вибрация. Над ними больше двадцати футов плотного лондонского грунта. Как все это переносят пассажиры третьего класса в открытых вагонах? Этот туннель не похож на железнодорожный — ему конца не видно.

— Немного угнетает, верно? — заметила она, но ее не слышно из-за визга и скрежета колес.

Больше она не разговаривала из-за сухого кашля, раздирающего ей легкие. В перерывах между приступами Фидо дышала тяжело, с хрипом. Она порылась в сумочке и выхватила оттуда носовой платок.

— Позволь мне! — Хелен забрала у нее сумку. — Тебе, наверное, нужен вот этот маленький пузырек…

Фидо открыла его судорожным движением и поднесла к носу. От аромата камфары с ментолом защипало глаза, она снова стала задыхаться. С усилием она сделала глубокий вдох, и пары лекарства обожгли ей горло, но входящий в состав микстуры лауданум сразу ослабил боль в груди.

Поезд наконец остановился. Андерсон что-то сказал ей на ухо насчет станции «Кингс-Кросс», может ли она еще немного потерпеть или им выйти? Она покачала головой, не в силах говорить. Ее несчастные бронхи!

Еще несколько минут качки и бросков из стороны в сторону — и поезд снова остановился: станция «Эустон». Андерсон помог ей встать, Хелен поддерживала ее с другой стороны. Они поднялись по длинной изогнутой лестнице, останавливаясь, когда Фидо сотрясали приступы мучительного кашля.

Наконец они вышли на Гоуэр-стрит. Солнце скрылось за большим облаком, и на улице стало немного прохладнее. Фидо почувствовала себя лучше и даже смогла произнести:

— Право, мне уже легче.

— Это все из-за меня, — виновато пробормотала Хелен, когда они повернули на Эндслей-Гарденс. — Мои прихоти часто оборачиваются неприятностями…

— Вовсе нет, — хриплым голосом возразила Фидо. — Мой доктор рекомендует мне проводить эксперименты.

Лицо Хелен посветлело.

— Но ведь это восхитительно — пересечь весь Лондон всего за несколько минут, не так ли?

Фидо кивнула, и ее снова одолел сильнейший приступ кашля.

У подъезда в дом на Тэвитон-стрит привратник в цилиндре выразил такую озабоченность состоянием мисс Фейтфул, что Андерсон счел себя обязанным дать ему на чай.

— Извини, — сказала Фидо, высвобождая свою руку из-под локтя подруги и останавливаясь на лестнице. — Я уже полностью оправилась. — От крайнего смущения голос ее звучал почти сердито. — Вы были невероятно добры, полковник.

— Счастлив был оказать любую помощь такой известной леди, — заверил ее Андерсон, почтительно склонив голову.

— Ты обещаешь, что сейчас приляжешь отдохнуть? — прошептала ей на ухо Хелен. — А утром

черкни мне пару слов.

— По меньшей мере небольшой рассказ!

Они со смехом простились, неохотно разняв горячие руки. Как странно, подумала Фидо, семь лет молчания унесло прочь, словно ветром опавшие листья.

Она открыла дверь своим ключом, не считая нужным отрывать слуг от дела, беспокоя их звонком.

Преподобный Фейтфул, возвращаясь с женой в Хэдли из редких поездок по церковным делам, приходил в ужас, узнавая о нововведениях, которые Фидо считала вполне оправданными и разумными. Ее отец, приходской священник, принадлежал к старой, почтенной церкви и придерживался умеренных взглядов. Для чтения проповедей он всегда торжественно облачается в черный фрак и с одинаковым презрением относится к трактарианцам[7] и к адептам Низкой церкви,[8] и тех и других называя пустомелями.

---

[7] Примечания: 7

Трактарианство — еще одно название возникшего в 40-х гг. XIX в. Оксфордского движения за религиозное возрождение церкви Англии; началось с издания «Трактатов для нашего времени», публиковавшихся с 1833 по 1841 г. (90 выпусков).

[8] Примечания: 8

Низкая церковь — религиозное учение англиканской церкви, наиболее близкое протестантизму.

Фидо не любит вспоминать о тяжелых переживаниях отца из-за ее стремления вырваться на свободу. В двадцать два года, после отъезда Кодрингтонов, она оказалась в Лондоне одна, без дружеской поддержки, и у нее началась тихая, но упорная борьба с родителями, увенчавшаяся ее победой. Они мудро примирились с фактом, что она — здравомыслящая незамужняя особа, которая скромно живет на собственные средства, пытаясь завоевать свое место в литературном мире. Но, когда через два года Фидо объявила им, что принимает участие в борьбе за права женщин и основывает издательство, чтобы доказать способность женщин на профессиональную работу, миссис Фейтфул с покрасневшим от возмущения лицом спросила ее, известно ли ей, что, если женщина занимается каким-либо ремеслом, даже из высших побуждений, то общество отворачивается от нее? Фидо резко возразила, позволив себе дать нелестную оценку ленивым женщинам, о которой и сегодня вспомнила со жгучим стыдом, тем более что ее мать всю жизнь трудилась не покладая рук.

А что же теперь? По-прежнему ли родители считают самую младшую из своих восьми дочерей женщиной достойной называться леди? Лучше

не спрашивать. Формально они смирились с ее жизнью в столице — это «твоя миссия», сразу сказала ее мать, вероятно, именно так она говорит и соседям в Сюррее, — но Фидо чувствовала их отчужденность. Они предпочли бы, чтобы она, подобно сестрам, обосновалась в каком-нибудь маленьком городке и рожала по ребенку в год.

Поднявшись в спальню, Фидо поймала свое отражение в зеркале. Умные карие глаза на широком полном лице… Что ж, сравнение напрашивается само собой: похожа на упитанную собаку. Мягкие каштановые волосы стянуты на затылке простой лентой. Подбородок слегка наплывает на белый кружевной воротничок, потерявший свежесть после утра, проведенного в Сити. В свое время ей стоило мужества отказаться от корсета и кринолина, но сейчас она не жалела об этом. (Они не добавляли ей привлекательности, а делали лишь еще одной овцой в оборках, покорно бредущей со всем стадом.) Когда сегодня она шла с Хелен рука об руку, ей вдруг подумалось, что они выглядят как героини разных книг. Что ж, Фидо такова, какой создал ее Господь и какой ей нравится быть. Во всяком случае, одевается она просто, чисто и не вызывающе, так что внимания к себе не привлекает. Ее

одежда будто говорит за нее: «У меня есть более важные дела, мне неинтересно знать, смотрит на меня кто-нибудь или нет».

Сбросив туфли, она легла на кровать, поразмыслив над тем, как было бы приятно принять душ, но компания дает воду только по утрам. И решила, что первый и последний раз она позволила заманить ее в темный грохочущий метрополитен. Иногда ей бывало слишком тяжело в этом городе, он напоминал шумный механизм, который угрожал перемолоть и поглотить ее, и она сомневалась, что со своей астмой сможет протянуть здесь хотя бы до сорока лет. Но если бы она тихо и мирно жила в провинции, о чем так мечтают преподобный Фейтфул и его жена, то скончалась бы не от удушья, а от невыносимой скуки и апатии. При всей своей грязи и мерзости Лондон для нее — бурное средоточие всего, что ее интересует, и единственное место, где она может интересно жить.

Она достала из ящика тумбочки коробку «Свит триз» и коробок с безопасными спичками.

«Хелен вернулась!» Фидо никак не могла в это поверить.

После второй сигареты она на некоторое время погрузилась в сон, а проснувшись, звонком

вызвала свою горничную Джонсон, чтобы та принесла ей холодную баранину с солеными огурцами. За едой она всегда что-нибудь читала, экономя время и упражняя мозг. Сейчас перед ней последняя статья «Одинокие женщины и как им помочь», присланная Обществом социологических наук. Фидо недовольно поморщилась, обнаружив опечатку, которую должна была заметить еще в гранках.

Она прервала чтение, спрашивая себя: насколько велики шансы столкнуться в Лондоне со знакомым человеком? Согласно последней переписи, в нем три с половиной миллиона жителей. Она бы не удивилась так сильно, встреться они где-нибудь в Белгравии или дома у общих знакомых. Но заметить друг друга на Фаррингдон-стрит, вечно кишащей банковскими и конторскими служащими, уличными торговцами и прочими пешеходами, всего через две недели после возвращения Кодрингтонов в Англию, когда Хелен занята поисками кистей для штор, а у Фидо на уме только заказы издательства, — нет, это не может быть простой случайностью! Поистине поразительное везение — после нелепого недоразумения с затерявшимися письмами, оборвавшего их дружбу. Фидо приятно сознавать, что своей

теперешней жизнью она обязана самой себе, что она сама управляет ею, как умной и отлаженной машиной, но сегодняшняя встреча настолько неожиданна, что она всерьез усомнилась в том, что все в жизни можно спланировать.

Статья упала на покрывало, а Фидо мысленно оказалась в Кенте, на том самом месте Уолмер-Бич, где в 1854 году впервые увидела Хелен Кодрингтон — женщину с медно-рыжими волосами, сидящую на обломке скалы, подобно русалке, с устремленными на море голубыми глазами, полными слез. Девятнадцатилетняя Фидо приехала помочь своей сестре Эстер, у которой родился еще один ребенок, и совершенно не знала жизни. Да, по своей крайней наивности она подумала, что эта женщина грустит о разлуке со своим храбрым капитаном (недавно отправившимся на войну в Крым), а, конечно, не о том, что вышла за него замуж.

Отец и мать Фидо любили и уважали друг друга: что могла их дочь знать о грязных играх между мужьями и женами? Она мало что понимала в семейной жизни — да и вообще в жизни, поправила она себя, — до знакомства с Кодрингтонами. До того, как оказалась втянутой в угнетающие ее сложные отношения между суровым мужчиной

с твердыми принципами и слабовольной темпераментной женщиной. Их связывали лишь две дочери и вся сила законного брака.

Как ни странно, но Фидо полюбила обоих. У нее сразу возникло безотчетное влечение к Хелен, и девушка устремилась навстречу к ней, словно пчела на аромат цветка. Но и к высокому бородатому капитану Кодрингтону, как только в ноябре он вернулся домой, она испытывала симпатию. В Крыму наступила зима и положила конец тому, что он называл «подобающими военными действиями». Ей понравились его серьезность, его преданность своему делу, теплое отношение к детям; для Фидо он был образцом настоящего мужчины. Он тоже сразу приветливо отнесся к новой компаньонке жены, удостаивал ее разговорами на серьезные темы, как если бы считал ее умной и развитой, в отличие от других юных дебютанток, второй год выезжающих в свет. Уже через месяц она переняла манеру его жены называть его Гарри. Как-то раз, когда Хелен вспылила из-за какой-то ерунды, кажется причиной был пирог, и выбежала из комнаты, Гарри признался Фидо, что считает благотворным ее влияние на его жену, что девочки обожают свою «тетю Фидо», и выразил искреннюю надежду на то, что она

будет считать Экклестон-сквер своим родным домом, если родители отпустят ее из Хедли. И мало-помалу, без дальнейших разговоров Фидо стала чувствовать себя членом их семьи.

Она была полна оптимизма не только как подруга Хелен, но и как друг обоих супругов. Не может быть, чтобы эти мужчина и женщина, пусть и такие разные, не могли стать счастливыми! Если бы Гарри, которому было около пятидесяти, стал немного снисходительнее и спокойнее, если бы он понял, что его молодая жена больше похожа на легкомысленную стрекозу, чем на трудолюбивого муравья, если бы Хелен, в свою очередь, осознала необходимость смириться со своей судьбой, которую сама выбрала, согласившись выйти за него замуж, а не мечтать о несбыточной жизни, вычитанной в романах… Так думала Фидо в первые годы жизни на Экклестон-сквер.

Вскоре она со смущением поняла, что считает себя подобной мисс Найтингейл с ее светильником.[9] Она старалась не занимать ничью

[9] Примечания: 9

Найтингейл Флоренс (1820–1910) — сестра милосердия и общественный деятель Великобритании. Во время Крымской войны солдаты называли ее «леди со светильником», потому что по ночам она с лампой в руках, как добрый светлый ангел, обходила палаты с больными.

сторону, но, как она теперь понимала, это не очень хорошо ей удавалось. В середине 1850-х годов Гарри часто и подолгу принимал участие в военных кампаниях страны, но и в перерывах между ними он чувствовал себя посторонним, не смея вторгаться в магический круг близких отношений женщин. «Я называла ее Мадре,[10] — вспоминала Фидо, — иногда Малышкой». Фидо представлялись таинственными электрические цепи чувств, возникающие между двумя женщинами разного возраста, происхождения и темперамента; это взаимное влечение, как звон колокола, недоступный слуху мужчин. Не понимая всего этого, она всегда отзывалась на этот зов, как искатель подземного источника на голос воды, спрятанной под толщей земли.

Подчиняясь внезапному импульсу, она вдруг отставила поднос с обедом, встала и отперла маленький ящик в своем бюро. В самом конце его она нашла бархотку, бережно завернутую в кусок полотна. Простая, дешевая, но красивая вещица — на черную бархатную ленточку нашиты жемчужины, ракушки, кусочки янтаря, эти маленькие сокровища кентского побережья. Хелен

---

[10] Примечания: 10
Мадре *(исп.)* — мать.

подарила ей эту бархотку в первую годовщину их знакомства, и Фидо часто надевала ее в течение трех лет, которые про себя называла «годами Кодрингтонов».

В то время она очень осуждала себя, да и было за что. Дело в том, что, несмотря на ее разумные и любящие советы, брак Кодрингтонов распадался у нее на глазах. Она старалась сохранить его изо всех сил, но ее усилия оказались напрасными.

И хуже того: выступая в роли наивного посредника, она поневоле стала препятствием для счастливого брака. В тот последний, злосчастный 1857 год Хелен окончательно захлопнула для мужа дверь своей спальни и категорически потребовала — по-своему истолковав заметку в «Телеграф» о новом Законе о бракоразводных процессах — раздельного жительства с ним на основании «несовместимости» (будто что-либо подобное было в законе)… Фидо так и не смогла разобраться в этой головоломке. И чем больше она старалась помочь, тем больше увязала, тем сильнее запутывала отношения, в которые ей лучше было бы не вмешиваться.

Вспоминать все это трудно и бесполезно. До сих пор существуют вещи, которые она не понимает; и к ним относятся подробности сложных

семейных отношений Кодрингтонов, которые она предпочитала забыть. В том числе ужасные ссоры, отчаяние и мучительные переживания обоих супругов.

Ей по-прежнему стыдно было вспоминать, что Гарри пришлось попросить ее уехать. (Она хотела уехать еще раньше, но Хелен так отчаянно за нее цеплялась, а тут еще рыдающие малышки…) Он сделал это очень тактично, сказав, что «посторонний человек не обязан выносить подобные сцены». Но Фидо уезжала из дома на Экклестон-сквер как побитый ребенок.

А через несколько месяцев она узнала, что капитан Кодрингтон получил звание контр-адмирала и назначен на Мальту начальником морского порта Валлетты. Его жена и дети поехали вместе с ним на этот первый сухопутный пост, поскольку адмиралу предоставлялся просторный дом с множеством комнат, а выросшую в тропиках Хелен, в отличие от большинства англичанок, жара не пугала. И вот они поехали всем семейством. «Вы начнете все заново, — говорила Фидо заплаканной Хелен в то лето 1857-го. — Сам Бог послал вам этот шанс». Ей самой очень хотелось в это верить, она так надеялась на счастливую развязку.

«А какие у них отношения сейчас?» — заду-

малась она, перестав поглаживать бархотку. В голосе Хелен прозвучала лишь нотка грусти, когда она сообщила, что Гарри целиком зарылся в своих бумагах. Возможно, за семь лет они притерлись друг к другу, противоречия сгладились. Может, им каким-то образом удалось преодолеть старую антипатию и достичь «сердечного согласия»?

Тогда, перед их отъездом, Фидо собиралась писать им два раза в неделю и подолгу гостить у них на Мальте. Она продолжала носить эту бархотку и надевала ее еще долго после того, как перестала получать ответы на свои письма. Она только сегодня узнала, что их дружба прервалась — страшно подумать! — по чистой случайности, из-за небрежной работы мальтийской почты.

Фидо завернула и убрала бархотку на прежнее место. Наверное, теперь эта драгоценная ленточка уже не сойдется у нее на горле. Теперь она стала более зрелой, и не только телом, но и разумом. Сказались семь лет одиночества, когда ей приходилось рассчитывать только на свои силы. Фидо пришлось быстро повзрослеть и самой строить свою жизнь, целеустремленную, полезную и удовлетворяющую ее душевные потребности; жизнь полную смысла (как она называла ее про

себя).

Но чувствовать, как подернутая седым пеплом дружба снова разгорается огнем…

Довольно! Так она сегодня не заснет.

Фидо выставила поднос за дверь, добавила «Одиноких девушек» к стопке других материалов и выдвинула нижний ящик тумбочки, где прячутся ее книги. Среди них нет ничего неприличного; на всех корешках красуется Пегас из библиотечки Муди.[11] О романах мисс Брэддон[12] и мистера Коллинза[13] говорят всякие нелепости — будто они будоражат нервную систему и доводят читателей до пьянства или безумия. Фидо же находит их произведения очень интересными, позволяя их себе в маленьких дозах; как и в отношении любого стимулятора, здесь важен умеренный прием. Жуткие тайны, убийства, двоеженство, погони — после трудного дня нет ничего лучше такого увлекательного чтения. На этот раз она

---

[11] Примечания: 11

Муди Чарльз Эдвард (1818–1890) — английский издатель и основатель публичной библиотеки и серии книг, печатавшихся по подписке.

[12] Примечания: 12

Брэддон Мэри Элизабет (1837–1915) — британская писательница Викторианской эпохи, наиболее известная по своему роману «Тайна леди Одли».

[13] Примечания: 13

Коллинз Уилки (1824–1889) — английский писатель, автор 27 романов, 15 пьес и более чем полусотни рассказов.

достала «Тайну Ноттинг-Хилла»[14] и нашла свою закладку.

Через две страницы она поймала себя на том, что смотрит в пустоту. Странно… За эти последние семь лет она привыкла к своему одиночеству и чувствовала себя прекрасно. «Но вот мы случайно встретились на Фаррингдон-стрит; в этом многомиллионном городе Хелен коснулась моей руки!»

Во всяком случае, глупо так долго над этим размышлять и строить какие-то предположения, поскольку встреча уже состоялась и она не отвергла бывшую подругу. Надо честно признаться, что на свете не существует человека, в общении с которым она находила бы большее удовольствие, чем с Хелен Кодрингтон. Несмотря на ее слабости, на непредсказуемость и сложные, запутанные отношения. Все! Могила раскрыта, и их похороненная когда-то дружба воскресла.

На следующий день Фидо предстояло следить за набором газеты «Друг народа», типографии очень выгоден контракт на ее издание. Но она была не в силах справиться с волнением и наконец

---

[14] Примечания: 14

«Тайна Ноттинг-Хилла» — считается первым настоящим романом в жанре детектива, написанным неизвестным автором под псевдонимом Чарльза Феликса; роман вышел отдельным изданием в 1863 г.

оставила вместо себя самого опытного, несмотря на молодость, старшего наборщика мистера Хеда. Она послала мальчика за тарантасом и назвала кучеру адрес, посетовав про себя на предрассудки высшего общества: она леди и должна передвигаться в громоздком четырехколесном экипаже, где может поместиться целая семья, а не в двуколке. Перед домом на Экклестон-сквер человек в фартуке разбрасывал гравий и поливал его водой, чтобы прибить пыль. Фидо вышла из экипажа и посмотрела на дом за зеленой оградой: он выглядел абсолютно таким же, как в тот день, когда она его покинула. У нее перехватило дыхание, и она уже почти пожалела, что приехала. С той минуты, как она снова встретилась с Хелен, ее буквально одолевали воспоминания, они просто не давали ей покоя.

Экономка миссис Николс, как всегда суровая и угрюмая, встретила ее, обращаясь по имени, будто и не прошло долгих семи лет, и велела горничной проводить ее в сумрачную гостиную. Кроме стен из дубовых, потемневших от времени панелей, здесь все обновлено. Муслиновые гардины приподняты, открывая тесно уставленные горшки с комнатными растениями в стеклянных витринах, встроенных в окна; на каминной

решетке красуется павлин, искусно сделанный из разноцветной бумаги. На зеленых с розовым обоях рельефный узор из виноградных лоз. Кажется, в комнате стало гораздо больше мебели, чем прежде, при этом вся она, вплоть до столиков разного размера, этажерок и стульев, украшена инкрустацией и затейливой резьбой. Фидо рассматривала бронзовые вазы, фотографии незнакомых людей на приеме в саду, бенгальские шали, статуэтки собачек с позолоченными глазами. С жардиньерок пышным каскадом свисала блестящая зелень папоротников, на блюдах живописно разложены фрукты из воска, в круглом аквариуме плавала серебристая рыбка, повсюду развешаны клетки с жаворонками, попугаями и какаду, все — чучела, только какаду, напугавший ее пронзительным криком, — живой.

— Здесь все иначе, — сказала она, оборачиваясь к вплывающей в комнату Хелен, облаченной в сиреневый капот.

Ее подруга улыбнулась и достала из инкрустированного шкафчика банку с чаем и сахарницу.

— Я только приступила к обстановке. Думаю, мне понадобится не меньше года, чтобы превратить эту старую халупу в настоящий дом, но гостиной пришлось заняться сразу, как только

мы приехали. Я как безумная ношусь по магазинам, побывала уже у Свона, Уайтли и Эдгара. Взгляни на эту затейливую металлическую шкатулку, угадай, что это такое?

Фидо открыла ее, и изнутри шкатулки выскочила стеклянная чернильница.

— А это — настоящие листья, покрытые металлом при помощи электролиза, — понятия не имею, что это значит, — смеясь, сказала Хелен. — У меня было бы все самое модное и современное, будь Гарри немного пощедрее, — тихонько добавила она.

Фидо с ужасом узнала старую тему.

Дамы уселись на мягком диване, обитом красным бархатом, и миссис Николс принесла поднос с чаем.

— А я наверху играла с девочками в фанты, — объяснила Хелен.

И как раз в этот момент вошли Нэн и Нелл в белых фартучках поверх платьев, волосы у девочек рыжие, как у мамы, гладко зачесаны назад и прижаты черным ободком, а ростом они пошли в отца, что, видимо, их смущает: они неловко топтались на брюссельском ковре с ало-зеленым узором.

— Скажите, мои милые, помните ли вы мисс

Фейтфул, которая жила у нас до нашего отъезда на Мальту?

— Кажется, я помню, — неуверенно ответила одна.

— Но мы называли ее тетушка Фидо, — добавила другая.

— Ну конечно, — обрадованно кивнула Фидо, — и мне было бы очень приятно, если бы вы называли меня по-прежнему.

— Нэн у нас стала замечательно играть на фортепьяно, — похвасталась Хелен, подзывая старшую девочку и обвивая рукой ее тоненькую талию, словно сомневаясь, что Фидо знает, кто из них кто. — А еще прекрасно рисует акварелью. А вот Нелл…

— Я далеко не такая способная, — заявила Нелл.

— Зато у тебя больше добродетелей, — тут же вставила ее сестра.

Фидо рассмеялась:

— Вы отвечаете вместе, как раньше вместе играли в игрушки.

— О, у них все общее, даже ошибки, — улыбнулась Хелен. — Они все делают сообща, как маленькие заговорщицы.

Фидо порылась в памяти:

— Помнится, вы очень любили запускать волчок.

— О, у нас их целая коллекция — тридцать четыре волчка, — сообщила Нелл.

— Только мы больше в них не играем, для этого мы слишком взрослые, — уточнила Нэн.

— Да, мы уже выросли, — добавила младшая.

Их мать восхищена.

— Теперь их интересует только стереоскоп. — Она указала на приспособление из красного дерева и меди, стоящее на миниатюрном столике. — Стоит мне обернуться, и я вижу, что они уже прилипли к этому хитроумному прибору, что не очень полезно для зрения.

— Но это замечательная вещь, мама! В нем все совсем как настоящее.

— Стереоскоп намного интереснее старого волшебного фонаря в зале у Алленса.

— Когда я смотрю в стереоскоп на картинку с видом пропасти, мне кажется, что я вот-вот в нее упаду.

— Ну, довольно, отправляйтесь в классную, чтобы мама могла поговорить со своей подругой.

Проходя мимо гостьи, Нэн наклонилась и прошептала ей на ухо:

— Ты будешь снова жить наверху, тетя Фидо?

Та вздрогнула.

— Нет, дорогая, — растроганно сказала она, — но, надеюсь, мы будем часто видеться.

Девочки одновременно присели в реверансе, и горничная закрыла за ними двери.

«Странно, но почему-то мне тяжело оставаться наедине с Хелен», — подумала Фидо и невольно вздохнула.

Хелен натянуто улыбнулась:

— Ты так сильно изменилась, что вчера на Фаррингдон-стрит я не сразу решилась тебя окликнуть.

— Ты хочешь сказать, я постарела и растолстела?

— Нет-нет! Думаю, дело в том, что теперь ты не завиваешь волосы и отпускаешь их только до плеч. И юбку носишь более короткую.

То есть немодную, перевела в уме Фидо.

— Да, мы, работающие женщины, предпочитаем одеваться в загородном стиле. Чтобы платье не попало в машину и не волочилось по грязи.

— Гарри не потерпел бы, чтобы его жена ходила без корсета, — заметила Хелен.

Не послышалась ли в ее голосе нотка зависти? Снова возникла пауза. В доме им труднее поддерживать разговор, чем на улице. Разливание чая

заняло полминуты, затем Фидо начала с жаром пересказывать содержание «Тайны Ноттинг-Хилла».

— Что ж, — снисходительно заметила Хелен, откидываясь на подушки, — вижу, в твоей напряженной жизни сохранились две привычки, позволяющие тебе расслабиться: чтение романов и… курение.

— Как ты…

Хелен звонко рассмеялась:

— Вчера в метро я держала тебя за руку, и потом от моих пальцев пахло турецким табаком.

— Смейся сколько тебе угодно, — смутилась Фидо. — Я предпочитаю заниматься этим втайне, когда уединяюсь в своей спальне. Что до моей напряженной жизни, то должна тебе сказать, что работа стала для меня настоящим открытием, находкой. Как там говорит миссис Браунинг?.. Ах да! Сама по себе работа важнее того, ради чего мы работаем.

Хелен иронически выгнула бровь:

— Но разве ты бездельничала до того, как стала бороться за права женщин?

— Ну, ничего серьезного — уроки латыни с отцом, шитье одежды для приходских детей! — Фидо пренебрежительно взмахнула рукой. — Когда

я случайно наткнулась на экземпляр «Журнала английской женщины» и узнала об этом великом движении, — эти слова она произнесла с некоторым смущением, — то сразу явилась на Лэнгхэм-Плейс, представилась мисс Бесси Паркес и предложила располагать мною по ее усмотрению. О, это такое счастье — заниматься тем, что по-настоящему важно… — Она умолкла, спохватившись, понимая обидный смысл своих слов для Хелен.

Но подруга лишь коварно усмехнулась.

— Я имела в виду тех женщин, у которых нет других важных дел — например, воспитание детей, ведение домашнего хозяйства…

— Полно, полно тебе! Мы достаточно хорошо знаем друг друга, к чему эти церемонии. Обучением девочек занимается миссис Лоулесс, а хозяйством — миссис Николс, я уже давно вручила ей все свои ключи. Я провожу время в чтении, в поездках за покупками и… зеваю, — лениво возразила Хелен. — Сейчас, когда сезон еще не начался, в Лондоне царит невыносимая скука. — Она обвела взглядом гостиную. — Думаю провести сюда газовое освещение. Надеюсь, мне удастся уговорить на это Гарри под предлогом научного прогресса.

— Только не торопись и хорошенько подумай, — посоветовала Фидо. — На мой взгляд, с газом связано множество проблем. Случаются его утечки, в комнатах стоит резкий, неприятный запах, от копоти чернеют потолки, а летом от него слишком жарко.

— Гм… Зато он дает такой яркий свет! «Шагай в ногу со временем» — кажется, так звучит лозунг ваших «новых» людей?

— Мы имеем в виду подлинный прогресс, нравственный, — слегка задетая ее насмешливым тоном, возразила Фидо, — а не научные эксперименты.

— Я бы сказала, что руководство собственным издательским домом тоже является экспериментом. Довольно необычно для женщины — самой зарабатывать себе на жизнь.

Фидо усмехнулась:

— Вот что я скажу тебе, моя дорогая: если человеку платят за его работу, значит, кому-то нужны плоды его труда. И тогда у него появляется возможность творить добрые дела. Когда я впервые принесла в банк чек и получила настоящие золотые соверены… Может, тебе тоже попробовать? — весело предложила она.

Хелен рассмеялась:

— Скажи, ты читала в газетах на прошлой неделе про мадам Женевьеву?

— Я не знаю эту леди.

— Я тоже. Это циркачка, акробатка, которая ходит по натянутому канату. У нее есть муж и дети. Мадам Женевьева исполняла свой трюк с завязанными глазами на празднике в Бирмингеме, упала и разбилась насмерть. Выяснилось, что она была неуравновешенна…

— В отношении психики?

— В буквальном смысле! — уточнила Хелен. — Поскольку находилась на последнем месяце интересного положения.

Фидо в ужасе вздрогнула.

— Не значит ли это, что природа устанавливает некоторые границы для амбиций женщин?

— Этот трагический случай, Хелен, не может служить веским аргументом.

Хелен снова рассмеялась:

— Лично я чувствовала себя на последнем месяце неуклюжей коровой. Трудно подняться по лестнице, не говоря уже о том, чтобы балансировать на канате.

— Оставь этот тон, — серьезно произнесла Фидо. — А чувство гордости от сознания, что ты даришь жизнь еще одному созданию?

— И от кого я это слышу? От женщины, которая никогда этого не испытывала! — воскликнула Хелен, шутливо ткнув ее пальчиком в плечо. — Все, что я помню, — это запах хлороформа и странное ощущение, будто у меня в мозгу взлетают сигнальные ракеты. А потом сознание заволакивается туманом, и все обрывается, — объяснила Хелен. — К тому же в первые месяцы мои девочки не вызывали во мне никакой нежности. Новорожденные выглядят ужасно: отекшая голова, тощие ручки и ножки, которыми они судорожно дергают, как лягушки лапками.

Фидо не смогла удержаться от смеха.

— Однако, сделай милость, расскажи мне об этой Лэнгхэмской группе реформисток, вы ведь так, кажется, называетесь?

— Ты хорошо информирована. — Фидо почувствовала себя польщенной тем, что Хелен проявляет такой интерес к движению.

— Ну, в газетах, которые мы получали из дома, много писалось о тебе и твоих сподвижницах с Лэнгхэм-Плейс: про ваш «Журнал английской женщины», законопроект о собственности замужних женщин, про твое издательство «Виктория-пресс»…

— Значит, ты читала и презрительные отзывы

о нас, и одобрительные. А реформистками нас прозвали наши противники, и мы, как в свое время квакеры, приняли это название, чтобы доказать, что мы занимаемся серьезным и важным делом и что мы выше издевательских насмешек.

— А лидер вашей группы мисс Паркес?[15]

Фидо покачала головой:

— Мы представляем собой неофициальное общество единомышленниц. Каждая из нас занимается улучшением доли женщины в разных областях. Ты помнишь страшное прошлогоднее кораблекрушение, когда погибли все до одной пассажирки, потому что не умели плавать? Вообрази, нам удалось убедить купальни Мерилибон раз в неделю устраивать для женщин занятия по обучению плаванию.

Но занятия по плаванию Хелен не интересовали.

— Но ведь в каждой организации непременно есть свой лидер.

— Что ж, тогда нашим лидером можно назвать

---

[15] Примечания: 15

Паркес Бесси Райнер (1829–1925) — английская поэтесса, писательница и выдающаяся деятельница женского движения, известная своей борьбой за право женщин на труд и профессиональное образование. В 1858 г. вместе с Бодишон основала первый английский феминистский журнал «Журнал английской женщины».

мадам Барбару Бодишон,[16] в девичестве Смит, — сказала Фидо, — на собственные средства она организовала первые кампании за права женщин и руководила ими. Но она вышла замуж за доктора из Алжира и большую часть года проводит в этой стране.

— Довольно разумно с ее стороны, — иронически заметила Хелен.

— Мисс Бесси Паркес — главный помощник и близкая подруга мадам, она основала «Журнал английской женщины» и редактировала его до тех пор, пока по состоянию здоровья не была вынуждена передать эту работу мисс Дэвис — нашей новой, удивительно талантливой подруге… Пожалуй, я сказала бы, что мисс Паркес можно считать «первой среди равных», — признала Фидо. — А я занимаюсь главным образом издательством и Обществом содействия трудоустройству женщин, сокращенно ОСОТРУЖ.

— Не очень благозвучная аббревиатура, — усмехнулась Хелен.

— Сейчас уже все привыкли. Но пять лет назад, когда мы с таким энтузиазмом основывали его,

---

[16] Примечания: 16

Бодишон Барбара Лей Смит (1827–1891) — английская художница, экономист, преподавательница и активистка женского движения; родственница Флоренс Найтингейл по отцовской линии.

многие посмеивались.

— А скажи, кто из этих леди… Полагаю, все вы леди?

Фидо смутилась.

— Да, по образованию, если не по рождению. Мисс Бушере[17] достаточно состоятельна, чтобы охотиться верхом с собаками, а мисс Крейг — дочь перчаточника, — с некоторым вызовом ответила она.

— Но меня интересовало, кто из них твой настоящий друг?

Фидо посмотрела на Хелен с недоумением.

— Ну, кто занял мое место?

Ее насмешливый тон задел Фидо.

— Хелен! Видно, ты плохо знаешь меня, если думаешь, что я способна пожертвовать старой дружбой ради новой!

Лицо Хелен озарилось сияющей улыбкой.

— Как отрадно это слышать!

— Конечно, всех нас на Лэнгхэм-Плейс связывают узы товарищества и взаимной симпатии, но…

---

[17] Примечания: 17

Бушере Джесси (1825–1905) — английская активистка движения за права женщин. Принимала участие в организации Общества содействия трудоустройству женщин в 1859 г.; в том же году присоединилась к небольшой Лэнгхэмской группе, которая активно боролась за улучшение положения женщин.

Например, Иза Крейг[18] очень милая и приятная, но не знаю, могу ли я считать ее своим настоящим другом. И после смерти мисс Проктор…[19]

— Ты лично знала эту поэтессу? — изумилась Хелен.

— Аделаида была нашей самой энергичной и самой мудрой сотрудницей, — с грустью сказала Фидо. — С тех пор как мы потеряли ее, в нашем кругу стали резче проявляться разногласия, чаще вспыхивают дискуссии… Но нас по-прежнему объединяет общая цель, — поспешно добавила она, опасаясь, что ее неправильно поймут. — Всеми нами движет большая любовь и сострадание к людям.

Хелен презрительно фыркнула.

— Мне приходилось заниматься благотворительными распродажами с женщинами, которых я бы с радостью похоронила. Но, carina,[20] — рассмеялась она, кладя руку на шелковую юбку

---

[18] Примечания: 18

Крейг Иза, в замужестве Нокс (1831–1903) — английская поэтесса, писательница, журналистка, борец за права женщин, за социальные реформы.

[19] Примечания: 19

Проктор Аделаида Энн (1826–1864) — английская поэтесса, филантроп и участница женского движения.

[20] Примечания: 20

Милая, дорогая *(ит.).*

платья Фидо, — мне просто не верится, что из всего этого сборища ведьм ты не выбрала себе хотя бы одну близкую подругу! У тебя же истинный талант к дружбе, такая страстная, такая любящая натура!

«Все это было у меня… в молодости, — с горечью подумала Фидо. — А теперь, видимо, ушло…»

— Должна признаться, у меня было что-то вроде подруги там, на Мальте, — сообщила Хелен.

— Что значит — вроде?

— Это жена преподобного Уотсона, который служил там в миссии, она много старше меня. Дело в том, что они пригласили гувернантку-француженку для своих подопечных детей и предложили Нэн и Нелл приходить к ним на уроки, что казалось вполне безобидным, — холодно рассказывала Хелен. — У нас с миссис Уотсон были прекрасные отношения до тех пор, пока она не стала настраивать Гарри против меня.

Фидо была поражена.

— Но, конечно, он не…

— О, она не из тех, кто привлекает красотой, — объяснила Хелен, — но ей удалось полностью подчинить его себе. Хуже нет женщины, чем лицемерная ханжа. За ее напускной скромностью таится жажда власти.

Фидо пришло в голову, что сейчас самое время спросить об отношениях с Гарри. Только дома ли он? И знает ли о том, что она пришла в их дом?

Но она слишком долго раздумывала, а тем временем Хелен продолжала говорить:

— Что ж, дорогая моя, если у тебя действительно нет ни одной близкой души среди этой своры ведьм, я намерена снова занять свое место.

Обеих развеселила ее дерзость.

— Среди нас нет ведьм, — заверила Фидо. — Вот, например, Бесси Паркес такая хорошенькая и хрупкая, что рядом с ней я кажусь себе просто коровой. Прошлой весной произошел курьезный случай: один шведский профессор принял меня за мисс Паркес и в своих воспоминаниях описал как плотную женщину независимого нрава, которая вышла на улицу и сама подозвала себе кеб! Бесси пришла в неописуемый ужас!

Хелен расхохоталась над забавной сценкой, после чего заметила:

— Когда я на Мальте читала о твоей карьере, все думала, не выйдешь ли ты в конце концов замуж за какого-нибудь реформатора, профессора гигиены или что-нибудь в этом роде, или за викария, как твои сестры.

Фидо улыбнулась:

— Видишь ли, в наше время старые девы уже перестали быть объектом жалости.

— Я вовсе не жалею тебя!

— Я независима, у меня есть собственный дом, возможность путешествовать, — перечисляла она, загибая пальцы. — Любви и браку многие из нас предпочитают свою свободу.

— Я отнюдь не осуждаю жизнь в девичестве, — возразила Хелен, — только не очень представляю ее себе. Впрочем, от меня ты ни слова не услышишь в защиту супружеской жизни! — помрачнев, закончила она.

Теперь она сама затронула эту тему, и Фидо поспешила задать вопрос, который ее так живо занимал:

— А ты… Могу я спросить, счастлива ли ты сейчас с мужем?

Словно тень пробежала по лицу Хелен.

— «Mi ritrivai per una selva oscura», — процитировала она. — Это единственная фраза из Данте, которую я запомнила из уроков синьоры.

— «Я… „то есть ты“ проснулась в дремучем лесу»? — перевела Фидо.

— И когда замужние женщины попадают в дремучий лес, обычно они сами находят выход.

— Мне очень, очень жаль! — с чувством вос-

кликнула Фидо, хотя нисколько не удивилась.

— Что ж, по крайней мере, мы с Гарри ведем себя намного пристойнее, чем в прежние времена, когда тебе приходилось присутствовать при наших ссорах, — заметила Хелен. — Мы давно уже научились ладить друг с другом… У каждого из нас своя жизнь, своя комната, свои друзья…

— Но я уверена, что он по-прежнему любит тебя, правда, по-своему, сдержанно и немного неуклюже.

— Ха! Все свои представления о браке ты черпаешь из романов.

Фидо удивленно посмотрела на Хелен:

— Это далеко не так! Я разговаривала со многими замужними женщинами. Большинство из них смотрят на брак с прагматической точки зрения, считают, что у замужней женщины существуют свои обязанности, но и свои радости. А есть и те, кто находит, что мужем очень легко манипулировать, поскольку ему нужно только одно: чтобы к нему относились с уважением, как к хозяину дома.

— Следовательно, я должна ублажать Гарри, утешать дочерей, если у них что-то болит, отчитывать бестолковую горничную, проверять счета за уголь и за масло для ламп? — уныло констати-

ровала Хелен.

— Тут требуются только такт, терпение и самообладание.

— Вот и попробуй сама! — Хелен с досадой повела плечами. Затем более спокойно добавила: — Наверное, глядя на нас, ты потеряла всякое желание выйти замуж?

— О нет! — заверила ее Фидо. — Боюсь, я просто никогда не испытывала того интереса к мужчине, который поэты называют «смыслом жизни женщины». Меня вполне устраивает одиночество. — Она вдруг задумалась, так ли это. Но разве одиночество в браке не подобно очагу, который, вместо тепла и света, дает только холод? — Но не стоит думать, что мои передовые взгляды на женщин означают, что я утратила веру в супружество, — смущенно закончила она.

— Ну, одна из нас ее действительно утратила.

— Хелен! — Фидо судорожно пыталась найти подходящий аргумент. — Если однажды воскресный обед не удался, то это еще не значит, что нужно отменять традицию воскресных обедов.

— Я уже пятнадцать лет давлюсь этим обедом, — тихо пробормотала Хелен.

— Но брак по-прежнему является фундаментом общества, — чуть ли не умоляюще произнесла

Фидо. — Если в его основе лежат чувство собственного достоинства и свобода…

— Вот именно, если! — прервала ее Хелен. — В этом-то вся и проблема.

Фидо грустно вздохнула:

— Да, конечно, брак тоже нуждается в изменениях. Полное растворение личности жены в муже, ее отказ от имущества и другой собственности в его пользу, его почти неограниченная власть над ней… — Знает ли ее подруга о своем истинном положении? Британский закон уравнивает ее с преступниками, умалишенными и несовершеннолетними детьми! — И так часто жены, с которыми я имею дело, не чувствуют себя свободными, и при этом абсолютно неграмотны юридически!

Хелен энергично кивнула.

— Мы, борцы за права женщин, — объяснила Фидо, — стремимся добиться для них права на работу именно для того, чтобы они имели выбор. Чтобы из-за нужды в деньгах они не выходили замуж без любви, видя в браке что-то вроде спасательного круга.

— Мне казалось, что я сама выбирала себе мужа. Я думала, что люблю его, — дрогнувшим голосом проговорила Хелен. — Эти браки во время сезона

с декабря по май…

— Но только не в декабре! Я вижу, ты по-прежнему склонна все преувеличивать, — улыбнулась Фидо, желая немного смягчить обстановку.

— Ну, мы-то поженились в конце октября. Гарри было сорок один, а мне едва исполнился двадцать один. Он мне в отцы годился! Красивый гигант в синем с белым мундире, с золотым шитьем на обшлагах! — с грустной усмешкой произнесла Хелен. — Он был направлен защитить нас, англичан, живущих во Флоренции, от взбунтовавшейся толпы. И я, маленькая мисс Хелен Смит, наивная Дездемона, была очарована его рассказами о морских приключениях.

Фидо нахмурилась. Возможно, Хелен и можно было сравнить с шекспировской героиней, но Гарри Кодрингтон, рассудительный и выдержанный, как все истые англичане, не имеет ничего общего с доверчивым, пылким и ревнивым мавром.

— Дорогая моя, неужели за годы совместной жизни вы не научились быть друг к другу добрее, снисходительнее?

— Ах ты святая невинность! — вздохнула Хелен. — Это не зависит от прожитых лет.

Утром в начале сентября еще холодно. Фидо,

стоя в душе, решительно потянула на себя рычаг. Ледяной поток воды заставил ее вздрогнуть. Затем, кашляя, она энергично растерлась полотенцем. Большинство женщин при малейших признаках недомогания остаются в постели, но, по мнению Фидо, весь этот сложный механизм тела должен непрерывно находиться в движении.

Снаружи донесся стук подбитых железом башмаков молочницы. Скоро она поднимет свой тяжелый бидон, наполнит свежим молоком бутылку в полкварты для мисс Фейтфул и подвесит ее на крючок к перилам крыльца.

Фидо продолжала анализировать позавчерашний разговор с Хелен на Экклестон-сквер. Рассказ о своей работе ей явно не удался; она не сумела передать восторг, который испытывает от сознания важности движения, которое втягивает в свою орбиту все больше умных и энергичных людей, и не только женщин. Сейчас, когда, как принято говорить, система определяет все (ох уж эта избитая фраза!), когда не находится виноватых в социальных болезнях общества, женщины из Лэнгхэмской группы — совместно с мужчинами из Национального общества социологических наук и еще из некоторых передовых организаций — утверждают: это не так! Фидо видела

изменения, происходящие за одно поколение; устаревшие взгляды и предубеждения теряют свою силу. Она работала упорно и с энтузиазмом, чтобы другие женщины могли обрести свободу, порвать сковывающие их цепи — будь то нищета, депрессия, материальная зависимость или привычка к праздному, бездумному образу жизни. Эта великая цель заставляла Фидо каждый день вставать в шесть утра и чувствовать прилив энергии, как бы она ни устала накануне. Так почему ей кажется, что у Хелен создалось впечатление, будто она только и занимается пустыми склоками с другими благодетелями человечества?

Главная контора издательства «Виктория-пресс» расположена в доме номер 9 по Грейт-Кориэм-стрит, в пяти минутах быстрой ходьбы от ее дома. (Она на ходу заметила ошибку в рекламном плакатике, который высоко держит мальчик, продающий газеты: «Эвакуация Атланты завершает четырех месячную осаду», и посоветовала ему написать слово «четырехмесячную» слитно.)

В типографском цехе она увидела Глэдис Дженнингс и тепло поздравила ее с выздоровлением после оспы; на воспаленном лице девушки еще остаются корочки на месте язв, но Фидо сделала вид, что ничего не заметила. Затем она останови-

лась у стола Флоры Парсонс.

— На исправление этой статьи уйдет полдня, — сказала она, возвращая ей длинный лист, испещренный сделанными дома пометками красным карандашом. — Если бы вы работали внимательно, как это делает мисс Дженнингс…

— Простите, мэм, — опустив голову, пробормотала Флора Парсонс, продолжая выхватывать литеры из алфавитных ящичков.

— Дело не в моем прощении, — безнадежно вздохнула Фидо. — Я просто объясняю вам, почему мисс Дженнингс зарабатывает восемнадцать шиллингов, а вы всего десять. Именно поэтому я плачу вам за лист, а не за неделю: ваш заработок зависит только от вас самой.

— Вы очень добры к нам, мэм.

Фидо не обратила внимания на прозвучавшую в голосе девушки язвительную нотку. Эта белокурая работница — тяжелый случай: сирота из работного дома, она служит здесь уже четвертый год, но по-прежнему небрежна и невнимательна. К тому же она уже успела обручиться с одним из младших наборщиков, мистером Недом Данстеблом, что очень огорчает Фидо: молодые руки обучаются быстрее старых, но многие девушки не дают себе труда овладеть профессией в надежде

выйти замуж и оставить работу.

— Вы недооцениваете себя, мисс Парсонс, — неожиданно для себя сказала она.

Наборщица подняла на нее удивленный взгляд.

— Меня просто изумляет, как вам, не получившей школьного образования, удалось так быстро выучить грамматику.

Та пожала плечами:

— Наверное, по текстам, которые я набирала. Старик Роберт Оуэн[21] назвал бы это распространением образования.

Фидо наклонилась ближе к ней.

— Но вот что меня огорчает… — Она помолчала, собираясь с мыслями. — Если бы вы работали с полной отдачей, то стали бы у нас самой быстрой и аккуратной наборщицей. Накопили бы немного денег и вышли замуж, по меньшей мере, почти на равных условиях. Вообще я еще не нанимала замужних женщин, но в вашем случае…

Флора Парсонс прервала ее с загадочной усмешкой:

— Спасибо, мэм, не беспокойтесь, мы с Недом будем хорошо жить.

---

[21] Примечания: 21

Оуэн Роберт (1771–1858) — английский философ, педагог и социалист; один из первых социальных реформаторов XIX в.

Пожав плечами, Фидо направилась в свой кабинет.

Она продолжила читать гранки, размышляя о том, что хорошо бы найти для корректуры грамотную леди, только вряд ли она может себе это позволить: в этом году шесть ее помощниц стали квалифицированными наборщицами, так что им придется платить в полтора раза больше.

С расстроенным видом вошел мистер Хед, держа в руке «Типографский журнал».

— Вот, мисс Фейтфул, посмотрите. Лондонское общество наборщиков ищет возможность заставить своих членов отказаться исправлять тексты, которые набирали женские особи.

Фидо вспыхнула от негодования. А она-то надеялась, что собратья по цеху уже не испытывают неприязни, хотя бы потому, что «Виктория-пресс» не собирается снижать жалованье…

— Женщины, мистер Хед, если можно, — поправила она, не отрываясь от текста. — «Женская особь» — это звучит так, словно речь идет о животном. Разве я называю представителей вашего пола самцами, как если бы вы были орангутангами?

Хед усмехнулся, но сразу посерьезнел:

— Что, если общество объявит нашей типогра-

фии бойкот?

Фидо заставила себя успокоиться, прежде чем ответить:

— Вы получили прямое указание от своих работодателей?

— Нет, нет! — испуганно ответил он. — Они не знают, что я работаю здесь наборщиком.

Словно ее типография — подпольный игорный дом или притон для курильщиков опиума!

— Что ж, в таком случае, мистер Хед, советую вам выкинуть все это из головы. А если этот черный день настанет, вам придется решать, оставить или нет работу, которую, как мне кажется, вы находите удобной и выгодной.

Он уныло кивнул и продолжал топтаться на месте.

— Мы с мистером Кеттлом думаем, может, нам поменять имена?

Она оторопело посмотрела на него.

— То есть вы будете известны как мистер Кеттл, а он — как Хед?

Надо сказать, что мистер Кеттл ей не очень нравился; его подсчеты частенько вызывали у нее подозрения, но пока она не имела доказательств его нечестности.

— Нет, нет, мы оба взяли бы себе вымышленные

имена. Так чтобы наши настоящие не фигурировали в документах.

Она едва удерживалась от смеха.

— Хорошо, я буду платить своим наборщикам по ведомости, где будут указаны любые имена, которые вы заявите. Но могу я по-прежнему, во избежание недоразумений, называть вас мистер Хед и мистер Кеттл?

— Конечно, мэм, это же только для документов, — смущенно пробормотал Хед.

«Не волнуйся, — уговаривала она себя после его ухода, прижимая ладони к горящему лицу. — Вряд ли дело дойдет до бойкота. Но если даже и дойдет, то я переживала ситуации и похуже». Если бы ее устраивала спокойная жизнь, она осталась бы дома и помогала матери в работе по приходу.

Она нервно вскрыла несколько писем. Одно из них оказалось от Мэтью Арнолда,[22] который извинился за задержку отзыва на новый перевод Марка Аврелия. «Моя дорогая Фейтфул» называет он ее, и ей это нравится: для деловой переписки не имеет значения, замужем она или нет. Эмили

---

[22] Примечания: 22

Арнолд Мэтью (1822–1888) — английский поэт и культуролог, один из самых авторитетных литературоведов и эссеистов викторианского периода.

Дэвис пересылает ей новое стихотворение мисс Россетти.[23] Фидо трогает тот факт, что авторы согласны писать для «Журнала английской женщины» за те жалкие гроши, которые она может им предложить.

Следующие полчаса она занималась корректурой статьи для объемного тома Ежегодных трудов Общества социологических наук под заголовком «Действительно ли мужчины по своей природе умнее женщин?».

«Мужчины превосходят женщин, так как у них больше знаний. Но для того, чтобы приобрести их, они имеют в три раза больше возможностей».

Она одобрила этот абзац: он задал правильный тон всей статье.

Посыльный вынужден был постучать в дверь три раза, прежде чем она подняла на него взгляд.

— Миссис Коддлтон и полковник Андерсон желают засвидетельствовать вам свое почтение, мэм.

— Кодрингтон! — поправил веселый голос за дверью с матовым стеклом.

Застигнутая врасплох, Фидо вскочила из-за стола и радостно улыбнулась.

---

[23] Примечания: 23

Россетти Кристина Джорджиана (1830–1894) — английская поэтесса итальянского происхождения.

«Хелен!»

— Я уговорила беднягу Андерсона привезти меня, поскольку мой властитель увяз в своей писанине, — объяснила Хелен, прикасаясь к щеке Фидо на континентальный манер.

Сегодня ее пышные яркие волосы украшал крошечный капор в виде соломенного голубка. Офицер на сей раз был в штатском платье с весьма броским жилетом в клетку. Кажется, это национальная традиция — шотландка, отметила Фидо про себя.

— Право, меня не нужно было уговаривать! — заверил он.

— Ужасно интересно, Фидо, увидеть тебя в качестве хозяйки этого предприятия! — воскликнула Хелен, беря ее под руку, и они пошли по цеху.

Фидо была немного смущена тем, что работницы могут услышать ее прозвище, но вдруг догадалась, что, должно быть, они уже давно его знают.

— Ты говоришь так, будто я играю эту роль.

Хелен усмехнулась:

— Но разве каждая из нас не играет несколько ролей в своей жизни?

И действительно, когда Фидо стала привычно рассказывать о том, как четыре года назад

основала типографию и издательство «для доказательства на деле способности женщин к производительному труду», она прислушивалась к себе со странным ощущением, что говорит сухо и отстраненно.

Фидо заметила, что Хелен принюхивается, и объяснила:

— Это типографская краска. — И показала им плоскопечатную машину фирмы «Уорфидейл», украшенную медными орлами: — Печатает тысячу листов в час. Да, а это — мисс Бриджет Малкой, моя правая рука и лучшая работница.

Ирландка с бледным лицом улыбнулась и кивнула им, а ее руки продолжали порхать над наборной кассой, раскладывая чистые литеры по своим гнездам.

— Она дочь наборщика из Лимерика, отец пошел наперекор традициям и обучил ее своей профессии, — понизив голос, рассказывала гостям Фидо. — После его смерти она увидела в газете мое объявление и сразу же отправилась в Лондон.

— А эта профессия не вредна для здоровья? — спросил Андерсон, проходя с дамами мимо наборных столов, чем-то напоминающих церковную кафедру.

Фидо всегда рада рассеять обычное заблуждение посетителя.

— Это зависит от условий труда. Помню, «Типографский журнал» предостерегал меня, что мои рабочие не вынесут напряженного ритма! Но, как видите, я постаралась обеспечить хорошее освещение, вентиляцию помещения, высокие стулья, чтобы наборщицы могли работать сидя, и ввела перерывы на ланч.

— Гм, судя по всему, они вовсе не падают от усталости, — заметил Андерсон, разглядывая девушек оценивающим взглядом, что вызвало у Фидо неприязненное чувство.

— Твои руки,[24] ты их так называешь? — веселилась Хелен, поигрывая в воздухе растопыренными пальчиками. — Как будто ты страшный осьминог!

Фидо натянуто усмехнулась; ей странно видеть в цехе свою давнюю подругу, с ее легкомысленными шутками.

— На самом деле я чувствую себя их матерью, — тихо призналась она. — Вон там работает мисс Дженнингс, ей всего тринадцать лет; она училась ремеслу в приюте для глухонемых.

---

[24] Примечания: 24

Здесь игра слов — в английском hand означает «рука» и «работник».

— Очень благородно с вашей стороны, — похвалил полковник.

Фидо отмахнулась:

— Обучить ее было очень трудно, зато она практически ни на минуту не отвлекается от работы.

— О, да у вас тут и мужчины есть! — тихо произнесла Хелен, заметив мистера Кеттла, натирающего пальцы мелом.

— Разумеется, всегда есть физическая работа, которая женщине не по силам, — слегка виновато объяснила Фидо. — Переносить тяжелую наборную кассу, заправлять в машину бумагу и делать оттиски… Поэтому я наняла одного мужчину на должность метранпажа, который наблюдает за работой пяти наборщиц: он раздает им рукописи, составляет из набранных девушками текстов колонки и формирует полосу — помещает страницы в нужном порядке, — объяснила она. — Но я горжусь тем, что здесь у меня работают двадцать пять девушек и еще пятнадцать на Фаррингдон-стрит.

Хелен отстала, разглядывая длинные полки с металлическими рамами.

— Это называется рамы для заключки, — объяснила Фидо, — но когда они заполнены и закреплены, это уже печатные формы. — Она вдруг

подумала, что говорит очень скучно. — Мисс Кларк набирает строку на наборную верстатку — позвольте, мисс Кларк, — она регулируется по ширине, видишь? — Она показала верстатку Хелен.

Та опасливо посторонилась:

— Боюсь испачкаться, сегодня мы с Гарри обедаем у Бичемсов.

— На ней еще нет краски, миссис К., — усмехнулся Андерсон.

Каждый раз, как Фидо слышала это его обращение к Хелен, ее коробило. Что это, вульгарность или самоуверенность? Но затем она укоряла себя за чрезмерный снобизм: скорее всего, это грубоватая манера объясняется тем, что он военный.

— После каждого проката печати все самым тщательным образом чистится и промывается специальным составом, — успокоила она Хелен. — Качество печати целиком зависит от чистоты и аккуратности. «Господи, как нудно и серьезно я рассуждаю в свои двадцать девять лет!»

— Ну, меня ты никогда не примешь на работу! — шутливо заметила Хелен. — Я ужасно несобранная, к тому же у меня слишком пухлые пальцы.

— Твои пальцы — не главное, вот характер определенно будет препятствием! — со смехом согласилась Фидо.

Приведя гостей в кабинет, она предложила им чаю.

— Ого, у вас Теннисон.[25] Превосходно! — Андерсон указал серебряным наконечником трости на стихи в рамке и с пафосом прочитал:

Мгновенье преходящее бесценно,
Да не оставь его бесследным:
Трудись и в час ночной,
Когда вокруг все спят.

Фидо улыбнулась:

— На самом деле это стихи поэтессы мисс Анны Уолкер.

Хелен усмехнулась смущению Андерсона.

— Но поразительно похоже на манеру лауреата, — принялся оправдываться тот.

За бутербродами с креветками выяснилось, что у Фидо и полковника есть общие знакомые в Шотландии.

— Это предприятие делает вам честь, мисс

---

[25] Примечания: 25

Теннисон Альфред (1809–1892) — английский поэт, имел почетное звание поэта-лауреата. Королева Виктория присвоила ему за поэтическое творчество титул барона.

Фейтфул, — отметил он.

— Но в свое время у нас было много противников!

Хелен замерла, изящно держа в пальчиках крупную креветку.

«Ага, это ее заинтересовало!»

— С самого начала нам практически объявили войну и всячески старались помешать работе, — рассказывала Фидо. — Били окна, мазали типографской краской рамы для заключки и табуреты, безнадежно портя платья работниц, вынимали литеры из гнезд и перемешивали или просто расшвыривали их по полу, машины разбивали ломами… Да, тяжелое было время! Мы несли огромные убытки, не говоря уже о том, чего это стоило нам в моральном отношении.

— Дорогая, но это невероятно! — воскликнула Хелен.

Удивительно, но спустя несколько лет то, что казалось таким унизительным, представляется Фидо забавным.

— В газетах и журналах меня осыпали оскорбительной бранью; признаюсь, я не сразу научилась не обращать на них внимания. Но уже через год затраты «Виктории-пресс» начали окупаться, я удостоилась одобрения ее величества, а сейчас

на Международной выставке мы получили медали за отличное качество работы. — На самом деле была только одна медаль, но Фидо слегка преувеличила, желая произвести впечатление на подругу.

— Брависсимо! — воскликнула Хелен и захлопала в ладоши. — Подумать только, когда я с тобой познакомилась, ты по нескольку раз в день меняла наряды и только и говорила о раутах у леди Морган!

Фидо весело рассмеялась:

— Боюсь, мы представляли собой довольно необычную пару — моя, так сказать, наставница и я.

— Мы танцевали с любым мужчиной, который пригласит нас, — вставила Хелен.

— Помню, как я по наивности позволяла себе весьма дерзкие и легкомысленные высказывания. А тебе, как замужней леди, следовало меня сдерживать.

— Ах, но Фидо всегда была моей лучшей половинкой! — призналась Хелен Андерсону. — А теперь посмотрите, как она чудесным образом превратилась из юной дебютантки в даму, занимающуюся филантропией…

— Кстати, мисс Фейтфул, — шутливо поинте-

ресовался Андерсон, — полагаю, вы не станете отрицать, что некоторые из ваших феминисток слишком далеко заходят?

Фидо изобразила улыбку, напомнив себе, что мир будет меняться мало-помалу, ведь и мышка медленно прогрызает дырку в стене.

— Уверяю вас, полковник, мы отнюдь не ставим себе целью разрушение общественного механизма, а хотим лишь улучшить его работу.

— Но раздаются призывы к тому, чтобы женщины занимали судейские должности, избирались в парламент, на государственные посты…

— Ну, если какие-то доводы доводить до абсурда… — Фидо взяла себя в руки. — Лично я думаю, что закон не должен препятствовать активному участию женщин в жизни общества. Впрочем, в этом ведь нет необходимости — трудно представить, чтобы профессиями, о которых вы упомянули, мечтали овладеть многие женщины. По своей природе мы преимущественно интересуемся более благородными областями деятельности: образованием, медициной и благотворительностью.

— Это более благородно, чем ваша военная профессия, Андерсон, — с усмешкой заметила Хелен.

— Ну, скажем, эти занятия более способствуют

счастью людей, чем война, — примирительно произнесла Фидо.

Полковник усмехнулся:

— Безусловно, мисс Фейтфул. Взять хотя бы несчастных американцев, сколько их сейчас страдает с обеих сторон![26]

Она одобрила его взгляд на эту войну.

— Но, признаюсь, мы, солдаты, всегда рвемся в бой.

— Полковник провел в Крыму свои самые славные дни, — зевнув, сообщила Хелен.

— А что касается бедных военных моряков вроде Кодрингтона, — добавил он, — то последнее настоящее сражение он видел в Аккре, целую четверть века назад!

Довольно пренебрежительное замечание относительно своего друга, подумала Фидо.

— Еще чаю? — спросила она.

Сегодня утром Фидо следовало быть на Лэнгхэм-Плейс, где проводилось обсуждение квартального отчета Общества содействия трудоустройству женщин, а не гулять в Гайд-парке. Но небо такое ясное и синее, сентябрьский ветерок веет такой

---

[26] Примечания: 26

Речь идет о Гражданской войне в США 1861–1865 гг. между объединением 20 нерабовладельческих штатов и 4 рабовладельческих штатов Севера и 11 рабовладельческих штатов Юга.

приятной прохладой! К тому же приглашение на прогулку исходило от Хелен, и ей вдруг подумалось, что большого греха не будет, если она один-единственный раз пропустит собрание. За семь лет разлуки с подругой она никогда себе этого не позволяла. Вся ее жизнь была отдана работе.

— Ты читала «Женщину в белом»?[27] — спросила Хелен, когда они медленно шли вдоль извилистой речки Серпентайн,[28] полностью оправдывающей свое название.

— Я два раза брала эту книгу у Муди, а потом купила себе экземпляр, — призналась Фидо. — Некрасивая, но невероятно благородная и преданная Мэрион глубоко трогает мое сердце.

— А я в то лето постоянно носила белую шаль, как несчастная Анна Катерик.

— Вижу, ты по-прежнему раба моды! А какого ты мнения о романах миссис Нортон[29] и мисс

---

[27] Примечания: 27

Популярный роман Уилки Коллинза «Женщина в белом» был опубликован в 1860 г.

[28] Примечания: 28

Серпентайн (от *англ.* serpentine) — змеевидный, извивающийся наподобие змеи.

[29] Примечания: 29

Нортон Каролина Елизавета Сара (1808–1877) — английская писательница, внучка Шеридана.

Брэддон?

Хелен энергично кивнула:

— Больше всего мне нравится ее книга «Трижды мертвый».

— А ты покупаешь «Темпл бар»? Там сейчас печатается роман мисс Брэддон «Жена доктора», — сообщила Фидо, — но мне кажется, его героиня своего рода английская мадам Бовари. Ну а «Тайна леди Одли» списана с «Женщины в белом»…

— Но она такая элегантная и смелая, что я все ей прощаю!

— Там есть интересное рассуждение, — припомнила Фидо, — о том, что женщины совершают подобные преступления из-за того, что не в состоянии удовлетворить свое стремление приобрести профессию.

— Мне ужасно нравится сцена, где она сталкивает своего мужа в колодец…

Фидо не дала Хелен договорить:

— А помнишь, как в ту, первую нашу зиму мы читали друг другу «Холодный дом»?[30]

— Конечно! Когда ты читала о смерти леди Дедлок, мне было так страшно, что потом я не

---

[30] Примечания: 30

«Холодный дом» — роман Чарльза Диккенса.

могла заснуть!

— Ты слышала, что Диккенс развелся с женой после того, как она родила ему десять детей?

— Дорогая моя, эта сенсация едва ли не в тот же день долетела до Рангуна! — воскликнула Хелен. — Каков наглец! Обвинять ее в газетах в том, что она якобы не способна на материнскую любовь!

— Говорят, у него связь с какой-то актрисой, — добавила Фидо, понизив голос, хотя поблизости никого не было.

— Если бы просто с какой-то актрисой! — с наслаждением смакуя предмет, авторитетно заявила Хелен. — Но это сестра его жены!

— Не может быть!

— Я уверена, что на прошлой неделе видела именно ее, она покупала галоши на Регент-стрит. Я имею в виду миссис Диккенс, а не ее сестру. Бедняжка, она так опустилась!

— Она живет со старшим сыном, остальные дети навещают ее очень редко, — сокрушалась Фидо. — Я слышала, она до сих пор читает каждую вещь, которая выходит из-под пера ее мужа. Как это грустно!

— Это просто ужасно!

Экзальтированные интонации не меньше

самих высказываний Хелен заставили Фидо расхохотаться. Они пробудили в ней те ее стороны, которые благополучно дремали все эти семь лет, — способность вести легкомысленный разговор, беззаботно высказывать свое мнение и даже некоторую бесшабашность.

— Вы очень скучаете по Мальте? — спросила она подругу.

— Ну, что касается Гарри, то он определенно скучает, — ответила та, любуясь двумя белоснежными лебедями, гордо скользящими по воде. — Там он занимал большой пост и пользовался уважением, а здесь ему нечего делать, разве только посещать эти скучные камерные концерты или лекции о конструировании боевых кораблей. — Она сердито вздохнула. — Обычно жены жалуются, что мужа невозможно выманить из клуба, а мой целыми днями торчит дома! Надеюсь, ему подыщут какую-нибудь канцелярскую работу в Адмиралтействе. В противном случае своим ворчанием и постоянными замечаниями он сведет с ума и меня и девочек!

— А сама ты скучаешь по Мальте?

— Какая разница, где жить? — пожала плечами Хелен. — Для меня главное — это люди.

Что это значит? Фидо обернулась и с любопыт-

ством всмотрелась в лицо подруги.

Когда она вчера лежала без сна, ей пришло в голову, что если они возобновят дружбу, то уже на новых условиях. Раньше, на Экклестон-сквер, Фидо играла роль младшей, зависимой, что-то вроде Горацио женского рода, как она теперь понимает. Она частенько подозревала Хелен в том, что та за шумным многословием скрывает свои истинные чувства. Но тогда это казалось ей просто манерой подруги; она слишком восхищалась ею, чтобы критиковать. Однако теперь Фидо повзрослела, стала более серьезной и опытной. И если они хотят считаться друзьями, то должны быть откровенны и доверительны друг с другом. Поэтому она задала вопрос, который давно уже вертелся у нее на языке:

— Очень удачно, не правда ли, что отпуск полковника Андерсона совпал с вашим возвращением на родину? — Она постаралась произнести это небрежно, но вопрос все равно прозвучал неожиданно.

Хелен быстро взглянула на нее, затем снова перевела взгляд на реку.

— Он ждет, что вскоре его снова отправят на Валлетту.

— Вместе с его полком?

— Он командует вторым батальоном двадцать второго Чеширского полка. Он солдат старой школы, как и Гарри, — железная дисциплина и все в этом роде.

— А мне он показался таким приятным и обходительным! — удивилась Фидо.

— О, он pukka sahib.[31] Слишком приятный, а потому опасный, — хмуро добавила Хелен, не отводя взгляда от перламутровой поверхности реки.

У Фидо учащенно забилось сердце. «Ты сама это начала!» — укорила она себя.

— Ты меня понимаешь? — спросила Хелен, оборачиваясь к ней и щурясь от солнца.

— Надеюсь, что нет.

— Да нет, ты все понимаешь, — рассмеялась Хелен.

«И кто тебя тянул за язык! — снова рассердилась на себя Фидо. — Теперь не жалуйся!»

Хелен склонила голову набок и потерла шею, словно от боли.

— Он отчаянно влюблен в меня.

Фидо брезгливо поморщилась.

— Что? Мне не следовало говорить так откро-

---

[31] Примечания: 31
Истинный джентльмен *(англ. — инд.).*

венно, даже если нас слышат только эти лебеди да утки? Что ж, в таком случае будем истинными англичанками и скажем, что Андерсон впал в соблазн, — резко бросила Хелен и ускорила шаг, так что Фидо пришлось чуть ли не бежать. — И откажемся признавать, что холостой мужчина способен сильно увлечься женой офицера старше его по званию. Что даже в тридцать шесть лет мать уже довольно больших детей может оставаться весьма привлекательной особой!

Фидо хотела сказать ей, что она такая же красавица, как и прежде, но предпочла промолчать. Хелен всегда необходимо было чувствовать себя окруженной вниманием мужчин — раньше Фидо считала это невинным грешком, вроде любви к сладкому, но сейчас в ее голосе звучит незнакомая, пугающая жесткость.

— О, madre! В каком сложном положении ты оказалась!

Ответа не последовало.

Задыхаясь от быстрой ходьбы, она придержала Хелен за локоть.

— Иди медленнее и обо всем расскажи мне. Ты почти с гордостью говоришь, что делаешь этого человека несчастным, — строго сказала она.

Хелен резко обернулась к ней; румянец, раз-

горевшийся у нее на щеках, сделал ее еще более неотразимой.

— Мне нечем гордиться! Это подлинная катастрофа!

«Она похожа на ребенка, случайно разбившего поднос с посудой».

— Ты не знаешь, каково мне было все эти годы, — с горечью призналась Хелен. — Гарри такой скучный, тяжелый на подъем. Я ему не нужна, понимаешь? Когда на Мальте устраивались приемы, он уходил уже через час, и мне приходилось танцевать с другими офицерами, которые провожали меня домой.

Фидо была в полном смятении.

— Так что я могла поделать, когда один из друзей моего мужа стал и моим другом, в самом искреннем и невинном смысле этого слова, хотя сам он считает, что между нами не просто дружеские отношения?

— Но, Хелен, — серьезно начала Фидо, — при первых же признаках увлечения Андерсона ты должна была сразу порвать с ним все отношения.

Та только передернула плечами.

— А что это значит — первые признаки? К тому моменту, как ты это замечаешь, увлечение успе-

вает вырасти, как гриб за ночь.

— Тем больше оснований сразу вырвать его с корнем.

— Я не поощряла его ухаживания.

— Поощряла, я видела это собственными глазами! А как ты называешь то, что вы вдвоем разъезжаете по городу?

— Ну, уж и разъезжаем, — возразила Хелен. — Мы ездили за покупками и по дороге навестили тебя в типографии…

У Фидо закружилась голова. Возможно, полковник, под благовидным предлогом повидаться с Хелен, сам предложил заехать к ней в типографию?

Хелен внезапно остановилась.

— Ах, Фидо, я не могу больше скрывать это от тебя! Если бы ты знала, как радостно и приятно, когда блестящий красивый офицер с обожанием смотрит на тебя и ловит каждое твое слово!

Но Фидо считала высокого адмирала Кодрингтона с черной бородой гораздо привлекательнее кудлатого белокурого Андерсона, который чем-то напоминает ей спаниеля, но суровый и сдержанный мужчина наверняка проигрывает в сравнении с любезным и обходительным молодым человеком, особенно в глазах Хелен. Фидо

вполне способна оценить привлекательность представителя противоположного пола, но, в отличие от других женщин, ее сердце не трепещет от восторга рядом с каким-нибудь красавцем, даже если он оказывает ей лестное предпочтение.

— В самом деле, подумай, Фидо, — Хелен горячо сжала руку подруги, — не можешь же ты винить меня за то, что я принимаю его преданный взгляд подобно сердечному лекарству, которое поддерживает меня в самые тяжелые минуты?

— Стыдись! Ты должна понимать, что в результате это принесет вам обоим только боль и страдания! — возмущенно воскликнула Фидо, отдергивая руку. — Как жена и как мать…

— Что ж, этого и стоило ожидать: теперь начнется лекция, — едва слышно пробормотала Хелен.

Действительно, в душе Фидо настолько укоренились понятия, внушенные ей родителями, что она готова произнести наизусть целую речь о нравственном долге и приличиях…

— Прошу тебя, не делай этого. — Хелен с умоляющим видом прижала к ее губам свой изящный пальчик.

— О чем ты? — Но она знала.

— Не бросай в меня камень. Не огорчай меня

нотацией, которую мне может прочесть в Белгравии любая ханжа с ее банальными суждениями! Друг мой, за последние годы ты стала совершенно другой, и я счастлива это видеть! Ты сумела вырваться из наезженной колеи! — восторженно сказала Хелен. — Помнишь, когда ты приходила ко мне, ты с возмущением говорила о браке — что жена целиком растворяется в…

Фидо попыталась вспомнить свое смелое заявление.

— Да, но, дорогая моя… Я вовсе не из тех, кто ханжески проповедует чистоту нравов. Дело в том… — Она с трудом подбирала слова. — Здесь речь идет об уважении к себе, о чувстве собственного достоинства, о порядочности. Ведь ты поклялась хранить мужу верность…

— Но я не знала, что это означает! — крикнула Хелен. — Не знала, какой тоскливой и безнадежно долгой может оказаться эта замужняя жизнь! Да и какой иной выход был у меня, в то время юной и наивной девушки?

— Carina! — Фидо пыталась подыскать подходящие доводы, но сочувствие путало ее мысли. — Мне тебя ужасно жаль!

Глаза Хелен блестели от слез, и она бросилась к Фидо.

Фидо почувствовала у себя на груди горящее лицо Хелен, почувствовала запах ее волос. Женщины стоят на берегу Серпентайн, крепко прильнув друг к другу; довольно странная сцена, должно быть, но Фидо об этом не думала.

— Малышка моя дорогая! — прошептала она.

— Ты не представляешь, как мне стало легко на душе оттого, что я тебе открылась, — сквозь рыдания приглушенно сказала Хелен.

«Она призналась мне, мне одной! — думала Фидо. — Мы и словом не перемолвились за семь лет, но вот всего через четыре дня после нашей новой встречи она доверила мне свою тайну!»

Она уже чувствовала тяжкий груз этого тайного признания, но была горда своей ношей.

Фидо вошла в дом номер 10 на Лэнгхэм-Плейс. За ней поспешно поднималась женщина средних лет.

— Прошу прощения, это контора, где записывают женщин на работу?

— Да.

— Вы можете мне помочь?

Фидо с сомнением оценивала изящный вид незнакомки, ее нежные белые руки.

— Пойдемте, посидим в нашей библиотеке, — пригласила она женщину.

Леди схватила ее за рукав.

— Я… Я не знаю вас, мадам, но должна сказать, мне нужно срочно найти хоть какую-то работу. Я и моя дочь… Мой муж врач, — бессвязно продолжала она.

Фидо неловко ждала объяснений.

— Ему не повезло с практикой, — сказала незнакомка приглушенным голосом. — И он… Он бросил нас. Это случилось четыре месяца назад, и у нас нет никаких доходов.

— Я вам очень сочувствую. Я прослежу, чтобы вас выслушали и записали ваши данные в нашу регистрационную книгу, — заверила ее Фидо, мягко высвобождая свой рукав.

Поднимаясь наверх, она вспоминала первых подобных просительниц, которых встретила здесь шесть лет назад, когда пришла работать с ковровым саквояжем, полным рассказов, и свою безграничную самоуверенность. («Наша самая преданная активистка», — представила ее как-то Бесси Паркес одной даме.) Какой по-весеннему радостной была атмосфера на Лэнгхэм-Плейс в 1858 году, казалось, перемены близки, как спелые фрукты, свешивающиеся с ветки, — достаточно только руку протянуть, на что не осмеливались робкие женщины прежних поколений.

В приемной комнате Бесси Паркес, Джесси Бушере, Иза Крейг и Сара Левин (их секретарь) размышляют над чертежами, разложенными на огромном столе.

— Здравствуйте, Фидо, — раздался радостный голос Изы Крейг.

— Вчера нам вас очень недоставало, — заметила Бесси Паркес.

— Прошу меня извинить. Я вчера приболела, — сказала Фидо, удивленная собственной ложью; почему бы просто не сказать, что у нее были другие дела?

Она обращается к мисс Левин и рассказывает ей об ожидающей внизу жене доктора.

— Я не смогу подыскать ей работу, — вздохнула секретарь, отодвигая свой стул.

— Чуть ли не каждый день ко мне в типографию приходят оказавшиеся без средств дамы, и я всегда направляю их сюда, на биржу труда…

— Естественно, они ошибаются, потому что «Виктория-пресс» гораздо популярнее, чем биржа… — горячо проговорила Иза Крейг.

— Как вы думаете, что происходит в тех случаях, когда мы им отказываем? — спросила Фидо.

— А эта дама… хороша собой? — интересуется Джесси Бушере.

— Во всяком случае, недурна.

— Тогда, может, ей лучше найти себе какого-нибудь покровителя, чем голодать, — вслух размышляет Джесси Бушере.

«Покровителя!» Фидо возмущена этим эвфемизмом.

— Кто из нас бросит первый камень? — спросила Бесси Паркес. — Магдалина была прощена, потому что сильно любила. Помните шедевр Аделаиды «Легенда Прованса»?

Фидо прячет от сотрудниц взгляд, но знает, о чем они думают. Они и без Бесси Паркес заметили, что она перестала работать по воскресеньям, они знают, что, подобно Аделаиде Проктор, она собирается перейти от унитарианской церкви в католичество.

Иза Крейг отвернулась и вытерла глаза.

— Иза, дорогая, не надо плакать при упоминании этого дорогого всем нам имени, — экзальтированно произнесла Бесси Паркес. — Аделаида не хотела бы, чтобы о ней скорбели. Ведь я была с нею до последнего вздоха и рассказывала вам, с какой радостью, с какой готовностью она уходила в иной мир к любимому Иисусу!

Фидо это кажется ханжеской болтовней, но она молчит.

— И это после того, как у нее два года шла кровь горлом, — тихо прошептала Джесси Бушере.

Религия — это одна из тем, по которой взгляды женщин, принадлежащих к Лэнгхэмской группе, никогда не сойдутся, поэтому они не затрагивают ее в «Журнале английской женщины».

Бесси закусила губы.

— Если кто не помнит, я скажу, что в этой поэме Аделаиды рассказывается о монахине, которая выхаживает красивого рыцаря. Он соблазняет ее убежать с ним. Спустя много лет она возвращается жалкой нищенкой в монастырь и узнает, что все это время святая Дева Мария сохраняла для нее ее келью, приняв ее облик.

— Правильно, — кивает Иза Крейг. — Но здесь вся суть в том, что эта монахиня снова смогла жить по-прежнему, не боясь осуждения сестер, потому что они так и не узнали, что она покидала монастырь.

Фидо невольно думает о Хелен. Наверное, вчера она говорила с ней слишком строго и резко. Какое право имеет она, Фидо, не знающая замужней жизни и ни разу не испытавшая соблазна мужской любви, осуждать несчастную жену за платонические отношения с другим мужчиной, в которых она находит жалкое утешение? Ведь

такие отношения бывают недолгими, как жизнь мухи-однодневки: через несколько недель Хелен будут разделять с Андерсоном Канал[32] и Средиземное море.

— Бесконечно сострадание Господа и Его милосердие, — благоговейно произнесла Бесси Паркес и процитировала строки из поэмы:

Звезда, однажды виденная нами,

С тех пор нам служит путеводною Звездой

И помогает стать такими,

Как предначертано Судьбой.

В этот момент Фидо поняла с болью в душе: «Я ревную». Вот что лежит за ее строгим вчерашним выговором: не столько вопросы приличия и порядочности, сколько жгучая ревность. Этот кудрявый пустозвон вряд ли достоин страстного внимания Хелен. (Да и какой другой мужчина этого достоин?) В тот последний день августа на Фаррингдон-стрит произошло нечто исключительное и чудесное: дружба, которая казалась умершей, вдруг возродилась, словно феникс

[32] Примечания: 32

Канал, Английский канал — принятое в Великобритании название пролива Ла-Манш.

из пепла, и какое отношение имеет к ней этот щенок?

— Возвращаясь на землю, — нарушила Сара Левин наступившую тишину, — должна сказать, что в этом месяце число подписчиков на «Журнал» снизилось.

— Какой ужас!

— Неужели?!

— Гм, боюсь, их уже меньше шестисот.

Бесси Паркес тяжело вздохнула.

— Будьте добры, загляните в список, — обратилась она к секретарю, — и назовите подписчиков, которые решили не продлевать подписку…

— А я от многих слышала, что читательницам очень нравится, что в каждом номере они могут найти очередную главу романа известного писателя, — вставила Иза Крейг.

— Ах, ну какое отношение имеет роман к правам женщин! — возмутилась Бесси Паркес.

Фидо рассеянно пожала плечами:

— Каждую пилюлю полагается сдобрить кусочком сахара.

В этот момент в комнату быстро вошла Эмили Дэвис и заняла свое место за столом.

— Прошу прощения за опоздание, но я принесла вам радостное известие! — возвестила она

своей скороговоркой. Сегодня редактор «Журнала» выглядит особенно похожей на куколку: спущенные на уши гладкие, подернутые сединой волосы обрамляют ее личико с миниатюрными чертами. Она достала из своей сумочки лист бумаги. — Утром я получила письмо — они упрямо называют это меморандумом — из Кембриджского университета…

Все нетерпеливо подаются вперед.

— Они согласны, но только в виде исключения, удовлетворить нашу просьбу и допустить девушек к их местным экзаменам![33]

— После стольких лет борьбы! — восторженно ахнула Фидо и выхватила у нее письмо.

— Ах, мисс Дэвис, поздравляем! Да здравствует победительница! — воскликнула Бесси Паркес, пожимая ей руку.

— Вздор, это была наша общая работа, — сказала Эмили Дэвис. — Фидо, думаю, решающую роль сыграли завтраки, на которые вы приглашали влиятельных особ. Но, признаться, я уже почти не надеялась убедить профессоров.

Никто из присутствующих не принял это заявление всерьез: за то короткое время, как с ними

---

[33] Примечания: 33

Местные экзамены (local examinations) проводились в школах на местах комиссиями из представителей университета.

стала работать эта энергичная дочь викария из Ньюкасла, все успели убедиться, что она никогда не бросает начатого дела, не доведя его до победного конца. Эмили Дэвис, думает Фидо, похожа на терьера, который, вцепившись клыками в палку, ни за что ее не выпустит, только у нее больше выдержки и терпения.

— Наша долгая борьба — это приливная волна! — возвестила Бесси Паркес восторженным голосом, каким читает свои стихи. — Скоро она достигнет порта!

Эмили Дэвис, как обычно, не обратила внимания на ее пафос.

— Во всяком случае, местные экзамены помогут открыть женщинам доступ в университет. Я рассчитываю, что наши дочери — я говорю образно, — сухо говорит она, обращаясь к коллегам, — смогут быть зачислены в женский колледж Кембриджа.

Фидо вспомнила свой интернат в Кенсингтоне, где по утрам они зазубривали по десять страниц из «Истории» Вудхаусли под аккомпанемент дребезжавших над головой четырех расстроенных пианино. Если бы живая и смелая Фидо, все свободное время отдававшая чтению, знала, что у нее есть возможность поступить в университет,

ее жизнь сложилась бы по-другому. Как бы ни настаивала мать, она не потратила бы целых два года на дебют в свете… И вероятно, никогда бы не познакомилась с Хелен; сейчас эта мысль кажется ей дикой.

— Но у кого-то из нас может быть настоящая дочь, — тихо заметила Бесси Паркес.

Фидо тайком обменялась усмешкой с Изой Крейг. Все, кроме самой Бесси Паркес, сознательно остаются старыми девами, тогда как та вот уже семнадцать лет мучительно гадает, принять ли предложение пожилого и обремененного долгами поклонника или нет. Джесси Бушере уверяла, что она уступит его настойчивым ухаживаниям до своего сорокалетия, которого она отчаянно страшится. Фидо возражала, что, если бы она этого действительно хотела, то давно бы уже вышла за него замуж.

Эмили Дэвис привлекла внимание, постукивая по письму.

— Взгляните на дату: великодушные профессора дали нам всего несколько недель на подготовку наших кандидаток. Я задержалась сегодня потому, что сразу занялась поисками зала, девушек, желающих сдать экзамены, и жилья для них… Обратите внимание, в постскриптуме

нас убедительно просят принять все необходимые меры, чтобы избежать обмороков и истерик кандидаток!

Общий хохот.

На письме, которое горничная Джонсон принесла в кабинет, имя Фидо написано знакомым энергичным почерком. На нем зеленая восковая печать, которую она узнает с первого взгляда. «Semper Fidelis», девиз Смитов, рода Хелен: «Всегда предан». Подруги, бывало, шутили, что, учитывая фамилию Фидо Фейтфул,[34] этот девиз должен бы принадлежать ее семье. И когда семь лет с Мальты не было писем, Фидо начала считать этот девиз пустой фразой. Но при всей своей эксцентричности Хелен оказалась верной подругой. Фидо сломала зеленую печать и одним залпом прочла письмо:

«Экклестон-сквер,
6 сентября 1864

Моя задушевная подруга!

Я размышляю обо всем, что ты говорила на берегу Серпентайн. Ты — мое строгое, но правдивое зеркало. Сейчас я пони-

[34] Примечания: 34
Фейтфул (англ. faithful) — верный, преданный.

маю, что незаметно для себя оказалась участницей опасной ситуации, издревле подстерегающей женщину. Сама я была не способна найти выход из этого лабиринта, но ты, моя Ариадна, вручила мне путеводную нить.

Почему-то мне вспомнился один твой совет: не нужно покупать цветы из шелка, потому что у девушек, которые их делают, ядовитые испарения краски разъедают слизистую полости рта (если я, конечно, правильно помню). И ты добавила фразу, которая меня поразила: „Знание влечет за собой ответственность“. Да, дорогая Фидо, ты открыла мне глаза, и теперь я не стану медлить и вырву все это с корнем, не обращая внимания на чувства свои и других людей.

Ты знаешь, я всегда отличалась ветреностью и какой то неуемностью. Все эти годы мне было очень одиноко, рядом не было никого, кому я могла бы довериться и кто меня утешил бы и успокоил. Но теперь мы снова вместе, и я надеюсь исправиться. „Быть верной своему слову“, как ты выражаешься. Если бы ты всегда

была рядом, до конца моих дней, думаю,
я с каждым днем становилась бы лучше.
Могу я навестить тебя сегодня днем?

Твоя Хелен».

Взгляд Фидо остановился на фотографиях сестер, братьев и их многочисленных отпрысков, и вдруг она вскочила и стала рыться в своем бюро.

— В обмен на твою прелестную визитную карточку я могу подарить тебе свою последнюю фотографию.

Хелен принялась внимательно ее рассматривать.

— Фотограф прекрасно передал твой великолепный лоб, но здесь ты кажешься старше, чем на самом деле.

— Ты так думаешь?

— В следующий раз попроси, чтобы свет падал на тебя сбоку.

Наступила долгая томительная пауза. Фидо не в состоянии придумать тему для разговора, за исключением одной, но не смеет о ней заговорить.

— Должно быть, очень важно, — заметила вдруг Хелен, — иметь собственный дом.

Вслед за Хелен Фидо тоже обвела взглядом свою узкую гостиную. Дом — слишком громкое назва-

ние для ее жилища на Тэвитон-стрит, стиснутого с обеих сторон другими строениями. Вся мебель потертая и старомодная по сравнению с обстановкой резиденции Хелен на Экклестон-сквер. Маленькие столики будто нагие, взгляду ее гостьи не на чем остановиться.

— В каком смысле? — смущенно спросила она.

— Я хочу сказать, человек иначе себя чувствует, когда у него есть свой дом. Вот ты, например, очень независима.

— И ты связываешь это состояние вот с этими четырьмя стенами? — изумленно спросила Фидо.

Хелен пожала изящными плечиками:

— Не стоит относиться к ним с таким пренебрежением. Дорогая, ты не представляешь, что значит жить под одной крышей с мрачным стареющим мужем. Я живу в его доме, ношу одежду, за которую он платит, исполняю каждое его распоряжение…

— Хм, насколько я помню, обычно ты игнорировала большинство распоряжений Гарри, — не удержалась Фидо от возражения.

Хелен надула свои розовые губки:

— Это не важно, главное, они мне дышать не дают! Подумать только, в двадцать один год я от-

казалась от себя так же беззаботно, как девушка заполняет на балу карточку для танцев!

— Твое письмо… — Фидо кажется, что пора уже перевести разговор на их отношения. — Оно меня очень тронуло.

Лицо Хелен озарилось радостной улыбкой.

— А что, Андерсон… — Фидо с трудом выговаривает его имя.

— Он на два дня ездил поездом в Шотландию и только что возвратился.

— Мне кажется нечестным оставлять в нем сомнения…

— Я думаю точно так же, потому и пригласила его сюда.

Фидо изумленно посмотрела на нее:

— Сюда? Ко мне?!

В этот момент вошла Джонсон. Согнувшись, она внесла поднос с дымящимся фарфоровым чайником, сахарницей, чашками и прочим. (За последние годы Фидо не раз объясняла своей горничной зависимость ее здоровья от осанки, но бесполезно.) Минут пять, если не больше, Джонсон переставляла все на чайный столик.

Когда наконец подруги остались одни, Фидо заварила чай.

— Ты могла бы спросить у меня разрешения,

прежде чем распоряжаться моим домом, — недовольно сказала она.

— Но я знала, что ты согласишься. — Хелен грустно улыбнулась. — Не могу же я разговаривать с ним на Экклестон-сквер?

— Но, по-моему, ты сказала, твой муж не возражает, что Андерсон сопровождает тебя в прогулках по городу.

— Разве? Вряд ли.

Фидо напрягла память; возможно, она сама пришла к мысли, что адмирал, уединяющийся за работой в своем кабинете, не возражает против этого.

— Не хочешь ли ты сказать, что он… подозревает полковника в чувствах к тебе?

— Подозревает? Сомневаюсь. Гарри уже много лет не находит меня желанной, так что ему и в голову не приходит, что кто-то может воспылать ко мне любовью, — язвительно сказала Хелен. — Но, видишь ли, я предпочитаю, чтобы он не знал о возвращении Андерсона. Я хочу сказать, что отпуск полковника, — продолжила она, вставая и выглядывая в окно, — совершенно случайно совпал с нашим возвращением домой.

От волнения Фидо стало трудно дышать.

— О, Хелен! Не хочешь ли ты сказать, что Ан-

дерсон нарочно взял отпуск, чтобы последовать за тобой в Лондон, а Гарри думает, что он все еще на Мальте?

— Я сама ничего не знала, пока его письмо не оказалось на моем подносе для писем, — пробормотала Хелен, не отводя взгляда от улицы.

— Но…

— Не сердись, — мягко сказала Хелен. — Я собираюсь уладить все это. Но теперь ты понимаешь, что я не могу пригласить его к себе, а начать такой разговор на улице или в кебе тоже нельзя: вдруг он устроит мне сцену?

— Но он джентльмен… — нахмурилась Фидо.

— Да, но при этом находится в отчаянном состоянии. — Хелен обернулась и, понизив голос, с ужасом прошептала: — Последние несколько недель он говорил такие вещи… Вообрази, он угрожал, что покончит с собой.

Фидо крепко сжала губы. «Это вульгарно, боже мой, как это вульгарно!»

— Что ж, пусть ваша встреча состоится здесь. «Уж если делать, то скорее», — цитирует она. — И когда мне ожидать полковника?

Хелен взглянула на свои часики:

— Он должен быть с минуты на минуту.

Фидо вздрогнула.

— Я указала в записке четыре часа.

— Я не хочу присутствовать при этой сцене!

— Но, дорогая, я этого и не прошу! — Хелен подошла и взяла ее руку в свои удивительно холодные ладони. — Придумай какой-нибудь предлог и оставь нас одних на полчаса.

— Но…

Внизу тренькнул дверной звонок. Спустя минуту послышались тяжелые шаги Джонсон.

— Ты просто какой-то ураган, — проворчала Фидо. — Без тебя мне жилось гораздо спокойнее.

В глазах Хелен блеснули слезы.

— Не будь со мной так жестока, я не вынесу этого. Мне понадобится вся моя смелость для этого разговора.

— В таком случае помоги тебе Бог! — Фидо крепко обняла ее и поцеловала в блестящие волосы.

— Ты не встретишь беднягу у лестницы? — спросила Хелен. — Он с таким уважением относится к тебе!

«Что за чушь», — подумала Фидо, он и видел-то ее всего два раза. Но при всей своей щепетильности она сочувствует Андерсону, жалея из-за безнадежной любви; жалеет за по-собачьи преданный вид, когда он быстро поднимается по лестнице, не подозревая об ожидающем его уда-

ре. Любовь к Хелен, вероятно, величайшая драма его жизни, отныне несчастного неудачника ждет лишь монотонная и будничная жизнь в полку. Ему следовало скрывать свои чувства, решила Фидо, и изливать их в плохих стихах, после чего прятать в столе под замком. Но подобного рыцарства давно уже нет в нашей жизни. И как можно винить его в том, что он признался в своей любви, когда Хелен — чувствуя себя одинокой, к тому же она так тщеславна — определенно охотно согласилась его выслушать? (В уме Фидо, направляющейся к лестнице, всплыла любимая мамина поговорка «Джентльмен остается джентльменом до тех пор, пока леди не забывает о том, что она леди».)

Поэтому она весьма любезно поздоровалась с полковником и заварила ему кофе, так как он не пьет чай; она даже предложила ему добавить в кофе немного бренди, чтобы успокоить нервы. Она поговорила о чудесной прохладной погоде, высоко отозвалась о речи мистера Гладстона по поводу тайного голосования.

— Возможно, время для этого настало. Ведь оно уже принято во Франции и в Италии.

— Вот именно! — с презрительным смешком отозвался Андерсон. — Это все паписты придума-

ли. Британец бросает свой бюллетень открыто, на глазах у соседей, и не стыдится этого.

— Человек независимый определенно этого не стыдится, — согласилась Фидо. — Но большинство избирателей находятся в зависимости от своих сквайров, работодателей, богатых клиентов, поэтому в день выборов они походят на стадо робких овец. Разве тайное голосование не защитит их от преследований, не придаст им смелости выразить свое мнение?

Андерсон пожал плечами:

— По моему мнению, в этом есть нечто трусливое и унизительное.

— А вы не находите, полковник, что здесь кроется парадокс? В условиях демократии для проявления искренности необходимо тайное голосование. Правда выявляется за занавесом!

Он снова перевел взгляд с нее на Хелен, сидящую на другом диване с мраморно-бледным лицом.

Пора! Фидо встала и тихо произнесла:

— Я обещала миссис Кодрингтон оставить вас для разговора тет-а-тет, поскольку ей надо сообщить вам нечто важное.

Андерсон растерянно поморгал и вскочил.

«Все», — с облегчением подумала Фидо и обер-

нулась к Хелен, чтобы подбодрить ее взглядом.

Внизу, у себя в кабинете, она ни на чем не могла сосредоточиться. Сначала принялась просматривать сентябрьский номер «Журнала английской женщины», оставила несколько пометок на полях о необходимых изменениях, которые сделают его интереснее. (Она давно уже заметила странный парадокс: притом что все члены Лэнгхэмской группы самозабвенно преданы своему великому делу, их «Журнал» отличается назидательным и даже раздражительным тоном, свойственным информационной газетке какой-нибудь маленькой ремесленной гильдии.) В глаза ей бросились напечатанные сплошными полосами статьи, и она возмущенно нахмурилась: ведь она постоянно напоминает наборщицам о необходимости оставлять пространство между материалами. Оставив журнал, она записала кое-какие расходы в конторскую книгу и ответила на короткое, ласковое письмо матери. «Мы получили разрешение Кембриджского университета подвергнуть нескольких серьезных кандидаток местным экзаменам, — пишет она. — Надеемся, что этот опыт поможет повысить стандарт образования девушек, чему, насколько я знаю, мама, ты всегда придавала большое значение».

Наконец Фидо не выдержала и посмотрела на свои часики: прошло всего четверть часа. Но кто знает, сколько нужно времени, чтобы объяснить человеку, что ему придется расстаться со своими надеждами?

Она нервно потеребила цепочку от часов, заметила на ней петельку и с помощью пресс-папье в виде миниатюрной копии Хрустального дворца[35] вернула на место два звена цепочки. Этот сувенир подарил ей отец на память о Великой выставке в Лондоне, на которой они побывали; ей было всего пятнадцать лет. (Из невероятного количества осмотренных экспонатов ей почему-то запомнился огромный перочинный нож с восьмьюдесятью лезвиями.) В тот самый год она истратила выданные ей на целый месяц карманные деньги на сборник стихов Лонгфелло под названием «Золотая легенда», но ее брат Джордж, который был очень набожным еще до посвящения в духовный сан и не одобрял ее увлечения поэзией, сжег драгоценный томик. Она с плачем пожаловалась матери, но приобрести другой экземпляр не осмелилась. Сейчас Фидо стала

[35] Примечания: 35

В Лондоне в 1851 г. состоялась первая Великая выставка изделий промышленности всех наций, которая проходила в специально для нее сооруженном грандиозном Хрустальном дворце.

совершенно самостоятельной, и ей трудно представить, что она была такой робкой девочкой. Далеко же она ушла от той безмятежной и замкнутой жизни в доме приходского священника, основанной на незыблемых, как его фундамент, понятиях о семье и священном долге.

Девятнадцать минут. Скоро уже двадцать. «Вздор, — вдруг подумала Фидо. — Почему это я не могу войти в собственную гостиную?» К тому же Андерсон наверняка ретировался сразу, как только Хелен сообщила ему о своем решении; к чему ему усугублять унизительную ситуацию. Но хлопка парадной двери не было слышно, значит, он еще здесь. Скорее всего, сейчас он в отчаянии мечется по гостиной? Спорит с Хелен, осыпает ее возмущенными упреками? Или угрожает? Она живо представила его крупные руки с золотистыми волосками, вцепившиеся в нежные плечи Хелен.

В один момент Фидо взбежала по лестнице. У дверей в гостиную она в тревоге замерла, опасаясь услышать звуки ссоры. Если они разговаривают тихо, она даст им еще пять минут; было бы неприлично подслушивать. Между шторами на лестничном окне пробивается луч света, в котором танцуют пылинки. Как ни странно, Фидо

вообще не услышала голосов, только какой-то непонятный звук, похожий на тихий хрип. Рыдание? Не мог ли Андерсон неслышно уйти, оставив Хелен в слезах? Или после бурного объяснения они погрузились в немое отчаяние?

Внезапно в воображении Фидо возникла картина поцелуя: коралловый ротик Хелен, светлые, как солома, усы офицера. Ее охватило нечто похожее на ярость. Она уже готова была распахнуть дверь, когда тихий звук стал вдруг более ритмичным и громким. Ей не приходилось слышать ничего подобного, поэтому она не сразу осознала значение того, что слышала. Не хриплые рыдания и не приглушенные возражения, нет, это звуки механического происхождения: она наконец поняла — отчаянно скрипят пружины дивана от движений двух тел.

Теперь Фидо уже не могла войти в гостиную. Только не сейчас! И вдруг она обнаружила, что ноги ее не держат. Она медленно осела на пол, и широкие юбки коричневого платья представились ее затуманенному взору подобием грязной лужи.

Глава 2
FEME COVERT
(англ., юр.: замужняя женщина)

Когда мы приходим домой, мы сбрасываем маску, кладем инструменты и перестаем быть юристами, моряками, солдатами, чиновниками, священниками и становимся просто людьми.

***Джеймс Энтони Фроуд.*[36]**

Немезида веры (1848)

Скоро с прогулки придут девочки, чтобы по заведенному порядку провести час с родителями. Вице-адмирал Генри Кодрингтон сидел в своем любимом кресле и читал «Телеграф». Его жена, опершись локтями на маленький инкрустированный столик и нервно поигрывая бриллиантом, смотрела на его квадратный затылок. Его седые волосы тщательно приглажены; белая рубашка, черный жилет и черный сюртук

---

[36] Примечания: 36

Фроуд Джеймс Энтони (1818–1894) — английский историк и журналист.

застегнуты на все пуговицы, хотя стоит страшная жара (которая обрушилась на город с новой силой в начале второй недели этого невыносимо скучного сентября, и, как только постоянная дымка на небе стала рассеиваться, почти все дома Уэст-Энда опустели — их счастливые обладатели уехали на рыбную ловлю или на охоту). Что ж, во всяком случае, у него еще нет никаких признаков лысины, равнодушно думала Хелен.

Она снова покатала в маленьких пухлых пальчиках бриллиант, затем опустила его в коробочку. Потом встала и потянулась, раскинув руки в стороны, насколько позволяли рукава. Порой Хелен чувствовала себя марионеткой, не знающей, кто дергает ее за ниточки.

Подойдя к камину, она сделала вид, что рассматривает пейзаж, который девочки выложили из засушенных листьев. И непрестанно размышляла о своей вчерашней ошибке. Эта мысль терзала ее, не давала покоя: нет, ее мучило не горькое сознание своей вины, а угрюмое недоумение по поводу собственного безрассудства. Бог мой, на диване у Фидо, в четыре часа дня! О чем она только думала? Воистину, она печется о своей безопасности не больше слепого котенка! «Черт бы побрал этого Андерсона с его пылко-

стью!» У нее приятно заныло внизу живота при воспоминании о том, как Андерсон овладел ею на жестком коричневом диване, не успела его хозяйка выйти из гостиной. Хелен поняла, что допустила ошибку, сразу, как только все закончилось. Она едва успела оправить юбки и охладить одеколоном пылающие щеки, когда вошла горничная Фидо, смерила ее негодующим взглядом и весьма неубедительно объяснила, что хозяйку вызвали по срочному делу.

Но каким образом ее подруга узнала, чем они с Андерсоном занимались, мучительно гадала Хелен. Фидо обещала дать им полчаса, и Хелен все время следила за стрелкой старинных часов. Или интуиция подсказала ей подняться наверх раньше оговоренного срока? Неужели она подслушивала у двери?

«Тогда и поделом ей!»

Хелен прикусила палец острыми белыми зубками. К чему терзать себя догадками? Сегодня утром она уже отправила ей две записки, первую беззаботную (с обычным вопросом о самочувствии), вторую немного встревоженную: «Даже если ты очень занята, дорогая, ты, конечно, найдешь минутку написать мне». Ответа не было. Нужно потерпеть, через два-три часа Фидо обязательно

отзовется. Наверное, она сейчас в типографии или на Лэнгхэм-Плейс. Возможно, она ни о чем не знает, может быть, ее действительно куда-то вызвали. Она ответит ей днем, непременно ответит.

Хелен подошла к пианино и стала перелистывать ноты с пьесами Мендельсона, но крышку пианино не подняла. Не поворачивая головы, она знала, что муж оторвал взгляд от газеты. Прежде Гарри часто просил ее сыграть ему что-нибудь. Когда-то они даже пели дуэтом. Теперь она уже не помнит, она ли перестала для него играть или он перестал ее просить об этом. Да и какое теперь это имеет значение? На вышитом покрывале пианино стоит фотография в красивой рамке, изображающая все семейство, съехавшееся в поместье, которое генерал Уильям Кодрингтон, теперь губернатор Гибралтара, унаследовал от сэра Эдварда, героя Трафальгарской битвы. «Их дорогой папочка, знаменитый адмирал», — со злостью усмехнулась Хелен. Его сыновья, Гарри и Уильям, сидят, напряженно выпрямившись, рядом с длиннолицыми сестрами в окружении своих многочисленных отпрысков. (Среди них — любимая сестра Гарри леди Боуршир с вечно надменным замкнутым лицом. Хелен ее не

переносит.) В заднем ряду сидит сама Хелен с маленькими дочками на коленях; она смотрит куда-то в сторону, разделенные посередине пробором ее волосы гладко зачесаны назад. (Спустя десять лет у нее такие же ярко-рыжие волосы, только лицо немного худее, и она втайне пользуется пудрой, тенями для век и бальзамом для губ с розовым оттенком.) Невестки, все как одна, в капорах, подвязанных под двойными подбородками огромными бантами. В каком возрасте Хелен должна будет носить этот жуткий головной убор?

В гостиную вбежали девочки, сразу нарушив напряженную тишину.

— Чем это вы занимались, что так раскраснелись? — спросил их отец, складывая газету.

— Они бегали в сквере, — предположила Хелен.

— В такую жару?!

— Мы не могли заниматься географией, мелки так и таяли у нас в руках, — сказала Нелл, оправляя полосатую юбку и присаживаясь на ручку отцовского кресла.

— И мы уговорили миссис Лаулес позволить нам растратить свою энергию! — добавила Нэн, явно довольная этой взрослой фразой.

— Вы встретили в сквере девочек Эткинс? — спросила Хелен.

— Для них слишком жарко.

— Они бы потеряли сознание.

— Вот так! — И Нелл распласталась на ковре и замерла.

Уголком глаза Хелен видела повернутый в ее сторону длинный нос мужа, он явно дает ей возможность проявить авторитет матери.

— Сию минуту встань! — наконец говорит он.

— Я только показала, папа, — сказала, оправдываясь, Нелл и села.

— Люси Эткинс падает в обморок по любой причине, — выступила в защиту сестры Нэн.

— По любому поводу, — мягко поправила ее Хелен. — Пойми, Нелл, ты могла удариться головой о каминную решетку.

— Тогда у меня мозги вытекли бы наружу и забрызгали камин.

У Хелен дрогнули уголки губ от смеха над умением детей во всем видеть лишь забавную сторону.

— Дитя мое, где ты это взяла? — спросил Гарри.

— Она прочла про камин на плакате мальчика, который разносит газеты, — сказала Нэн, более старшая и умная. — Там было написано об ужас-

ном убийстве в Айлинтоне.

— Ты выходила с утра? — обратился Гарри к жене.

Взмах длинных ресниц.

— Почему ты спрашиваешь?

— Просто интересуюсь, как ты провела этот день.

Хелен внутренне подтянулась, чтобы говорить убедительно:

— Я развезла целую кипу визитных карточек, кажется, ровно двадцать девять, — язвительно уточнила она. — Хотя, думаю, этим мы только покажем всем нашим соседям, когда они вернутся из загородных поместий, что в нарушение всех приличий нам некуда выехать из города в мертвый сезон, да еще в такую погоду!

Он едва заметно вздохнул.

— Но так велит обычай, — сказала она, — и я подчиняюсь. Я всегда находила его весьма обременительным и бессмысленным. Жена, видите ли, обязана развозить по знакомым карточки супругов, и только ради того, чтобы потом принимать эти невероятно скучные визиты.

— А чей это обычай? — поинтересовалась Нелл.

— Ничей, глупышка.

— Не обижай младшую сестру.

— Прости, папа.

— Но ты совершенно права, Нэн, это ничей обычай, — зевнула Хелен. — А точнее, всех.

— Ты не думаешь, что забиваешь им голову? — проворчал ее муж.

— Даже если и так, то ничего страшного.

— Я в этом не уверен. Обычай и традиции, девочки, — это то, на чем держится цивилизация, — говорит он, положив узловатые руки на колени. — Каждое поколение формирует нормы поведения, убеждается в их целесообразности и передает следующему поколению.

— И кто теперь забивает им голову? — насмешливо спросила Хелен. — А уж если говорить о наших предках, то они мылись всего раз в год.

Девочки брезгливо вскрикнули.

Гарри поджал сухие, потрескавшиеся губы.

— Обычно в основе этих правил лежит здравый смысл. Так, например, жены обязаны принимать и отдавать визиты, потому что их мужья заняты серьезными делами.

— Не всегда, — усмехнулась Хелен.

— Ты имеешь в виду что-то конкретное, дорогая моя?

Когда он называет ее «дорогая моя», она вся

ощетинивается.

— Нет, — не в силах сдерживаться, язвительно ответила она. — Я только хотела сказать, что в перерывах между сессиями парламента лорды мучаются от безделья, что адвокаты, если у них нет клиента, не знают, куда себя деть, и что даже морские офицеры весьма высокого ранга порой годами торчат без дела на берегу.

Гарри сохранял внешнее спокойствие, хотя морщины вокруг его глаз обозначились резче.

— Как и следовало ожидать, ты уже в полной мере оценила систему выплаты половинного жалованья в мирное время, что позволяет морскому флоту ее величества иметь в постоянной готовности мощные военные силы, состоящие из квалифицированных офицеров.

— А зачем их иметь в постоянной готовности? — с едва заметным презрением поинтересовалась она. — Насколько я помню, последнее крупное сражение было при Трафальгаре.

— В 1805 году, — вставила Нэн.

— Умница, — машинально похвалил ее Гарри.

— «Правь, Британия, морями!»[37] — пропищала Нелл.

---

[37] Примечания: 37

«Правь, Британия, морями!» — патриотическая песня Великобритании, написана в 1740 г. по поэме Джеймса Томсона на музыку Томаса Арна.

Чтобы не отстать от нее, Нэн тоненько запевает начальные строки морского марша «Сердце дуба»:

Веселей гляди, ребята, наш корабль летит вперед!

Но отец велел ей замолчать и обернулся к жене:

— Боюсь, ты демонстрируешь свое невежество. А как же Наварин,[38] Акра,[39] Свеаборг?[40]

«Ах да, Наварин! — с мрачным презрением подумала Хелен. — Как же я могла забыть эту стычку с неприятелем, во время которой юный гардемарин Гарри был ранен шрапнелью в бедро и получил пулю из мушкета в икру, когда меня еще и на свете не было!»

---

[38] Примечания: 38

Наварин — греческий город на юго-западе п-ва Пелопоннес. Во время войны Греции за независимость произошло Наваринское сражение 20 октября 1827 г. между соединенным английским (под командованием Э. Кодрингтона), французским и русским флотами, с одной стороны, и турецко-египетским флотом под командованием Ибрагим-паши — с другой, в результате которой было уничтожено 55 турецких кораблей.

[39] Примечания: 39

Акра — в настоящее время небольшой город на северо-западе Израиля. В XIX в. одно время был основным портом для Дамаска. В 1840 г. после обстрела города британско-франко-австрийской флотилией был возвращен Турции.

[40] Примечания: 40

Свеаборг — бастионная система укреплений на островах близ Хельсинки. В 1855 г. во время Крымской войны Свеаборг подвергся

бомбардировке со стороны англо-французского флота.

— Да разве бойня при Акре считается сражением? — невозмутимо спросила она. — Я думала, что для британской артиллерии обстрел сирийского городка равносилен схватке медведя с мышкой.

Он принужденно усмехнулся:

— Право, не знаю, девочки, почему вашей маме доставляет удовольствие городить эту чушь!

— Я только спрашиваю, чем именно занимаются военные моряки? По моим представлениям, в наши дни они бесполезнее полисменов. Те хотя бы следят за порядком в городе.

Ее забавляет мысль, что Гарри предпочел бы проигнорировать ее вопрос, но врожденная педантичность заставляет его ответить.

— С таким же успехом можно было бы спросить, для чего возводятся крепости, — холодно заметил он. — Флот ее величества является плавающей крепостью вокруг ее империи. — Он обратился к девочкам, более внимательным и впечатлительным слушательницам. — Когда мы играем мускулами, пираты и работорговцы дрожат от страха!

Девочки притворно дрожат и ежатся.

— Как и индийские мятежники, турецкие захватчики и даже огромный флот русского царя, — продолжал Гарри. — Во всем мире суще-

ствует мнение, что само присутствие в океанах наших военных кораблей с их непотопляемыми металлическими корпусами предотвращает войну.

— А какой корабль самый большой и сильный? — спросила Нелл.

Хелен может побиться об заклад, что Нелл нисколько не интересуют военные корабли. В подобные минуты, когда девочки стремятся подольститься к отцу, она с трудом скрывает раздражение.

— Гм… Очевидно, «Варриор», поскольку его огневой мощи достаточно, чтобы подавить сопротивление любой иностранной флотилии. У него двадцать шесть пушек со снарядами в шестьдесят восемь фунтов и десять — со снарядами в сто десять фунтов…

Хелен позволила себе многозначительный взгляд.

— Во всяком случае, девочки, можно считать, что вы не пропустили урок по арифметике.

— А все-таки старые деревянные корабли лучше. Они такие красивые! — заявила Нэн.

— Что ж, пожалуй, многие с тобой согласятся, — сказал Гарри. — Однако, на мой взгляд профессионального моряка, плавные очертания

черного корпуса «Варриора» больше соответствуют современным представлениям о красоте. В последнем письме дядя Уильям пишет, что, когда он подошел к пристани в Гибралтаре, посмотреть на него сбежалась громадная толпа.

«Завтра! — с нетерпеливым возбуждением подумала Хелен. — Завтра я могу где-нибудь встретиться с Андерсоном, почему бы и нет? Может быть, в Национальной галерее? Нет, там слишком темно и грязно, одни продавщицы назначают там свидания. Где-нибудь на открытом воздухе, в толпе?»

— Так вот, чтобы разъяснить твое заблуждение, дорогая моя, — продолжал тем временем Гарри, переводя на нее взгляд своих больших выпуклых глаз, — войска в резерве — это лучшее оружие, ибо оно избавляет от лишнего кровопролития. Лучшая защита — это бдительность.

Ей уже надоела эта тема, но она не желает оставлять за ним последнее слово. Она зевает, деликатно прикрывая рот ладошкой.

— Но мне кажется, что тактика предотвращения военных действий при помощи одного лишь присутствия морского флота имеет один недостаток. Я имею в виду, что его способность противостоять противнику только предпола-

гается, а не доказывается на деле. Это можно сравнить с тем, как если бы снаружи у нашего дома стоял толстый привратник с пистолетом под плащом. — Она кивком указала на Экклестон-сквер. — Так вот, он стоит себе и дремлет, но стоит нам выйти, как он просыпается и уверяет нас, что его присутствие предотвратило нападение на наш дом целой банды хулиганов!

Лицо Гарри окаменело. Помолчав, он заметил девочкам:

— Просто голова идет кругом! Похоже, у вашей мамы снова разыгралось воображение!

Девочки послушно засмеялись:

— Мама такая глупышка!

Она чувствует леденящую ненависть.

— Что ж, видимо, эта тема слишком болезненна для тебя… учитывая твое положение.

Он удивленно вздернул кустистые угольно-черные брови.

— Мое…

— Я имею в виду отсутствие в настоящее время какой-либо должности.

— Мое командование считает, что после семи лет непрерывной службы я имею право на восстановительный отдых, — заявил он, и на его шее задергался мускул.

— Нет-нет, прекратим этот разговор. Я почитаю газету, а вы с девочками развлекайтесь, поупражняйтесь на ковре в падании в обморок.

Нелл и Нэн смеются, но в глазах их мелькает испуг.

Она протягивает руку к «Телеграф».

— Но я еще не закончил, — возразил Гарри, беря газету и разворачивая ее. — Девочки, здесь есть интересная для вас заметка. Вы знали, что на Бейсуотер стоит дом с фальшивым фасадом, то есть у него имеется только одна стена, выходящая на улицу. Она специально возведена для того, чтобы скрыть железнодорожный туннель.

— А зачем его скрывать? — спросила Нелл.

— Так улица выглядит более аккуратной и красивой. А иначе перед пешеходами вдруг будет возникать поезд, который проносится мимо и скрывается в туннеле у них под ногами.

— Вот было бы здорово!

— А у тети Фидо был приступ астмы, когда она оказалась в подземке, правда, мама?

Хелен поражена тем, что Нелл это запомнила.

— Да, после того, как мы с ней неожиданно наткнулись друг на друга на улице.

— Не понимаю, почему вам вздумалось ехать в подземке, когда ты можешь позволить себе

нанять кеб, — недовольно заметил ее муж.

— Видимо, я неправильно тебя поняла, — тихо сказала Хелен. — В последний раз, когда я попросила тебя завести экипаж, ты поднял такой шум, будто мы стоим на грани разорения. — Увидев испуганные глаза девочек, она быстро успокоила их: — Мама шутит, дорогие.

— У взрослых шутки совсем не смешные, — заметила Нелл.

— Ты права, — сердито поддержал ее Гарри.

— На прошлой неделе Фидо показала мне свою знаменитую типографию, — осторожно произнесла Хелен, пробуя почву.

Муж презрительно фыркнул:

— Вот уж не подумал бы, что тебя может интересовать промышленное предприятие.

— Ну, как-то нужно занять день. До января в городе царит смертельная скука.

Ледяное молчание с Тэвитон-стрит означает, что Хелен перешла некую черту. Хотя Фидо проявила горячее желание помочь подруге предотвратить роман с красивым полковником, оказывается, состоявшийся роман вызывает у нее абсолютно иное отношение. «Ханжа!» — мысленно заклеймила ее Хелен. В представлении обделенных женским счастьем старых

дев секс выглядит страшным грехом. Неужели эти несколько мгновений тайного наслаждения на чужом диване определяют разницу между добродетелью и грехопадением?

— Ты всегда можешь провести время с дочерьми, помочь им совершенствоваться во французском и в игре на фортепьяно, — скрестив длинные ноги, заметил Гарри.

— Разве не за это мы платим миссис Лаулес?

Он невозмутимо уточнил:

— Я действительно плачу ей за это, но долг матери — подготовить их к будущей роли в жизни.

— Между прочим, именно это я и делаю, — возразила Хелен. — Я беру их с собой выбирать обои, позволяю им сидеть в кебе, когда выезжаю с визитами…

— Я говорил о домашних обязанностях.

— О каких? Учить их варить баранью ногу?

— Ты опять говоришь глупости. Я имею в виду следить за хозяйством.

— Миссис Николс и ее помощницы прекрасно справляются с приготовлением блюд, и им будет неприятно, если мы втроем будем болтаться в кухне и следить за ними.

— Я веду к тому, что с нравственной точки зрения материнское воспитание ничто не может

заменить.

— Если ты намерен читать мне нотации, я настаиваю, чтобы ты дал мне газету… — Она протянула к ней руку.

— Не надо читать, мамочка! — Нэн повисла у нее на руке. — Расскажи нам, чем знаменита эта типография тети Фидо.

Такие маленькие, а уже обладают женским умением перевести разговор в другое, более мирное русло.

— Тем, что у нее в типографии работают женщины и девушки.

«А если Фидо ничего не ответит ни сегодня, ни на следующей неделе?» Похороненная дружба, которую Хелен с таким трудом извлекла из забытья и оживила, снова угрожает выскользнуть у нее из рук.

Гарри усмехнулся:

— Работающая женщина из буржуазии — такое же новомодное изобретение, как стереоскоп. Все эти наборщицы, медсестры, телеграфистки и библиотекарши скоро исчезнут, как птицы зимой.

— В следующую нашу встречу я постараюсь не забыть и передать ей твое ободрение.

«Нет, я не допущу, чтобы она меня бросила! — с внезапным приступом гнева подумала Хелен. —

Я все улажу, заставлю ее вспомнить, как она меня любит».

— Кстати, про стереоскоп, папа, нам надоели одни и те же картинки, они у нас уже давно, — пожаловалась Нелл.

— Ну да, целый месяц, — усмехнулась Хелен.

— В магазине продаются наборы фотографий Японии на папиросной бумаге. Это очень познавательно, — добавила Нэн.

— Что ж, покажите мне каталог, — предложил отец.

— Ты им потакаешь, — тихо упрекнула его Хелен.

— Мама, можно в следующий раз мы посмотрим типографию тети Фидо?

— Нельзя! — одновременно ответили родители.

— Вы можете попасть в печатную машину и выйти оттуда плоскими, как бумага, — заявил Гарри.

Нэн живо изобразила это, и сестры восторженно расхохотались.

Хелен встретилась с любовником в зоосаде, в северной части Риджентс-парка.

— Должен признать, мы были с тобой весьма неосторожны на Тэвитон-стрит. А твоя мегера

мне понравилась.

Хелен с возмущенным возгласом ткнула ему в бок, и он удержал ее руку.

— Извини! Я хотел сказать, твоя энергичная подруга. Выглядит она, правда, простоватой, но, несмотря на радикальные взгляды, похоже, сердце у нее доброе. Вот только интересно, будет ли она нам помогать, если наше свидание вызвало у нее такое праведное негодование?

— Предоставь это мне, — уверенно успокоила его Хелен.

— А ты говорила, она все понимает, — упрекнул он ее.

— Да, во всяком случае, как никто. — Да и на кого еще могла Хелен положиться в этом городе, где на каждом шагу можно встретить знакомых!

— Но я все равно не понимаю, зачем ты сказала ей, что собираешься дать мне отставку…

— Что вы, мужчины, понимаете в женской дружбе! К тому же не забывай, что она дочь викария, так что ей нужно время, чтобы как-то привыкнуть к этой ситуации. Я уверена, что скоро уговорю ее передавать наши письма и даже позволить нам снова встретиться у нее…

— Как раз времени у нас очень мало, — проворчал Андерсон.

Хелен не в силах спросить, известна ли ему уже дата его вызова. Не утратит ли он любовь к ней, оказавшись вдали? Ведь в Валлетте найдутся и другие смелые и неудовлетворенные женщины. Ветер со стороны Карнивор-Террас нес удушливый запах гниющей соломы, и она поспешно опустила вуаль.

— Ты сегодня мрачный, как медведь. — Она стиснула его пальцы рукой, затянутой в перчатку.

— В самом деле? — спросил Андерсон. — Признаться, мне чертовски надоело по три раза в день таскаться на почту. Никогда не знаешь, когда увидишь свою innamorata,[41] а сам не смеешь написать ей, чтобы письмо не попало в руки ее мужу…

Скрывая раздражение, она ласково улыбается.

— Но мы же встретились. — Они медленно идут дальше. — Помнишь, что ты прошептал мне на ухо на пристани?

Судя по выражению его лица, он этого явно не помнит.

— Когда я собиралась подняться на корабль в Валлетте, — нежно напомнила она. — Ты сказал,

---

[41] Примечания: 41
Возлюбленная *(ит.).*

что, пока не увидишь меня в Лондоне, весь день и всю ночь будешь хранить мой образ в мыслях, как драгоценность.

Он весело усмехнулся:

— Но теперь, когда я здесь, одних мыслей недостаточно; мне нужно чувствовать тебя в моих объятиях.

Она хотела резко напомнить, что всего четыре дня назад он не только обнимал ее, но вместо этого со вздохом воскликнула:

— О, ради целительного воздуха нашего дорогого острова!

На сердце у нее было неспокойно. Она понимала, что его привязанность к ней держится на тоненькой ниточке. На Мальте в обществе военных допускалась некоторая свобода поведения. Гарри практически жил в штабе; если и ходили какие-то слухи о его хорошенькой жене и ее постоянном спутнике, то без сурового осуждения, это ей известно наверняка. Но в Англии у Гарри много свободного времени, он вечно торчит дома и, кажется, просто не знает, чем себя занять, что ее крайне нервирует. Он досаждает ей своими дурацкими советами: чего стоит хотя бы его требование, чтобы она приучала девочек следить за слугами! Увы, здесь, в родной стране, Хелен не

чувствует себя спокойно и в безопасности.

Сложив руки на груди, Андерсон посмотрел на лениво развалившихся львов.

— В столь тесных клетках эти несчастные хищники способны выжить не больше года или двух, но, когда территорию зоосада увеличат, думаю, у них появится больше интереса к жизни.

— В твоих словах мне чудится какой-то скрытый намек.

— Что ж, ты права: свобода преображает жизнь.

Он порывисто поднес ее руку к своим пылающим губам.

Хелен отдернула ее:

— Не смей!

— Боишься, что в этой толпе нас может кто-нибудь увидеть?

— Иногда гувернантка приводит сюда дочерей погулять.

— Твоя материнская любовь просто поражает, — с еле заметной иронией сказал Андерсон. — Она вспыхивает весьма неожиданно и моментально гаснет, как комета в небе.

Хелен бросила на него негодующий взгляд:

— Мои дочери для меня все!

— Извини. Ты сама заставила меня забыть о

приличиях. — Морщась от неприятного запаха, идущего от клеток, он закурил душистую сигарету.

Крымская кампания оставила свой отпечаток на английских джентльменах, с сожалением подумала Хелен; уезжали гладко выбритыми, а вернулись с этими противными бородами и пропахшие табаком.

— Порой родителям приходится лгать детям, — заметила она. — Я хочу сказать, защищать своих дочерей от правды, пока они не выйдут замуж и сами все не поймут.

— Твоим дочуркам явно повезло, — усмехнулся Андерсон. — Хочешь посмотреть на гремучую змею?

Когда она последний раз приводила сюда девочек, огромный боа на их глазах заглотал утку, и Нелл целую неделю снились кошмары.

— Полагаю, ты просто хочешь завести меня в темное место, — с принужденной улыбкой шутит она.

— Ты устроила мне жестокую пытку, приведя туда, где все эти твари милуются и совокупляются, тогда как мне даже украдкой нельзя тебя поцеловать!

На этот раз у Хелен вырвался искренний смех.

Он же тяжело вздохнул:

— Если бы до моего отъезда в Шотландию нам удалось хотя бы час провести где-нибудь спокойно…

— Лично мне и здесь спокойно, — заверила она, хотя на самом деле с трудом сдерживала раздражение. Он снова едет в Шотландию на столетнюю годовщину своей бабки, когда мог бы остаться в Лондоне!

— Ты ведьма! Представляю, как ты посещаешь приговоренных, мучишь их и уходишь, оставляя аромат своих духов в спертом воздухе камеры…

Она улыбнулась, разглядывая спящую в клетке большую черную пантеру.

— Может, найти двуколку и покататься по парку? — предложил Андерсон.

— Лондонские извозчики известные сплетники.

— С какой тоской я вспоминаю адмиральскую гондолу! Эти лунные ночи, тихий шепот волн…

— Ты невыносим! — с милой улыбкой упрекнула его она.

— Моя квартирная хозяйка ужасно любопытна и назойлива, — осторожно заговорил Андерсон, — но я знаю один очень приятный и тихий отель…

Хелен устремила на него холодный взгляд.

— В этом есть нечто гадкое.

— Прошу тебя, не сердись!

Андерсон выглядел таким сокрушенным, что она подняла голову и прошептала ему на ухо:

— Терпение! Ты знаешь, я с радостью отдала бы за тебя жизнь!

— Дорогая моя, храбрая девочка! — хрипло простонал он. — Прекрасная Елена, чья красота способна разметать сотни кораблей и…

Она отстранилась, не дав ему поцеловать себя.

— Когда ты должен ехать? — вырвался у нее вопрос, о чем она сразу пожалела.

Лицо его сразу утратило восторженное выражение.

— Приказ от начальства должен поступить со дня на день.

— Но ты всегда можешь попросить, чтобы тебя направили в полк, который располагается в Англии, не так ли? — Не стоило ей заводить этот разговор; она ступает на зыбкую почву. — Я слышала, офицеры часто так делают, если их полки отправляют служить в Канаду или в Вест-Индию…

— Как ты понимаешь, я предпочитаю Мальту.

Она отвернулась, пряча заблестевшие от слез

глаза.

— А еще офицеры частенько продают свой патент, — заметил он. — Ты этого хочешь?

— Нет, конечно, — проглотив комок в горле, ответила она. — Мне бы не хватало твоего блестящего алого мундира.

Андерсон выдавил смешок. Помедлив, он щелкнул крышкой карманных часов.

— Сейчас будут кормить орлов, хочешь посмотреть?

— Нет, я собираюсь вернуться домой, — возразила в отместку ему Хелен.

В записке, которую Хелен отправила на следующее утро, она уже не делала вид, что ничего не произошло. В конце концов, ее давняя подруга — со своими радикальными взглядами и независимым образом жизни — не такая, как другие женщины. Испытанная тактика в виде лести, иносказаний и уловок здесь не поможет. Хелен решила покаяться Фидо.

«Кроме тебя, у меня нет ни одного друга на свете, — вдохновенно импровизировала она, — и я с волнением и страхом прошу тебя выслушать всю историю из моих уст, прежде чем ты вынесешь окончательное суждение. Ведь совсем недавно ты говорила мне, что родственные души должны

поддерживать друг друга в любых испытаниях!»

Час за часом ждет она ответа. Время визитов подходит к концу. Гарри, который провел день в Дептфорде, любуясь каким-то новым бронированным шлюпом или шхуной (Хелен отказывается понимать эти различия), вошел в гостиную и уселся за чай. Он просматривал доклад о реформе во флоте; Хелен читала последний выпуск «Нашего общего друга»,[42] но путалась в героях. Такое впечатление, что каждый из них находится в отдельной ячейке пчелиных сот: их разделяет стена отчуждения.

Наконец звонок в дверь! В гостиную заглянула горничная и сообщила о приходе мисс Фейтфул, и у Хелен возникло чувство, будто гора свалилась с плеч.

— Проводите ее сюда, — невозмутимо распорядился Гарри.

Он протянул свою чашку; Хелен поняла, что он хочет, чтобы ему налили еще чаю. Почему он не уходит?

Вошла усталая Фидо. У Хелен прервалось дыхание. Она мимикой выразила ей сожаление: «Если бы мы были одни!» — но Фидо ответила ей

---

[42] Примечания: 42
«Наш общий друг» — роман Чарльза Диккенса.

чужим, равнодушным взглядом.

Гарри встал во весь свой громадный рост и приветствовал гостью. Глядя на него рядом с невысокой Фидо, Хелен нашла в его росте нечто дикое, первобытное. Нет, это не благородный норманн, а потомок более древней расы: он происходит от жестоких гуннов, в его руках уместно выглядел бы окровавленный топор.

Все сели и начали передавать друг другу тарелку с бутербродами. Гарри принялся расспрашивать об одном из братьев Фидо, который недавно получил звание капитана. Вскоре они перешли к ее любимой теме — борьбе за права женщин.

— Видите ли, адмирал, уже половина британских женщин вынуждена работать, чтобы прокормить семью, — объясняла Фидо. — И в основном они занимаются изнурительным и отупляющим трудом в угольных шахтах или изготовляют цепи.

— Ну, жены и дочери бедняков — это дело другое, — возразил Гарри. — Но когда речь идет о женщинах среднего или высшего общества…

Она прерывает его:

— У нас на бирже я постоянно вижу несчастных жен и даже дочерей джентльменов, разорившихся, когда стоимость акций, в которые они

вложили свое состояние, резко пошла вниз. Некоторые джентльмены по другим причинам не в силах обеспечить семью.

— Ты имеешь в виду девочек, как Нелл и Нэн? — спросила Хелен и, видя, как ее муж гордо распрямляет плечи, едва удержалась от смеха.

— Конечно, ваши дочери получают хорошее воспитание и образование… Но в какой области они смогут зарабатывать средства, если, не дай бог, для них настанет черный день? Я считаю, что не отсутствие природных способностей, а наши предрассудки и законы лишают их возможности работать в магазинах, в конторах, управлять школой, институтом или поместьем…

Гарри надменно фыркнул:

— Не думаю, что мне будет трудно подыскать мужей для моих дочерей.

«Для моих дочерей! — возмущенно подумала Хелен. — Будто они появились из его бедра!»

— Кстати, сорок три процента англичанок в возрасте двадцати лет — незамужние, — сообщила Фидо.

Цифра вызвала у него изумление.

— Фидо, ты у нас буквально ходячий справочник! — пробормотала Хелен.

— А! — воскликнул Гарри, подняв длинный

палец. — Но если вы и ваши друзья утописты собираетесь обучать девушек из родовитых семей, чтобы они стали независимыми от нашего пола, — если вам удастся убедить их в том, что одинокая жизнь — широкая дорога, а замужество только торная тропа, — так зачем им вообще выходить замуж?

Подумав, Фидо ответила:

— Для большинства женщин, адмирал, супружество является особым и достойным уважения призванием, но, поскольку у меня отсутствует личный опыт, я вряд ли могу судить о его привлекательности.

Гарри наградил ее долгим взглядом, затем разразился хохотом.

Хелен уже забыла, как они нравились друг другу в прежние годы. «Он всегда больше уважал ее мнение, чем мое», — с легкой ревностью подумала она.

— Приятно было снова повидать вас, мисс Фейтфул, после стольких лет. А сейчас, к сожалению, мне нужно написать несколько писем, — сказал он, вставая.

Как только он вышел, в комнате повисла гнетущая тишина. Хелен заставила себя отставить чашку и приступить к разговору:

— В тот день, дорогая моя, у тебя в доме, в момент слабости, за что я себя жестоко корю…

— Этот момент был довольно долгим.

У Хелен загорелось лицо; она уже не могла вести разговор так, как намеревалась.

— Твоя совесть — это твое дело, — с трудом произнесла Фидо. — Но я ожидала от тебя более приличного и достойного поведения.

Вот как? Значит, она воспринимает ту сцену как преступление против английского этикета? Затем Хелен более внимательно всмотрелась в Фидо — взгляд в сторону, строго сжатые губы — и поняла! «Она оскорблена, потому что я не сказала ей об этом заранее, она не может вынести мысли, что это произошло на ее диване!» Хелен импульсивно упала на колени.

— Что ты делаешь?! — гневно воскликнула Фидо.

В голове Хелен мелькнуло сомнение в правильности своего поведения, но она решила, что лучше перестараться.

— Прошу тебя, умоляю простить меня, — едва слышно сказала она и, как провинившаяся собака, положила голову на колени Фидо. — Ты имеешь полное право бросить в меня камень. Но позволь мне только сказать, что это не было…

заранее запланировано… Все произошло так внезапно, так неожиданно…

Молчание, затем вопрос:

— Правда?

«Ага! — торжествует Хелен. — Она готова меня простить! Все это время она мечтала вернуть меня!» Она слегка отпрянула и потерла кулачками сухие глаза.

— Встань, малышка моя. Сядь подле меня. В некотором смысле я сама виновата, — сказала Фидо, уткнувшись в носовой платок.

Хелен удивилась: что она хочет этим сказать?

— Ведь это я подтолкнула тебя к резкому разрыву, — шепотом произнесла Фидо. — Наверное, я была слишком наивной; наверное, из-за незнания противоположного пола я не понимаю всей опасности общения с мужчинами. Когда закаленный в битвах ветеран видит, как то, к чему он стремится, вот-вот ускользнет от него…

«Она думает, во всем виноват Андерсон. Господи, в таких вещах она доверчива, как ребенок!» — изумилась про себя Хелен и несколько раз кивнула.

— Он был так взбешен…

Фидо сжала ей руку:

— А я, глупая, оставила тебя наедине с ним,

в моей собственной гостиной! Дорогая моя, он сделал тебе больно?

— Нет, нет! — Хелен спохватилась, что заходит слишком далеко.

Неужели Фидо так мало знает о мужчинах, что всех до одного считает необузданными дикарями? Хелен, не поднимая головы, размышляла, в чем можно ей признаться, не рискуя вызвать подозрений?

— Возможно, ты не мужчин плохо знаешь, а женщин. — Она нерешительно умолкла, затем набралась храбрости. — Когда я сказала, что хочу положить конец этой страсти, я имела в виду не только его страсть.

Ужасное, гнетущее молчание. Круглое лицо Фидо вдруг словно похудело на глазах. Неужели Хелен допустила промах?

— Мне всегда нужна была твоя поддержка, ты умела противостоять моим слабостям, — страстно взмолилась она, — но сейчас я нуждаюсь в тебе как никогда прежде!

— О, бедная моя девочка! — Фидо крепко обняла ее.

Голова Хелен притиснута к платью подруги, от которого пахнет едкой типографской краской, но она почувствовала прилив невероятной радости

и облегчения.

— Если ты отдала свое сердце этому человеку… тогда нет смысла докучать тебе строгими нотациями, факт уже свершился. Но ты должна, обязана осознать, что сбилась с пути, изменила себе, — говорит Фидо, слегка отстраняя Хелен и пристально глядя на нее своими карими, как у собаки, глазами. — И речь идет не о нарушении принципов морали, хотя и об этом тоже. Главное же в том, что ты позволила себе утратить чувство собственного достоинства, самоуважение, и…

Но Хелен ее не слушала, готовясь к дальнейшему приступу.

— Порой я боюсь, что мои чувства к нему сильнее меня, — сокрушенно призналась она. — Что он оторвет меня от мужа, даже от моих детей…

— Не говори так! Даже не произноси эти ужасные слова! Моя любовь сильнее его любви, — уверяла Фидо, — и я спасу тебя!

Хелен с удивлением отметила, что довольно невзрачное лицо ее подруги вдохновенно преображается.

— О, Фидо, ты одна стоишь между мной и этой пропастью!

Обе умолкают, их руки тесно переплетаются подобно корням дерева.

Фидо откашлялась.

— Ужасно неловкий… практичный вопрос… А что, если что-то произойдет?

Думая о перевернувшемся кебе или о падении с балкона, Хелен недоумевает, но затем догадывается, почему ее подруга так смущена, и едва сдерживает смех.

— Нет, нет, не беспокойся!

«Каким ужасом и отвращением исполнилась бы Фидо, узнай она о моих тампонах и спринцевании?!»

— Ну, во всяком случае, тебе больше нельзя с ним видеться, это ты понимаешь? — мягко спросила Фидо. — Вероятно, это так же трудно, как отказаться от приема опиума; говорят, лучше сделать это сразу, покончить раз и навсегда.

Хелен резко выпрямилась; разговор должен был пойти совсем не так; она запуталась в своих же хитростях.

— Напротив, — импровизирует она на ходу, — порвать сейчас с Андерсоном было бы очень опасно… Он может прийти в такое бешенство и отчаяние, что обо всем расскажет мужу.

— Он не посмеет!

— Но могу ли я рисковать?

Фидо поморщилась.

— Если он на это пойдет, ты можешь все отрицать.

«Ого! — втайне усмехнулась Хелен. — Так сколько же сейчас стоит правда?»

— Какие доказательства может привести Андерсон?..

— Письма, — прервала ее Хелен с несчастным видом. — И подарки, например мой локон.

Ее подруга в ужасе прижала руки ко рту.

— Все хуже и хуже!

— Нет, мне остается только повести дело так, чтобы он привык к мысли о расставании, постепенно, мало-помалу, — настаивала на своем Хелен.

— Но затягивать эти отношения так опасно…

— Ты хочешь сказать, что нас могут раскрыть?

— Я имею в виду — опасно в нравственном отношении, — резко возразила Фидо. — Обман будет разъедать твою душу, и чем дальше, тем сильнее.

Хелен с трудом скрывала свое изумление.

— Ты должна мне помочь, Фидо, помочь нам обоим.

— Обоим?! — с негодованием воскликнула Фидо.

— Андерсон не желает причинить мне вред.

— Как ты можешь так говорить? Этот негодяй уже вел себя по отношению к тебе, как… — Она опустила это слово. — У меня в гостиной!

— В этом есть и моя вина, — напомнила Хелен. — Теперь ты должна стать нашим другом.

— Твоим, только твоим!

— И его, если ты мне друг. Ты будешь нашим духовником, нашим спасителем.

По лицу Фидо пробежала судорога. Хелен следила за его выражением и чувствовала, что она колеблется, что вот-вот уступит.

— Я сделаю все, что в моих силах и что не противоречит…

— Благодарю тебя, да благослови тебя Бог! — прервала ее Хелен и поцеловала в горячую щеку.

«15 сентября

После прочтения уничтожь.

Дорогая моя малышка!

Как и обещала, я передала твое вчерашнее письмо известной тебе особе и прилагаю его ответ. Ты видишь, что я не запечатала письмо своей печатью из соображений безопасности.

Мне очень не по душе все эти тайны, но, поразмыслив, я пришла к выводу, что

они оправданы тем, что совершаются ради добра, то есть в целях ограждения тебя — и всей твоей семьи — от несчастья. При всех моих претензиях к браку факт остается фактом — когда пятнадцать лет назад ты вышла замуж, то отправилась в плавание именно с этим мужчиной, и все твое будущее зависит от того, удастся ли предотвратить кораблекрушение.

Я по-прежнему уверена, что дальнейшие твои встречи с упомянутым человеком лишь дадут ему основания питать ложные надежды, но вынуждена согласиться, тебе самой нужно добиться разрыва отношений самым безопасным способом (да и что я знаю о мужском сердце?). Предстоящий его отъезд, надеюсь, положит конец этой опасной драме, и хотя, вероятно, ты будешь страдать без него, я обещаю утешить тебя всем своим сердцем.

С того дня, как ты доверила мне свою ужасную тайну, я не спала ни одной ночи, но бессонница, дорогая моя, — это самая маленькая жертва, какую я могу принести на алтарь дружбы, которая, как я

думала, умерла, но которую милосердное Провидение сочло нужным возвратить нам, подобно хлебам, брошенным в воду. Помни, я всегда с тобой, всегда рядом. И не говори, что ты „этого недостойна“, это вызывает у меня слезы. Да, ты легкомысленна и своенравна, но в душе твоей нет зла. Да и когда это критерием для дружеских отношений были соображения о том, достоин ли их человек, привлекший твое внимание? Любовь возникает внезапно, помимо твоей воли. С того момента, как я увидела тебя на берегу моря в Кенте, я принадлежу тебе, и так будет всегда.

Если, как ты говоришь, вам положительно необходимо встретиться в каком-либо безопасном месте, то я уступаю твоему настоянию: я написала ему, чтобы он пришел ко мне домой завтра (шестнадцатого) в половине пятого, а тебя ожидаю на полчаса раньше. Вряд ли нужно говорить, что я останусь в комнате на все это время, и надеюсь, что ты больше не позволишь ему использовать в своих целях мое гостеприимство.

Твоя, как всегда…»

В скромной гостиной Фидо Хелен не стала садиться на диван и опустилась на старый стул у камина.

Фидо подвинула к ней свой стул.

— Вооружись, дорогая моя. Тебе нужно быть очень сильной и твердой.

— В самом деле? — рассеянно произнесла Хелен, которую бесит торжественно-скорбный тон подруги и чайный столик, накрытый для кофе, но без кекса.

— Ты уверена, что хорошо знаешь этого человека, из-за которого рискуешь погибнуть?

«Рискую погибнуть! — усмехнулась про себя

Хелен. — Начиталась глупых романов!»

— Видишь ли, я взяла на себя смелость спросить у своих знакомых из Шотландии, что им известно об Андерсоне, и сегодня утром получила довольно тревожные сведения.

— И что установили твои детективы? — с улыбкой спросила Хелен. — Что как-то раз он проиграл в карты сто фунтов?

Фидо взглядом укорила ее за насмешку:

— У него была связь с одной из его кузин.

— Ну и что?

— С видами на брак.

Хелен насмешливо поджала губки:

— И кто именно имел эти виды? Всем известно, что в любом семействе всегда найдется куча старых наседок, которые готовы выдать замуж своих цыпочек за первого же подходящего холостяка, приехавшего домой в отпуск.

Фидо покачала головой:

— Сведения моих корреспондентов абсолютно точны и достоверны. Вообрази, прежде эта кузина была помолвлена с братом полковника!

«Да она рада сообщить мне о нем любую гадость!» — с ненавистью подумала Хелен, но заставила себя беззаботно рассмеяться.

— Пожалуй, этот факт разрушает все обвине-

ния! Выходит, одним летом эта девочка строит глазки брату Андерсона, на следующее лето — самому Андерсону, но при этом одинаково безразлична к обоим.

Фидо выпрямилась, покусывая губы.

— Что ж, если тебя не страшит тот факт, что ты связана с человеком, который позволяет себе ухаживать за девушкой, возможно, его будущей невесткой…

— Мне не до того, чтобы в такой дали, как Шотландия, выискивать воображаемых соперниц, — вспыхнула Хелен. — В тысячу раз больше меня страшит его предстоящий отъезд на Мальту! Господи, он снова оставит меня одну, обречет на невыносимую жизнь с этим истуканом, который зовется моим мужем!

Глаза Фидо наполнились слезами.

— Я не хотела… — Она робко положила руку на пурпурную юбку Хелен.

Снизу донесся звонок — слава богу!

Горничная доложила об Андерсоне. Он вошел, судя по его виду не чувствуя за собой большой вины. Фидо с холодной вежливостью передала ему чашку кофе.

Хелен обратилась к Андерсону язвительным тоном:

— Что ж, полковник, вы очень любезны, что нашли для нас время перед отъездом на север. Очевидно, климат Шотландии обладает особой притягательностью.

Полковник улыбнулся:

— Не уверен, что понимаю, к чему вы клоните, миссис Кодрингтон.

— О, неужели меня ввели в заблуждение? Или почтенные вдовушки семейства Андерсон уже не занимаются сватовством?

Он облегченно рассмеялся. «Боже, как я люблю это лицо с широкой мальчишеской улыбкой!» — с болью осознала Хелен.

— Что я могу сказать? Было бы жестоко заткнуть им рты.

Она почти успокоилась.

— Но пощадите бедную козочку, которая, видимо, питает надежды, связанные с вами.

— Она весьма здравомыслящая особа, не стоит за нее беспокоиться, — снова улыбнулся Андерсон, встал со стула и уселся рядом с Хелен, так близко, что его колено касалось кринолина ее юбки.

Фидо удалилась за круглый столик и с газетой в руках повернулась к ним спиной. Но всей своей позой она давала понять свое отношение к этой

встрече.

— Послушай, — прошептал Андерсон, — я хочу поговорить с тобой наедине.

— Ты только об этом и думаешь, — вкрадчиво ответила Хелен.

— Ты не можешь уговорить свою верную собаку хотя бы ненадолго оставить нас с глазу на глаз?

— Увы! — Хелен выразительно закатила глаза. — Мне пришлось дать ей слово, что я откажусь от тебя постепенно, как от наркотика.

Андерсон хмуро подергал себя за усы:

— Как там Гарри?

Она презрительно поморщилась:

— Как всегда! Засел дома, как паук в своей паутине, и только и знает, что читать мне нотации. То выговаривает, что я мало времени провожу дома, то, оказывается, я слишком много денег трачу на новую обстановку. Словом, вечно всем недоволен.

— Экий зануда! — Он потихоньку накрыл ее руку своей. — Но мужу полагается держать вожжи в руках.

Хелен раздраженно усмехнулась:

— Ты говоришь в точности как моя покойная мать. Он что, должен держать вожжи, даже если у него руки изуродованы ревматизмом?

— Боюсь, это не имеет значения. Лейтенант может быть умнее своего майора, но вынужден ему подчиняться.

Она выдернула свою руку, посмотрела в сторону круглого столика и встретила укоризненный взгляд хозяйки дома. Фидо достала свои часы и выразительно постукала по крышке. Хелен сделала унылое лицо и опустила взгляд.

— Это абсурд, здесь мы ничем не можем заняться, — тихо проворчал Андерсон.

— Почему же? Мы можем разговаривать.

— Спокойного разговора не получится. Вот что я скажу: почему бы мне сейчас не попрощаться и не подождать тебя на углу Гордон-стрит, а ты через десять минут возьмешь кеб и заберешь меня?

— Потому, что…

После некоторого раздумья она приняла решение. Почему это женщина постоянно должна быть осторожной и осмотрительной? И, учитывая риск, на который Хелен всегда шла и идет ради встреч с этим человеком, с какой стати лишать себя удовольствия?

Андерсон не дождался ее ответа.

— Мисс Фейтфул… — Он встал со стула.

— Сделай огорченный вид, — прошептала

Хелен.

Его лицо послушно приняло расстроенное выражение.

— Мне пора уходить, — глухо сказал он.

— Понимаю, полковник. — Фидо встала с видом строгой, но справедливой учительницы.

— Вы были так добры. Не могу найти слов… — К огромному облегчению Хелен, на этом Андерсон умолкает. (Он не обладает ее даром импровизации.)

Фидо позвонила в колокольчик, чтобы ему принесли пальто, шляпу и трость, и проводила его на лестницу. Когда она вернулась в гостиную, Хелен уже успела занять на диване позу страдалицы, прикрыв лицо рукой. Фидо осторожно села рядом и спросила:

— Все… кончено?

— Я пыталась, — проговорила Хелен сквозь пальцы. — Я привела все аргументы, не оставила ему никакой надежды. Но его безумная настойчивость…

— Видимо, он сгорает от любви к тебе, — через силу проговорила Фидо.

Хелен кивнула:

— Не знаю, почему…

— О, Хелен…

Спустя минуту Хелен добавила:

— Но я уверена, постепенно он поймет, что я говорю серьезно. Пожалуйста, Фидо, не торопи меня, потерпи немного. Будь мне опорой!

Крепкие руки подруги обняли Хелен, и при этом она испытала мгновенное замешательство, ибо у нее двойственное отношение к Фидо. Втайне она посмеивается над наивностью старой девы и все-таки надеется, что та одна поможет ей разобраться в самой себе. Хелен играла роль и в то же время была искренна; ей хотелось вызвать кеб и поскорее увидеться с любовником; но не меньше этого она готова была провести здесь весь вечер, чтобы эти сильные руки баюкали ее как ребенка.

— Пожалуй, мне пора, — наконец сказала она и встала, вытирая глаза. — Гарри любит, чтобы обед подавался ровно в семь. Он уверяет, что, если обед запаздывает хотя бы на четверть часа, у него начинается сердечный приступ!

На углу Гордон-стрит Андерсон поднялся к ней в кеб, и теплый сентябрьский ветерок мягко веял им в лицо. Он протянул руку, собираясь задернуть кожаную шторку.

Хелен удержала его:

— Что ты делаешь? Да еще в такую прекрасную

погоду — это только вызовет подозрения.

Он усмехнулся и оставил шторку полузадернутой.

— Куда поедем?

— Куда угодно, только не домой, — неожиданно для самой себя бросила она.

Он улыбнулся, как ребенок, обрадованный неожиданным подарком.

— Я с ужасом представляю, как возвращаюсь в этот мавзолей и за мной захлопывается дверь. Отвези меня куда-нибудь развлечься, хорошо?

— В какое-нибудь необыкновенное место, как говорят твои дочки?

Но ей не хочется думать о девочках, которые сейчас уже надевают белые панталончики и короткие платьица, готовясь к обеду с родителями. Нужно будет послать телеграмму с объяснением ее отсутствия.

Андерсон открыл маленькое оконце на крыше.

— Кебмен, на луну!

— А где это, сэр? — спросил возница, сидящий сзади, стараясь перекричать грохот экипажа.

— Оказывается, леди не желает ехать в Белгравию, — ответил ему Андерсон.

— Может, съездим в Креморн-Гарденс? — тихо обратилась к нему Хелен. — Я еще там не была.

Если только еще не поздно.

— Нет, нет, сейчас как раз самое подходящее время. Кучер, в Челси, Креморн-Гарденс, пожалуйста.

Хелен с опозданием задается вопросом: не связан ли этот парк с другими воспоминаниями ее любовника? Не был ли он здесь с другими дамами? Но уговаривает себя не волноваться. Если уж она рискует навлечь на себя гнев Гарри за то, что опоздает к обеду, то намерена сполна насладиться своей эскападой.

В парке имелась телеграфная контора, принимающая заказы на места в ресторане. Хелен пила шерри, пока Андерсон входил в контору с ее запиской: «Мисс Ф. попросила меня остаться на обед с ее родителями». Она поздравила себя с блестящей выдумкой: Гарри будет думать, что она обсуждает церковные дела с суровым преподобным отцом и его полной супругой, на время покинувшими приход в Сюррее, но не утратившими свой пыл ревностных проповедников слова Божьего.

Солнечный свет постепенно утрачивал ослепительный блеск, тени деревьев становились длиннее. Из-под моста Баттерси-Бридж появился пароход и стал приближаться к пристани; Хелен

разглядывала пеструю толпу, высыпавшую на палубу из тесных кают. Кажется, Креморн-Гарденс привлекает всех без разбора: она отмечала состоятельных горожанок в изящных вечерних накидках, неспешно идущих под руку с супругами, целые семейства деревенских жителей (их женщины предпочитают наряжаться в красные юбки) и, конечно, множество клерков. Оркестр на эстраде исполнял «Сказки Венского леса», в слишком быстром темпе, на слух Хелен. Она различала разбросанные между деревьями швейцарские шале, миниатюрные замки и театр марионеток и еще какое-то заведение с вывеской «Салон американского боулинга».

На большой поляне женщина-аэронавт в облегающем трико проверяла оборудование, а пятеро мужчин удерживали ее корзину на земле; зажженный газ чудовищно ревет, надувая рвущийся в небо огромный воздушный шар из прочного шелка. Хелен пыталась представить, каково каждый вечер доверять свою жизнь баллону, заполненному горячим газом, и вспоминала беременную мадам Женевьеву, рухнувшую с проволоки.

Неожиданно возникший рядом Андерсон заставил ее вздрогнуть.

— Мне удалось получить последний столик на Хрустальном подиуме, — сообщил он с глуповатой гордостью джентльмена, сунувшего официанту щедрые чаевые.

— Прекрасно. — Она положила свою руку на его локоть.

Оркестр начал исполнять шотландский танец, но еще никто не вышел танцевать. В слабых сумерках Хрустальный подиум казался разукрашенным прошлогодними рождественскими украшениями, извлеченными из-под дивана. Но все столики были заняты. Хелен и Андерсон приступили к ужину за маленьким столиком, вспоминая маскарад в Валлетте, как вдруг под общий восторженный гул в небе одновременно вспыхнули «тысячи ламп», и Хелен отложила куриную ножку и, как ребенок, захлопала в ладоши. Разнообразные арки и фестоны из газовых светильников, шары и лампы из граненого стекла сияли гранатовым, топазовым и изумрудным светом. Как это сделано?! Усеянные блестками туго натянутые провода распространяли сияние во всех направлениях парка, отчего небо за ними казалось абсолютно черным. Креморн-Гарденс переливался огнями подобно сказочной крепости, внезапно возникшей на берегу Темзы. Хелен

вдруг захотелось, чтобы этим прекрасным зрелищем вместе с нею любовались ее дочери, но она одергивает себя. (Наверное, можно будет купить им слайды с видом освещенного парка.)

Затем начался роскошный фейерверк, и Хелен перестала есть и только изредка отпивала глоток охлажденного вина и сжимала под скатертью руку Андерсона. Когда какая-нибудь ракета взрывалась с особенным треском и шумом, она вонзала ноготки ему в ладонь. С эстрады уже громко неслись звуки польки, за ней галопа — и вот уже на подиуме стало тесно от танцующих пар. Она обратила внимание, что в парке осталось мало семей; состав гуляющих изменился, появилось больше молодых франтов.

Оркестр заиграл вальс.

— Один танец? — прошептал ей на ухо Андерсон. — Или отвезти тебя домой?

Она почти не колеблется.

— Семь бед — один ответ, так, кажется, говорят? Я не танцевала уже целую вечность!

Действительно, в последний раз она танцевала на прощальном балу в Валлетте, когда Гарри, как назло, оставался до самого конца, и ей с Андерсоном пришлось весь вечер отводить взгляды друг от друга.

Она встряхнула огненными локонами, прогоняя воспоминания, и подала руку полковнику, который вывел ее на паркет. Здесь их никто не знает, успокаивала она себя. Полковник изумительный танцор, танцевать с ним подобно езде на лошади, которая не нуждается в поводе. Они начали кружиться, и вокруг его белокурой головы возник ореол газового освещения. Непривычный бальный зал на открытом воздухе; женщины танцуют в своих летних накидках, мужчины зажимают в потной руке шляпы и трости. Андерсон притягивает ее к себе, ее юбки взлетают вверх, подобно гигантским бабочкам. У нее возникает ощущение, что они вот-вот оторвутся от земли и поднимутся в воздух, выше громадных вязов и тополей с их трепещущей листвой, и понесутся высоко в небо, обгоняя воздушный шар, птиц и облака, навстречу сверкающим звездам. Он прижимается шелковистыми бакенбардами к ее щеке, и оба восторженно смеются.

— А может, я вообще не вернусь домой! — крикнула она.

Андерсон вздрогнул, будто ему выстрелили в спину.

Хелен сделала шаг назад, вглядываясь в его лицо, они сбились с ритма, и она споткнулась,

зацепившись каблуком за кружевную оборку какой-то дамы.

— Прошу прощения, — извинился Андерсон, но Хелен уже торопливо пробиралась в толпе к их столику.

Наконец Андерсон оказался рядом и попросил продолжить танец. Но она дрожащими руками схватила накидку и сумочку.

Только когда они достаточно удалились от Хрустального подиума, миновали увитую лавандой беседку и клумбы с геранью, Хелен сказала:

— Это была шутка.

— Я и не сомневаюсь, — уверенно сказал он.

— Тогда почему ты вздрогнул?

— Ничего подобного.

— Не считай меня наивной девчонкой! — Хелен сбросила его руку, и они пошли дальше по тропе между деревьями. — Я вовсе не намерена бросать мужа. — Она тщетно искала на лице Андерсона хоть малейшие признаки разочарования. — И не намереваюсь предъявлять претензии на твое покровительство, несмотря на всю страсть, которую ты так искусно изображаешь.

— Дорогая!

— Не бойся, твоя холостяцкая свобода останется при тебе.

— Ну, это уж слишком! — Андерсон схватил ее за локти, удерживая на месте. Здесь, под густыми деревьями, темно, звуки музыки доносятся приглушенно. — Я боюсь только за тебя, Хелен, и ты не можешь этого не понимать. Только потому, что ты мне бесконечно дорога, я никогда не просил тебя уйти ко мне.

Хелен смотрела в сторону.

— Будь же благоразумной, — сказал Андерсон. — Подумай, что я могу тебе предложить, что может возместить такую… такую катастрофу?

Он задал риторический вопрос, на который есть один очевидный ответ. В первый раз она попыталась представить Андерсона своим мужем. Останется ли при нем эта его беззаботная, мальчишеская улыбка? Останется ли что-нибудь от этого мужчины, который когда-то с обожанием ловил ее взгляд в бальном зале?

— Все, что ты потеряла бы… к тому же унижение…

— А ты жесток, — тихо сказала она.

— Эта тайная любовь — все, что у нас есть, — прошептал он ей на ухо, — но, господи, как она прекрасна, как упоительна! Подумать только, что большинство людей умирают, не узнав ее прелести!

Листва деревьев шелестит под порывами ветра, Хелен скривила губы и вздрогнула от холода.

— Должно быть, уже поздно. Мне пора ехать домой. Сколько времени?

— Еще не поздно, — сказал Андерсон.

Он взял ее за руку и медленно повлек с тропинки, в темноту, где вечерняя свежесть напоена густым ароматом рощи.

Она знала, что у него на уме. Мужчины такие предсказуемые: они способны придумать один-единственный способ загладить ссору.

— Отвези меня домой.

— Непременно, обещаю тебе. Только пройдем чуть дальше, чтобы ты доказала, что простила меня, хорошо?

Холодный рассудок говорил Хелен: «Забудь про обиду, воспользуйся столь редким шансом!» Она еще хмурилась, но послушно последовала за ним в темные заросли.

В десять минут двенадцатого Хелен осторожно открыла дверь своим ключом и тихо вошла в темный холл. Она не стала поднимать горничную; в конце концов, она может раздеться и без ее помощи.

На лестничной площадке горел свет. Когда она на цыпочках шла мимо спальни девочек, дверь

вдруг открылась. Она приготовилась тихонько отослать их в постель, но это был муж.

Хелен принужденно улыбнулась:

— Ты еще одет?

У него осунувшееся лицо.

— Разве ты не получила мою телеграмму?

— Конечно, — машинально ответила она.

О чем он? Это она послала ему телеграмму из Креморн-Гарденс. Неужели Гарри отправил ответ в дом на Тэвитон-стрит? С вежливой чепухой вроде «Передай от меня привет чете Фейтфул?» или с мрачным «Хорошо!»? Но если так, то на них не нужно было отвечать, так почему же он спрашивает, получила ли она ее? Хелен всегда ловко выкручивалась; если садилась за карты, то непременно выигрывала.

— Я знаю, что очень задержалась, но мне не хотелось обижать почтенного викария с женой своим уходом до десерта.

Она вдруг заметила у него на нижней губе кровь, выступившую из трещинки.

— Твое поведение возмутительно! Ни одного слова в ответ за все эти часы, ни единого слова!

У Хелен все сжалось внутри от страха.

— Мне ужасно жаль…

— После того, как я отправил тебе телеграмму,

ей стало еще хуже, — говорит он. — Она все время звала тебя.

Она поспешно отводит взгляд, чтобы он не увидел страха в ее глазах. Она? Которая из девочек? Несчастный случай? Внезапная болезнь? И хуже всего, что Хелен должна делать вид, что уже все знает.

— Да, бедная девочка, — севшим голосом бормочет она. — А доктор Менделькирк…

— Он подтвердил диагноз, который я нашел в «Домашних советах», когда мы с миссис Николс наконец узнали, где ты застряла.

«Ну, говори же, мучитель!»

— У нее опасный грипп, — говорит он. — Она вся горит. Ей уже дали дозу салицина, но жар еще не спал. Нэн тоже была в плохом состоянии, капризничала, отказывалась ложиться в постель.

Значит, это Нелл. «Малютка моя!»

— Я загляну к ней, — сказала Хелен.

Но Гарри перекрыл ей дорогу своей длинной рукой.

— Доктор дал ей успокоительное, чтобы она уснула.

— Я не буду ее будить. — Хелен протиснулась мимо него.

Одна маленькая кроватка подвинута к огню,

раздвинутая вокруг нее ширма удерживает пар, вырывающийся из чайника. В спальне пахнет скипидаром. В кресле дремлет незнакомая женщина, видимо нанятая сиделка. Хелен осторожно присаживается на краешек кровати и всматривается в пылающее лицо дочки. Узкая грудь под батистовыми оборками равномерно поднимается и опадает, но слишком часто и с хрипом. Хелен хочется взять Нелл на руки, но она боится разбудить ее. Стоит ли Гарри за дверью? Вряд ли он дожидается, когда она выйдет, чтобы продолжить свой допрос. Почему он не входит, не встает рядом, положив руку ей на плечи, как это сделал бы любой муж и отец?

Она выжидала пятнадцать минут, прислушиваясь к дыханию Нелл. Теперь уже Гарри наверняка ушел к себе и лежит в своей ночной рубашке, вытянувшись, как мраморная статуя. Хелен неслышно подошла к двери, высунула голову и осмотрела пустой коридор.

— Мама!

Она быстро обернулась, но Нелл по-прежнему лежала без движения. Это Нэн сидит на постели с испуганными глазами. Хелен приложила палец к губам и вернулась к старшей дочке.

— Ты не пришла домой.

«Все меня обвиняют!»

— У мамы были дела, — попыталась оправдаться она.

— Нелл кашляла чем-то зеленым, — сказала девочка.

Хелен почувствовала выступившие на глазах слезы.

— Утром ей будет лучше.

— Правда?

Хелен не посмела это утверждать.

— А теперь спи.

— Можно мне поцеловать тебя?

Просьба кажется странно официальной.

— Ну конечно, моя милая, моя дорогая девочка!

Хелен нагибается и подставляет ей горящую от стыда щеку.

«Господи, скрой от нее запах греха моего!»

Глава 3
ОБОСНОВАННОЕ ПОДОЗРЕНИЕ
(подозрение, способное убедить незаинтересованного человека в здравом рассудке)

Ни одному мужчине не посоветую брать себе жену, выросшую в жарких странах.

Энтони Троллоп.
Он знал, что был прав (1868)

Гарри снял фрак, жилет, галстук. Какое облегчение отстегнуть воротничок с тугими, загнутыми вверх уголками и беспрепятственно поворачивать голову! Затем освободился от верхней белой рубашки и серой нижней. Вынул из кармана разные мелочи и аккуратно разложил на комоде. На нем лежит телеграмма его жены: «Мисс Ф. попросила меня остаться на обед с ее родителями». Гарри стащил с себя длинные полотняные кальсоны. «Как жук, сбрасываешь оболочку», — посмеивалась Хелен в те вечера, когда эта комната была их общей спальней. Когда они еще были способны подшучивать друг над

другом.

Разве ответ, который он отправил ей на Тэвитон-стрит, был недостаточно ясен? Даже неопытная телеграфистка не могла допустить ошибку: «Серьезно заболела Нелл, немедленно возвращайся». Большинство матерей, получив в гостях такую телеграмму, залились бы слезами и попросили бы срочно вызвать кеб. Только Хелен могла остаться на десерт, чтобы не обидеть преподобного и его жену. Что подумали Фейтфулы о таком поразительном хладнокровии? Вдруг ему приходит в голову, что она могла скрыть от них содержание телеграммы. Он попытался представить ее за столом, как она выбирает, чему оказать предпочтение — грецким орехам в сахаре или меренге. Во всяком случае, хотя бы из вежливости она обязана была ответить, что вынуждена еще немного задержаться. Но нет, не сочла нужным отвлекаться ради этого от пустой светской болтовни.

Он был очень удивлен тем, что она возобновила отношения с Фидо Фейтфул. Когда Хелен впервые привела девушку в дом, много лет назад, всю семью устраивало, что теперь у мамы с ее непредсказуемым нравом есть подруга, которая составляет ей компанию, пока папа находится

в море. Фидо Фейтфул обладала удивительной способностью поддерживать разговор; на Экклестон-сквер она могла подолгу выслушивать рассуждения Гарри о национальном образовании или о торговом балансе и задавала весьма умные и дельные вопросы. (Внезапно ему вспомнилась шутка одного из его сослуживцев по флоту: «Самая счастливая семья состоит из трех персон».) Но когда Гарри возвратился после Крымской кампании, оказалось, что ситуация изменилась. Миротворец Фидо заняла сторону Хелен, и появились все признаки открытой войны. В то дьявольски жаркое лето, когда все они болели один за другим, и Хелен неожиданно потребовала себе отдельную комнату — что ж, в этом хаосе ему ничего не оставалось делать, как попросить Фидо уехать. Хотя Гарри ничего против нее не имел. Его не удивило, что она увлеклась реформами, хотя он мог только сожалеть о крайних взглядах «феминизма», как его называют в газетах. Нет, сейчас он недоумевал, как может его легкомысленную жену интересовать такая серьезная и целеустремленная деловая женщина, какой стала Фидо Фейтфул.

Беда в том, что с того момента, как семейство Кодрингтон высадилось в Портсмуте, Гарри не

видел конца бесконечным капризам и прихотям жены. Но, видимо, с этим ничего не поделаешь, думает он. Ситуация улучшится, когда он займется постоянной научной работой, время от времени заглядывая в Сомерсет-Хаус,[43] чтобы получить жалованье и послушать сплетни, и станет ходить на яхте со старыми приятелями…

Гарри пожевал измочаленную зубочистку, затем почистил зубы домашней зубной пастой, отдающей горьковатым привкусом хинина. «Нелл, Нелл!» Только сегодня днем она поддразнивала его, говорила, что ему нужно пойти к парикмахеру и подстричь бороду. А потом у нее внезапно начался сильный жар.

Сейчас Хелен в спальне у девочек. Любящая мамочка бросается к ребенку, да только с опозданием на целых три часа. Несмотря на ее раздражительность и переменчивое настроение, Нелл и Нэн больше любят мать, Гарри это знает и всегда знал. Что ж, это естественно, ведь дети многого не понимают. Он хотел бы потихоньку, чтобы не потревожить Нелл, открыть дверь и вытащить

[43] Примечания: 43

Сомерсет-Хаус — крупное общественное здание в Лондоне в стиле классицизма, где в XIX в. размещались различные правительственные учреждения, чиновники Адмиралтейства, ученые сообщества, отдельные факультеты университета и т. д.

жену на площадку. И там уже встряхнуть ее с такой силой, чтобы у нее лязгнули зубы, а из ярких рыжих волос посыпались шпильки. Но он только кряхтит и натягивает длинную крахмальную ночную рубашку. Ночной колпак он не надевает, сегодня ему и без того жарко.

У него по-настоящему мужская комната, из обстановки только кровать и комод, наследство дальних предков. Да еще кувшин и таз, над которым он наклонился, чтобы смыть остатки липкого медицинского сиропа. (Похоже, он не принес Нелл заметного облегчения.) Он не позволил Хелен захламить его комнату дурацкими безделушками и так называемыми «предметами искусства»: ее вкус граничит с вульгарностью. Гарри содержал свою комнату в строгом порядке, как каюту на корабле. Когда он был молодым лейтенантом на «Британе» и его ноги высовывались дальше койки на целых шесть дюймов — товарищи по плаванию придумали ему даже два прозвища: Долговязый Гарри и Код Великан, — у него возникла блестящая идея приколотить к ней ящик для башмаков, который вылезал в соседнюю каюту и упирался в изголовье одного офицера. Он вспоминает об этом сейчас, присаживаясь на сделанную по заказу длинную кровать

красного дерева. В те ночи, когда натертые ступни молодого Гарри упирались в переборку каюты, он был счастлив, о чем и писал каждую неделю родителям, но ему и в голову не приходило, что то были самые счастливые годы его жизни.

Он думает о горящем от жара личике Нелл, словно слышит ее страшный, с хрипом кашель. Но сейчас она спит, и, если проснется, о ней позаботится сиделка, а если вдруг ей станет хуже… «Нет-нет, ей не станет хуже! — глухо стонет он. — К утру она начнет приходить в себя». У нее сильный организм. Обе дочки унаследовали крепкое здоровье Кодрингтонов, а со стороны Смитов — способность быстро восстанавливать силы.

Он не против того, чтобы у него была отдельная комната, скорее ему это даже нравится. Нигде не валяются сброшенные платья и дамские чулки. Насколько Гарри понял из намеков знакомых мужчин, многие супруги имеют отдельные комнаты. С точки зрения мужей, постоянное близкое общение вызывает скуку и утрату ощущения новизны, интереса друг к другу; с точки зрения жен, как правило, страсть сопутствует лишь первым годам супружества, а затем уступает место привычке. Гарри прочитал много научных книг

и журналов и несколько лет назад наткнулся на убедительную теорию о том, что после того, как женщина перестает рожать, ее стремление к плотским утехам угасает.

Кроме того, одному ему спится гораздо удобнее и спокойнее. (В редких случаях, когда потребности заявляют о себе, он по-своему удовлетворяет их, что, по его мнению, несмотря на все предрассудки на этот счет, нисколько не угрожает его здоровью.) Все, что Гарри желал бы получать от жены, — это постоянное приветливое общение. Его мечтой был дом-гавань, теплый очаг. Но это все равно что желать луну с неба.

«Серьезно заболела Нелл, немедленно возвращайся»… Ему вдруг пришло в голову, что Хелен просто пренебрегла его телеграммой. И бог с ней, если бы заболел он сам, но Нелл, ее младшая, ее последыш… Неужели девочки стали для Хелен только пешками в борьбе против него? Тогда это означает новую, еще более мрачную стадию их отношений.

Гарри дотянулся до масляной лампы, но не погасил ее. Он слишком возбужден и не сможет заснуть. (Вот так порой родители теряют своих детей, думает он; засыпают, а утром служанка будит их страшным известием.)

Он перевернулся на спину и попробовал применить старый прием перечисления кораблей, на которых служил. Самый первый, «Наяда», легкий фрегат для преследования пиратов во время алжирской войны. Затем «Азия», под командованием его отца сэра Эдварда, в Средиземном море. Потом «Британ». «Орест», обычный шлюп, но на нем Гарри впервые служил капитаном, поэтому он ему особенно дорог. После него был «Тэлбот», один из самых плохих кораблей, известных под названием фрегат: с низким расстоянием между палубами и допотопными пушками. «Я бы с удовольствием поджег эту вашу дряхлую посудину, Кодрингтон», — как-то сказал ему сэр Роберт Стопфорд. Затем «Святой Винсент», флагманский корабль его отца. Он снова ходил в Средиземное море на фрегате «Фетида», славном военном корабле. Ливорно, Флоренция… Хелен. Нет, о ней он не станет думать.

Интересно, она уже вернулась к себе? Она не из тех матерей, которые будут сидеть у постели больной дочки всю ночь напролет, раз рядом есть сиделка, которой за это платят. Неужели она уже беззаботно спит? Нет, нужно выбросить ее из головы, иначе он не уснет. Потом «Ройял Джордж», старый трехпалубный корабль с гребным вин-

том, приспособленный и к паровому двигателю. В 1856-м Гарри перевелся на «Алжир» в качестве командующего эскадрой канонерских лодок, но наступивший мир вынудил его вернуться домой. В 1857-м служба на Мальте: важный пост, хотя и на суше. Затем возвращение в Англию.

Каким будет его следующее судно? Если, конечно, будет.

Нет, ничего не помогает.

Вытянувшись на постели и наблюдая за игрой отраженного света лампы на потолке, он прислушивался к звукам в доме. Затем нажал репетир в часах, и они отбили без четверти двенадцать.

Его беспокоила какая-то смутная мысль. Он встал и перенес лампу на комод, чтобы еще раз прочитать телеграмму, полученную от Хелен: «Мисс Ф. просила меня остаться на обед с ее родителями». Посыльный принес ее сразу после семи, когда на Экклестон-сквер был уже подан обед. Нелл с красными щеками лениво тыкала вилкой в баранину; Гарри, который не видел у нее ничего серьезного, кроме насморка, сделал ей замечание, и она заплакала. Он потрогал ей лоб и испугался — так он пылал. Через полчаса он отправил посыльного на почту со своей запиской: «Серьезно заболела Нелл, немедленно возвра-

щайся». Получается, что к восьми Хелен должна была наверняка получить телеграмму. Если Фидо попросила ее остаться на обед с некоторым опозданием, примерно около семи — что весьма необычно для хозяйки дома, — могли гости к восьми уже приступить к десерту? Но даже если и так, даже если у Хелен возникло необъяснимое желание отведать сладостей, когда она уже знала, что ее ребенок лежит в жару, от которого ночью может умереть, что заставило ее просидеть еще целых три часа за кофе и разговорами с преподобным из Хэдли и его женой?

Гарри одним движением погасил лампу, вернулся к кровати, но не лег. Его душила ярость. Он сел на край кровати, уставившись в темноту.

«Разве ты не получила мою телеграмму?» — задал он ей естественный вопрос. «Конечно», — сказала она своим мелодичным голосом. И внезапно его осенило, что она солгала. Существует лишь одно объяснение, которое соответствует фактам. Он должен признать: Хелен любит дочерей. Если бы умирал Гарри, она могла бы спокойно сидеть в гостях и отпускать свои сомнительные шуточки, но телеграмму о болезни дочери она никогда не проигнорировала бы. Следовательно, она ее просто не получила, но сочла нужным сделать вид,

что получила. Потому что вечером ее не было в доме мисс Фейтфул на Тэвитон-стрит. (Гарри нашел ее адрес в справочнике, пока посыльный ждал, почесывая в затылке.)

В голове у Гарри гудело. Теперь все сходилось. Значит, Хелен была где-то в другом месте. С кем-то другим.

Его охватило гневное презрение. Он неподвижно смотрел в темноту, чувствуя, что ему жжет глаза, будто они лишились влажной пленки.

За завтраком супруги едва прикасались к еде и говорили только о Нелл. О том, как она выглядела вчера, когда болезнь только началась; о признаках болезни, которые они должны были заметить; о распространившейся вокруг инфекции; о влиянии загрязненного воздуха Лондона. Снова пришел доктор, прописал разные лекарства и уверил их, что сегодня жар спадет.

Ломая свой тост на крошечные кусочки, Гарри поражался тому, насколько легко ему дается нормальный тон. Ему даже пришло в голову, что они с Хелен и разговаривают и выглядят обычными, нормальными супругами. Все-таки супружество, скорее всего, привычка, думал он и вспоминал о том доме на Бейсуотер, о котором он недавно рассказывал дочерям: идеально совершенный фасад,

а за ним с лязгом и грохотом проносятся поезда.

Нельзя сказать, чтобы он никогда не думал о том, что Хелен может кем-то увлечься. На Мальте она быстро усвоила континентальный стиль поведения жен и всегда появлялась в сопровождении целого эскорта офицеров или штатских ухажеров. Но это делалось настолько открыто, что ее ухажеры не вызывали у Гарри ревности. Ей было скучно, и она предпочитала его обществу окружение более молодых и галантных мужчин: что в этом такого? Порой, когда он был свободен от службы, в глаза ему бросались незначительные отступления молодых людей от правил приличия; обычно он не придавал им значения, но иногда, если они могли стать причиной для осуждения, мягко указывал на них Хелен. И хотя она изображала удивление, однако меняла поведение. Единственное, в чем он ее подозревал, — это в кокетстве. Игры и позы: он понимал, что если реагировать на них серьезно, то он попадет в ее ловушку.

Обсудив состояние Нелл, они умолкли, и Хелен потянулась за свежим номером «Телеграф».

Гарри с укором покачал головой:

— Ты ведь читаешь только рекламные объявления.

— Но это самое интересное! — Хелен выхватила у него и развернула газету.

Это вызвало смех у Нэн, рот которой был набит едой.

А у Гарри — приступ гнева. Где была Хелен вчера? И с кем? Она возвратилась в Лондон всего несколько недель назад; неужели успела завести отношения, которые во времена его юности называли «преступной связью»?

— Очевидно, я не одинока в своих вкусах, — сказала Хелен, — если четыре первые страницы заняты рекламой. Послушай, например, вот эту: «Леди, прибывшая в Лондон из Бедфорда мидлендовским поездом вечером 4-го числа текущего месяца, выражает желание увидеться с джентльменом, который любезно поделился с ней содержимым своей корзинки с ланчем».

— Не уверен, что это объявление стоило читать в присутствии… Нэн, — заметил Гарри. Он хотел сказать, в присутствии девочек, но Нелл еще в постели. Спускаясь по лестнице, он слышал ее хриплый кашель.

— А почему, папа? — с любопытством спросила Нэн. — Что было в этой корзинке?

— По моему скромному мнению, ничего страшного, — ответила Хелен и перешла к следующему

объявлению: — «Мэри Энн все равно едет домой. Вы находитесь под влиянием иллюзии». Или вот еще, Нэн, более драматичное объявление, но, должно быть, здесь кроется какой-то шифр: «Голубка со сломанным крылом умрет, если Журавль не защитит ее от врагов».

— Какой шифр, мама?

— Возможно, убийцы что-то замышляют.

— Довольно! — взорвался Гарри. — Ты хочешь, чтобы ее опять мучили кошмары? — Он потянулся к газете и заметил, что его рука дрожит. За многие годы он не раз ловил жену на маленьких женских хитростях, уловках и недомолвках, но открыто она никогда ему не лгала — до вчерашнего вечера: «Мисс Ф. попросила меня остаться на обед с ее родителями».

— Может быть. Говорят, кошмары прочищают мозг вроде слабительного, — сказала Хелен, метнув в него стремительный взгляд, подобный выпаду рапиры.

— А что значит слабительное? — спросила Нэн.

— Ну прекрати. Ты знаешь, что не стоит обращать на маму внимание, когда она начинает нести вздор, — сказал Гарри, так туго складывая газету, что страницы ее сморщились.

Он поднялся наверх проведать Нелл. Ему сказали, что полчаса назад она попросила пить, но опять заснула, не дождавшись, когда сиделка вернется со стаканом воды. У нее бледное лицо с пятнами яркого румянца на щеках.

Вернувшись в свой кабинет, он сел писать письмо брату.

«Дорогой Уильям…

Дорогой Уилл!

Я был бы очень рад, если бы ты смог приехать в Лондон. Я очень обеспокоен и хотел бы поговорить с тобой…

Мне нужен твой братский, но бесстрастный совет… Кажется, случилось нечто такое…

Произошло нечто такое, что меня волнует и тревожит…

Любовь (он зачеркнул это слово)… Произошло нечто такое, что вызывает во мне…

Произошло нечто, заставляющее меня подозревать мою жену в том, что ее поведение…

Я подозреваю мою жену…»

Нет, это невозможно. Слова «десерт не может

продолжаться целых три часа», вплетенные в текст письма и отправленные на Гибралтар, будут восприняты как бред сумасшедшего.

Генерал Уильям Кодрингтон ответит из Гибралтара со смущенной теплотой: «Думаю, старина, тебя слегка заносит. Видно, у тебя слишком много свободного времени? Да, служба на половинном жалованье хоть кого сведет с ума…»

Гарри порвал черновик на мелкие кусочки и выбросил в мусорную корзину в форме слоновьей ноги.

Поделиться с сестрами? Тоже нельзя. Джейн живет в Лондоне, так что он может поговорить с ней с глазу на глаз, но что он ей скажет? Она никогда не одобряла Хелен и, услышав его смутные и голословные предположения, только расстроится.

Нет, обсуждать этот предмет с членами семьи, не имея никаких доказательств, — только смущать их. К тому же Гарри требуется не сочувствие, а нить, которая выведет его из этого лабиринта. Ему нужен человек, который уже понимает его положение; человек, который поможет ему решить, является ли то, о чем он догадался в темноте прошлой ночи, результатом паранойи или подлой правдой.

— Дорогой адмирал! Как приятно снова увидеться с вами после стольких лет! — восторженно воскликнула миссис Уотсон. — Только на днях я говорила преподобному, как нам не хватает вашего общества… и общества вашей жены, — добавляет она после едва заметной паузы.

Его давний друг выглядит почти стариком; волосы на висках совсем поредели. Стоя рядом с женой, священник Уотсон кивнул, как китайский болванчик.

— Вы очень любезны, — напряженно сказал Гарри.

Уотсоны, покинувшие Мальту на пару лет раньше его, были его ближайшими друзьями. С тех пор они обменялись всего несколькими вежливыми и довольно сухими письмами. Вернувшись в Лондон, он ни разу их не навестил; казалось, старая дружба увяла. И вот он сидит на диване, набитом конским волосом, в их мрачноватой гостиной, в одном из не очень роскошных, но приличных районов Лондона.

— Как поживают ваши очаровательные дочки?

— Нэн здорова, — с трудом проговорил он, — а Нелл тяжело больна гриппом.

Он выслушал слова сочувствия, советы при-

менить растирания и пластыри. И заставил себя встряхнуться.

— А ваши подопечные, они все еще живут с вами?

— Увы, нет! — сообщила миссис Уотсон. — Они переехали к родственникам в Нортумберленд. И теперь мы с преподобным абсолютно одиноки.

У них нет никаких забот, заключил Гарри, любой визит им в радость. Набравшись решимости, он приступил к делу:

— Вы всегда были так добры к моей жене, миссис Уотсон, даже когда она испытывала ваше терпение.

— О! — смущенно отмахнулась она. — Я всегда была рада играть свою роль. Как поживает дорогая Хелен, если я могу так ее назвать?

Как ответить?

— Хорошо — что касается ее здоровья. Ну а в отношении ее характера…

Пауза…

— Он у нее всегда отличался крайним своеобразием, — поджав сухие губы, заметила миссис Уотсон, опустив взгляд на выцветший синий ковер.

Гарри заставил себя продолжать:

— За годы пребывания в Валлетте, во время

этих незабываемых воскресных встреч… мы с вами частенько касались ее манер… Ее легкомыслия, нежелания считаться с приличиями…

— Увы, это так, — вздохнула миссис Уотсон. — Она все время боролась с собой, и я всегда ей сочувствовала.

Преподобный Уотсон что-то меланхолично пробормотал.

— Надеюсь, ее поведение изменилось к лучшему с тех пор, как вы возвратились к строгим правилам нравственного климата родной страны? — предположила миссис Уотсон, по-воробьиному склонив голову набок.

Гарри сокрушенно покачал головой.

С тонких поблекших губ миссис Уотсон слетел тихий вздох.

— Я уверена… простите мне эту вольность, адмирал… я всегда была уверена, что Хелен изменится, если только вы прямо объясните ей, чего ожидаете от матери своих детей… не смягчая своих требований, без иносказаний Боюсь, в подобных натурах снисходительность и терпимость выпускают на волю худшие черты. — Она сделала паузу. — Если бы вы доверились мне, я сочла бы своим христианским долгом попытаться повлиять на нее…

— Для проповедей уже поздно, — прервал ее Гарри. — Недавно… — Ему показалось, что это будет более пристойно, чем «вчера вечером». — Недавно, должен доверительно вам признаться, я начал подозревать…

Она устремила на него жадный взгляд. «Какие у тебя большие глаза, бабушка», — почему-то вспомнилось Гарри, хотя миссис Уотсон всего на десять лет старше его жены.

— Дело не только в ее манерах, — угрюмо продолжил он. — Дело в том, что здесь, в Лондоне, само ее поведение… Возможно, она действительно перешла границы… — И он заставил себя коротко рассказать о том, что произошло вчера вечером.

Лицо миссис Уотсон удивленно вытянулось, она обернулась и взглянула в водянистые глаза супруга.

Гарри понял, что шокировал их.

— Но у меня нет доказательств, а я понимаю, что мужья, которые на много лет старше жены, часто грешат излишней ревностью и подозрительностью.

— Нет! — пронзительно вскрикнула она, так что он даже вздрогнул. — Вы, адмирал, добрейший человек, подозрительность вам совершенно

несвойственна… — Миссис Уотсон на мгновение прижала бледные пальцы ко рту. — Остается только удивляться, что вы так долго терпели нетерпимое.

Гарри пораженно всмотрелся в ее лицо.

— Вы знали? — У него сорвался голос.

— Не наверняка. Мы просто опасались, верно, дорогой?

Реакция его преподобия снова выразилась в кивке и нечленораздельном бормотании.

Гарри удивило то, что скрывается за его потрясением. Помимо ярости и унижения он испытал чувство, которое вынужден был определить как облегчение.

Миссис Уотсон встала и скромно присела на краешек дивана рядом с Гарри.

— Мы не решались об этом говорить. Мы намекали, зондировали почву, но как могли мы выразить свои пугающие выводы, когда вы, с вашим благородством, не желали и слова против нее слышать? По совести говоря, мы не могли взять на себя смелость первыми обвинить мать ваших детей без твердых доказательств… Но сейчас могу вам признаться, что нам казалось… там, на Мальте… что отношения Хелен с различными ее кавалерами можно было интерпретировать

самым неподобающим образом!

«С различными»? Гарри показалось, что голова его вдруг стала невыносимо тяжелой, он опустил ее на руки. Твердые концы крахмального воротничка кинжалами впились в подбородок. Он хотел что-то ответить, но вместо слов у него вырвались рыдания. Слезы не давали ему говорить, они текли по ладоням, стекали на бороду, капали на воротничок и галстук. Соленые, как морская вода, только горячие. Он плакал, как дитя, плакал за все эти годы, когда вместо этого лишь пожимал плечами; плакал обо всем, на что надеялся, когда стоял в той флорентийской церкви рядом со своей ослепительно прекрасной и юной невестой и звучным голосом произносил свою клятву.

Миссис Уотсон ждала, когда он выплачется.

Наконец он хрипло откашлялся.

— Каким же идиотом я был! — простонал он сквозь мокрые пальцы.

— Ни в коем случае! Вы были лучшим из мужей. — У нее мягкий и ласковый, материнский голос. — Мы считали вас мучеником, верно, преподобный?

— Верно, — подтвердил тот.

Гарри вытер лицо носовым платком.

— Что ж, — сказал он, складывая его. — Теперь

я уже не мученик.

— Да, — согласилась миссис Уотсон. — Всякому терпению приходит конец. Ради малышек…

При мысли о Нэн и Нелл он едва удержался от слез.

— Не говоря уже о вас самом. Ради веры и… и приличия ради, — продолжила она, — вы должны доказать ее вину.

— Или невиновность, — возразил он. — Все-таки, возможно…

— Да-да, разумеется. Необходимо все выяснить, вот что я хотела сказать, — уверила она. — Собрать сведения.

— Но как… — Гарри осекся. — Все это так пошло, так гадко!

— Вот поэтому будет лучше, если расследование с самого начала доверить профессионалу, верно, преподобный?

— О да, дорогая, конечно.

— Чтобы человек вашего благородного склада не касался постыдных подробностей.

— Вы говорите, профессионалу? — тупо переспросил он.

— Почему бы вам не позволить нам выступить в роли добрых самаритян… не предоставить это нам? — предложила миссис Уотсон, бережно

похлопывая его по руке.

Глава 4
ENGAGEMENT
(англ.: обручение, помолвка; наем работника; столкновение противников)

Легкомысленная молодая леди и умная серьезная женщина суть близнецы, рожденные в один день и вскормленные одним молоком, но одна любит одеваться ярко и броско, а другая — просто и скромно; одна борется за право женщины быть беспечной и вульгарной, а другая — за свое право быть самостоятельной и эмансипированной.

Элиза Линн Линтон[44]// Современная английская женщина. № 11. Лондонское обозрение (1860. 15 декабря)

— Можно сделать так, чтобы эта птица замолчала? — в тот же самый день спросила Фидо, сидя

---

[44] Примечания: 44

Линтон Элиза Линн (1822–1898) — британская писательница, эссеистка и первая профессиональная журналистка.

в гостиной на Экклестон-сквер.

— Да-да, конечно, — ответила Хелен и набросила на большую клетку с серебряными кормушками бенгальскую шаль.

Попугай перестал верещать и что-то недовольно пробормотал в темноте.

Фидо перевела взгляд на аквариум с рыбками, на часы с перламутровой инкрустацией, на ковер изумрудных и алых красок. Она смотрела куда угодно, только не на Хелен. Фидо сердилась из-за того, что чувствовала себя так неловко, хотя не она поймана на лжи. Преодолев замешательство, она наконец возмущенно сказала:

— Вчера вечером, когда мне принесли эту телеграмму — больше чем через час после твоего ухода, — я совершенно растерялась… просто не знала, что делать.

Хелен кивнула, не поднимая головы.

— Поскольку она была адресована тебе, первым моим побуждением было переправить ее сюда. Но потом я подумала: а кто знал, что днем ты была у меня? Только… Андерсон. — Она произнесла его имя шепотом. — Поэтому я не могла возвратить назад срочную телеграмму от твоего мужа, ведь она могла попасть к нему в руки! Тогда я решила, что будет разумнее самой ознакомиться

с ее содержанием.

— Да-да, я понимаю, — пробормотала Хелен.

— Сначала я решила, что ты разминулась с телеграммой, — объяснила Фидо, и ее тон становился все жестче. — Что Гарри отправил ее раньше, чем ты вернулась к обеду, и что по каким-то причинам ее принесли с опозданием. Но по моему личному опыту, лондонский телеграф абсолютно надежен. — В отличие от мальтийской почты, вдруг подумалось ей. — В результате я сделала единственно правильный вывод: ты уехала от меня не домой, а в какое-то другое место. У тебя заболела дочь, но я никак не могла сообщить тебе об этом, поскольку не знала, где ты находишься, хотя очень хорошо представляла с кем.

— О, carina! — умоляла Хелен. — Вряд ли стоит усугублять мое и без того угнетенное состояние. Какое наказание может быть ужаснее страха потерять ребенка!

Фидо встревожилась.

— А разве доктор не сказал…

— А что знают эти доктора! — презрительно воскликнула Хелен. — Ты представляешь, как долго тянется ночь, когда мать сидит у постели дочери, не приходящей в сознание, и с тревогой прислушивается к ее тяжелому дыханию!

Не переставая проклинать себя и понимая, что если она не доживет до утра, то это будет ее… моя вина?

— Ну, будет, успокойся…

— Да, я отправилась с ним покататься, с человеком, чье сердце я собираюсь разбить, — зарыдала Хелен. — Я всего лишь слабая женщина. Мне было жаль и его, и… и себя. И из-за этой часовой прогулки в теплый вечер мстительное провидение покарало мое дитя.

Фидо раздраженно вздохнула. Так уж и покарало!

— Возьми себя в руки, — сказала она. — Жар скоро спадет, разве доктор не сказал тебе? И через несколько дней Нелл будет совершенно здорова.

Спрятав лицо в носовой платок, Хелен безутешно покачала головой.

— Я не считаю тебя виноватой в опасной болезни твоей дочери. Но меня, безусловно, возмущает, что ты поставила меня в столь неловкое положение, ввела в заблуждение, сказала неправду, — напрямик заявила Фидо.

В ответ — молчание.

— Ты говоришь, Хелен, что надеешься на меня, говоришь, что можешь доверять только мне одной, а затем пускаешься в эти нелепые объяс-

нения, чтобы запутать меня! — Она понижает голос до шепота. — Ты что, принимаешь меня за дурочку? Говоришь, что спешишь вернуться домой к обеду, а сама украдкой встречаешься со своим… — Она не хотела произносить имя полковника. — Ты продолжаешь уверять меня, что порвешь с ним, но твое поведение заставляет предполагать совсем другое — что ты планируешь поддерживать с ним отношения до позорного конца.

— Планирую! — повторила Хелен, глядя на нее сквозь слезы, и горько усмехнулась. — Дорогая моя, где уж мне что-то планировать: я убегаю, подпрыгиваю и петляю, как кролик, за которым гонятся охотники!

Фидо вздохнула.

— Хотелось бы мне иметь хотя бы маленькую толику твоей уверенности, невозмутимости и невосприимчивости, — сказала она и вздрогнула. «Господи, как скучно сухо звучат мои слова!»

— Если я и ввела тебя в заблуждение, то потому, что сама не знаю, что сделаю через минуту. И сама себе стыжусь признаться, как далеко я зашла. Когда я влюбляюсь, то не в силах сдерживаться, ничего не могу с собой поделать, — глухо призналась Хелен. — Но ты это знаешь, не так

ли? И всегда знала.

Фидо отвела взгляд на заставленные китайским фарфором полки, на обои с рисунком, который словно уменьшает комнату. Нет, она не могла бы так жить. У Хелен нет ни работы, ни серьезного дела, которое захватило бы ее и возвысило; только страсть способна ее увлечь, но что с ней сделала эта страсть! Если Фидо не понимает этой страсти, не может оправдать слабость Хелен и простить ложь, на которую та вынуждена была пойти, — то может ли она называть себя священным именем подруги?

— Пожалей меня!

— Я жалею, — сказала Фидо наконец, глядя прямо ей в глаза. — Правда жалею. И не осуждаю тебя за эту связь. Но я считаю, что она отравляет твою душу. — Она встала с тяжелым вздохом. — Больше я не стану помогать и содействовать ей; я даже слышать об этом не желаю.

— О, но…

— Тсс… — Фидо приложила палец к губам, глядя на Хелен глазами полными страстной любви.

Члены Общества реформисток созваны на Лэнгхэм-Плей загадочным посланием Бесси Паркес: «С целью обсудить дело, представляющее важное значение для будущего „Журнала“».

Странно, подумала Фидо, перечитывая ее записку: всего месяц назад для нее не было ничего важнее, чем будущее «Журнала английской женщины». А сейчас все ее мысли сосредоточены на Хелен Кодрингтон. Временами она ловила себя на том, что лучше бы ей не встречаться с ней на Фаррингдон-стрит; чтобы в тот последний день августа она оказалась где-нибудь в другом районе Лондона и шла бы себе, погруженная в свои мысли.

— Ситуация весьма неприятная, — заметила Эмили Дэвис, занимая место за столом.

Их секретарь не может унять дрожи.

— Выяснилось… Оказывается, финансовое положение «Журнала» в гораздо худшем состоянии, чем мы думали.

— Расскажите им, что сказали подписчики, — величественно распорядилась Бесси Паркес, трагически покачивая головой.

— Я втайне беседовала приблизительно с десятью нашими подписчиками, которые после шести лет решили не возобновлять подписку, — сказала Сара Левин своим пришепетывающим голосом. — Несколько человек заявили мне, что, по их мнению, «Журнал» так и не сумел оборвать некоторые сомнительные связи.

— Но, бог видит, мы старались! — воскликнула Джесси Бушере.

— В самом деле, — грустно подтвердила Иза Крейг. — Вынудили бедную Макс уволиться с должности редактора…

Фидо нахмурила брови. Она до сих пор чувствует себя виноватой в том, что приложила руку к увольнению Матильды Хейс,[45] писавшей под псевдонимом Макс. Она была самой ревностной участницей за права женщин, которая призывала к эмансипации женщин еще в то время, когда остальные члены Лэнгхэмской группы носили короткие платьица.

— Мы ее не вынуждали, — возразила Бесси Паркес.

— Ну, уговорили, убедили, — сказала Фидо.

— У нас не было другого выхода: имя Макс было запятнано, — заключила Бесси Паркес, глядя в сторону. — Ее репутация сторонницы блумеризма,[46] дикие вспышки, эта женская община в Риме…

---

[45] Примечания: 45

Хейс Матильда (1820?—1876) — британская журналистка, редактор, писательница, актриса, переводчица.

[46] Примечания: 46

Блумер Амелия Дженкс (1818–1894) — активистка движения за права женщин, суфражистка; пропагандировала среди сторонниц реформ новую моду — «турецкие шаровары» под платьем, шляпки и др.

— Однако вы дружили с ней и с мисс Кашмен,[47] вы сами там жили, — подчеркивает Джесси Бушере.

— Да, и Макс всегда будет мне дорога! — дрожащим голосом проговорила Бесси Паркес. — Но подмоченную репутацию крайне трудно восстановить. Приходилось принимать отчаянные меры.

Какая странная смесь нежной души и поразительной твердости в Бесси Паркес, подумала Фидо. Она замечает, что изо всех сил цепляется за край стола. В глубине черепа, где-то за правым глазом, пульсирует сильная боль.

— Я никогда не видела ее в «блумерах», — взорвалась она. — Только в рубашках и в жакетах, сшитых у портного.

— Любая эксцентричность, даже в одежде, оказывается на руку нашим противникам, — сказала Бесси Паркес.

— А кроме того, — возмущенно повысила голос Фидо, — абсолютно несправедливо обвинять «Журнал» в симпатиях к свободным нравам, тогда как он в высшей степени банален и скучен.

— Вы сами все поняли, — жестко заявила Эмили

---

[47] Примечания: 47

Кашмен Шарлотта (1816–1876) — американская актриса, с блеском игравшая и мужские роли.

Дэвис. — Полагаю, все эти разговоры о репутации — всего-навсего отвлекающий маневр; нашим читателям попросту надоело тащить эту хромую собаку.

Иза Крейг очень расстроена.

— Но, мисс Дэвис, вы не должны относить это к себе лично! Поначалу число наших подписчиков быстро возрастало и достигло пика в тысячу человек, а потом стало уменьшаться — задолго до того, как вы стали редактором.

— О, мне это прекрасно известно, и я полагаю, что достаточно профессионально исполняю свою работу в меру моих скромных способностей, — согласилась Эмили Дэвис. — Но следует признать, что «Журнал английской женщины» никогда не отличался интеллектуальными и литературными достоинствами.

Женщины избегают смотреть друг другу в глаза.

— Наши друзья покупают его из чувства долга и, как я подозреваю, не читая кладут на полку.

— Неправда!

— Но, конечно…

— Да, да, да! — воскликнула Фидо, кивая Эмили Дэвис. — Проблема в нашей нерешительности. Поскольку у нас не хватает смелости печатать

материалы хотя бы отдаленно полемического характера, нам остается только назойливо призывать читательниц найти применение своим способностям, но при этом ни в коем случае не забывать о своем долге женщины и матери!

— Могу я спросить, — робко поинтересовалась Сара Левин, — о какого рода статьях…

Ее прервала Джесси Бушере:

— Я согласна с Фидо. Почему, например, мы никогда не привлекаем внимание публики к несправедливости по отношению к женщине, содержащейся в Законе о бракоразводном процессе?

Бесси Паркес недовольно поджала губы:

— Развод — довольно опасная тема. Нас могут обвинить в том, что мы поддерживаем женщин сомнительной репутации.

— А как насчет порядочных женщин? — спросила Иза Крейг. — Тех, чьи мужья имеют по нескольку любовниц? По закону она может развестись с ним лишь в том случае, если докажет, что он виновен в таких серьезных преступлениях, как отказ выполнять супружеские обязанности, жестокое обращение…

— Насилие, — добавила Фидо, — инцест…

— Развращенные действия, или содомия, — за-

кончила Эмили Дэвис.

Красивое лицо Бесси Паркес побледнело.

— До тех пор, пока я имею право голоса, подобные слова никогда не появятся на страницах «Журнала английской женщины»!

— Ах, оставьте! — возразила Фидо. — Мы с вами достаточно давно работаем в журналистике и способны поднять эти вопросы, не шокируя читателя; для того и существуют синонимы, иносказания и эвфемизмы.

— Закон о разводе имеет много недостатков и не предусматривает равенство полов, но я первая не поддержу его дальнейшую либерализацию, — вставила Эмили Дэвис. — Мой опыт показывает, что женщина после развода оказывается не только опозоренной, но и без средств; к тому же у нее отбирают детей.

— Да, увы, это так. Если бы закон не запрещал, — рассмеялась Джесси Бушере, — думаю, мужчины так и перелетали бы от женщины к женщине, как обезьяны.

— Развод — это лишь одна из проблем, которые мы избегаем затрагивать вот уже шесть лет, — сказала Фидо. — Это напоминает мне анекдот о вожде племени, который по совету миссионера расстался со своей второй женой. Когда его спро-

сили о том, как он позаботился об отвергнутой жене, он ответил… — Она подождала, пока все не обратились в слух: — «Я ее съел!»

Общий смех несколько разрядил напряженную атмосферу.

— А если вместо развода поднять проблему собственности замужних женщин? — предложила Джесси Бушере. — Я согласна с мисс Дэвис, что поскольку замужество является уделом большинства женщин, то необходимо усовершенствовать законы, закрепляющие за ними их собственность.

— Гм… Что касается собственности… — оживилась Фидо. — Как-то вечером меня вдруг осенило: оказывается, с имуществом женщин, совершивших убийство, и женщин, вступивших в брак, поступают абсолютно одинаково: его конфискуют.

— Фидо, вы сегодня явно в форме, — усмехнулась Иза Крейг. — Ну, а как насчет вопроса о праве женщин участвовать в выборах?

— Ну, мисс Крейг, не стоит заводить об этом разговор, — мягко упрекнула ее Бесси Паркес. — Вы же знаете, британцы к этому еще не готовы. Лично я предпочла бы демонтировать эту стену постепенно, камень за камнем, чем разбить об

нее наши головы — и деньги моей любимой Бар,[48] позволю себе добавить!

Эмили Дэвис энергично кивнула:

— Сначала нам необходимо добиться доступа к высшему образованию и доказать, что мы обладаем достаточным кругозором, чтобы принимать участие в голосовании. Я предлагаю устраивать временные промежутки между кампаниями, на случай если предыдущая кампания не очень удалась или была встречена жесткой критикой, чтобы это не отразилось на следующей.

— Однако, возвращаясь к «Журналу»… — сказала Фидо.

— Я знаю, «Журнал» дорог всем присутствующим! — с пафосом воскликнула Бесси Паркес. — Это животрепещущее сердце нашей борьбы за улучшение положения женщин, нравственный двигатель, который питает энергией движение за права женщин!

Иронически подняв брови, Эмили Дэвис забарабанила пальцами по столу, имитируя игру на фортепьяно.

— Но при настоящем состоянии наших счетов вряд ли мы дотянем до Рождества.

---

[48] Примечания: 48
Имеется в виду Барбара Бодишон.

— Мысль пораженческая! — возмутилась Бесси Паркес. — И это говорит редактор журнала!

— Не думаю, что меня можно упрекнуть в способности легко отказываться от своей цели, — с вкрадчивой мягкостью, скорее похожей на шипение тигрицы, возражает Эмили Дэвис. — Но у меня возникают серьезные сомнения, стоит ли и дальше редактировать статьи, которые адресованы только нашим сторонникам, к тому же недостаточно убедительные. Журнал выходит вот уже шесть лет, но оказал ли он хоть малейшее влияние на изменение законов в пользу женщин?

— Очевидно, все вы понимаете, что нам нужен совершенно иной тип журнала, — заявила Фидо, удивляя саму себя: эта мысль лишь недавно пришла ей в голову.

Бесси Паркес грозно посмотрела на нее:

— Вы имеете в виду ярко выраженного обличительного направления, из-за чего респектабельные люди не станут его покупать даже для разжигания огня в камине?!

Фидо постаралась успокоиться и говорить убедительно:

— Собственно, я имею в виду периодическое издание с солидным денежным обеспечением,

рассчитанное на широкую аудиторию, в котором будут печататься самые одаренные авторы, как мужчины, так и женщины. В нем должны подниматься проблемы расширения прав женщин — и одновременно другие важные для общества темы. Журнал, который смотрит вперед, а не внутрь себя. Журнал, который будет по-настоящему интересен читателю!

Эмили Дэвис с любопытством посмотрела на нее, по обыкновению склонив голову набок.

— Мое мнение, — выпалила Бесси Паркес, — заключается в том, что если и нужны какие-то изменения, то они должны выражаться в том, чтобы журнал стал скорее практическим, чем теоретическим изданием! И при этом более дешевым, чтобы его могли покупать массы работающих женщин.

Несколько женщин удивленно подняли брови.

— Но в любом случае можете не опасаться, что к Рождеству он перестанет существовать. Вероятно, мне следовало объявить вам прежде, чем эта интересная дискуссия увела нас в сторону, что предстоящий финансовый кризис предотвращен нашим спонсором: Бар прислала из Алжира чек на оплату аренды за здание.

Вокруг раздались радостные и благодарные

восклицания. Фидо тоже постаралась выглядеть довольной.

— Поскольку ей принадлежит основная доля акций «Журнала», — продолжила Бесси, — вы понимаете, что я предпочла бы не вносить никаких серьезных изменений в его работу до тех пор, пока у меня не появится возможность лично переговорить с ней.

Всем остается только согласиться с ней.

«Первая среди равных, — с горечью думает Фидо, спускаясь вниз по лестнице. — Наши дороги расходятся». Машина еще работает, но со скрипом, маленькие винтики начинают расшатываться и выпадать.

Сидя у себя за столом на Тэвитон-стрит, Фидо распечатала конверт с неизвестной ей голубой печатью, но по шотландской марке догадалась, что автор его полковник Дэвид Андерсон, и сразу насторожилась. Пусть он сам устраивает свои тайные встречи: она больше не намерена быть легковерной наперсницей и служить ему посредницей.

Но, прочитав первые две строчки, она приходит в страшное волнение.

«Дорогая мисс Ф.!

Думаю, Вы представляете, какого труда мне стоило написать Вам, что я обручен и намерен жениться».

У нее перехватило дыхание. «Бедная Хелен!» Какой мерзавец, негодяй, животное! Мало того что он нарушил душевный покой одной женщины! Он имеет наглость жениться на другой, и это всего через две недели после их расставания!

«Прежде всего, позвольте Вас заверить, что 16-го, когда Вы любезно согласились позволить мне встретиться с нашим другом в Вашем доме для личного разговора, это еще не было решено. Как правильно информировали Вас Ваши корреспонденты, одна из моих кузин, которая относится ко мне с преданностью, какой я вряд ли заслуживаю, имела основания полагать, что я сделаю ей предложение. Но лично я не был к этому готов, пока 18-го сего месяца не прибыл в Шотландию, где имел счастье быть принятым этой молодой особой.

Я сознаю, что мое недавнее поведение по отношению к нашему общему другу в некотором смысле было не совсем до-

стойно джентльмена, к тому же офицера армии ее величества. Все, что я могу сказать, чтобы смягчить, если не извинить мой оскорбительный поступок, — это что ситуация стала крайне затруднительной и не оставляла никаких надежд на выход для той или другой стороны. Насколько мне известно, Вы самым серьезным образом возражали против этой связи, и, если это так, надеюсь, что, учитывая Ваше участливое отношение к этой леди, для Вас будет некоторым облегчением узнать, что упомянутая связь разорвана».

Он прав: к взрыву ярости примешивается чувство радостного облегчения. Его сообщение поможет Хелен высвободиться из сети лжи и притворства, в которой она совсем запуталась. Но как смеет Андерсон приводить это в качестве извинения! Как он посмел не предупредить женщину, скомпрометировавшую себя связью с ним, о приближающейся катастрофе…

«Несмотря на наше кратковременное знакомство, мисс Ф., мое уважение к Вашему глубокому уму и доброму сердцу возросло до такой степени, что в моем нынешнем сложном состоянии я не вижу лучшего, точнее, менее жестокого способа объявить эту новость нашему общему другу, чем просить Вас выступить в качестве моего доверенного лица. В подобных случаях мужчина является грубым орудием, и я уверен, что Вы лучше меня сумеете успокоить и дать доброжелательный совет леди, чьим несчастьем, признаюсь, я воспользовался и чье будущее может только улучшить преднамеренный, но полный сожалений и грусти уход со сцены автора настоящего письма.

Д. А.

P. S. Я буду считать последней из Ваших любезных услуг по отношению ко мне, если Вы уничтожите это письмо и любые другие записи, касающиеся истории, которой не следовало и начинаться».

Дрожащими руками Фидо сложила письмо. Голубая печать, сделанная из дешевого воска, рассыпалась под ее пальцами.

На следующий день, как только Фидо смогла оставить типографию (и утомительное обсуждение нового издания сборника, посвященного прошлогодней свадьбе принца Уэльского и принцессы Александры), она взяла кеб и поехала на Экклестон-сквер. Но в дом не вошла, а послала кебмена почтительно просить миссис Кодрингтон выйти к ней на несколько минут. Она предпочла сообщить Хелен печальную новость таким образом, чтобы их не услышали ни домочадцы, ни слуги.

— Фидо! Что это за таинственность? — Заглянувшая в окно кеба Хелен в ярко-розовом шелковом платье была изумительно хороша.

— Ты поднимешься внутрь? Мне нужно сообщить тебе кое-что очень важное.

Подождав, когда подруга усядется рядом, она пересказала ей содержание письма Андерсона. Хелен закрыла глаза и откинула голову на залосненную спинку сиденья. Фидо взяла ее за плечи и прижала к себе. Из груди Хелен вырвался мучительный стон. Фидо открыла флакон с нюхательной солью и поднесла к точеному носику

подруги; от резкого запаха Хелен пришла в себя.

— О, бедняжка моя! — воскликнула Фидо. — Если бы я могла придумать более щадящий способ…

Хелен посмотрела на нее, как испуганный олененок.

Фидо поколебалась мгновение.

— Но в его письме есть зерно истины, и я надеюсь, что со временем ты поймешь это: этот ужасный удар пойдет тебе на пользу.

Хелен с такой силой откинулась назад, что ударилась плечом о раму окошка.

— Как ты смеешь!

Фидо продолжала мягко уговаривать ее:

— Андерсон поступил жестоко, это правда, но благоразумно. Какие бы надежды ты ни питала, но подумай, что могла тебе дать связь с этим человеком?

Женщина мрачно ответила сквозь стиснутые зубы:

— Она поддерживала во мне жизнь.

— Но отравляла твое отношение к мужу, к детям, к самой себе! — увещевала Фидо. — А так все кончено одним решительным рывком, и ты спасена.

— Спасена? — Хелен бросила на подругу гнев-

ный взгляд.

Фидо, заикаясь, продолжала:

— Это мой… Я не стала бы так говорить, если бы не считала это моим долгом…

— К черту твой долг! — низким и хриплым, почти мужским голосом отвергла ее доводы Хелен. — Ты мой духовник или друг? Мне не нужны твои проповеди, тем более сейчас!

— Дорогая моя, я думаю только о твоем благополучии. О твоей…

— О чем? О моей душе или о моей репутации? — язвительно спросила Хелен.

— И о том и о другом, а главное — о тебе самой!

Обе удрученно умолкли. Фидо, не надеясь уже обратить гнев Хелен на заслуживающий его объект, нерешительно сказала:

— Чего я не могу простить Андерсону, так это трусости! Он, как крыса, сбежал в Шотландию и сделал предложение своей кузине всего два дня спустя после вашего последнего свидания!

— Какие там два дня, — прошептала Хелен, и Фидо едва услышала ее. — Спустя два года.

Она пораженно посмотрела на подругу:

— Прости, что ты сказала?

Хелен не отрывала взгляда от своей руки, комкающей юбку.

— Неужели меня так легко забыть?

— Что ты сказала насчет двух лет?

Наконец Хелен подняла на нее раздраженный взгляд.

— Что?

— Ты сказала: два года. Не хочешь же ты сказать… — Фидо глубоко вдохнула душный, горячий воздух, стараясь овладеть собой. — Я поняла так, что ты и Андерсон… Что только две недели назад это дело дошло до… до такой стадии… — Она мысленно проклинала свой скованный язык: почему, имея за плечами прекрасное образование, она с таким трудом подбирает слова! — Что он овладел тобой на моем диване всего две недели назад! — От волнения она почти кричит.

Хелен рассматривала свои ладони, будто читала на них линии жизни.

«Что она скажет мне? — гадает Фидо. — Что она оговорилась, а хотела сказать, что Андерсон добивался ее последние два года, не смея приблизиться, как средневековый трубадур? Что до тех пор, пока не последовал за ней в Англию, он не смел даже заговорить об этом, не смел просить ни о малейшей любезности? Но я этому не поверю!»

— Я имела в виду две недели. Конечно, именно две недели, — повторила Хелен. — Я сама не знаю,

что говорю.

— Ну а я думаю, что ты и хотела сказать: два года, — заключила Фидо, едва ворочая отяжелевшим языком.

Следовательно, в тот день, в ее гостиной, те ужасные звуки за дверью вовсе не означали начало их связи. До какой же степени Фидо не разбирается в отношениях мужчины и женщины! Она, глупая, наивная простушка, достаточно поздно вступила в эту игру и наверняка была объектом для их насмешек.

— Две недели или два года, — пробормотала Хелен. — Какая разница?

— Ступай прочь! — Фидо перегнулась и рывком распахнула дверцу.

Глава 5
НАДЗОР
(слежка за подозреваемым или содержание осужденного под стражей)

Коль скоро тревоги внешнего мира проникают в дом, а муж или жена позволяют противоречивому, неизвестному, недоброму или даже враждебному обществу переступать порог, дом перестает быть таковым; тогда он является лишь частью этого внешнего мира, которому вы даете крышу и для которого зажигаете огонь.

***Джон Рёскин.*[49]**
Сезам и лилии (1865)

«В тридцать пять ставший капитаном и „героем Трафальгара“, в пятьдесят семь лет получив звание контр-адмирала, сэр Эдвард Кодрингтон высочайшим ука-

[49] Примечания: 49
Рёскин Джон (1819–1900) — английский писатель, художник, теоретик искусства и поэт.

зом был назначен главнокомандующим средиземноморской флотилией на флагманский корабль „Азия“».

Сидя в своем кабинете, Гарри, с трудом выпрямив спину, перечитал последнее предложение и снова взялся за перо. Его сестра Джейн, не оставляющая работы над мемуарами об их покойном отце, постоянно просит брата записать все, что ему известно о его морской службе, и вот он наконец-то, чтобы отвлечься от горьких размышлений, трудится над воспоминаниями. В будущем году Гарри тоже исполнится пятьдесят семь, вице-адмирал на один ранг выше контр-адмирала, поэтому постороннему взгляду может показаться, что его карьера развивалась стремительнее, чем карьера отца, но дело в том, что благодарная нация до сих пор помнит сэра Эдварда Кодрингтона, а его сын никаких геройских подвигов не совершил.

До него доносится стук парадной двери. Должно быть, это Нэн отправляется в музей с миссис Лаулес. Сегодня ее волосы убраны назад и завязаны ярко-синей ленточкой. Нелл еще слаба и вынуждена лежать в постели; полчаса назад Гарри поднимался проведать ее, но она задремала над «Тысячью и одной ночью», а рядом на подносе

стоял почти нетронутый завтрак. Она сразу села, когда отец заглянул в дверь.

Там, снаружи, на Экклестон-сквер дежурит шпион. Гарри не знает его в лицо, иначе каким бы он был шпионом. (Уотсоны предпочитают называть его частным агентом.) По словам миссис Уотсон, он стоит там уже четыре дня. «Подобные вещи требуют времени, адмирал».

Гарри покусал сбоку большой палец, потом отдернул его и упрекнул себя за эту дурную школьную привычку. Заглянув в свои записи, он обмакнул перо в чернила.

> «В целях защиты от порабощения осажденных жителей греческих провинций и островов, которые вынуждены питаться вареной травой, сэр Эдвард счел своим долгом уничтожить турецко-египетскую флотилию у Наварина 20 октября 1827 года. Эта славная победа над Оттоманской Портой[50] столь широко известна, что здесь достаточно будет упомянуть о том, что союзный флот, насчитывающий одиннадцать парусных кораблей,

[50] Примечания: 50
Оттоманская Порта — одно из названий султанской Турции.

девять фрегатов и четыре брига, понес потери всего 172 человека убитыми и 481 ранеными, среди которых был и автор этих строк (третий сын сэра Эдварда, в то время гардемарин), считающий для себя честью быть включенным в это число».

Он с раздражением заметил тавтологию «считающий» — «число» и зачеркнул последние слова.

«…гордый тем, что входит в это число».

Гарри машинально нащупал под брюками шрам чуть выше правого колена. (Нэн и Нелл часто просят его сделать это, будто сомневаются в его ранении.) Уже в девятнадцать лет он пролил кровь за свою королеву. Видит бог, Гарри всегда готов пожертвовать жизнью ради славы и безопасности отечества! Но в эти мирные времена в его военной службе были периоды «частной жизни» (как тактично называют эти годы вынужденного безделья): четыре года, когда ему было за двадцать, еще пять лет, когда ему было за тридцать, и снова пять лет, когда ему было за сорок. Теперь он ожидает нового назначения или хотя бы кабинетной работы в Адмиралтействе на следующие несколько лет. Его морской душе ней-

мется на берегу, но он терпеливо ждет приказа.

Жена его сейчас наверху, в своем будуаре (который недавно она оклеила немыслимо дорогими обоями с райскими птицами) и приводит в порядок старый капор — во всяком случае, так она заявила за ланчем. Гарри вдруг приходит в голову, что он понятия не имеет, что значит «приводить в порядок». Приспособить его для какого-то употребления, как оснащают судно? Подкоротить его поля, как мужчина подстригает бороду? И разве Хелен умеет все это делать, если перед сном без помощи горничной не в состоянии сама расстегнуть пуговицы на платье? Хелен напоминает ему двигатель, работающий вхолостую; она способна только потреблять.

Подобно дежурящему снаружи шпиону, Гарри не выпускал жену из поля зрения: он скрытно следил за каждым ее движением, что, как ни странно, напоминало ему пору его ухаживания за ней. (Однажды он увидел выглянувшую из перчатки изящную ручку юной Хелен Смит, и это зрелище настолько отвлекло его от защиты Флоренции от предполагаемых бунтовщиков, что остается только поражаться, как сумело устоять Великое герцогство!)

А что, если шпион действительно что-то об-

наружит? Гарри это до сих пор представлялось нереальным. Его жена сидит наверху и возится со своим капором. Как она может вступить в плотские отношения с незнакомцем? И с кем именно? Гарри полностью согласен с миссис Уотсон, что ему нужно знать правду, — но они не обсуждали, как ему затем распорядиться этими знаниями. Что, если шпиону удастся добыть доказательства, твердые неоспоримые доказательства, что Хелен… Гарри подыскивал подходящие слова: «Обесчестила его? Предала? Что она падшая женщина, погибшая, пропащая?»

Но, конечно, шпион может ничего и не обнаружить. Возможно, пять дней назад жена действительно надолго застряла за десертом с почтенными родителями мисс Фейтфул, что она всего лишь беспечная мать, и ничего больше. Испытает ли Гарри облегчение, когда будет доказана ее невиновность, хотя ему и пришлось для этого нанять шпиона? (Удивительно современно, с сарказмом усмехнулся он; вот он — образец мужа 1864 года!) И что тогда? Сможет ли он взглянуть в глаза самому себе, стоя перед зеркалом?

Он посмотрел на лежащую перед ним страницу и с огромным трудом заставил себя писать дальше.

«Несмотря на то что доблестный командующий был увенчан лаврами своего суверена, а также правителей Франции и России, позднее, в результате политических интриг, в коих он сыграл роль козла отпущения (что является общепризнанным фактом), он был отозван Адмиралтейством».

Гарри едва не подскочил в кресле от громкого стука. Ему вдруг показалось абсурдом, что, хотя в доме есть слуги, чьей обязанностью является открывать парадную дверь, чтобы не отвлекать хозяина от работы, он тем не менее отвлекается, так как после такого стука он невольно прислушивается, чтобы понять, кто пришел. Пожалуй, было бы проще самому спуститься в холл и открыть дверь, даже нарушая обычай.

Экономка миссис Николс сама принесла ему телеграмму. С тяжело бьющимся сердцем Гарри предположил самое худшее: опасную болезнь в той или иной ветви его семейства, смерть своего престарелого свекра во Флоренции… Или это телеграмма от начальства? Но сообщение о назначении не может быть настолько срочным, чтобы нужно было прибегнуть к услугам телегра-

фа. Он вскрывает телеграмму ножом для бумаг.

> «Господа Габриэль, дантисты, Харли-стрит, Кэвендиш-сквер. Господа Габриэль оказывают профессиональные услуги по адресу Габриэль-стрит, 27, с 10 до 17 часов дня ежедневно».

Гарри оторопело посмотрел на текст. Как! Всего лишь рекламное объявление с целью расширить свое дело! До чего же доходит наглость этих людей, занимающих телеграфные провода и отнимающих время у важных людей своими дурацкими посланиями! Будто Гарри спит и видит, как бы полечить зубы у таких выскочек, как эти господа Габриэль! Да он напишет про них в «Телеграф»!

Подумав, он скомкал и бросил телеграмму в корзину. Скорее всего, господа Габриэль именно на то и рассчитывают, чтобы люди написали о них в «Телеграф». В этом-то и заключается фокус с оглаской: любые слухи только разжигают интерес публики.

Гарри недовольно перечитывал неуклюжие, тяжеловесные фразы о своем отце. Работа не дается ему, мозг работает вяло, нужные слова не приходят в голову. Это очень походит на затяж-

ной дрейф судна во время штиля, когда паруса безжизненно виснут и человеку начинает казаться, что все зловещие силы сговорились не дать судну добраться до порта назначения. И человек молит Бога послать ветер, будто у Всевышнего нет более важных забот. «К воскресенью погода наверняка изменится», — говорит человек, хотя уверенности в этом просто быть не может, и каждый день с одинаковым успехом может оказаться как безветренным, так и штормовым. Существует болезнь, свойственная измученной команде, называемая тропической лихорадкой: однажды нестерпимый зной вызывает у людей бред, им кажется, что море — это земля, и они спокойно делают шаг с палубы…

Опять хлопнула дверь. Гарри внимательно прислушался. В холле слышны только шаги горничной. Кто это может быть на этот раз? Желая размять ноги, он встал и подошел к окну гостиной. На них уже зимние шторы из красного бархата с фестонами; Гарри остановился и посмотрел между ними в окно. Он увидел, как мужчина грубой наружности подошел к двухколесному кебу и неуклюже взобрался на высокие козлы позади фургона. Затем снова послышались шаги в доме: кто-то быстро спустился по лестни-

це. Его жена? Гарри оставил очки в кабинете; он протер глаза и напряг зрение, чтобы разглядеть, что происходит снаружи. Кнут и вожжи спокойно лежат на коленях кучера. Отсюда с высоты внутренность кеба не разглядеть. Ага! Из дома вышла Хелен, в ярко-розовом платье, с непокрытой головой. (Любая другая женщина в Англии знает, что выходить из дому без головного убора неприлично, но только не его жена.) Она наклонилась к открытой дверце кеба и стала разговаривать с невидимым седоком.

Ярость ослепила Гарри. Неужели там, в темноте, скрывается мужчина? (Кто именно?) Но как они смеют, среди бела дня!

Хелен обернулась и бросила взгляд на фасад дома; Гарри поспешно скрылся за шторами. Неужели она почувствовала его взгляд?

Затем дверца кеба стала приоткрываться. Сейчас он увидит лицо выходящего пассажира. Но вместо этого Хелен вдруг приподняла юбки и забралась внутрь. Гарри замер у окна наподобие соляного столба. В груди у него разлилась странная легкость. Ему была видна только часть розового рукава жены. Он наблюдал за неслышным разговором, прижав лицо к стеклу, от которого пахло уксусом.

Внезапно Хелен низко наклонилась, похоже, опустила голову на колени. Черт, что там происходит?

Она снова выпрямилась, повернувшись к нему спиной, увлеченная разговором с другим пассажиром. Руки ее взлетали в резких, непонятно что выражающих жестах.

Гарри готов был выбежать на улицу и застать эту пару на месте преступления. Но что, если этот человек умчится в кебе, оставив Гарри на тротуаре? Да, внезапно у него появилась уверенность, что Хелен намерена уехать с неизвестным седоком. Это было бы похоже на нее: уехать после пятнадцати лет совместной жизни, даже без капора и дамской сумочки. «В таком случае иди, ступай себе прочь», — думает Гарри. Он парализован и может только наблюдать и ждать.

Но кеб все стоял на месте. Возница тер тыльную сторону ладони. Вот он наклонился, откинул крышку маленького люка, обменялся несколькими словами с пассажиром, затем опустил ее.

Через минуту дверца кеба открылась, и так резко, что Гарри вздрогнул. Хелен неловко спустилась на тротуар и, едва переставляя ноги, побрела к дому. Ее лицо непроницаемо, как у египетской мумии.

Гарри показалось, что его мозг вот-вот лопнет от напряжения. Он стремительно выбежал из комнаты.

Днем в пабе почти пусто. Пока Крокер облизывал грязный палец и листал свой блокнот, Гарри рассматривал его. Парню лет тридцать, заключил он, с бледным пористым лицом, типичным для его класса, и неприятной манерой поминутно откашливаться.

Крокер стал монотонно докладывать, заглядывая в блокнот:

— Я начал следить за домом миссис Кодрингтон на Экклестон-сквер 18 сентября 1864 года.

— Вы не могли бы говорить тише?

— Да, конечно.

Гарри оглянулся на малочисленных посетителей.

— И может, не стоит называть имена?

— Как пожелаете, сэр.

Крокер уже собирался возобновить отчет, как подошел бармен с подносом: пиво для частного сыщика и бренди для адмирала. Гарри тоже любил пиво, но предпочел подчеркнуть разницу в положении.

— Восемнадцатого числа текущего месяца, — продолжил Крокер, понизив голос, — я не заметил

никого выходящего из упомянутого дома, кроме слуг и адмирала Код… прошу прощения, сэр, и супруга упомянутой особы, который вышел в двенадцать и вернулся в десять минут шестого.

Гарри словно видел свою жизнь с другого конца телескопа. Что ж, подумал он, невозможно установить слежку за своей женой, чтобы самому не оказаться под наблюдением.

— Мне известно, когда я выхожу и прихожу, — как можно спокойнее отчеканил он, — так что эти моменты можете пропустить. Кстати, Крокер, вы прячетесь за какую-нибудь повозку или что-то в этом роде?

Тот с оскорбленным видом возразил:

— Сэр, я договорился с вашей соседкой через улицу, миссис Хартли, что буду изображать маляра.

— И что, вы снова и снова красите одну и ту же решетку?

— Да, сэр, в предписанный зеленый цвет; потом я ее счищаю. — Крокер снова заглянул в свои записи. — Вечером восемнадцатого я следил за домом до начала двенадцатого, когда, как было условлено, муж погасил внизу все лампы, из чего следует, что вся семья в сборе.

Гарри поймал себя на мысли о том, как парень

устраивается с едой и с отправлением естественных потребностей.

Крокер остановил палец на странице.

— Девятнадцатого сентября в десять часов утра я заметил, что из дома выходит миссис… интересующая нас особа. Я узнал ее по переданной мне фотографии. С нею было двое детей, обе девочки. Я понял, что она — их мать, так как одна из них называет ее мамой.

— Стоит ли об этом упоминать? Я прекрасно знаю, что мои дочери являются детьми моей жены.

— Совершенно верно, сэр, но миссис Уотсон говорит, что я всегда должен объяснять, почему я думаю так или иначе. Как видите, я ничего на себя не беру.

Подавляя раздражение, Гарри заставил себя кивнуть.

— В тот день, а именно девятнадцатого сентября, я следовал за ней в следующие заведения: Гэмбелс, Даутис, Локс. Я видел, как она приобрела два детских макинтоша, корм для золотых рыбок и графин для спиртного. Она также примеряла пару туфель.

— Ее покупки вы тоже можете опустить.

— Хорошо, сэр, — на этот раз с недовольной

ноткой пробурчал Крокер. — Хотя будет трудно представить полный отчет, если выпустить все эти вещи…

Гарри нервно побарабанил пальцами по столу, где стоял его нетронутый бренди. Неужели Уотсоны не могли нанять более опытного или хотя бы не столь болтливого агента? Конечно, они оказали ему невероятную любезность, но, видимо, несколько преувеличивали свой опыт в подобных делах.

— Вы давно занимаетесь этим делом, Крокер?

— Чем, слежкой? Нет, сэр. У меня четыре лошади, я кебмен, — сообщил он, и его лицо в первый раз приобрело человеческое выражение. — Я только оказываю миссис Уотсон услугу от имени моей матери, которая служит у них прислугой. Двадцатого сентября, — уже нарочито серьезно продолжил он, — в течение всего утра не было зафиксировано никакого движения.

До чего же пустой и бессодержательный отчет! Гарри вдруг подумал, что миссис Уотсон следовало бы прислать вместо него горничную, которая втерлась бы к Хелен в доверие… Правда, на это ушло бы какое-то время. Время было на Мальте, когда сама миссис Уотсон была наперсницей Хелен, ее… — как это называют женщины? —

ее задушевной подругой. О чем бы Гарри ни подумал, его сразу настигают воспоминания о прошлом.

— Двадцать первого после ланча одна из девочек была замечена…

— Да, да! Вчера Нэн с миссис Лаулес была в Британском музее. Переходите к кебу, — нетерпеливо перебил Гарри Крокера. — Вчера днем я случайно увидел, как моя жена вышла из дома и уселась в кеб.

Крокер явно недоволен: клиент перешел на его территорию.

— Совершенно верно, сэр. Данная особа оставалась в кебе приблизительно десять минут, после чего вернулась в дом.

— Она казалась взволнованной, когда вышла из кеба. Вам не показалось?

Крокер поджал губы.

— Во всяком случае, мне так казалось с того места, где я находился, у окна, — сказал Гарри. — У меня сложилось впечатление…

— Впечатление — это одно, сэр, а факты — дело другое, — важно заметил Крокер.

— Да, — смутился Гарри, затем оживился. — Если вы наблюдали с другой стороны улицы… значит, вы видели его лицо?

— Чье лицо?

— Пассажира!

— Пассажиром кеба была женщина, сэр, — объяснил Крокер. — Я бы сказал, леди.

Гарри изумлен.

— Какая леди?

— Я бы сказал, плотного сложения. Волосы длиной до плеч.

— О, тогда это не важно. Это подруга моей жены, — пояснил Гарри.

Но в следующую минуту ему в голову закрались черные подозрения, как тучи, наползающие на солнце. Если это была Фидо — почему она не вошла в дом? И что могло быть причиной их столь оживленного разговора?

«Она знает, — подумал он, закрыв глаза. — Женщины обо всем рассказывают друг другу».

А потом его осенила другая мысль. Когда на прошлой неделе его телеграмма о болезни Нелл была доставлена в дом Фидо, то, если Хелен у нее не было, Фидо наверняка вернула бы ее на Экклестон-сквер. То, что Гарри не получил никакого ответа с Тэвитон-стрит, могло означать одно из двух: либо Хелен действительно находилась там и обедала с родителями подруги, либо Хелен была где-то в другом месте, и Фидо участвовала

в этом обмане.

Возможно ли это? Хладнокровная сводница еще более отвратительна, чем обуреваемая преступной страстью изменница. Неужели Фидо Фейтфул могла участвовать в гнусном сговоре против человека, который когда-то предоставил ей убежище в своем доме!

Ах, дьявол в юбке!

Частный сыщик резко захлопнул свой блокнот:

— На данный момент это все, сэр.

Гарри погрузился в мрачные размышления. Больше всего его угнетало сознание, что он очень надеялся получить какое-то серьезное доказательство, оправдывающее его подозрения.

— Но у вас нет ничего существенного, Крокер, не так ли?

Тот смущенно пожал плечами.

— Я не хочу хулить вашу работу…

— Благодарю вас, сэр.

— Я хочу лишь удостовериться, содержат ли в себе обычные дневные передвижения, о которых вы докладываете, какое-либо доказательство, могущее обосновать обвинение в…

— Это не входит в мои обязанности, — уверил его Крокер. — Послушайте, если я вижу некую

особу с неким представителем противоположного пола, которые вместе входят в некий дом, то я подробно записываю это и все сопутствующие обстоятельства. Хотя девятьсот девяносто девять человек из тысячи могут сказать, что эти особы не замышляют ничего хорошего, я не решился бы сказать, будет ли это достаточным доказательством для жюри. — Он многозначительно постучал пальцем по своему носу, похоже копируя этот жест из какой-то пьесы.

У Гарри тяжело застучало в висках.

— То есть вы хотите сказать, что видели, как моя жена входит в какой-то дом с мужчиной? В какой дом?

— Нет, нет, сэр, это только предположительно. Я только объяснил пределы моей ответственности. Хотя не могу сказать, что это занятие мне по душе.

Гарри пораженно посмотрел на него. Ему в голову не приходило задаваться вопросом, нравится ли этому человеку его работа, как он не стал бы размышлять относительно парикмахера или лакея.

— Я сказал миссис Уотсон, — доверительно произнес Крокер, — что мне кажется довольно подлым исподтишка следить за женщиной, но

она говорит, все, мол, в порядке, это благородное дело, поскольку оно совершается, говорит она, для того, чтобы освободить уважаемого джентльмена от ярма брачных уз с… — Крокер обрывает себя. — Словом, от уз.

Гарри безмолвно кивнул.

— А еще это дело поможет выяснить правду, потому, мол, оно не может быть дурным. Так сказать, вывести на чистую воду.

У Гарри тошнота подступила к горлу.

Ведь было же время, когда он обрадовался бы доказательству, что Хелен его не обманывает? Но душа человека напоминает сложный лабиринт из замкнутых коридоров. Он думал, что считал жену повинной лишь в чрезмерном легкомыслии и кокетстве, но сейчас кажется, что все эти годы в глубине души он подозревал ее в более тяжких грехах.

Факт заключается в том, что в настоящее время он ни при каких условиях не желает жить с Хелен. Как получилось, мучительно гадал он, что девушка, вызывавшая у него слезы восторга, подарившая ему двух чудесных дочерей, что «эта самая прелестная жена во всем флоте», как назвал ее один из адмиралов… что сейчас Гарри хочет лишь одного — сбросить ее со своей спины,

как безобразную обезьяну, и быть оправданным в глазах света?

Кабинеты в Линкольн-Инн тесные и мрачные. Стол мистера Бёрда завален перевязанными бечевкой растрепанными пачками бумаг. Кожаное кресло очень удобное, но Гарри беспокойно ерзал в нем.

— Впрочем, не было обнаружено никаких доказательств, ничего сколько-нибудь существенного, — повторил он.

— Это не важно, — заверил Бёрд, — ведь наблюдение только началось.

Солиситор,[51] старый знакомый Уотсонов, носит густые, черные, с сильной проседью бакенбарды и весь увешан цепочками для часов с печатками.

— Дело в том, что она только не ответила на телеграмму в ту ночь, когда заболела наша дочь, — сказал Гарри и понял, что несет бред, как типичный старый и ревнивый муж из пантомимы.

Адвокат сложил домиком поросшие черными волосами пальцы и успокаивающе произнес:

---

[51] Примечания: 51

Солиситор — адвокат, дающий советы клиенту, подготавливающий дела для барристера и выступающий только в судах низшей инстанции.

— Доказательства супружеской измены обычно состоят из многих разрозненных фактов, адмирал, каждый из которых сам по себе кажется совершенно несущественным.

— Возможно, моя жена все же невинна, — настаивал Гарри. Последнее слово ему кажется не очень подходящим. Невинна в физическом смысле, то есть верна ему?

Миссис Уотсон тихо фыркнула.

— К сожалению, вряд ли это так, — говорит Бёрд. — По моему опыту, подозрениям оскорбленной стороны обычно стоит доверять.

Миссис Уотсон не выдержала.

— Мы наблюдали за вашим браком, адмирал, с глубоким сочувствием, как за бедным инвалидом, из последних сил цепляющимся за жизнь, но настал момент, когда следует отбросить все надежды.

— Но вы представляете себе, — спросил адвокат, — личность другого?

Гарри непонимающе посмотрел на него.

— Я имею в виду другого участника, так сказать, соответчика?

— Понятия не имею. — Гарри перебирал в памяти лица. — На Мальте в течение последних пяти лет, — неохотно проговорил он, — у моей

жены был один друг, постоянный спутник…

— Вот как?

— Это полковник по имени Дэвид Андерсон… — Он живо представил себе кудрявого белокурого офицера. — Но его общество не вызывало во мне никакой тревоги. Весьма общительный и дружелюбный человек учтивого поведения — вот единственное, что я могу о нем сказать. — Теперь Гарри рассказывал уже не одержимо, а доверчиво и простодушно. — Но это было на Мальте. Здесь же, в Лондоне… Я, право, затрудняюсь кого-либо назвать.

— Понятно.

— Я могу только предполагать, что она встречается с ним, то есть с неизвестным партнером, при содействии своей старой подруги, некоей мисс Фидо Фейтфул.

— Владелицы известной женской типографии? — спросил Бёрд и сделал пометку в блокноте.

— Не подумайте, что я слишком много себе позволяю, адмирал… Однако я считаю своим долгом сообщить мистеру Бёрду, что мы с мужем покинули Валлетту до прибытия туда полковника Андерсона, но одно время там находился лейтенант Милдмей из третьего батальона пехотной

бригады…

— Милдмей, — пробормотал себе под нос Бёрд, записывая это имя.

«Милдмей? — думает Гарри и припоминает беспечную болтовню с этим молодым человеком на вечную тему погоды. — Да это просто нелепо!»

— И я не очень удивлюсь, если были и другие spiantati!

Адвокат поднял на мисс Уотсон недоумевающий взгляд.

— Брошенные поклонники, — шепотом переводит преподобный отец.

Гарри сосредоточенно изучал песчинку на письменном столе.

— Если же этот Крокер явится с твердыми доказательствами, адмирал, исходя из того, что вы удостоили меня своим визитом, полагаю, вы желаете, чтобы были предприняты некие необходимые меры, не так ли? — осведомился адвокат.

— Да, конечно, — ответил Гарри, потирая висок, где пульсировала сильная боль. — Почему вы спрашиваете?

— Вы поразитесь, когда узнаете, сколько знатных лондонских семей страдает от супружеской измены, даже со стороны женщин, что ни для кого не представляет тайны, — с довольным видом

ответил Бёрд. — Часто мужья просто перестают разговаривать со своими женами и общаются только через слуг.

— Право, не знаю, как они выносят такую жизнь.

Преподобный Уотсон протянул руку с узловатыми пальцами и похлопал Гарри по колену.

— У вас есть полная возможность решить дело самым благоразумным образом, не оглашая ее вины, к примеру отправить за границу под предлогом слабого здоровья. — Бёрд выразительно постучал по носу сбоку, как это делал Крокер в пабе, чем вызвал у Гарри острую неприязнь. — Или, может статься, вы предпочитаете, чтобы я переговорил о вашем раздельном проживании?

— Думаю, в случае если мне представят неоспоримые доказательства, я… — Гарри придал своему голосу твердость. — Я потребую развода.

Произнесенное слово повисает в душном помещении, ему кажется, что Уотсоны должны быть потрясены. Но преподобный отец только благостно кивает, а миссис Уотсон сияет улыбкой. «Она никогда не любила Хелен, — понимает Гарри, — с самого начала не любила». Но это не имеет значения. Ему нужны союзники, а до их мотивов ему нет дела.

Бёрд сохранял полную невозмутимость.

— Могу я спросить, не желаете ли вы снова жениться?

Эта мысль не приходила Гарри в голову.

— Увы, церковь категорически это запрещает, — слабым голосом начал преподобный Уотсон, — но гражданская церемония…

— Вероятно, вы желаете иметь наследника? — предположил адвокат.

— Нет, — решительно отверг это Гарри. — Род Кодрингтонов будут продолжать сыновья Уильяма, а мне достаточно и моих любимых дочек.

Бёрд не унимался:

— В таком случае какова же причина…

«Я хочу избавиться от этой шлюхи». Даже произнесенные в уме, эти слова обожгли Гарри.

— Я хочу положить этому конец, подвести черту.

— Следовательно, у вас хватит душевных сил и мужества предстать перед публикой во время судебного процесса? Считаю своим долгом предупредить вас, что ваши семейные отношения подвергнутся тщательному обсуждению, — сказал Бёрд, — не только в суде, но и в прессе, что может иметь опасные последствия для других сторон, в частности для ваших дочерей.

Гарри нервно сглотнул.

— Если вы хотя бы отчасти знакомы с военными успехами адмирала на службе ее величества, — ледяным тоном обратилась миссис Уотсон к адвокату, — то должны знать, что его ничем невозможно запугать!

— Что ж, прекрасно, — сказал Бёрд, откинулся на спинку кресла и скрестил ноги.

Атмосфера в кабинете стала спокойнее; Гарри чувствовал себя так, будто сдал трудный экзамен.

— Разумеется, закон о бракоразводных процессах намного упростил и облегчил эту процедуру, — объяснил Бёрд. — В настоящее время расходы составляют приблизительно двести двадцать пять фунтов в год, из которых примерно сто пятьдесят — минимальная сумма.

У Гарри голова кружится от этих цифр.

— Кстати, в числе разводящихся много военных, — прокомментировал Бёрд. — Очевидно, служба за границей тяжело отзывается на супружеской жизни, независимо от того, едет ли жена со своим мужем или остается дома.

Гарри вспомнил, что во время службы в море оставлял Хелен в Лондоне, но взял ее с собой на Мальту. Не там ли его семейная жизнь оказалась

под ударом? Во время ссор из-за пустяков за завтраком или поздним обедом?

— Как вы полагаете, адмирал, миссис Кодрингтон будет защищаться?

— Защищаться — на открытом судебном заседании?! — ужаснулась миссис Уотсон.

— Вы меня не так поняли, мадам, — несколько раздраженно произнес Бёрд. — Я имел в виду, будет ли ее адвокат опровергать обвинение?

Гарри пожал плечами и сказал:

— Думаю, да. Она не… Она никогда не сдается без борьбы.

— Причина моего вопроса заключается в том, что дело о разводе без защиты стоит всего сорок фунтов, а в случае оспаривания обвинения стоимость может возрасти до пятисот или более фунтов.

У Гарри в данный момент нет денег, но он решил, что их можно будет достать, поэтому кивнул. Разговор о деньгах казался ему невыносимо унизительным.

— Что ж, — деловито произнес Бёрд, — давайте рассмотрим ваш случай, адмирал. Обязанность добыть доказательства ложится на вас. Вы должны представить убедительные доказательства, что миссис Кодрингтон изменяла вам с одним

или более партнерами.

— Может, будет лучше, с несколькими партнерами, так сказать, с целой свитой поклонников? — спросила миссис Уотсон с таким энтузиазмом, что Гарри стало тошно. — Поскольку я действительно считаю, что, например, лейтенант Милдмей…

— Там будет видно, — поджав губы, ответил Бёрд. — Это ее сильно скомпрометировало бы, но мы не должны давать ее адвокату возможность оспаривать то, на что адмирал закрывал глаза.

Гарри еще что-то беспокоит.

— Относительно неоспоримых доказательств… — Он откашлялся. — Должен ли я застать ее… так сказать… на месте преступления?

— О нет, разумеется, нет! — с укором возразил Бёрд, поправляя на столе пачки бумаг. — Если леди любезно простит мою откровенность, — легкий поклон в сторону миссис Уотсон, — боюсь, если бы даже вы, сэр, застали в постели вашу жену и ее партнера… э-э… так сказать, в неглиже, это нисколько не послужило бы доказательством.

Гарри непонимающе воззрился на адвоката.

— Видите ли, закон о разводе считает истца и ответчика заинтересованными лицами, а потому

не дает им права свидетельствовать от своего имени. Все факты должны быть удостоверены независимыми, беспристрастными свидетелями.

— Значит, мне ничего не нужно делать?

— Напротив, адмирал, вы будете нашим основным источником информации. Каждая подробность вашей супружеской жизни, которую вы сможете припомнить, частного характера или, по внешней видимости, не относящаяся к данной проблеме, должна лечь ко мне на стол.

Гарри показалось, что адвокат смотрит на него с самодовольным видом палача.

— Хорошо, — едва слышно произнес он. — Все, что понадобится.

Миссис Уотсон трагически воздела руки к потолку.

— Если когда-либо мужчина заслуживал счастья…

— Да, но развод не имеет ничего общего со счастьем, — подчеркнуто произнес Бёрд, едва ли не шутливо покачивая пальцем. — Люди, несведущие в юриспруденции, частенько ошибочно полагают, что он является правовым инструментом, предназначенным для спасения неудачного брака. Тогда как развод освобождает добродетельного супруга от безнравственной половины.

Уотсоны в унисон закивали.

— И здесь мало того, чтобы один из вас был виновным, — строго сказал Бёрд своему клиенту, — но чтобы и другой был невиновен.

— Вы имеете в виду в супружеской измене? — Гарри удивился. — Уверяю вас…

— В данном случае больше всего меня тревожит опасение, — пояснил юрист, снова сооружая башенку из своих пальцев, — что из всех незначительных упущений вам могут предъявить обвинение в том, что вы предоставляли миссис Кодрингтон излишнюю свободу.

— Вы женаты, мистер Бёрд? — осведомился Гарри.

— Нет, адмирал, не женат; слишком часто на моих глазах брачное судно терпело крушение, чтобы я сам счел возможным довериться его шпангоуту, — заявил Бёрд, явно довольный найденным им морским сравнением.

— В течение пятнадцати лет я всеми силами старался поддерживать мир в семье, — с негодованием прорычал Гарри. — А для этого приходилось держать мою жену на длинном поводке. Если она действительно была… если она завела… э-э… преступную связь, то я могу сказать одно: я этого не знал.

— Так-таки ничего?

— Мистер Бёрд, вы сомневаетесь в слове адмирала?!

— Отнюдь, мадам…

У Гарри начались рези в желудке. «Каким же безнадежным слепцом я был! Понятия не имел, что люди посмеиваются за моей спиной!»

— Почти все время я посвящал своему служебному долгу.

— Существует еще возможность, что сторона ответчицы будет доказывать remissio injuriae, что означает, что вы должны были догадаться и давно уже простить ее вину, — объяснил Бёрд. — И тогда присяжные могут решить, что вы сами во всем виноваты и все прочее.

— Прощение — это… — высокопарным шепотом произнес преподобный.

— О, там, на Божьем суде, способность прощать почитается одной из высших добродетелей, — с усмешкой перебил его Бёрд, — но, боюсь, здесь, в нашем грешном земном суде, — напротив. Извинительно и понятно, когда жена прощает мужа, особенно если у нее есть дети и ей некуда пойти, но муж… — Он сокрушенно покачал головой.

— Уверяю вас, мистер Бёрд, я и не подозревал, что мне было что прощать, — с трудом признался

Гарри. — Да, я знал, что моя жена не лишена недостатков, но ни в коем случае не… Я находился под впечатлением, что страсть не могла увлечь ее до такой степени…

Все устремили на него недоверчивые взгляды. Учитывая эксцентричное поведение и взбалмошные капризы Хелен, она, безусловно, была натурой страстной и непредсказуемой. Но каким образом в присутствии дамы он может объяснить свое давно устоявшееся представление, что после того, как она родила двоих детей, все ее желания… так сказать, переместились к северу от экватора?

Бёрд милостиво кивнул:

— И наш адвокат представит вас как любящего супруга, который, хотя и замечал в своей жене некоторое легкомыслие, отказывался думать о ней плохо до случая с телеграммой, оставшейся без ответа.

«Телеграмма без ответа!» Это похоже на название рассказа о привидениях из популярного журнала.

— Если бы вы ее знали… — Гарри обхватил руками голову. — Она еще такой ребенок! Вечно играет роль какой-нибудь игривой героини из ее любимых французских романов. Однажды, после

случайной встречи с принцем Уэльским на каком-то приеме, она хвасталась, что он влюбился в нее, вы помните, миссис Уотсон?

Та кивнула, сурово поджав губы.

— Я с самого начала привык не обращать внимания по меньшей мере на половину болтовни Хелен. Каждый из нас жил своей жизнью…

— Ага! Но это расценивается как невнимательность, небрежное отношение к своему долгу мужа… — предупредил Бёрд, многозначительно подняв палец.

— Поможет ли то, что сейчас адмирал установил в доме определенные строгие правила? — поинтересовалась миссис Уотсон. — Он всегда спрашивает ее о том, куда она собирается идти, и, если не одобряет ее намерения, запрещает покидать дом.

Бёрд улыбнулся:

— Парадоксально, но это сделает невозможным для… как зовут этого агента?

— Крокет, — подсказала она.

— Да, для Крокета собрать какие-либо доказательства. Нет, ваша проблема, — он обернулся к Гарри, — похожа на проблему полицейского, который видит в переулке подозрительного субъекта. Погнаться за ним и тем самым предот-

вратить преступление или дождаться, пока этот тип разобьет окно, что позволит арестовать его.

В голове у Гарри снова началась тупая пульсирующая боль.

— Нет, адмирал, вам придется действовать очень тонко, — сказал Бёрд. — Пожалуйста, иной раз вы можете сделать ей замечание по поводу отсутствия внимания к вам или к детям, но никоим образом не препятствуйте ей встретиться с любовником.

Это кажется ему нереальным: какой-то любовник, безликий призрак, силуэт на проекционном фонаре, страстно прижимающий ее к сердцу.

— Сдерживайте свои чувства и помните, что, скорее всего, у нее не осталось добродетели, которую следует спасать.

Гарри судорожно сглотнул.

— И сколько времени все это будет тянуться?

— Это зависит от того, какие доказательства сумеет собрать Крокер в Лондоне и мои агенты на Мальте, — заключил Бёрд.

— «Не заточив меча, не наноси удара!» — торжественно продекламировала миссис Уотсон.

В эти дни вера служила слабым утешением для Гарри. Он вознес короткую благодарственную молитву за выздоровление Нелл. А в отношении

Хелен даже не знал, чего и просить у Бога.

После возвращения семьи с Мальты по воскресеньям он водил девочек в церковь на Экклестон-сквер; он встретил там всего одного-двух знакомых соседей и выслушал скучные проповеди о противоречиях церковной реформы. Сегодня он оставил Нэн дома развлекать выздоравливающую сестренку. (Вчера он застал их в классной комнате за шумной игрой в чехарду: какое счастье, что дети ничего не замечают!) Он собирался пойти в церковь на Итон-сквер, куда ходил в детстве, «для разнообразия», как объяснила Хелен неестественно веселым тоном. На самом деле он чувствовал необходимость поскорее уйти, пока не поддался приступу ярости, который заставит его орать на нее и опрокидывать все эти столики и этажерки. Ему приходилось переносить опасность кораблекрушения, но и тогда он не чувствовал себя таким беспомощным.

В пятьдесят шесть лет походка у него остается легкой, как у спортсмена. (Прохожие часто удивленно вскидывают на него голову; благодаря своему огромному росту он всегда выделяется над толпой.) Сегодня он явился на Итон-сквер намного раньше начала службы. И убивал время прогулкой по кладбищу, навестил могилу, где

покоятся его родители, старший брат и старший сын Уильяма. Оба мальчика утонули; Гарри поразил тот факт, что море взяло свою дань у каждого поколения Кодрингтонов.

Пятнадцатилетний Гарри сочинял стихи в дортуаре школы Харроу, когда пришла печальная весть: внезапно набежавшая крутая волна опрокинула лодку, в которой был его брат, красавец Эдвард. Когда прошел срок траура (он ничего никому не говорил, но все знали о трагедии), открылась вакансия гардемарина на усмотрение их отца: назначение Гарри на корабль взамен погибшего сына было бы принято без вопросов. Хотя в пятнадцать лет поздно было начинать морскую службу и Гарри плохо знал евклидову геометрию и тригонометрию — два кита образования в Морской академии, — он сразу решил воспользоваться этим шансом. Он понимал, что служба на море будет опасной, но его неудержимо влекло к приключениям.

Только сейчас, склонив голову перед могилой Кодрингтонов, расположенной по соседству с домом, где он жил в детстве, Гарри вдруг с волнением осознал, что занял место погибшего брата. Как своевольно распоряжается нами судьба!

Зазвонил колокол, созывая прихожан: Гарри

вошел в маленькую тесную церковь и нашел служку, чтобы заплатить за место на лавке. Портьеры стали еще более выцветшими и пыльными, с тех пор как он бывал здесь. Шла знакомая, утешающая литургия: он может закрыть глаза и снова представить себя мальчиком. Но по какому-то случайному совпадению слова проповеди взяты из Книги притчей Соломоновых о добродетельной жене: «Крепость и красота — одежды ее. Она наблюдает за хозяйством в доме своем и не ест хлеба праздности. Встают дети и ублажают ее, и муж хвалит ее».

Гарри старался не слушать, но монотонное перечисление викарием достоинств супружеской жизни против воли проникает в мозг. Ему видится застывшее лицо утонувшего брата с широко раскрытыми глазами. И вдруг Гарри почувствовал, что его сейчас вырвет.

Он торопливо пробирался к выходу, шепотом извиняясь перед прихожанами, которые смотрели на него с холодным недоумением.

На улице он вздрогнул от холода, резкий сентябрьский ветер пронизывал его легкий летний плащ, хлестал по шее и кистям рук. На лбу и под черной бородой выступил пот. «В кого я превратился! Крадусь, устраиваю целый заговор,

нанимаю сыщика. Не муж, а пародия на мужа. А что, если я ошибаюсь? — внезапно пронзает Гарри страшная мысль. — Что, если Хелен тогда получила мою телеграмму, но из ложно понимаемой вежливости решила остаться на десерт? Что, если все ее преступления порождены моим воспаленным воображением? Что, если она просто легкомысленная и увлекающаяся женщина, которая любит пококетничать? Какое чудовище стало бы расставлять гибельную ловушку для матери своих детей?»

Он не останавливаясь шел дальше. К тому моменту, когда он свернул на Экклестон-сквер, желудок его успокоился, головная боль стихла.

Но перед его домом стоял кеб. Кучер наклонился к маленькому люку в крыше, получил свою мелочь. Затем дверца открылась, и из кеба высунулась белокурая голова. Ошибка невозможна. Человек, который должен находиться на Мальте, каким-то образом оказался здесь! Он остановился перед домом Гарри, посмотрел на часы и небрежно сунул их снова в карман! Это полковник Дэвид Андерсон!

«Все, она у меня в руках!» А вернее, она погублена.

У Гарри ослабли колени, трость заскребла

по камням. «Кодрингтон, возьми себя в руки!» Быстрый взгляд на другую сторону: там нет и признаков Крокера, окрашивающего ограду. «Будь он проклят!» Ну конечно, сегодня же воскресенье! Если бы он малярничал, это показалось бы подозрительным и возмутило бы соседей миссис Хартли. Гарри сотрясала такая сильная дрожь, что он вынужден был прислониться к каменной ограде углового дома.

Экипаж уехал, а Андерсон стоял и смотрел на окна дома Кодрингтонов. Гарри нельзя показываться ему на глаза. Он помнил предостережение Бёрда: единственный для него шанс чего-то добиться — это ничего не предпринимать. Он попятился назад, за ограду, но она доходит ему только до груди. Он нагнулся, потом сообразил, что так он, пожалуй, похож на взломщика, и снова выпрямился. «Пусть Андерсон не смотрит в мою сторону!» Это какой-то ужас.

Во времена сэра Эдварда джентльмен, оказавшийся в таком положении, точно знал, что ему делать: вызвать презренного негодяя на дуэль. То была эпоха героев, и какое имело значение, прольется ли чья-то кровь? Но теперь дуэль приносит обоим участникам лишь упреки и насмешки. Слишком поздно Гарри родился: сейчас все споры

решаются корректно, в соответствии с установленной процедурой. Вот вам результат долгого мира, за который так упорно сражался Гарри.

Он обязан стоять здесь, как какой-то прогуливающийся франт, тогда как Андерсон входит в его дом, затем дожидаться, когда он выйдет. Представляя этого человека с Хелен, Гарри задыхался от ярости. За закрытыми дверями, без свидетелей. «Крокер, где ты, бездельник проклятый!» Но, может, агент наблюдает из другого укрытия? Или покупает себе еду в лавочке? Гарри пришла в голову мысль остановить первого же пешехода и потребовать: «Вы покажете под присягой, что видели, как этот человек входит, а потом выходит из моего дома?» — и сам себе отвечает: «Успокойся, приятель, это могут сделать и твои слуги».

Затем он придумал страшный план. Он даст Андерсону пять минут, ну, десять. Сколько это занимает? (У Гарри никогда не было интрижек. Несколько свиданий до женитьбы были на чисто коммерческой основе.) Затем он откроет дверь своим ключом, очень тихо войдет и разыщет горничную. Нет, лучше лакея: мужчине больше поверят в суде. «Будьте любезны пройти со мной в комнату моей жены, и как можно тише», — скажет он.

Все эти мысли стремительно проносились у него в голове, пока Андерсон смотрел на дом. Затем стройная фигура поворачивается, и красивый чувственный рот растягивается в широкой улыбке. Или он раскрыл его от испуга?

Радостный возглас:

— Кодрингтон! Вы-то мне и нужны!

Гарри вздрогнул, как от выстрела. Андерсон размашисто зашагал к углу дома, протягивая руку. Гарри судорожно выступил ему навстречу.

— Доброе утро, — выдавил он.

— А я как раз собирался позвонить в вашу дверь.

— В самом деле? — Он произнес это как чревовещатель. — Как вы оказались на наших берегах?

— А, в этом-то все и дело! Я получил небольшой отпуск по сугубо личному делу. Боюсь, это мой прощальный визит.

Гарри закусил губы.

— Но вы только что приехали.

— Я имею в виду прощальный с жизнью холостяка, — пояснил Андерсон, закатываясь смехом.

Гарри страшно удивился.

— Да, да! Я только что из Шотландии и уже развез карточки по всему городу с известием, что моя кузина Гвен наконец-то согласилась сделать

из меня солидного человека.

Неужели Гарри все напутал? Неужели его настолько утомила скучная бездеятельная жизнь, что он нарочно придумал весь этот кошмар только для того, чтобы встряхнуться?

— Что ж, старина, поздравляю, — глухо сказал он.

— Благодарю, благодарю. Мой корабль стал на пристань, это факт, — сиял Андерсон. — Должен сказать, она очень милая девушка и настоящая красотка. Я часто рассказывал ей о вас, так что она будет рада познакомиться с вами, когда мы приедем в Лондон.

— С нетерпением буду ждать вашего приезда… — Гарри с трудом подыскивал слова. — Брак — это… — начал он, и голос его пресекся.

— Лучше него нет ничего на свете, как уверяют меня все мои приятели, — выждав секунду, закончил за него Андерсон.

— Вот именно, совершенно верно.

— Что ж, не могу больше терять время. Мне еще предстоит обойти большую часть Белгравии и весь Мейфэр.

Неожиданно сердце у Гарри начало бешено стучать, такого с ним не было даже во время бомбардировок на море. «Лгуны всегда слишком

много болтают». Эту ложь выдал кеб: Андерсон отпустил его прежде, чем подойти к дому на Экклестон-сквер. Где это видано, чтобы карточки разносили пешком по всей Белгравии и Мейфэру! К тому же в воскресное утро! Теперь Гарри все стало ясно. Ситуация не может считаться убедительным доказательством, но рассеяла все его сомнения в измене жены.

— Но разве вы не заглянете к нам на минутку? — машинально спросил он.

— Нет, нет, вряд ли. Колесница времени неумолима. Засвидетельствуйте миссис Кодрингтон мое нижайшее почтение. — Андерсон произнес это без малейших признаков дрожи в голосе.

— Непременно. Но, может быть, вы пообедаете с нами как-нибудь на этой неделе?

— Увы, к сожалению, я возвращаюсь в Шотландию.

— Да, конечно. — Гарри зашагал к своему дому. Тут его, как удар молнии, пронзила мысль. Он обернулся, неловко роясь в кармане. — Послушайте, возьмите одну из моих последних фотографий.

— Вы очень добры, Кодрингтон. Теперь я смогу подготовить будущую миссис Андерсон к вашей бороде, внушающей ужас и почтение!

— А у вас не найдется, случайно, вашего фото?

Тот растерянно заморгал.

— Я… Да, думаю, найдется, — сказал он, роясь в бумажнике. — Хотя оно не слишком лестно представляет старика Андерсона. Вот, пожалуйста.

— Еще раз всего вам доброго. — Гарри помахал ему рукой и проводил взглядом полковника, пока тот не свернул за угол.

Теперь у него есть фотография для Крокера. «Это тот самый человек. Второй участник, любовник, соответчик». Он вгляделся в матовый фотоснимок и с такой силой стиснул в руке, что безмятежное лицо исказилось в страдальческой гримасе.

Глава 6
ACTUS REUS
(лат.: преступление, преступное деяние, преступный акт. Юридический принцип латинского права Actus non facit reum, nisi mens sit rea означает: «Совершенное деяние не делает человека виновным, если у него отсутствует преступный умысел»)

Женщины лучше мужчин умеют притворяться, когда им нужно скрыть свои эмоции. И это благодаря традиции, нравственному воспитанию и современному образованию.

***Джейн Воган Пинкни.*[52]**

Tacita tacit (1860)

«Воскресенье, 23 сентября

---

[52] Примечания: 52

Пинкни Джейн Воган — английская писательница Викторианской эпохи.

Мне понадобилось два дня, чтобы написать это письмо.

Безусловно, прежде чем Вы обручились, Вы, как честный и благородный человек, обязаны были сообщить мне о перемене Ваших чувств. Во имя неба, скажите же, что заставило Вас внезапно пойти на этот ужасный шаг? Я не могу поверить, что всего за несколько дней можно было забыть о последних двух годах нежных отношений, при этом настолько, чтобы с презрением отвергнуть ту, кто (по Вашим собственным уверениям) владела Вашими мыслями и днем и ночью. Но больше я ничего не скажу о моей боли; одно лишь сердце знает, каково ему сейчас.

Поверьте, писать Вам побуждает меня не ревнивый гнев, а глубокая забота о Вашем благополучии. Вы не предложили нашему общему другу никакого объяснения Вашего экстраординарного решения, за исключением признания, что Ваша кузина питает к вам привязанность. Позвольте мне просить Вас серьезно подумать, прежде чем Вы свяжете себя на всю жизнь. При некоторых обстоятель-

ствах самопожертвование может быть благородным поступком, но не в том случае, когда дело касается счастья двоих (а точнее, троих) человек. Если Вы испытываете к Вашей кузине чувства, которые должен испытывать муж, было бы гораздо лучше, если бы Вы сразу причинили ей боль разрывом с ней, чем обрушите это на нее после свадьбы. Я слишком хорошо знаю, сколько сил и глубокой преданности необходимо для того, чтобы вынести все испытания супружеской жизни.

Я хочу увидеть вас сегодня еще раз; я должна собственноручно возвратить Вам кое-какие бумаги и сувениры. Как я понимаю, вчера вы собирались вернуться в Лондон; если эта записка застанет вас дома сегодня утром (в воскресенье), прошу вас посетить меня дома в одиннадцать. (Он возвращается из церкви не раньше двенадцати.) Не опасайтесь этой встречи; будьте уверены, что, если нам действительно суждена разлука, я навсегда расстанусь с прошлым и никогда не стану вспоминать о том, кем мы были друг для друга. Вы слишком хорошо меня

знаете, чтобы понимать, чего мне стоило просить вас об этой последней услуге.

Вряд ли стоит напоминать вам, чтобы вы сожгли это письмо.

Вечно ваша...»

Бронзовые часы в гостиной Хелен показывали уже десять минут двенадцатого. Вот уже почти четверть... Она напряженно прислушивалась к дверному звонку. Сегодня утром Хелен надела свое самое красивое платье из шелка с изумрудным и пурпурным узором, но сразу сняла, опасаясь вопросов Гарри. Теперь на ней скромное до банальности лиловое платье. Она смотрит в зеркало над камином: покрасневшие глаза, под ними коричневые тени. Брошена, безмолвно шепчет она своему отражению, отвергнута.

— Что это такое: имеет глаз, но не видит? — спросила Нэн.

— Это легко — иголка! — хрипло ответила с дивана укутанная во фланелевый халатик Нелл.

— А это что: лицо, но нет рта?

— Спроси у мамы.

— Что такое? — Хелен смотрит на дочерей.

— Это такая загадка, мама, — объясняет Нэн. — Что имеет лицо, но безо рта?

Хелен пожимает плечами:

— Вечно ты придумаешь что-то страшное!

Проходит уже почти четверть часа. Она нетерпеливо ждет звонка. Есть, правда, опасность, что кто-то из слуг скажет хозяину о визите полковника Андерсона, но Хелен сейчас не до этого. Ей пришлось пригласить его сюда, потому что теперь дом на Тэвитон-стрит для них закрыт. (Фидо, которая в пятницу фактически выгнала Хелен из кеба, вероятно, еще гневается. Она не ответила даже на записки Хелен, что уж говорить о помощи!)

— Отгадай!

— Отгадай, мама, — хрипло попросила Нелл.

Когда горничная придет сообщить о приходе Андерсона, позволить ли девочкам остаться на несколько минут, чтобы поздороваться с участником их игр на Мальте? Это поможет ему вспомнить о счастливых солнечных днях, проведенных на холмах над Валлеттой. Ах нет, скорее напомнит о том, что его миссис К. — супруга и мать двоих детей, и уже миновала свой расцвет. («Мое замужество не помешало нам, почему же должен помешать твой брак?») Нет, не стоит, девочки наверняка расскажут папе об Андерсоне. Да и к тому же у них будет мало времени; он

должен будет непременно уйти к тому времени, когда Гарри вернется из церкви.

— Лицо есть, а рта нет, — пробормотала Хелен. — Лицо безо рта? Он что, зашит?

— Мама, да это же часы! — крикнула Нэн, и Нелл залилась смехом. — Еще одну загадку?

— Право, я сейчас…

— Ну, еще одну для мамы!

Двадцать минут двенадцатого. Если Андерсон появится сейчас, у них будет меньше получаса. Может, что-то в ее письме напугало его? Хелен старалась придать письму великодушный и убедительный тон, словно его писала женщина иного, более кроткого нрава. Черт побери, он обязан явиться, обязан дать ей еще один шанс.

Фидо, несомненно, посоветовала бы Хелен «не унижать себя еще больше». Напомнила бы о гордости, о чувстве собственного достоинства. Только где она сама, почему ее нет рядом? Вот она, преданность, вот она, женская дружба!

— Что имеет руки, но без пальцев?

Хелен сокрушенно вздохнула:

— У вас все загадки о каких-то увечьях!

— Ты увиливаешь! — укорила ее Нэн, гордая новым словом.

Да, видно, Андерсон и не собирался приходить.

Какая жестокость кроется за этой обманчиво красивой наружностью!

— Отгадай! Догадайся!

— К отцу вы так не пристаете! — воскликнула Хелен. — Дайте подумать… Значит, нет пальцев? А большой палец есть?

— Нет ни большого, ни остальных пальцев, только руки! — стиснув кулачки, говорит Нелл.

— Может, вы намекнете?

Девочки серьезно переглянулись.

— Одна подсказка у тебя уже есть, — говорит Нэн.

— Руки без пальцев…

— Она никогда не догадается! Это тоже часы! — завизжала Нелл, и Хелен испуганно посмотрела, куда показывает ее дочка.

— У часов есть руки и лицо.

— Мама, ты сегодня очень недогадливая, — заметила Нэн.

— Да, — рассеянно согласилась Хелен, и голос ее прозвучал трагически.

— Мама, я не хотела тебя обидеть!

— Просто мы чаще разгадываем загадки, чем ты, — успокоила ее Нелл. — Давайте поиграем во что-нибудь другое.

— Мне тоже надоели загадки, — призналась

Нэн и взяла колоду карт. — Поиграем во «Все рухнуло»?

— Боюсь, мне еще не справиться, — сказала Нелл, протягивая вперед исхудавшие ручки и глядя, как они подрагивают.

— Ничего, я сама построю домик! — заявляет Нэн, принимаясь складывать на столе хлипкую пирамиду из карт. — А вы с мамой вскрикнете, когда он обвалится.

Хелен посмотрела в сторону окна. В воскресенье на улице пусто. Некоторое время не слышно никаких звуков, кроме слабого шелеста карт. Потом вдруг толчок, и Нелл крикнула: «Все рухнуло!»

Но Хелен услышала скрип парадной двери и быстро обернулась.

— Кажется, у нас сегодня гость! — возбужденно воскликнула она. — Кто бы это мог быть? Скорее уберите на место игрушки.

Нэн покачала головой, глядя на мать:

— Никто не звонил и не стучал, мама! Значит, это просто папа вернулся из церкви.

— Давайте играть в «Старую горничную».

— Нет, в «Счастливое семейство»! — потребовала Нэн.

Когда Гарри вошел в гостиную, Хелен спокойно сидела рядом с дочерьми — идиллическая сцена

счастливого семейства.

— Ты сегодня рано, — сказала она, не поднимая головы. — Нелл, я ищу… миссис Боне, жену мясника.

— Ее нет дома!

— Ну, и кто выигрывает? — спросил он.

— Я! — радостно крикнула Нэн. — Мама все время забывает правила.

На следующий день, уже ближе к вечеру, Хелен вышла из своего дома и направилась к ожидающему ее кебу.

Сидя в подскакивающем на булыжной мостовой экипаже, она вынула одну из больших визитных карточек с надписью «Миссис Генри Дж. Кодрингтон». Рассмотрела надписи по четырем углам: «Поздравление», «Визит», «Соболезнование», «Уведомление об отъезде», но ни одна из них не подходит для того, чтобы загнуть уголок, а сама она не может придумать, что написать. Придется оставить это место пустым.

Она еще ни разу не была в квартире, которую нанимает Андерсон, не позволяла себе рисковать. Сегодня она велит кучеру остановиться у дома номер 28 на Пэлл-Мэлл — чтобы ее не заметили, но попросит отнести ее карточку в дом номер 24.

— Двадцать четыре, вы сказали? — Он задрал

голову, всматриваясь в номер 28.

— Да, — коротко ответила она.

Уже почти шесть. Если она не вернется домой к обеду, случится ли у Гарри удар? Изжога по меньшей мере, а лучше бы смертельный паралич на коврике у камина.

Через несколько бесконечных минут из парадного входа появился Андерсон и посмотрел на кеб, стоящий у номера 28. Хелен глубоко вздохнула.

Лицо его серьезно и замкнуто. Он поднялся в кеб, закрыл дверцу и сел рядом с ней, а не напротив.

«Хочет быть ближе ко мне… Ах нет! Не смеет смотреть мне в глаза».

— Я приезжал вчера на Экклестон-сквер, — отрывисто начал он, — но, к несчастью, прямо у дома столкнулся с Гарри.

— Я так и знала, что-то должно было случиться!

Андерсон молчал.

— Да, он рано ушел из церкви, плохо себя почувствовал. Он… Он удивился, узнав, что ты в Лондоне?

Андерсон пожал плечами.

— Он вел себя… враждебно?

— Да нет. Мы даже фотографиями обменялись.

«Фотографиями?» Какие они странные, эти мужчины. Хелен сосредоточенно рассматривала свои розовые ноготки. «Держись, не нападай на него!» — мысленно напомнила она себе.

— Тебе больше нечего мне сказать после того, как я излила свою душу в том письме? — тихо спрашивает она.

Андерсон откашлялся:

— Тебе не следовало приезжать сюда.

Молчание. Она выжидала.

— Ты прекрасно выглядишь, — мрачно сказал он.

Она презрительно скривила губы. Неужели он принимает ее за девочку, от которой можно отделаться комплиментами? Но все равно ей приятно это слышать.

— Я знаю, что нанес тебе рану, — сказал он.

— В самом деле?

Андерсон достал из кармана небольшой пакет и положил ей на колени.

— Что это? — спросила она.

— Кое-какие памятные вещицы.

Ей не нужно открывать пакет, чтобы увидеть, что там находится. Сделанная ею цепочка для часов, не очень умело, на предыдущее Рождество; локон ее волос.

— Письма уже сожжены.

— Тогда сожги и все это. — Она шевельнула ногой и сбросила на пол пакет, ей вдруг представился запах спаленных волос.

Андерсон нагнулся и безропотно поднял пакет, будто ублажая капризного ребенка.

— Ты привезла вещи, которые хотела мне вернуть?

Она покачала головой.

— Хелен!

— Просто забыла.

— Я думал, это и было целью встречи.

— Для тебя, конечно, — сказала она сквозь подступившие к горлу рыдания. — А я хотела заставить тебя взглянуть мне в глаза и сказать, что больше ты ничего ко мне не чувствуешь.

Андерсон издал хриплый стон, а когда она вскинула голову, сжал в ладонях ее лицо и стал целовать, на что и рассчитывала Хелен.

Она крепко прижалась к нему. Это ее момент: ее сила в сладких поцелуях. Через несколько мгновений она слегка отстранилась и спросила:

— Мы можем пойти к тебе?

Он покачал головой:

— Дома моя хозяйка.

Она с досадой закусила губы.

Но он откинулся назад, отодвинул дверцу люка и крикнул кучеру:

— Отель «Гросвенор», пожалуйста!

Она покраснела, представляя, как это звучит. «Но какое нам дело, что подумают о нас посторонние?!»

Тарантас застревает на углу Гайд-парка в давке из-за упавшей лошади. Седоки не разговаривают; Хелен изо всех сил сдерживается, чтобы случайно не сказать такое, что заставило бы Андерсона передумать. «Скорее, ну, скорее же!»

В отеле он записывает их под именами лейтенанта и миссис Смит. Клерк подозрительно морщит лоб, но ведь это девичья фамилия Хелен, и она надменно смотрит сквозь него.

— Багажа нет, лейтенант?

— Мне нужен номер только для того, чтобы жена отдохнула перед вечерним приемом, — ледяным голосом объясняет Андерсон.

Номер угнетающе безобразен. Хелен была права, отказываясь от поездок в отель; лучше тайные объятия в темном лесу Креморн-Гарденс. Она видит свое отражение в дешевом зеркале: мрачный лиловый лиф, усталое лицо, резкие морщинки около губ. Далеко же она ушла от мисс Хелен Уэбб Смит из Флоренции!

Андерсон не сделал попытки подвести ее к кровати, а нервно расхаживал по комнате. «Вот так все и кончится, — подумала Хелен. — Молчанием в отвратительном номере».

— Если хочешь, кури, — сказала она. — Эти шторы не стоит беречь.

— Ты не возражаешь?

Она едва удержалась от смеха:

— Какое внимание к даме!

Андерсон закурил сигарету, прежде чем ответить:

— Дорогая моя девочка, мне так жаль.

«Да, но ты это сделал!»

— Самое лучшее будет, если ты меня забудешь.

Она вдыхала пряный запах его табака.

— Это подобно совету, который палач дает своей жертве: «Не извивайся и не дергайся, тогда топор сделает все одним махом».

— О, Хелен!

— И все это было только химерой? Мне всегда говорили, что у меня слишком богатое воображение. — Ее голос дрогнул и пресекся. — Значит, вся наша история была лишь одной из моих фантазий?

Андерсон энергично затряс своей львиной гривой:

— Просто дело в том, что в жизни каждого мужчины наступает момент, когда он задумывается о том, чтобы остепениться.

— Для чего?

— Чтобы иметь дом, — сконфуженно говорит он. — Наследника. Моя кузина Гвен очень милая девушка…

Она резко вскинула руку.

— Я пришла в это заведение, рискуя своей репутацией, не для того, чтобы выслушивать твои похвалы своей новоявленной невесте. — Она ядовито подчеркивает последнее слово.

— Я только хотел сказать, что я нисколько не обманываю себя, я знаю, она никогда не станет для меня тем, чем была ты.

«Ничего не скажешь, — с едкой горечью думает Хелен, — подсластил пилюлю, которая сведет меня в могилу». Хелен напоминает себе: она пришла сюда не для того, чтобы наказать этого человека — хотя это доставило бы ей огромное удовлетворение, — а для того, чтобы удержать его.

— Тогда женись на ней, но сохрани свою тайную любовь ко мне. — Она намеревалась произнести эту фразу соблазнительным шепотом, но та прозвучала как требование, повеление.

Он отвел взгляд, и Хелен с ужасом поняла, что

проиграла.

— У нас с тобой… — говорит Андерсон, — все пошло скверно с тех пор, как ты уехала с Мальты.

«Что, теперь, когда ты уже не можешь обладать мною два раза в неделю в уютной роскошной гондоле, я тебя больше совсем не интересую?» Она крепко сжала губы.

— Ты понимаешь, рано или поздно про нас все равно узнали бы. Люди все замечают. Даже твой крепколобый муженек не вечно будет прятать голову в песок.

Словами этот спор не выиграешь, но у нее есть другое оружие.

— Дай мне сигарету. — Она протянула руку. — Я тебя шокировала? — усмехнулась она, видя, что он не отзывается. — Считаешь меня фривольной?

Нелепость определения доходит до него; оба улыбаются. Он раскуривает для нее сигарету, и она затягивается, не закашлявшись; от дыма у нее в горле остается ощущение горечи и раздражения.

— Никогда еще не видел курящую женщину.

— В самом деле? Фидо курит как портовый грузчик.

Он недоверчиво посмотрел на нее:

— Ты про свою подругу Фидо?!

— О, не думаю, что ей подходит название подруги, — небрежно говорит Хелен. — Она отказалась от меня из-за вопиющей *лжи*, которую я нагородила о тебе. Больше у меня нет ни одного друга в целом мире.

Андерсон поцеловал ее, на этот раз более страстно.

— Тебе нравится? — спросила она, восстанавливая дыхание.

— Гм… Примерно как поцеловать грузчика.

Она рассмеялась.

Андерсон пристально посмотрел на нее, затем прижался лицом к ее корсажу, лихорадочно шаря рукой под ее тонкими шелковыми юбками. «Некоторые женщины находят эту животную страсть мужчин отвратительной, — размышляет Хелен, соскальзывая на мягкий диван без чехла. — Но разве все мы не примитивные животные?»

О, сможет ли она когда-нибудь жить, не ощущая на себе жаркого тела этого человека, его порывистых и энергичных ласк? Она вдруг думает про мужа, про его длинные белые ноги, вялые руки, его безразличие и холодность. Гарри никогда вот так не овладевал ею, даже в брачную

ночь; никогда не смотрел ей в глаза с такой отчаянной страстью. Ее душит ярость при мысли об адмирале, ожидающем ее на Экклестон-сквер, с газетой, за которой он прячется, как за щитом, с его ненавистной изжогой.

Но нет, она не станет в этот волшебный, сказочно прекрасный момент думать об остывших котлетах и старых ссорах. Хелен выбросила все из головы и вернулась на этот скрипучий диван, к этому восхитительному ощущению слияния с любимым. «Все будет хорошо, — сказала она себе, торжествуя, — теперь все будет хорошо! Этот человек хочет меня и всегда будет хотеть: никакой брак этому не помешает, ни мой, ни его!» Обжигающая плоть, вздувшиеся мышцы, каждое движение — это клятва, подписанная и скрепленная печатью.

Глава 7
УХОД
(уход от семьи, жены и т. п.; оставление семьи и т. п.; отказ от выполнения обязательств по отношению к членам семьи)

Если друг просит свою даму снять шаль и капор, это позволительно, если не мешает дальнейшим планам… Во время таких визитов следует держаться весело и непринужденно, а темы для беседы должны быть такими, чтобы ее можно было легко прервать.

***Изабелла Битон.*[53]**

Книга о домашнем хозяйстве (1861)

— Это не журнал, а ненасытное животное, которое буквально пожирает деньги! — простонала на следующий день Эмили Дэвис, сидя в кабинете Фидо в издательстве «Виктория-пресс». — Я так

---

[53] Примечания: 53

Битон Изабелла Мэри (1836–1865) — автор «Книги о ведении домашнего хозяйства миссис Битон», благодаря множеству полезных сведений и кулинарных рецептов ставшей настольной книгой каждой британской хозяйки.

хочу уйти, что готова откупиться собственным кошельком!

— Между прочим, мисс Паркес всегда жалуется, что «Журнал» отнимает у нее здоровье, — заметила Фидо. — Но несмотря на это, ни за что не передаст руководство им другому человеку со свежими идеями. Но не вечно же будет миссис Бодишон поддерживать нас своими средствами?

— Да уж, — согласилась Эмили Дэвис. — В свой последний визит она сказала мне, что у мисс Паркес преувеличенное представление о значении «Журнала». Но, вы понимаете, их долгая дружба…

Последовала долгая неловкая пауза. Ее прервала Фидо:

— Мисс Дэвис, я попросила вас заглянуть ко мне потому, что… Впрочем, вы, вероятно, догадываетесь… — Но красивое личико ее собеседницы непроницаемо. — Дело в том, что, когда на совещании я говорила о первоклассном журнале, который будет обсуждать — помимо проблем с правами женщин — и другие интересующие публику вопросы, вы показались мне заинтересованной… Я не ошиблась?

— Нет, не ошиблись. — Глаза Эмили Дэвис настороженно сузились. — Но если «Журналу ан-

глийской женщины» не суждено выбрать новое направление или, если хотите, новый формат, то не будет ли такой журнал составлять ему острую конкуренцию?

— Нет! — уверенно заявила Фидо. Ее голос дрожал от возбуждения. — Потому что он будет обращаться к другой, более широкой аудитории. Я думаю о развлекательном ежемесячном журнале, подобном «Фрейзер» или «Макмиллан», который будет исподволь, незаметно прививать читателям передовые представления об отношениях между мужчинами и женщинами. (Весь уик-энд она тщательно обдумывала этот план, стараясь не думать о Хелен, что ей удавалось с большим трудом.)

— Вы сами намерены его издавать?

— Да, конечно. У меня есть небольшой капитал и возможность привлечь партнера, некоего мистера Ганнинга; вы наверняка с ним знакомы. А вы будете единственным редактором, независимым от комитета, — добавила она с тайным вздохом, вспоминая, как однажды Эмили Дэвис решительно сократила статью Арнолда с тридцати страниц до двадцати, прежде чем Бесси Паркес объяснила ей, что «Журнал» никогда не редактирует прозу этого выдающегося автора. — Как вам

нравится название «Журнал Виктория»?

— Очень! — воскликнула Эмили Дэвис, и ее кукольный ротик приоткрылся в улыбке.

Около четверти часа они обсуждают разные вопросы, связанные с перспективой нового журнала: тематику, авторов, художников, размер гонорара. Можно будет сэкономить деньги на контору, если использовать помещение «Виктории-пресс».

— А каким будет наш девиз? — спросила Эмили Дэвис.

— Свобода! Пусть каждая женщина делает то, что считает правильным, — вдохновенно ответила Фидо.

— Боюсь, мне придется настаивать на заключении со мной контракта. В женском движении слишком часто допускается небрежность, не соблюдаются договоренности.

— Что вы скажете о годовом жалованье в размере ста фунтов?

— Помимо гонорара за мои статьи?

— Да. Пять шиллингов за страницу, — предложила Фидо.

Дамы радостно улыбнулись друг другу, и тут вдруг постучал посыльный и сообщил, что хозяйку спрашивает миссис Кодрингтон.

У Фидо перехватило горло. Не в силах выговорить ни слова, она встала и направилась к выходу.

— Если у вас другая посетительница…

— Нет, нет, мисс Дэвис, прошу меня извинить, я только…

Навстречу ей по типографскому цеху бежала Хелен. Она схватила ее за руки:

— Фидо!

Стоя у своего наборного стола, на них с усмешкой смотрела Флора Парсонс.

Все здравые рассуждения Фидо, ее сомнения и злость тут же вылетели из головы: перед ней стоит Хелен!

— Дорогая моя, — прошептала Фидо, пытаясь увести ее подальше от своей комнатушки, где сидит Эмили Дэвис. — Не время и не место для…

Но Хелен не двинулась с места. Жакет сидел на ней криво, будто наспех одет.

— Он… — Она задыхалась от рыданий, и слезы текли по ее лицу, капая на кружевной воротничок.

Фидо негодующе прошипела ей на ухо:

— Что еще вздумалось полковнику…

— Это не он, — рыдала Хелен.

Прежде чем Фидо успела ее остановить, она вбе-

жала в ее кабинет. Фидо торопливо последовала за ней. Эмили Дэвис уже собирала свои заметки в блокнот. Фидо моментально прикинула в уме статус присутствующих: Хелен, при всем ее взбудораженном состоянии, занимала более высокое положение.

— Миссис Кодрингтон, могу я представить вам мисс Дэвис?

— Очень рада. — Мисс Дэвис протянула руку, но Хелен стояла неподвижно, как статуя, лишь по лицу ее струились слезы.

Фидо в отчаянии объясняет:

— Мы с коллегой только что обсуждали возможность совместного предприятия.

Хелен попыталась что-то сказать, но только судорожно сглотнула слезы.

— Как-нибудь в другой раз, — пробормотала Эмили Дэвис, боком продвигаясь к выходу.

— Он забрал Нелл и Нэн, — выпалила Хелен. — И мой стол… Он взломал мой письменный стол!

Изящные бровки визитерши удивленно взлетают.

Закусив губы, Фидо кивком показала Эмили Дэвис на дверь.

— Доброго вам дня, дамы.

И Эмили Дэвис вышла, тихо закрыв за собой

дверь и бог весть что думая о Фидо Фейтфул, которая в близких отношениях с какой-то ненормальной.

Но, несмотря на всю неловкость ситуации, Фидо кое-что уловила.

— Андерсон похитил твоих девочек?!

Хелен отчаянно затрясла головой.

— Их забрал отец. Я вернулась домой… после поездки в магазины. И когда вошла в дом, там было пусто! И еще он отослал всех слуг.

— И куда он их отвез? Я имею в виду не слуг, а Нэн и Нелл?

— Думаешь, если бы я знала, пришла бы сюда?! — крикнула Хелен. — За своими детьми я в Китай поползла бы на коленях!

— Тсс… — Фидо бросила опасливый взгляд на тонкую дверь, отделяющую ее кабинет от цеха. — Сядь, пожалуйста. Выпей воды…

— Я не хочу воды!

Фидо охватили отчаяние и досада. «Вот такое поведение и является причиной того, что никто не хочет брать на работу женщин!» — ловит она себя на мелькнувшей мысли.

— А что ты сказала насчет своего стола? — чуть погодя спросила она.

— Он вскрыл все ящики, на щепки разломал. И

все, что там было, исчезло!

— Что — все? — Она ждала. — Не может быть! Ты хочешь сказать, письма?

— Я…

— Хелен!

— Писем Андерсона там не было. Я сжигала их почти сразу после прочтения, — уверила ее Хелен.

— Тогда что там было? Твой личный дневник?

Красивое лицо горестно вытянулось.

— Просто блокнот с записями о визитах и встречах.

Фидо сжала кулаки.

— И еще… должно быть… черновики нескольких писем.

— Но это ужасно!

— Думаешь, мне нужно это объяснять?

Фидо попыталась собраться с мыслями.

— Значит, все слуги ушли?

— Кроме миссис Николс. Она уверяет, что ничего не знает, — сказала Хелен, роясь в своей сумочке, — но это не было запечатано, поэтому я уверена, что она его прочла.

Она бросила на стол лист бумаги.

Фидо осторожно взяла его.

— «Туалетная вода, — читает она, — раздвиж-

ной стол с откидной крышкой, образцы ситца, тонизирующий напиток…»

Хелен выхватила у нее список и достала из сумочки другой лист.

— Вот!

Записка не подписана, адмирал был уверен, что жена узнает его почерк. Датировано сегодняшним днем: 25-е, вторник. Всего одна строка: «Мой адвокат мистер Бёрд сообщит Вам все, что касается моего заявления о разводе».

Фидо в ужасе зажала рот руками.

На Тэвитон-стрит, выпив лауданум, Хелен немного успокоилась. Она лежала на кровати Фидо, глядя в окно, за которым горело закатное небо.

— Подумать только, — удивлялась она, — все эти годы, вскоре после того, как я потребовала отдельной комнаты, он строил планы, как меня наказать.

— Ты не можешь быть в этом уверена, — возразила Фидо. — Со стороны Гарри это может быть внезапным решением.

— Должно быть, он обо всем догадался, когда в воскресенье столкнулся на Экклестон-сквер с Андерсоном. Непонятно… — Голос ее оборвался. — Такая ужасная расплата за одну-единственную

неосторожность. Я попросила Андерсона прийти ко мне только потому, что ты закрыла перед нами двери своего дома.

Фидо уязвлена.

— Я действовала, подчиняясь голосу моей совести, — неловко объяснила она.

— О, я понимаю! — горестно сказала Хелен. — Я не имела права приходить сюда после всей той лжи, что наговорила тебе. Почему я с самого начала не сказала тебе правду? Я даже не имею права просить тебя о сочувствии — и все же прошу!

Фидо не дала ей договорить, прижав пальцы к ее губам.

— Развод лишит меня всего — имени, положения, средств на жизнь… — уныло перечислила грядущие потери Хелен.

«Дочерей», — добавила про себя Фидо, но не посмела произнести вслух.

— Я рада тому, что ты не прибежала к Андерсону, — мягко сказала она. — Думаю, женщина, оказавшаяся в таком ужасном положении, часто не видит иного выхода. Она отдает себя на милость мужчины, но, как только он понимает, что она запятнала свою репутацию, любовь быстро уступает место трусости.

Хелен криво усмехнулась:

— Я виделась с ним вчера вечером, в отеле.

Фидо насторожилась.

— Прости, но я не желаю слышать ни про отель, ни про то, что там было сказано или сделано.

В первый раз ей вдруг приходит в голову, что, вероятно, развод означает судебное разбирательство в присутствии публики, во время которого свидетели говорят во всеуслышание о невероятно интимных подробностях.

— Он дал мне понять, что его страсть ко мне… неутолима. — Голос Хелен бесцветный. — А потом… Очевидно, я совершенно не разбираюсь в мужчинах. Сегодня утром он прислал мне записку, в которой сообщил, что возвращается в Шотландию и что мы больше не увидимся.

— О, моя дорогая девочка!

— «Сожалею», — написал он. «Сожалею. *Д. А.*».

Несколько минут Фидо не могла вымолвить ни слова из боязни расплакаться, а ведь кто-то из них должен быть сильным. Одна из них должна придумать выход из этого страшного лабиринта.

Наконец она решительно сказала:

— Хелен, выкинь этого негодяя из головы! Ты и так потратила на него много времени и сил.

Хелен закрыла глаза. Ее ярко-рыжие волосы, выбившиеся из прически, напоминают струи

крови, пролившейся на подушку.

— Ты правильно сделала, что пришла ко мне. — Голос у Фидо низкий, вибрирующий, как звук виолончели. — Ты знала, что найдешь здесь надежную гавань.

Хелен распахнула глаза. При вечернем освещении они кажутся бирюзовыми.

— Я не была в этом уверена. После того, как ты разгневалась на меня тогда, в кебе…

— Это все в прошлом. Больше между нами не будет тайн, фальши, обмана! — страстно заверила подругу Фидо, сжимая ее руки.

Хелен ответила таким же пылким пожатием:

— Мне больше нечего от тебя скрывать. Мое сердце вскрыто, как на столе вивисектора!

Фидо вздрагивает. Наклоняется к Хелен.

— Обопрись на меня, дорогая моя. Я всегда буду с тобой.

— Что бы ни было?

— Что бы ни было!

— Я могу остаться у тебя?

— Живи сколько тебе нужно.

«Всю жизнь!» — подумала она про себя, но пока не решилась произнести вслух.

Воображение мгновенно перенесло ее в будущее. Почему бы и нет? Иногда женщины живут

вместе, если у них есть средства и они не связаны с кем-нибудь обязательствами. Это необычно, но вполне прилично. Она знает несколько таких пар из участниц женского движения: например, мисс Пауэр Коббл и ее компаньонку мисс Ллойд. Это можно будет устроить. И тогда жизнь Хелен изменится… Впрочем, разве она уже не изменилась, причем без ее согласия? Разве гусеница не сбрасывает высохшую оболочку и не появляется на свет в виде бабочки с трепещущими крылышками?

Будто читая мысли Фидо, Хелен вцепилась в ее руку, как утопающая.

— Если ты бросишь меня или предашь, как эти мужчины, я погибла!

— Никогда!

Конечно, то, что у нее будет жить разведенная женщина, вызовет осуждающие разговоры, но Фидо все готова вынести ради подруги.

— Поклянись!

— В этом нет нужды…

— Поклянись!

— Хорошо, клянусь!

И Фидо порывисто запечатлела горячий поцелуй на гладкой щеке подруги.

Позднее, когда ночь милосердно закрыла своим

черным пологом пылающее небо, Хелен быстро и безмятежно, как младенец, заснула, лежа на животе. Рядом с ней Фидо, опершись на четыре подушки, с трудом дышит и сдерживает кашель. Сильное волнение всегда отражается на ее легких.

Сколько времени займет процедура развода, размышляла она. В английской литературе о нем редко рассказывается. Она с трудом припомнила, что, кажется, в романе «Ист-Лин»[54] муж без особого труда получил разрешение на развод, но его жена, леди Изабелла, еще до суда сбежала с возлюбленным во Францию, что подтвердило ее виновность. Брошенная своим соблазнителем, от страданий изменившаяся до неузнаваемости, она вернулась на родину и устроилась гувернанткой к своим же детям. Кажется, потом один из них умер у нее на руках. «Очнись! Это тебе не литература, а реальная жизнь!» — сурово напомнила себе Фидо.

Если Хелен придется признать себя виновной в измене, — ответственность за нее она, есте-

[54] Примечания: 54

«Ист-Лин» — опубликованный в 1861 г. роман английской писательницы Эллен Вуд (1814–1887), ставший бестселлером Викторианской эпохи благодаря крайне интригующему сюжету. По нему неоднократно ставились пьесы и снимались фильмы.

ственно, припишет Андерсону, который своим настойчивым обольщением и угрозами покончить с собой заставил ее нарушить верность супругу, — тогда, вероятно, процесс не займет много времени. И уже к началу зимы все будет решено, с волнением думала Фидо, воображая, как они с Хелен празднуют Рождество в ее гостиной.

При слабом свете газового фонаря, проникающем в комнату в щель между шторами, Фидо различала, как равномерно поднимаются и опускаются в такт дыханию лопатки Хелен под тонкой муслиновой ночной рубашкой, которую она ей одолжила. И строки лорда Теннисона настойчиво прозвучали у нее в голове:

> *Странный друг, прошлый, настоящий и на всю жизнь,*
>
> *Чем больше я тебя люблю, тем хуже понимаю.*

Поздно терзаться сомнениями и страхом. Все круто изменилось всего за один оборот земного шара вокруг своей оси. Сегодня, пока Хелен ездила за покупками, у нее отняли все, и ее устроенная жизнь рухнула, как карточный домик. В подобных обстоятельствах Фидо способна лишь следовать своей натуре: поддерживать, спасать,

любить.

На лестничной площадке старинные часы пробили два раза. Фидо размышляет: если бы она знала, какая буря вскоре ее ожидает, умчалась бы она в тот последний знойный день августа с Фаррингдон-стрит куда глаза глядят?

«— Фидо?

— Вы ошибаетесь.

— Но вы моя давно потерянная подруга, моя преданная Фидо!

— Нет, это не я».

Сама мысль об этом заставляет Фидо презирать себя за малодушие и жестокосердие. Нет-нет! Она не может вычеркнуть из своей жизни ни тот день, ни весь следующий месяц, полный бурных переживаний. В прошлом Фидо никогда не была для Хелен на первом месте, и сознавала это. Но сейчас Хелен прозрела; она поняла, что лести мужчин нельзя доверять! Она начинает ценить своего единственного преданного друга, единственную душу, понимающую ее! Бедняжке Хелен предстоит пережить весь этот ужас, и Фидо поддержит ее. И впереди у них будут долгие годы счастливой жизни.

Подчиняясь внезапному желанию, она осторожно, чтобы не потревожить спящую, встает

и роется в ящике бюро. Ей не нужен свет, чтобы найти матерчатый сверток. Это бархотка, подаренная ей Хелен много лет назад на память об их встрече в 1858 году на берегу моря в Кенте, — расшитая ракушками, перламутром и янтарем. Фидо надевает ее и застегивает сзади крючок. Бархотка ей маловата, но носить вполне можно.

Она останавливается у кровати, сдерживая свистящее дыхание, и укутывает одеялом плечи Хелен, на светлой коже которых выделяются темные завитки рассыпавшихся волос.

Она проснулась и увидела Хелен уже одетой и стоящей у окна.

— Дорогая…

— Девочки очень напуганы, я это чувствую, — не оборачиваясь, сказала Хелен. — Нужно найти, где он их скрывает.

Фидо стряхнула сон.

— Но ты не в том состоянии, дорогая. Почему бы не подождать хотя бы до завтра?

— Это значит провести еще один день без любимых детей, — глухо ответила Хелен.

Фидо опирается на локоть, подавляя вздох. Ей хорошо известно, что Хелен путешествовала порой по месяцу, спокойно оставляя детей дома. Но, видимо, теперь, когда они отняты у нее, она

чувствует эту потерю. В конце концов, что Фидо может понимать в материнских чувствах?

Почти всю первую половину дня они разыскивают Нэн и Нелл по всему городу. Это оказывается довольно унизительно.

Сначала Хелен завезла в клуб Гарри умоляющую записку (черновик которой Фидо набросала в кебе, держа блокнот на коленях). Рэг-клуб, он же клуб «Армия и флот»,[55] располагается на Пэлл-Мэлл, это современная неприступная крепость со скрещенными шпагами и якорем на величественной арке и с выгравированным девизом: «Единство в силе». Лицо привратника непроницаемо; он ничем не дал Хелен понять, находится ли адмирал Кодрингтон в клубе.

Затем они побывали у нескольких давних знакомых Кодрингтонов. Те встречали их с изумлением и испугом. Как может порядочная мать потерять двух дочерей, одиннадцати и двенадцати лет? Уже этого недоумения достаточно, чтобы по городу распространились слухи. Право, с горечью думала Фидо, с таким же успехом Хелен могла поместить в «Таймс» объявление о крушении своей семьи.

---

[55] Примечания: 55

Клуб «Арми энд нейви» (*букв.* «Армия и флот») — клуб для офицеров всех родов войск; основан в 1837 г.

Остановившись у городского дома Боурширов, фасад которого был выложен мрамором, Хелен отправила к ним кучера со своей карточкой, где на обороте нацарапала несколько слов, и получила краткий ответ, что ее милости нечего сообщить жене своего брата.

Хелен в отчаянии откинулась на засаленную спинку сиденья.

— Должно быть, он поставил ее в известность. Теперь уже он, наверное, рассказал всему городу! — с досадой сказала она. — Как ты думаешь, она может держать у себя взаперти моих девочек?

— Возможно.

— Теперь попытайся ты, хорошо? Только на этот раз не спрашивай ее, а просто узнай у лакея, находятся ли обе мисс Кодрингтон у своей тетушки.

— Хелен, я…

— Ну пожалуйста, у тебя такой внушительный вид!

Фидо засмеялась, вероятно, от волнения:

— Я об этом не подозревала!

— Ты сразу вызываешь доверие у незнакомцев.

— Особенно у слуг, хочешь ты сказать?

— Мне они не доверяют, — уклончиво ответила Хелен.

Она права, подумала Фидо, эффектная красота Хелен смущает людей. С этими мыслями она вышла из экипажа и направилась к парадному входу; в эту минуту начался дождь. Придав своему лицу наиболее дружелюбное выражение, она вынудила молодого человека в ливрее сообщить, что дочери адмирала уже несколько недель не приезжали в гости.

— Что ж, по крайней мере, мы знаем, что здесь их нет, — ободряюще улыбнулась она, убирая с лица влажные пряди волос.

— Мы ничего не знаем! — в отчаянии воскликнула Хелен. — Пока мы разговариваем, они, может, уже утонули в Темзе!

Фидо призвала на помощь всю свою выдержку.

— Только не устраивай мелодраму! — спокойно произнесла она. — Я, конечно, ничего не понимаю в супружеской жизни, но с чего вдруг Гарри вздумает утопить их в реке?

Хелен промолчала, и Фидо с тревогой ожидала новой истерики.

Но нет, Хелен мрачно усмехнулась:

— Может, из-за того, что они похожи на свою мать?

— Да, но ростом они пошли в Кодрингтона. Нет, ему было бы проще нанять какого-нибудь разбойника, чтобы он тебя бросил в реку.

Хелен рассмеялась:

— Гарри не захочет тратить на это деньги.

— Ты хочешь сказать, что он сам может это сделать? Отличный выход!

— Возможно, ты и сама до этого дойдешь, Фидо, прежде чем он воспользуется этим шансом.

— Очень вероятно. Если ты мне надоешь, смею сказать, что эти руки достаточно сильны, чтобы сбросить тебя с Вестминстерского моста. — Фидо рассматривает свои руки. — Если бы мы жили с тобой вместе, ты наверняка обнаружила бы во мне достаточно жесткости.

Но шутливое настроение проходит, и Хелен снова угрюмо смотрит на дом Боурширов. Фидо достала часики и с досадой вздохнула.

— Мне уже пора быть в издательстве, — сказала она Хелен. — Я должна организовать встречу с мистером Ганнингом относительно финансирования моего нового журнала.

Хелен сразу же пришла в уныние.

— Неужели ты оставишь меня сегодня одну?

— Дорогая, это всего на час, в крайнем случае на два…

Но Хелен вцепилась в нее с искаженным лицом, и Фидо сдалась, успокаивающе похлопывая ее по руке.

Дождь усилился, и Фидо попросила кучера остановиться прямо у дверей конторы по прокату зонтов, чтобы взять один на день. Затем она назвала ему следующий адрес из списка знакомых, составленного Хелен.

После еще двух бесполезных попыток Хелен отвернулась от залитого дождем окошка.

— Как я раньше не подумала! Скорее всего, он отвез их к Уотсонам!

Фидо не сразу вспомнила это имя и уточнила:

— К вашим друзьям по Мальте?

— Это его друзья, а не наши! — язвительно подчеркнула Хелен. — Когда его преподобие уволили, они вернулись в Лондон. Я так и вижу, как Гарри обращается к ним с просьбой помочь ему. Муж — полное ничтожество, а вот его женушка способна буквально на все!

По справочнику, который Хелен захватила с собой, они нашли адрес Уотсонов на самой окраине Бейсуотера.

Подъехав к дому, Хелен отправила хозяевам дома свою карточку, и через минуту к экипажу вышла пожилая седая женщина, прикрываясь от

дождя выцветшим зонтом.

— Это она? — спросила Фидо, и в ответ Хелен больно сжала ее запястье.

Хелен высунулась в окошко и без предисловий заявила:

— Они у вас, не так ли? Немедленно приведите их ко мне!

Фидо густо покраснела.

— Пожалуйста, простите мою подругу… — начала она и тут же заметила беглую усмешку на лице жены священника и ее быстрый взгляд на дом. «Они здесь!»

— Миссис Кодрингтон! Отец девочек — их единственный законный опекун, — четко выговорила миссис Уотсон, — действительно оказал честь нам с супругом, временно доверив их нашим заботам. В том маловероятном случае, если вы действительно питаете к ним чувства…

— Да как вы смеете! — негодующе воскликнула Хелен.

— Ради маленьких Анны и Эллен, надеюсь, вы не станете устраивать сцену на улице.

— Нэн! — выпаливает Хелен. — Их зовут Нэн и Нелл.

Скупая улыбка делается широкой.

— Мы с мужем считаем должным называть их

именами, данными при крещении, чтобы помочь им начать новую жизнь.

— Это мои дети!

— Согласно закону, — миссис Уотсон склонила голову набок, — только добродетельная жена может принудить своего мужа оставить его детей на ее попечение. Образно говоря, дети являются своего рода подарком, который муж дарит своей жене и волен в любой момент забрать его.

— Лживая ведьма!

Фидо потрясена заявлением миссис Уотсон, но знает, что она говорит правду.

— Вы сбились с пути, миссис Кодрингтон. — Ядовитая улыбочка расцветает на лице миссис Уотсон. — Вы совершили ужасный грех.

— И еще больше согрешу, старая дрянь, если ты сейчас же не приведешь ко мне детей! — выкрикнула Хелен и набросилась на нее из окна, но та проворно отскакивает.

— Какой стыд! — Фидо в ужасе от грубости Хелен.

В этот момент Хелен смотрит на окна верхнего этажа, и у нее вырывается крик раненой чайки:

— Вон они!

Миссис Уотсон обернулась на залитые дождем стекла и помахала девочкам, чтобы они отошли,

но они продолжают наблюдать эту сцену.

— Нелл! Нэн! Мама здесь! — закричала Хелен.

Фидо с силой вернула Хелен на сиденье.

— Это ничего не даст! — прошептала она ей на ухо.

— Я вас не знаю, мадам, — сказала миссис Уотсон Фидо.

— Эмили Фейтфул, — неохотно представилась она.

— Ах да, ваше имя мне знакомо, — с многозначительным видом заявила жена священника.

Фидо удивлена. Знакомо из газет? По воспоминаниям Хелен, когда та была на Мальте?

— Я удивлена, что вы продолжаете поддерживать знакомство с этой особой.

— Такова природа дружбы, — хрипло объяснила Фидо.

— Я тоже была ею очарована… на некоторое время, — с лицемерной доброжелательностью сказала миссис Уотсон. — А вы, видимо, до сих пор находитесь под ее влиянием.

Фидо растерялась. Вдруг Хелен распахнула дверцу и выскочила из кеба.

— Откройте окно, мои дорогие! — крикнула она, но девочки ее не слышат.

— Неужели вы не можете проявить милосердие

и позволить ей провести с девочками хоть пять минут? — попросила Фидо миссис Уотсон. — Вы же видите, она в ужасном состоянии.

— Да, вижу. Но считаю, что встреча с истеричной и сквернословящей матерью принесет им только вред.

— Всего на минутку! — возмутилась Фидо. — Только обнять их!

— Время объятий прошло, — с торжествующим злорадством заявила миссис Уотсон.

Затем белые пятна лиц пропали из окна, и у Хелен вырвался долгий горестный крик.

Фидо вышла из кеба, схватила Хелен за мокрые рукава и заставила подняться в кеб.

— На Тэвитон-стрит, пожалуйста! — крикнула она кучеру.

Адвоката зовут Фью.[56]

— Но клиентов у меня много! — На эти слова дамы удивленно посмотрели на него. — Это шутка, — с сожалением добавил он. Снова пауза. Адвокат пригладил свои тусклые седые волосы. — Ну-с, миссис Кодрингтон, вернемся к цели вашего визита. Адмирал, безусловно, будет обязан выплачивать вам содержание до суда, а также

---

[56] Примечания: 56

Фью (от *англ.* Few) — мало, немногие, немного.

гонорар за мои услуги, если вы выиграете дело.

Хелен подняла руку.

— Не будем забегать вперед, мистер Фью, — с самообладанием, поражающим Фидо, сказала она. — Прошло всего два дня, и гнев мужа мог утихнуть. Почему бы вам не предложить мистеру Бёрду, чтобы вы с ним поставили вопрос о раздельном проживании? Я могу экономно и тихо жить с девочками или даже одна, если мне будет позволено видеться с ними.

Пожилой адвокат посмотрел на нее с недоумением.

«Живи тихо и экономно со мной на Тэвитон-стрит, — говорит про себя Фидо. Ей видится новая возможность. — Мы с тобой вместе будем заботиться и растить Нелл и Нэн».

— Боюсь, для подобного предложения уже поздно. — Фью покачал головой, будто удивляясь невежеству женщин. — Адмирал требует развода не только a mensa et thoro, то есть раздельного существования, но a vinculo matrimonii, что означает расторжение брака как такового. Если бы он просто хотел жить с вами раздельно, то вчера не заполнил бы прошение, где указывает, что считает вас виновной в измене супругу с… — Он надел очки и прочитал: — С неким полковником

Дэвидом Андерсоном.

Хелен покраснела. Фидо вдруг подумала: уж не считает ли она себя и Андерсона Ланселотом и Гиневрой, обвиненными в связи перед всем миром? Но такие ситуации в современном мире не решаются сражением. Теперь даму спасает или не спасает не героизм мужчины, а факты, доводы, отлаженная машина закона. «Значит, Гарри уже подал прошение!» — с ужасом догадалась она. Что это значит? К сожалению, она не очень разбирается в бракоразводном законодательстве. Считает ли Фью, что Хелен уже поздно полностью признаться в измене и каким-то образом договориться с Гарри относительно ее будущего?

— «Во время нашего пребывания на Мальте Андерсон постоянно приходил к ней с визитами и поддерживал с ней упомянутую связь на протяжении 1862, 1863 и 1864 годов, — продолжал читать Фью, не отрывая глаз от документа. — Там же, на Мальте, некий лейтенант Герберт Александр Ст. Джон Милдмей часто навещал ее и поддерживал с ней упомянутую связь на протяжении 1860, 1861 и 1862 годов».

Фидо насторожилась. Что еще за лейтенант Милдмей?

Хелен отвела взгляд. И Фидо сама ответила на

свой вопрос. Следовательно, белокурый полковник не был первым мужчиной, перед которым не смогла устоять Хелен? «Потом, потом я у нее все вызнаю!» Фидо негодовала.

— В отличие от Милдмея, — объяснил Фью, — Андерсон в прошении назван соответчиком, и адмирал имеет право потребовать у него удовлетворения, хотя на данный момент он этого еще не сделал. Адвокат Андерсона говорит, что в настоящее время его клиент находится в Шотландии и что он намерен сделать в суде заявление о своей невиновности.

— Как и я, — быстро проговорила Хелен. — Это… — она с отвращением указала на обвинительное заявление, — все это можно опровергнуть.

— Рад это слышать. — Голос старого адвоката так сух, что Фидо слышатся сардонические нотки. Он снова посмотрел на свою клиентку.

— Мистер Фью, в настоящее время я нахожусь в ужасном состоянии.

— Я понимаю и не хочу оказывать на леди давление. Но хотя бы какой-нибудь намек, чтобы начать…

Хелен взглянула в окно, словно ожидая вдохновения, затем тяжело вздохнула:

— За пределами этой страны абсолютно другая жизнь! Видите ли, я выросла в Индии. А во Флоренции, где я провела последние годы девичества, считается абсолютно приемлемым, чтобы замужняя дама имела постоянного спутника, так называемого чичисбея.[57]

Она лукавит, возмутилась в душе Фидо: это принято для синьоры, но не для английской леди.

— Иностранные нравы свободные, но вполне безобидные, — пробормотал Фью, записывая ее пояснение.

— Признаюсь, что, пожалуй, была весьма неосмотрительна и беспечна в выборе друзей, — с обезоруживающей улыбкой сказала Хелен. — Но, поверьте, я никогда бы не позволила ни Милдмею, ни Андерсону постоянно сопровождать меня, если бы только могла подумать, что это может стать основанием для пересудов!

Дерзкое бесстыдство подруги почти восхищает Фидо. Пожалуй, Хелен могла бы заняться каким-либо бизнесом: она обладает способностями, которых Фидо раньше в ней не замечала.

— Признает, что недостаточно соблюдала правила приличия, подобающие замужней леди, —

---

[57] Примечания: 57
Чичисбей — в Италии кавалер, постоянный спутник дамы.

пробормотал себе под нос Фью. — Следовательно, каких-либо неопровержимых доказательств вашей… кхм… измены супругу не имеется? — Он посмотрел на нее поверх очков.

Хелен помялась, затем еле слышно спросила:

— О каких именно доказательствах…

— Ну, это могут быть, — объяснил Фью, — показания слуг, друзей, ваши письма, а также письма, адресованные вам, записи в дневнике, который муж изъял из вашего письменного стола, показания кебменов…

Хелен побледнела и откинула голову на спинку кресла.

И вновь сердце Фидо тает от сочувствия, подобно тому, как морская волна, достигнув своего апогея, обрушивается и превращается в пену.

— Хелен, хочешь стакан воды? Мистер Фью, может быть…

Адвокат налил дамам воды из графина.

— Миссис Кодрингтон, мне хотелось бы знать, не желаете ли вы пересмотреть свое заявление? — спросил он.

— Мое мнение — пересмотреть, — твердо заявила Фидо.

В глазах Хелен страдание. Вместо ответа она вздохнула:

— Мои девочки…

Адвокат кивнул, изображая сочувствие:

— Не советую вам на них ссылаться. Я очень опасаюсь, что они в любом случае не вернутся к вам.

Хелен растерянно посмотрела на него. Ее глаза полны слез.

— Единственным законным опекуном детей считается их отец, — объяснил Фью, — если только он не признан психически ненормальным.

— Но должны же быть исключения! — взорвалась Хелен.

— Кое-какие исключения имеются, — с сомнением сказал Фью. — Любая мать, даже если ее измена доказана, может ходатайствовать об опекунстве или о разрешении видеться с детьми до достижения ими возраста шестнадцати лет… Но на практике суд отдает матери детей старше семи лет только в том случае, если ее репутация безупречна, а отец известен жестоким обращением, пьянством или… э-э… нездоровьем… вы понимаете, что я имею в виду, — смущенно сказал он. — А вот, например, поэта Шелли вынудили расстаться с детьми из-за его атеизма.

— Закон — тупой и жестокий истукан! — с возмущением прошипела Фидо.

Фью перевел на нее серьезный взгляд.

— Как только в парламенте начинают обсуждать это положение закона, мисс Фейтфул, раздается хор голосов в защиту священных прав отца, но большинство из нас подозревают, что истинная причина более прагматична. Существуют опасения, что если женщины смогут разводиться с мужьями, не боясь потерять своих детей, то количество разводов значительно увеличится.

Хелен по-прежнему молчит, ее бледное лицо непроницаемо.

— Скажите, мистер Фью, а если моя подруга изменит свое заявление и признает себя виновной, это может упростить процедуру, ускорить ее?

Адвокат торжественно поднял высохший палец:

— О, в законе от 1857 года имеется одно любопытное нововведение: жена может признать справедливыми предъявленные ей обвинения, но затем выдвинуть контробвинение. Если мы сможем доказать, что и адмирал повинен в адюльтере, то ему придется согласиться на раздельное жительство и выплачивать ей полное содержание.

Фидо нахмурилась:

— Но если вам не удастся доказать вину адми-

рала Кодрингтона, а моя подруга уже созналась…

— У вас очень острый ум, мисс Фейтфул, — заметил адвокат снисходительным тоном, который она часто слышала от мужчин, с которыми имела дело. — Я предлагаю использовать одну уловку: миссис Кодрингтон может отрицать все факты, но при этом заявить, что если что и было, то в этом виноват ее муж.

У Хелен вырвался истерический смех, затем она быстро зажала себе рот пухлой ладошкой:

— Простите. Но разве это не полный абсурд?

— С точки зрения логики возможно, но не в глазах закона.

Фидо растерянно потерла лоб. «Боже, мы словно в Зазеркалье!»

— Итак, миссис Кодрингтон, в чем вы можете обвинить вашего супруга? Было бы гораздо легче и проще, если бы вы со своей стороны тоже могли бы предъявить ему обвинение в адюльтере, — сухо подчеркнул мистер Фью. — Есть ли у вас основания полагать, что адмирал, как многие мужчины, особенно, увы, военные…

— Нет, — явно неохотно сказала Хелен.

— Служанки, письма от дам и все в этом роде?

Она покачала головой.

— В таком случае мы будем искать море.[58]

Фидо непонимающе смотрит на него.

— Мы, юристы, называем их пять «си», — объясняет старый джентльмен. — Способствовал ли адмирал вашей измене тем, что оставлял вас одну, без своей поддержки и защиты? Потворствовал ли он ей своей предполагаемой терпимостью?

— Определенно способствовал, и можно утверждать, что потворствовал терпеливостью, — не раздумывая заявила Хелен.

— Терпимостью, — машинально поправила ее Фидо, у которой голова идет кругом.

— Следовательно, миссис Кодрингтон, вы полагаете, что он обо всем знал?

Хелен колеблется, надув губки.

— Он должен был знать.

Но ведь она все время уверяла Фидо, что Гарри ни о чем не подозревает! А сейчас, кажется, ловит каждый намек адвоката и говорит ему то, что он хочет услышать.

Фью только кивнул.

— И чем больше доказательств вашей вины

---

[58] Примечания: 58

«Мы будем искать море» и далее: «Мы, юристы, называем их пять „си“». Здесь: непереводимая игра слов в английском языке. Пять «си» — это пять пунктов обвинения, выраженных глаголами, начинающимися с буквы «с».

обнаружит его адвокат, тем больше оснований будет у нашей стороны настаивать, что любой супруг в здравом рассудке должен был осознавать, что происходит. Попустительствовал ли он вашим отношениям с Андерсоном или с Милдмеем, глядя на них сквозь пальцы? — спрашивает он. — Или даже намеренно не обращал на это внимания в тайной надежде без труда получить развод?

Хелен кривит губы.

От всего этого Фидо уже тошнит.

— А что за пятое «си»? — выпалила она, чтобы покончить с этим спектаклем.

— Жестокое обращение.

— И как его определяет закон? — поинтересовалась Хелен.

— У нас это понимается не так широко, как за Атлантикой, — американцы считают жестоким обращением все, что делает жену несчастной, — ответил Фью со своим мрачным юмором. — Но судья Уайлд обычно расширяет это понятие и включает в него любое поведение, ставшее причиной болезни жены.

— Миссис Кодрингтон отличается завидным здоровьем, — холодно заметила Фидо.

По дороге домой в кебе в душе Фидо боролись

гнев и милосердие, наконец верх одержал гнев. Она откашлялась.

— Могу я спросить, кто такой лейтенант Милдмей?

Хелен сидела, забившись в самый угол.

— Еще один «друг семьи»?

— Если угодно, — еле слышно прошептала Хелен.

— Мне не угодно. — Фидо дрожала от негодования. — Мне ничего из этого не угодно! Мне кажется, мы слишком далеко ушли от правды и нас несет в открытое море лжи.

— Наверное, ты сердишься, потому что я не рассказала тебе про Милдмея.

— Сержусь?! — Голос Фидо сорвался.

На крыше со стуком открылся люк.

— У вас там все в порядке, леди?

— Да, конечно, — пробурчала она.

— Ну, тогда ладно. — Выждав некоторое время, возница захлопнул дверцу люка.

Фидо овладела своим голосом.

— А какова, позволь мне спросить, цель этой твоей игры в дружбу? Я предлагаю тебе свою поддержку, предлагаю тебе… все, что у меня есть, всю себя! А ты лжешь мне на каждом шагу, так что я и слова не могу сказать в твою защиту!

— О, Фидо! — устало отозвалась Хелен. — По-твоему, все так просто?

— А разве нет? Откройся мне, расскажи мне все, дай мне возможность помочь тебе.

Хелен подняла к ней измученное лицо.

— И у твоей любви есть пределы.

— Ты снова обманула меня! — еле сдерживая гнев, прошипела Фидо.

— Когда я случайно увидела тебя на Фаррингдон-стрит… что я должна была тебе поведать? — Хелен беспомощно посмотрела на нее своими большими глазами. — Что с тех пор, как мы виделись в последний раз, несчастная жизнь с мужем изменила меня до такой степени, что ты ужаснешься? Что не одному, а двоим мужчинам удалось внушить мне ложные надежды, заставить довериться им всем сердцем и соблазнить на всю эту… грязь?

Фидо не знала, что и сказать.

— Ты — человек чистый и порядочный, и даже не представляешь, как можно оказаться в таком отчаянно сложном и запутанном положении. — С горестным видом Хелен склонила голову, подпирая ее рукой. — Если бы я призналась тебе во всем там, на Фаррингдон-стрит, ты бы первая бросила в меня камень!

Фидо замигала, кажется, в глаз попала соринка, но это слезы.

— Хелен! — Она подвинулась и обняла подругу за плечи. — Я не собираюсь читать тебе проповедь или разыгрывать оскорбленное самолюбие. Я хочу одного: быть с тобой рядом и поддержать тебя в этот ужасный период твоей жизни. Как можно скорее направить тебя в другую сторону — вот почему я хочу, чтобы ты признала себя виновной. — Хелен закипает, но еще сдерживается. — Почему бы тебе не прекратить поиски спасительных лазеек, не прибегать ко всяким недостойным уловкам, а честно и откровенно признаться в своих ошибках и на коленях умолять Гарри, чтобы он позволил тебе видеться с девочками?

— Но не ты ли возмущалась тем, что закон всегда на стороне мужчин?! — вспыхнула Хелен. — А как же насчет двойных стандартов? Будь у мужчины хоть сотня любовниц, это нисколько не портит его репутацию, но если я признаюсь в одной интриге, не говоря уже о двух, я потеряю все! Имя, детей, содержание…

— Я буду содержать тебя. — Фраза прозвучала хрипло. Фидо откашлялась. — Пока у меня есть дом, он принадлежит и тебе.

— О, Фидо! — Хелен сникла, закрыла глаза и инстинктивно, как ребенок, опустила голову на плечо Фидо.

Фидо почувствовала на шее горячее дыхание подруги, стала гладить ее по плечу и успокаивать. В полном молчании они подъехали к дому на Тэвитон-стрит.

На другой день, в пятницу, Фидо покинула издательство и отправилась в контору мистера Фью на очередной утомительный совет, где встретилась с Хелен. Адвокат по-прежнему нудно твердил о пяти «си».

— Гарри не брал меня на приемы, — сказала Хелен. — Это можно считать жестоким обращением?

Фидо с трудом скрыла улыбку.

Адвокат тяжело вздохнул:

— Э-э… Скорее пренебрежением.

— А если и брал, то мрачно стоял где-нибудь в углу и уезжал раньше всех под предлогом, что ему нужно заняться документами, предоставляя мне самой искать спутников, которые проводили бы меня домой, — продолжила Хелен. — Иногда он не разговаривал со мной по нескольку дней… постоянно делал замечания по поводу моего метода воспитания детей и ведения дома… Одна-

жды даже забрал у меня ключи.

Фидо узнала случай, который произошел еще в те дни, когда она жила с супругами на Экклестон-сквер; только на самом деле все было не так — это Хелен швырнула к ногам Гарри связку ключей. Это извращение старой истории претило Фидо, но она напоминала себе о несправедливости закона по отношению к женщинам. Ведь Хелен — невольная участница игры, в которой абсолютно все шансы против нее.

— Да, и, конечно, еще эта ненавистная миссис Уотсон, — спохватилась Хелен. — Там, на Мальте, он откровенно оказывал предпочтение ее обществу, пренебрежительно игнорируя меня.

Фью подсказал:

— То есть вы подозреваете…

— Нет, ничего в этом роде. Думаю, ее преподобный супруг всегда находился в гостиной, хотя, может, и не всегда в полном сознании, — с язвительной насмешкой заметила Хелен. — Но Гарри определенно позволял ей настраивать его против меня; чего только она про меня не говорила!

— Гм… Что ж, это можно подать как раскол семьи, — скребя пером, пробормотал Фью. — Теперь, миссис Кодрингтон… если позволите… я хотел бы спросить вас о… так сказать, о ваших

отношениях… во время ночи…

Хелен беспомощно посмотрела на него, затем на Фидо.

— Проявлял ли супруг по отношению к вам… скажем… невнимательность? — спросил адвокат с отеческим видом. — Может быть, когда вы находились в… гм… в деликатном положении? Или даже… Мне очень неловко спрашивать, но жюри очень сочувственно относится к женщинам, которые подвергались… э-э… унижению. В кругу военных это, к сожалению, случается не так уж редко и…

Фидо не выдержала и поспешно вмешалась в разговор:

— Супруги Кодрингтон на протяжении многих лет занимали отдельные спальни. Собственно, еще до отъезда на Мальту.

Долгая пауза. Неужели Хелен станет это отрицать? Но та наконец кивнула.

— По настоянию адмирала? — спросил Фью.

— Ну… вообще-то сначала по моему желанию, — нехотя сказала Хелен. — Но я неоднократно пыталась наладить с ним отношения.

Фидо впервые об этом слышит.

— Однажды, когда я приехала домой после приема, я зашла к нему в комнату, а он схватил меня

за руку и грубо вытолкал!

Эта история кажется Фидо правдоподобной; легко представить, как слегка подвыпившая Хелен со смехом входит на цыпочках в аскетически строгую комнату Гарри.

— Прекрасно, — пробормотал Фью. — Отказ от исполнения супружеского долга в сочетании с некоторой жестокостью. Следовательно, это по вине адмирала вы не имели других детей?

Склонив голову, Хелен рассматривала свои отполированные ноготки.

— Ну, Гарри по этому поводу определенно не испытывал сожалений, — сказала она, вместо ответа. — Я слышала, как он в шутку говорил друзьям, что с него достаточно и двоих детей. Но чувства женщины и матери... — Она нарочно оставляет фразу недосказанной.

Фидо нетерпеливо ждет, когда же закончится этот тягостный допрос.

— Мистер Фью, — неожиданно спросила Хелен, — а как может расцениваться поступок, когда муж — единственно для того, чтобы подчеркнуть свою власть, — выставляет из дома лучшую подругу своей жены?

Адвокат перевел взгляд на Фидо, которая буквально сгорала от стыда.

— Это было много лет назад. — Фидо с трудом заставила себя объяснить адвокату щекотливую ситуацию. — Я действительно жила с супругами в их доме здесь, в Лондоне, с 1854 по 1857 год, и в тот год…

— В то последнее лето, — с театральной дрожью в голосе говорит Хелен.

— Отношения между ними достигли своего кризиса, — слишком громко говорит Фидо, — в результате чего Га… адмирал предложил мне уехать. Он назвал мне причину, которую я сочла вполне веской: что третьему человеку не стоит быть свидетелем таких сцен. — Она произнесла эту фразу твердо, не глядя на Хелен, не собираясь поддерживать ее измышления, представляющие Гарри жестоким деспотом.

— Что ж, факт полезный, я бы сказал, многообещающий… — пробормотал Фью, склонившись над блокнотом.

Хелен нагнулась к Фидо.

— Дорогая, — шепотом сказала она, — как ты можешь говорить об этом с такой христианской кротостью, когда он… Ведь ты жила с нами под одной крышей! — Она выжидающе на нее смотрит.

Фидо ответила ей ледяным взглядом.

— Мистер Фью, может, достаточно на сего-

дня? — вдруг спросила Хелен.

Пожилой джентльмен растерянно моргнул.

— Разумеется, миссис Кодрингтон, простите, что утомил вас. — Он позвонил, чтобы им принесли плащи.

Они направились в чайную «Аэрейтед Бред компани»,[59] которая находилась как раз напротив конторы адвоката.

— Ты не поверишь, я буквально умирала от голода, — с самым беззаботным видом произнесла Хелен, когда они уселись за маленький столик. — Мне очень нравятся эти новые чайные, и я просто не представляю, как мы обходились без них, когда дамам негде было подкрепить свои силы, не нарушив при этом приличий? — Она бросила в свою чашку еще кусочек сахара. — Ты когда-нибудь заходила на ланч к Верейс на Стрэнде?

Фидо покачала головой. Она чувствовала себя такой утомленной, будто встреча в адвокатской конторе длилась целую неделю.

— Попробуй это печенье с глазурью.

Но Фидо не в состоянии есть. Эта женщина

---

[59] Примечания: 59

«Аэрейтед Бред компани» основана в Британии в 1862 г.; ее целью была выпечка полезного для здоровья хлеба без дрожжей и без сахара, который стал пользоваться большой популярностью. С 1864 г. по всей стране открылось также множество чайных заведений этой компании.

сбивает ее с толку. То рыдает от горя, что ее разлучили с дочерьми, то как ни в чем не бывало наслаждается кексом. Она отдавала себе отчет в том, что Хелен стала порочной: при мысли о таких женщинах Фидо часто приходило в голову сравнение с червивым яблоком. Но где же эти пустые глаза, крадущаяся походка и горячечный бред падших женщин из романов? (Тех несчастных созданий, которых другие женщины, такие как Фидо, с твердыми принципами и волей, образованные и горячо поддерживающие друг друга, оправдывают тем, что у несчастных нет иного выхода, чтобы выбраться из нищеты.) Видимо, согрешившие прелюбодеянием далеко не всегда чувствуют себя погибшими. Вот она, Хелен, сидит, как всегда вызывающе элегантная, и спокойно пьет чай!

— Ты наговорила там множество вздора, — заметила Фидо. — Надо же было заявить, что Гарри жестоко подавлял твое страстное желание иметь больше детей!

Подруга презрительно усмехнулась:

— Он говорил обо мне гораздо худшие вещи.

Да, этого отрицать нельзя.

— А что это за непонятная история относительно его обращения со мной?

Рука Хелен с вилочкой замерла, в глазах промелькнула настороженность.

— Не важно, — через минуту ответила она.

— Но…

— Я сожалею, что заговорила об этом в присутствии Фью. Раз ты не хочешь, не будем об этом говорить. — И она с преувеличенным аппетитом снова принялась за кекс.

— Но я как раз хочу! — с досадой заявила Фидо.

— В самом деле? Но за все эти годы ты ни разу об этом не упоминала. У меня создалось впечатление, что ты намеренно похоронила это в тайниках своей памяти.

Фидо пристально посмотрела на нее.

— Кажется, мы не очень понимаем друг друга. Что именно я похоронила?

— Дорогая, оставим этот разговор! — Хелен внезапно оттолкнула свою тарелку. — Поверь, я и не думала использовать это для усиления своей позиции.

У Фидо вдруг сильно заколотилось сердце.

— Только подумать, — сказала Хелен с блестящими от слез глазами, — когда мы сидели там, в конторе, я едва поверила собственным ушам, когда услышала, как ты защищаешь моего мужа. Мне больно подумать, что ты, такая независи-

мая и бесстрашная, станешь винить себя в этом инциденте.

У Фидо от волнения пересохло в горле.

— Дорогая моя, — тихо сказала она и положила руку поверх руки Хелен, лежащей на скатерти. — Давай уточним: о каком инциденте мы говорим?

— О том самом, о котором трудно говорить.

Горло Фидо свела судорога, перед глазами поплыли круги. Чайная вдруг показалась многолюдной, хотя в ней всего несколько посетителей.

— Это имеет отношение к Гарри?

Голубые глаза гневно вспыхивают.

— Ты же не станешь утверждать, что ничего не помнишь?

— Скажи мне, что именно ты имеешь в виду! — потребовала Фидо, теряя терпение.

— Может, лучше отложить этот разговор, пока мы не окажемся наедине? — поспешно предложила Хелен, видя лицо Фидо. — Ну хорошо. Если ты действительно не помнишь… Вернись мысленно к той осени, когда Гарри выгнал тебя из дома.

Фидо закусила губы от этого словца «выгнал».

— Я говорю о той ночи, когда ты проснулась рядом со мной, а он стоял у кровати.

— Ты про Гарри? — Фидо напрягла память. —

Да, он действительно иногда заходил в мою спальню… когда ты спала со мной.

— Правильно, и тебе это очень не нравилось. Но в ту самую ночь…

— Я помню, что проснулась и увидела у дверей белую фигуру, — кивнув, сказала она, и Хелен сжала ей руку. — Ты еще сказала мне, что это был Гарри в ночной рубашке.

— Разумеется, он; кто же еще?

— Я только это и видела — фигуру в белом. Вечером у меня был сильный приступ астмы, и я приняла лекарство.

— Но это все объясняет! — воскликнула Хелен. — Ты находилась под действием лауданума.

— Что объясняет?

— Почему ты забыла.

Фидо напрягла память. Призрачная белая фигура в дверном проеме: это пугающее видение, напоминающее смутные детские страхи.

— Я проснулась очень взволнованная.

— Еще бы!

— Наверное, он зашел в мою комнату о чем-то спросить тебя и застал нас уже спящими, да?

Хелен нервно барабанила пальчиками по столу и что-то шептала.

— Что ты говоришь?

Она говорит ей на ухо, обжигая своим горячим дыханием, отчего Фидо вздрагивает.

— Он забрался в нашу постель.

— Не может быть, — еле слышно произнесла Фидо.

— Пролез между нами и лег на тебя, — продолжала Хелен.

— Не верю!

— О, дорогая моя, — простонала Хелен. — Я видела все своими глазами; эта сцена неизгладимо врезалась мне в память. Но если бы я знала, что тебе удалось изгнать это воспоминание, я не сказала бы сегодня ни слова. Иногда лучше ничего не помнить.

У Фидо перехватило дыхание, она с трудом переспросила:

— Ты говоришь, он забрался в кровать… Было что-то… худшее?

Лицо Хелен исказилось от боли.

Сидящие по соседству две дамы с откровенным любопытством посматривали на них.

— Что ж, теперь ты можешь все мне открыть… — сказала Фидо.

— Да, но…

— Говори!

Быстрый шепот:

— Ты была бесчувственна. Я попыталась вытолкнуть его, но не могла с ним справиться. Кажется, он был сильно пьян. Он что-то пошутил насчет того, что у него холодная постель, тогда как рядом находятся две одинокие женщины. И еще что-то грубое насчет огня, который нужно поворошить. Он схватил твою ночную рубашку и…

Фидо приложила палец к ее губам и твердо произнесла:

— Нет.

— Этого не произошло, — прошептала Хелен. — Я имею в виду последнего поругания. Он только попытался… довольно грубо… а ты вскрикнула от боли и проснулась.

От потрясения у нее закружилась голова. Она схватилась за бархатный воротничок и слегка оттянула его. Гарри Кодрингтон возится с ее ночной рубашкой, когда она лежит почти без сознания? До этого ни один мужчина не касался ее. Одна мысль…

— Ты стала отбиваться, и тогда он испугался, вылез из-под одеяла и очень быстро ушел.

Теперь Фидо увидела новую версию, как призрачную картину поверх старого воспоминания. У нее так дрожали губы, что она с трудом выговаривала слова:

— Какое животное… Попытаться… силой взять свою гостью… подругу своей жены.

— Можно сказать, члена семьи! — едва не рыдая, воскликнула Хелен.

— Но почему… Какой у него мог быть мотив… — Фидо крепко прижала к губам согнутые пальцы. — Я не из тех женщин, против которых мужчины не в силах устоять, — заметила она почти с юмором.

— Это произошло из-за меня; я пришла к этому выводу после долгих размышлений. Я слишком долго отказывала ему в его правах, вот он и взбесился, — заключила Хелен. — К тому же его злило то, что ты принимала мою сторону, была моей единственной опорой. А в тот вечер он был пьян, вот ему, видно, и пришло в голову наказать нас обеих таким образом. О, Фидо, мне так жаль!

Руки их крепко сплелись. Фидо только и могла, что тряхнуть головой.

— По правде говоря, именно поэтому я не делала попыток возобновить с тобой переписку, — призналась Хелен. — Когда ты не ответила на мое первое письмо с Мальты, я решила, что ты порвала со мной. Какой я оказалась тебе подругой? Я предложила тебе дом и обрушила на тебя весь этот ужас.

— Не говори так. — Они надолго умолкли. — Это ты должна меня простить. До сегодняшнего дня я не понимала животную натуру этого человека. Бедняжка, что же тебе пришлось перенести за все эти годы!

Хелен смущенно улыбнулась, поднесла ее руку к своей горячей щеке.

Фидо заставила себя выговорить:

— Я должна немедленно рассказать об этом мистеру Фью.

Хелен отшатнулась:

— Это невозможно…

— Это мой долг!

— Но стоять в зале перед публикой и рассказывать о таком… Я бы никогда не попросила тебя об этом, дорогая моя.

Фидо испуганно вздрогнула.

— Право, я об этом не подумала… Я не смогу выступать в суде… — Ее охватило смятение. — Если только есть способ…

Хелен энергично тряхнула головой:

— Я не могу подвергнуть тебя такому испытанию, даже если от этого зависит все мое будущее.

— Но… — нерешительно начала Фидо. — Фью должен знать, с кем он имеет дело, за каким

чудовищем ты была замужем. Возможно, эта информация окажется полезной.

— Но что…

— Ах, какая досада, что я так плохо знаю закон, — рассердилась на себя Фидо. — Что, если Фью… что, если он предупредит своего оппонента, адвоката твоего мужа…

— Мистера Бёрда, — подсказала Хелен.

— Если он скажет Бёрду, что располагает сведениями о попытке насилия. — Последнее слово она произносит едва слышно. — Если Бёрд передаст это своему клиенту… Гарри наверняка испугается, что эта история выйдет наружу! Он поймет, что, хотя мы и женщины, — более уверенно продолжила она, — мы готовы рискнуть своей репутацией, когда у нас не остается иного выхода.

— Да! — восторженно воскликнула Хелен. — Да, ты права! Это может получиться. Он устыдится и заберет свое проклятое прошение. А может, даже вернет девочек домой!

Фидо в этом очень сомневалась, но ей не хотелось лишать Хелен надежды: время сделает это за нее.

В эту ночь они лежали на жесткой кровати Фидо, крепко прижавшись друг к дружке, и до-

поздна перешептывались.

— Уже можно начать думать о том, как ты будешь жить дальше, — сказала Фидо.

— Почему?

— Это на случай, если все закончится плохо.

— Я думала… Ты сказала, что я могу жить у тебя, — как испуганный ребенок, пролепетала Хелен.

— Ну конечно можешь! — Фидо крепко обняла ее и поцеловала в голову. — Что бы ни случилось, мы будем вместе. — Она ждала ответа, но Хелен не возражала. — Но это будет совершенно иная жизнь… — Она запнулась, боясь продолжить: без роскошных комнат, которые предстоит украшать и забивать всякими безделушками; без девочек, которых нужно будет с волнением готовить к первому выезду в свет. — Первое время тебе будет скучно без дела. — Тем более что она уходит на работу в шесть утра, но и об этом пока не стоит говорить. Ей впервые приходит в голову, что Хелен может потребовать себе постоянную компаньонку как для дома, так и для выходов за покупками; может начать возражать против увлеченности Фидо борьбой за права женщин. Ей становится тревожно, снова начинает болеть голова. «Не опережай события! — упрекает она себя. — У нас

и так достаточно проблем». И вдруг ей приходит в голову блестящая мысль. — Но, Хелен, у тебя же есть одно очень ценное преимущество: ты блестяще владеешь французским!

Тихий смех в темноте.

— Надеюсь, ты не предлагаешь мне бросить вызов мисс Брэддон?

— Нет, нет! Не писать романы, а корректировать их для печати. Кстати, я уже давно ищу образованную даму вычитывать тексты.

В ответ только молчание.

— Если хочешь, можешь работать дома…

— Не говори глупости, Фидо.

Фидо на мгновение растерялась.

— Я не такая женщина. — В голосе Хелен упрек.

— Если леди находит себе респектабельную работу, это вовсе не низводит ее до положения торговки рыбой; напротив, это ставит ее вровень с ее отцом и братьями, — резко возразила она.

— Ну, это вопрос темперамента. Леопард не в силах изменить свою окраску, — рассмеялась Хелен.

— Пожалуй, ты права, — успокоилась Фидо. «Какую странную пару мы составляем, — вдруг подумала она. — Разведенная жена и старая дева.

Прелюбодейка и борец за права женщин. Самка леопарда и… домашняя кошка?»

— Лучше я замолчу, чтобы ты уснула, — сказала Хелен.

Фидо усмехнулась:

— Ничего не получится. Стоит мне подумать, как завтра я рассказываю Фью ужасную историю, и у меня внутри все сжимается.

— О, дорогая моя! Если бы я могла избавить тебя от этого!

— Нет, — твердо заявила Фидо. — Нельзя скрывать правду. Это только нелепая щепетильность с моей стороны; меня ужасает сама мысль рассказывать такие вещи мужчине, к тому же совершенно незнакомому!

Хелен нежно привлекла ее к себе.

— Я вот думаю…

— Да?

— Может, тебе будет легче, если сначала я одна войду в контору Фью и изложу ему суть инцидента?

— Ты в самом деле готова на это? — с огромным облегчением спросила Фидо.

— Это самое малое, что я могу сделать. Кроме того, я все-таки замужняя женщина. Нам легче говорить о подобных вещах, — уверила ее Хелен.

— Да, конечно, будет гораздо легче, если ты подготовишь почву.

— А теперь обещай мне немного поспать. — Тон у Хелен ласковый, материнский. — А то завтра ни на что не будешь способна.

— Обещаю, — ответила Фидо, закрывая глаза и делая глубокий вдох.

Приняв у Фидо кашмирскую шаль, старый адвокат меланхолично покашлял.

— Довольно печальный случай это дело Кодрингтонов, — вздохнул он. — Но, как сказал великий поэт, брак таит в себе много бед, а безбрачие не дает радости.

— Думаю, это сказал доктор Джонсон.[60]

— В самом деле? Ах да, вы же из литературного мира, мисс Фейтфул.

В наступившей тишине слышно только ее хриплое дыхание.

— Не могу сказать, что меня очень удивило то, что рассказала мне миссис Кодрингтон сегодня утром, — заметил Фью, не отрывая взгляда от своего стола. — Вчера, когда она говорила о своем муже, я подозревал, что она что-то утаи-

[60] Примечания: 60

Джонсон Бен (1572–1637) — английский поэт и один из крупнейших драматургов Елизаветинской эпохи; был удостоен ученой степени почетного доктора Оксфордского университета и звания поэта-лауреата.

вает. Эти военные… в большинстве своем такие лицемеры!

Фидо в замешательстве поводила пальцем по шву своей перчатки.

— Я не задержу вас надолго; миссис Кодрингтон уже оставила мне показания об этой истории. Остались лишь формальности, и, поверьте, мисс Фейтфул, я ни в малейшей степени не хотел бы оскорблять вашу скромность…

— Я готова сделать все для того, чтобы помочь своей подруге.

— Ваша преданность делает вам честь. И это действительно очень ей поможет. Возможно, это окажется самым мощным оружием в нашем арсенале. — Фью заглянул в лист бумаги, лежащий сверху на высокой стопке, и откашлялся. — Итак, однажды ночью 1856 года вы находились в одной кровати с миссис Кодрингтон в доме на Экклестон-сквер и уже спали, когда податель прошения о разводе, то есть адмирал, вошел в…

— В то время он был еще капитаном, — уточнила Фидо.

— Это не важно.

«И на самом деле Хелен не спала». Фидо подумала, что это тоже не важно, хотя странно, что у него создалось впечатление, будто они обе спали.

Может, он так подумал потому, что дело происходило ночью? Или Хелен решила, что будет проще не упоминать о себе, поскольку она не имеет права давать показания; в конце концов, она не принимала участия в событиях той ночи, не сделала ничего такого, что может иметь значение.

Фью продолжил, не отрывая взгляда от бумаги:

— Он забрался в кровать между вами и сделал в отношении вас, мисс Фейтфул, непристойную попытку использовать вас… э-э… как если бы вы были его женой… но ваше сопротивление испугало его, и он убежал. Верно?

Ей не хватает воздуха, она оборачивается к окну, но оно плотно закрыто, чтобы не впускать сентябрьскую сырость. Единственное, что действительно важно, — это пробел в несколько секунд: она не помнит, проснулась ли она в момент нападения или сразу после его окончания. Когда человек находится под воздействием лауданума, граница между двумя состояниями сознания очень размыта. Но она не хочет, чтобы ее восприняли как ненадежную свидетельницу; это не принесет пользы Хелен. Стоит ли вообще упоминать о лаудануме, если это только подорвет доверие к ее рассказу?

— Вы нездоровы, мисс Фейтфул?

— У меня астма, — прошептала она. — Не могли бы мы закончить разговор в другой раз… — Ей отчаянно нужна сигарета и время, чтобы разобраться в этой головоломке. В ту ночь — почти восемь лет назад — могла ли она в полубессознательном состоянии оказать Гарри сопротивление и потом целиком выкинуть из памяти весь этот кошмарный эпизод? Можно ли сказать о человеке, что он перенес какое-то потрясение, если у него остались лишь обрывочные воспоминания?

— Боюсь, это придется сделать сегодня, поскольку завтра — воскресенье.

Если она хорошенько постарается, наверное, сможет вызвать в памяти эту сцену, ощутить сотрясение кровати, когда Гарри забрался в нее и улегся между ними; почти наяву увидеть его высокий силуэт, загораживающий непогашенные свечи.

— Вам не обязательно говорить, только кивайте, — добавил, подумав, Фью. — Все было так, как рассказала мне миссис Кодрингтон?

Кажется, он все понял. Трудно, да и практически невозможно объективно рассказать о каком-либо происшествии. Но в данном случае таковы страшные факты той ночи, насколько ее смогли восстановить в памяти они с Хелен. Что-

то вроде совместных показаний. Хелен могла бы сама все подтвердить, если бы в законе не было этого нелепого пункта, запрещающего давать показания участникам развода. Фидо заставила себя кивнуть.

— Хорошо. Еще раз выражаю сожаление, что приходится к этому прибегнуть. Мне даже трудно вообразить ваше ужасное состояние.

О чем он? О той осени, когда ей только исполнился двадцать один год, или о данном моменте, когда не за горами ее тридцатилетие?

— А сейчас, если вы будете столь любезны, прочтите свое показание, правдивость которого вы подтверждаете присягой, а потом я его подпишу. — И Фью подвинул к ней плотный лист бумаги.

Но Фидо вдруг покрывается потом, перед глазами все плывет. Письменное показание под присягой — ее пугает этот юридический термин. Она не уверена, что ей хватит духу увидеть эту историю, записанную черными чернилами на длинном листе официального документа.

— Или вы предпочитаете, чтобы я сам прочитал его для вас?

— О нет. — Это будет еще хуже. В страшном волнении Фидо наспех просмотрела параграфы,

значение которых не доходило до ее сознания. Глаза ее выхватывали отдельные фразы: «отдельная, но смежная», «в ночной сорочке», «попытка вступить в сексуальную связь», «сопротивление упомянутой мисс Фейтфул».

— Скажите, вы можете назвать мне точную дату этого инцидента?

Фидо закрыла глаза. Господи, она едва помнит свое имя.

— По правде сказать, не могу. Октябрь… Где-то около одиннадцатого? — наугад сказала она, только чтобы покончить с этой пыткой.

— Хорошо. — Фью забрал документ и что-то вписал в него. Затем проводил ее до дверей и свистком подозвал кеб, чтобы ее доставили домой.

Глава 8
MUTATIS MUTANDIS
(лат., юр.: соответствующими изменениями; относится к применению предполагаемых, взаимно согласованных мер)

Как нам относиться к стаду рабов, где каждый предает интересы другого? Или к морякам, потерпевшим кораблекрушение и выброшенным на негостеприимный берег, когда они лгут друг другу?

***Сара Эллис.*[61]**

Дочери Англии (1845)

В понедельник утром Хелен сидела в конторе Фью, нервно теребя бахрому своей сумочки из бусин коралла.

Адвокат перебирал бумаги и смотрел на нее поверх своих маленьких очков.

---

[61] Примечания: 61

Эллис Сара (род. ок. 1800 г.) — английская писательница. С 1837 г. посвятила себя изданию целого ряда сочинений, посвященных женщинам Англии: «Женщины Англии», «Девушки Англии», «Жены Англии», «Матери Англии». Написала большое количество романов, особо популярных в Америке из-за их практического характера.

— Должен заметить, что для деловой женщины — кажется, они так себя называют? — ваша подруга ведет себя не очень серьезно.

Хелен непонимающе посмотрела на него.

— Сегодня с самого утра я получил странную записку, которую мисс Фейтфул отправила мне из своей типографии. Она просит сразу после того, как ее письменное показание под присягой будет предъявлено адвокату вашего мужа, возвратить его ей, чтобы она его сожгла. Для чего, по ее представлению, оно оформлялось?

— Возможно, она неправильно вас поняла? — лихорадочно соображая, пробормотала Хелен.

— Не думает же она, что показания, столь серьезно компрометирующие личность истца, передаются его официальным представителям заранее, до судебного разбирательства?!

— Я думаю… Мне кажется, она надеется, что Гарри отзовет свое прошение, если будет предупрежден о встречном обвинении, угрожающем запятнать его репутацию. Вероятно, он рассчитывает, что мы с Фидо не посмеем во всеуслышание рассказать о его поведении, — предположила Хелен.

Фью озабоченно нахмурился.

— За пятнадцать лет брака, миссис Кодрингтон,

вы должны были уже понять натуру мужчин. Обвинение в преступлении, доказывающем их мужскую силу — простите за грубость, — для многих мужчин является предметом гордости.

— Но не для Гарри — он мнит себя оплотом добродетели! — угрюмо возразила она.

— Что ж, каким бы оскорбительным он ни нашел обвинение в подобной попытке, полагаю, ваша подруга чувствует себя гораздо более униженной, оказавшись в роли его жертвы. И, судя по сегодняшней записке, вероятно, она не сразу поняла, что ей предстоит подтвердить это в суде. — Он снял очки и, насупив брови, протер стекла носовым платком. — Надеюсь, дело только в женской скромности?

— Что вы имеете в виду? Разумеется, моя подруга — женщина очень достойная и скромная.

— Видите ли, не хотелось бы сомневаться в слове леди, но… Полагаю, ее нежелание повторить эти показания в суде объясняется не тем, что они не полностью достоверны?

Хелен гордо выпрямилась.

— Она — дочь приходского священника из Хэдли и известный филантроп. Если бы вы знали ее, как я, вы ничего подобного не предположили бы.

— Я никого не хотел оскорбить. — Фью сердито

уставился на кипы документов на столе, словно это они в чем-то провинились. — Итак, я сразу написал мисс Фейтфул и объяснил, что ее вызовут в суд в качестве свидетельницы, что ее письменные показания будут абсолютно бесполезными, если она не подтвердит их в суде.

— Я уверена, что уговорю ее набраться мужества, — заверила Хелен, прикидывая, как этого добиться. Нечего и сомневаться, что Фидо станет возмущаться и негодовать и даже устроит ей сцену, но когда она поймет… насколько Хелен зависит от ее показаний, что выступить в ее защиту — долг дружбы «священной коровы» Фидо…

— Что ж, время у вас есть. Судебное заседание, как часто бывает, перенесено на другую дату, — заметил он. — Супруги Диккенс возобновили свою бесконечную тяжбу о невыплате содержания.

Хелен была рада отвлечься от неприятных дум.

— Подумать только! И это при его доходах от книг и журналов!

— Нет-нет! Я говорю о его брате Фредерике, который обанкротился. В 1857 году все три брата разошлись со своими женами — то ли это странное совпадение, то ли, так сказать, знамение

времени. — Фью снова низко склонился к столу и что-то искал в своих бумагах, то и дело отбрасывая с лица длинные седые волосы.

Хелен вдруг осознала, что он очень стар и даже может умереть за время подготовки дела к суду.

— Относительно лейтенанта Милдмея, — сказал он, неожиданно вскинув голову и глядя ей прямо в глаза, и она невольно вздрогнула, услышав это имя. — Адвокат истца обратился с просьбой, чтобы его назначили вторым соответчиком, что, естественно, не позволит ему давать какие-либо показания в вашу пользу, как вам и Андерсону, и лишает нас возможности вызвать его свидетелем вашей защиты.

— Это возмутительно! — воскликнула Хелен с негодованием.

— Мы намерены возражать против этой просьбы — разумеется, только в том случае, если у вас нет оснований опасаться, что показания лейтенанта могут свидетельствовать против вас?

Хелен судорожно соображала.

— Я уверена, он будет отрицать любые прегрешения.

— Мы попросим наших людей в Индии расспросить его и привезти его письменные показания.

«В Индии?» Она не знала, что Милдмей служит

так далеко. Она рассеянно представила, как его, облаченного в блестящий мундир, несут в паланкине, как мужественных офицеров, которым она махала ручкой, когда была маленькой девочкой в Калькутте. Их переписка прекратилась сразу после его отъезда с Мальты. (Писать далеким друзьям Хелен всегда считала занятием скучным и утомительным.) Но у них не было резкого разрыва отношений, они просто постепенно сошли на нет. Так получилось, что она стала чаще встречаться с Андерсоном и реже — с Милдмеем; ни тот ни другой не осмеливались требовать, чтобы она определилась в своих симпатиях.

Фью продолжал:

— Должен спросить… читали ли вы сегодняшний номер «Таймс»?

— У меня не было времени на газеты, — усмехнулась Хелен.

На самом деле она просто боялась увидеть свое имя, набранное крупным шрифтом в судебной колонке. Кодрингтон — ей никогда не нравилось это скучное провинциальное имя, вместе с тем мысль, что она потеряет его, приводила ее в ужас.

— Там есть одна заметка. Возможно, вы захотите с ней ознакомиться, если найдете время. — Он

подвинул к ней экземпляр газеты, и она взяла ее, но не развернула. — Она касается полковника Андерсона. Извещение о его женитьбе, на девятой странице, — хмуря брови, сообщил Фью. — Вероятно, полковник думает, что этот шаг, предпринятый ровно в одиннадцать часов, освобождает его от обвинений, как будто жюри состоит сплошь из доверчивых простаков!

— С… сообщение о предстоящем браке? — дрогнувшим против воли голосом спросила Хелен.

— Нет, о состоявшемся браке. — Фью ожидал реакции, но ее не последовало. — Я счел своей обязанностью обратить на это ваше внимание. От таких вещей лучше не отворачиваться.

— Вам платят не за то, чтобы вы читали мне лекции, Фью! — Ее тон был резок, как удар хлыста. — Я уже стою перед перспективой потерять все, что у меня есть!

Адвокат кивнул с постным лицом:

— Примите мое сочувствие.

Хелен схватила сумочку и встала.

— Мне не нужны ни ваше сочувствие, ни ваши проповеди. Мне нужны ваши профессиональные знания. Не допустите этот проклятый развод и верните мне дочерей!

Она ожидала, что ее грубость ошеломит Фью,

но тот лишь покачал головой:

— К сожалению, вынужден довести до вашего сведения, что это невозможно. Я надеюсь добиться, чтобы вам разрешили раздельное проживание с имуществом и приличным обеспечением, но что касается ваших дочерей…

Она машинально следила за умирающей мухой, которая еле ползла по подоконнику.

— Вы меня слушаете, миссис Кодрингтон?

— Ведь это я их родила, я их выносила! — Она сама едва узнала свой гортанный голос.

Фью вздохнул:

— Только от доброй воли адмирала зависит, позволит ли он вам снова их видеть, даже издали. И чем дольше вы будете противиться разводу — не говоря уже о том, что станете обвинять его в жестоком обращении и безнравственном поведении, — тем больше риск, что он не пойдет вам навстречу.

Она встала и, спотыкаясь, побрела к дверям.

— Моя дорогая мадам…

Выйдя на улицу, Хелен шла как безумная, не разбирая дороги, пошатываясь на ходу. «Нелл, Нэн!» Она пытается представить себе дочерей, но ничего не выходит. Всего шесть дней, а их лица уже словно подернуты дымкой. Что они в по-

следний раз говорили ей? А она им? Наверное, за что-то ругала. Она с нежностью вспоминает, как больная Нэн спросила у нее разрешения поцеловать маму на ночь. Последняя игра в «Счастливое семейство»!

В ее природе есть что-то ненормальное, странное. Она начинает думать, что это какой-то врожденный дефект. У нее есть способности и свои преимущества, но их что-то сковывает, не дает проявиться в полную силу.

Она содрогалась от рыданий. «Больше я никогда не увижу моих дорогих девочек!» По-прежнему сжимая в руке, словно дубинку, свернутую газету, она осела прямо на холодный тротуар, давясь от приступа рвоты. «Они никогда больше не увидят свою маму!» С ее губ стекала блестящая желчь, похожая на паучью сеть.

«КОДРИНГТОН ПРОТИВ КОДРИНГТОН И АНДЕРСОНА

Помимо многих облагораживающих качеств, которые делают брак главнейшим институтом современного (а также древнего) общества, он является удивительным инструментом развития и воспитания личности. Связывая воедино

мужчину и женщину, он придает силу более слабому, мягкость и нравственную красоту — более сильному. Священный союз двух взаимодополняющих натур, сила которого таится в самом их различии, укрепляет взаимное понимание и духовно возвышает обоих.

А потому достойно глубокого сожаления, и не только со стороны супругов, когда брак распадается, и обычно чем меньше об этом говорится, тем лучше. Когда закон 1857 года о бракоразводных делах, фигурально выражаясь, открыл шлюзы, первый председатель суда по бракоразводным делам сэр Крессуэлл Крессуэлл выразил надежду, что в целом публичность процесса пойдет на пользу обществу, что беспристрастное рассмотрение супружеского спора и связанное с ним бесчестье послужат сдерживающим фактором. Но за прошедший период, как возражают обозреватели, последствия открытого судебного процесса стали скорее разрушительными, чем благотворными. Несчастливые супруги, посещая заседания этой, с позволения сказать, „школы

развода“, осознают: чтобы освободиться от законных брачных уз, необходимо прибегать к грязным приемам и уловкам. Теперь публика обращается к сборнику судебных отчетов в поисках сенсационных дел с такими подробностями, от которых порядочного человека бросает в краску. Репутация любого журнала, помещающего судебные отчеты на протяжении всего процесса, рискует упасть ниже уровня дешевого французского романа.

Нужно заметить, иск вице-адмирала Генри Кодрингтона о разводе на основании измены его жены с полковником Дэвидом Андерсоном вряд ли составляет исключение из правила. Истец, сын покойного досточтимого адмирала Эдварда Кодрингтона, героя Трафальгарской битвы, и младший брат генерала Уильяма Кодрингтона, губернатора Гибралтара, сам является весьма известным и заслуженным человеком; до недавнего времени он занимал пост начальника военного порта на Мальте, где и разворачивались основные события этой драмы.

Ответчица, урожденная Хелен Уэбб Смит из Флоренции, является единственным отпрыском Кристофера Уэбба Смита из Флоренции, бывшего служащего Ост-Индской компании и автора скромных, но очень ценных работ „Восточная орнитология“ и „Пернатые Индостана“. Как это, к сожалению, часто случается, особенно в кругу общества со свободными нравами в колониальных аванпостах, соответчик полковник Андерсон (о чьей недавней женитьбе интересующиеся читатели могут прочитать на стр. 9) является офицером армии ее величества.

К заявлению адмирала прилагается список поразительно разнообразных мест, где миссис Кодрингтон уличается в совершении упомянутого преступления с Андерсоном, а также с другим любовником (лейтенантом Гербертом Александром Ст. Джоном Милдмеем): а именно дом адмирала в Валлетте, гондола адмирала, квартира Милдмея в Валлетте, курорт Кормауэр, отель „Гросвенор“ (Лондон) и, вероятно, самое интригующее, дом мисс Эмили Фейтфул в Блумсбери, той

самой женщины-филантропа, которая известна нашим читателям благодаря основанному ею издательству „Виктория-пресс“.

Когда данное заявление будет рассматриваться в суде, это, безусловно, затронет самые важные интересы участников процесса: честь двух джентльменов, которые достойно служат своему суверену, и доброе имя двух образованных леди благородного происхождения. Кроме того, судебный процесс Кодрингтона, согласно нашим источникам из адвокатских кругов в Баре, предполагает новшество в суде в виде особенно шокирующего контробвинения ответчицы, выдвинутого против ее мужа, и может считаться испытательной пробой в работе процесса согласно Закону о бракоразводных делах.

Если Бракоразводный суд — необходимое зло, тогда в случаях, подобных этому, таким же злом является и отчет о нем. Когда речь идет о важных вопросах или о нравах известных лиц, органы общественного мнения обязаны говорить, в противном случае публике придется

самостоятельно, без руководства, формировать свои взгляды. Преследуя эти две высшие цели, наша газета и намеревается вести ежедневный подробный репортаж о процессе „Кодрингтон против Кодрингтон и Андерсона“ с первого дня суда».

В воздухе чувствовалось влажное дыхание осени. Хелен дрожала от холода в кебе, который вез ее назад, на Тэвитон-стрит, и через силу заставляла себя еще раз внимательно прочесть эту статью.

Вместо горячего чая и оладьев ее ждет на подносе конверт со знакомой красной печатью Фидо.

«1 октября 1864 г.

Хелен,

я попросила мисс Джонсон передать тебе это письмо, так как чувствую себя неспособной говорить с тобой спокойно и сдержанно. Сегодня утром я прочла две вещи, которые окончательно лишили меня покоя.

Первая — это статья в „Таймс“, где мой дом назван в числе других мест, где вы с Андерсоном устраивали любовные сви-

дания. Не знаю, каким образом адвокат твоего мужа узнал об этом, — возможно, при помощи частного сыщика? — и я пришла в ужас, что печать называет меня знающей обо всем сводницей, тогда как на самом деле все было намного сложнее. Стоит мне подумать о моих родителях, которые сегодня утром увидели в газете наше имя, имя, которое на протяжении многих поколений оставалось незапятнанным… ты понимаешь, как я леденею от стыда.

Вторым потрясением была записка от мистера Фью, в которой он объясняет, что документ, подписанный им в моем присутствии, описывающий инцидент 1856 года, неизбежно обязывает меня выступить свидетельницей против твоего мужа. Помню, в чайной ты сказала, что никогда бы не попросила меня об этом, даже если бы от этого зависела вся твоя будущая жизнь; я очень хорошо помню твои слова. Хелен, после всех твоих заверений не хочу думать, что ты снова ввела меня в заблуждение. Я стараюсь убедить себя, что в твоем нынешнем расстроен-

ном состоянии ты недостаточно внятно рассказала мистеру Фью об этом инциденте и что отчасти он повинен в том, что подробно не разъяснил мне, к чему обязывают письменные показания. Но факт остается фактом: я оказалась перед перспективой встать перед судом и описать непристойное и жестокое нападение, о котором, как ты знаешь, у меня не сохранилось отчетливого воспоминания.

Стыд; злость при мысли о смущении и покорности, которые я проявила в прошлом месяце; сознание вины при мысли о роли (отчасти неосознаваемой), которую я сыграла в распаде семьи; ужас при мысли о последствиях как для меня лично, так и для моего издательства, и о вреде, который я, возможно, уже нанесла своему любимому делу… Все эти чувства причиняют мне невероятные страдания. А также, нужно ли говорить, глубокое сочувствие к твоему положению; желание горячо поддерживать тебя до конца, как средневековый рыцарь; тоска по тому, на что я только начала надеяться — на нашу совместную жизнь в будущем. Я пишу

это письмо, и душа моя разрывается на части.

Я не знаю, как быть и что делать. Мне бесконечно дороги мои принципы, но похоже, я давно уже изменила им. Думаю, мне нужно собраться с силами, прежде чем сделать дальнейший шаг.

При сложившихся обстоятельствах, надеюсь, ты поймешь, что сейчас ты не можешь оставаться на Тэвитон-стрит. Я живу на глазах у публики, а ты с сегодняшнего дня приобрела дурную славу. Если станет известно, что мы с тобой живем под одной крышей, то и тебе и мне это принесет один лишь вред. Пожалуйста, поверь, что во всех испытаниях я всегда остаюсь

твоим верным другом, Фидо».

Подняв глаза, Хелен встретила презрительный взгляд горничной. Неужели она читала письмо? Нет, красная печать не сломана.

— Я упаковала ваши вещи, миссис Кодрингтон. — Ей протянули небольшой саквояж.

Хелен не обратила на него внимания.

— Где ваша хозяйка? В своей комнате?

— Ее нет дома, — с запинкой произнесла горничная, но ее слова звучат неубедительно.

Хелен направилась к лестнице на второй этаж.

Мисс Джонсон засеменила за ней.

— Она ушла, говорю вам.

На лестничной площадке она схватила Хелен за плечо.

Хелен брезгливо посмотрела на ее огрубевшую от работы руку, словно это паук.

— Я бы не советовала вам касаться меня. — Несчастная горничная убрала руку. — Фидо! — Она дернула ручку спальни. — Сейчас же открой!

Изнутри ни звука.

— Она в типографии, — с запозданием придумала горничная.

— Фидо, ты не можешь вот так меня бросить! — крикнула Хелен, прижимаясь ртом к двери. — Поверить не могу, чтобы ты смогла написать мне так холодно и рассудочно! Джонсон, вам что, нечего делать?! — раздраженно набросилась она на горничную, но та не двинулась с места. Хелен снова повернулась к двери. — Фидо! Ты обвиняешь меня в том, что я вовлекла тебя в этот скандал, но я в этом не виновата. А как же я? Ведь я теряю все, что мне дорого. У меня отнято все, буквально все!

За дверью тишина, будто там прислушиваются; Хелен знает, что Фидо там, стоит перед окном или сидит, согнувшись на кровати, и хрипло дышит. (Хелен уверена, что если бы она не уделяла столько внимания своим легким, то с ними все было бы в порядке.)

— И ты называешь это дружбой?! — Она возмущена. — Захлопнуть передо мной дверь? Что ж, если ты попрекаешь меня моими словами, я могу сделать то же самое. «До тех пор, пока этот дом принадлежит мне, он и твой дом» — ты сказала мне это два дня назад! — Она ударила кулаком по дубовой двери. Ярость переполняет ее. — Ты — воплощенная честность и порядочность, да? Нет, дорогая моя, ты отъявленная лицемерка! И ты еще смеешь меня судить, хотя, несмотря на твои чопорные манеры, ты сделана из того же теста, что и я, и все наше женское племя. — Уголком глаза Хелен видела горничную и соображала, что можно при ней сказать. — Загляни в свое сердце, Фидо! — Теперь это яростный шепот. — В его скрытую пропасть, в тайны, которые ты ухитрилась похоронить в темноте своим трюком о «забывчивости» — ты можешь заглянуть в него и потом осуждать меня?

Наконец из-за двери донесся громкий непре-

клонный голос:

— Джонсон, немедленно выведи эту леди из дома!

Худые пальцы горничной впились в предплечье Хелен.

«2 октября 1864 г.

Дорогой Фью,

я пишу Вам из дома на Экклестон-сквер, где я поселилась в одиночестве, следуя Вашей рекомендации, поскольку на суд произвело бы плохое впечатление, если бы я переехала в отель. Я прилагаю описание подробностей нашей семейной жизни с адмиралом, о котором Вы просили, что составило примерно двенадцать страниц. Я постаралась быть как можно более точной, избегая того, что вы любезно называете „свойственной женщинам неопределенности“. Вряд ли можно ожидать, что спустя много лет (что касается некоторых случаев) я вспомню буквально все до мелочей, тем более что многие из приписываемых мне инцидентов просто не имели места, а другие, хотя и зловеще преувеличенные адвокатом моего мужа,

казались мне слишком невинными, чтобы запоминать их.

По Вашей просьбе я прилагаю также список свидетелей, которые могут пожелать опровергнуть показания свидетелей моего мужа или открыть его подлинное лицо. NB.[62] Вызывать моего отца из Италии было бы ни к чему, так как он стар и немощен (и, добавлю доверительно, скорее встанет на сторону своего выдающегося зятя, чем в защиту своей несчастной дочери).

Я буду Вам очень признательна, если Вы одолжите мне пять фунтов на расходы, которые мне до сих пор не выдал адвокат моего мужа.

Искренне ваша, Хелен Кодрингтон».

«2 октябрь 1864 г.

Экклестон-сквер

Моя по-прежнему дорогая Фидо, или madre, как ты позволяла мне себя называть в более счастливые времена. Позволь мне принести мои горячие изви-

---

[62] Примечания: 62

Nota bene — обратите особое внимание *(лат.).*

нения за оскорбление, которое я нанесла тебе вчера в твоем доме! Во мне говорила злость на этот жестокий мир, а не я, твоя малышка.

По указанному выше адресу ты поймешь — поскольку во всем мире у меня нет ни единой души, которая приютила бы меня и на чью грудь я могла бы преклонить свою бедную голову, — что я возвратилась в опустевший мавзолей. Так как миссис Николс категорически отказывается исполнять обязанности горничной, мне приходится все делать самой, насколько это в моих силах. В любой другой год в эту пору, ввиду приближения зимы, я подбирала бы теплую одежду для моих дорогих дочерей… Но нет! Нельзя о них думать, иначе я совсем расклеюсь. Мне кажется, я уподобляюсь Робинзону Крузо, только женского рода, который перебирает осколки своей прошлой жизни.

Твое письмо подразумевает, что тебе требуется время, чтобы проверить свою совесть. Ты найдешь меня по этому адресу, если совесть склонит тебя протянуть руку той, которая всегда с гордостью называла себя

твоя carina, Хелен».

«3 октября

Лично мисс Нэн Кодрингтон и мисс Нелл Кодрингтон — от их матери.

Милые и любимые Нелликинз и Нэнлинг, мои драгоценные девочки, я пишу вам каждый день, но не получаю ответа. Не могу поверить, что вы не пишете вашей бедной обезумевшей маме, которая хотя и бывала иной раз немного резкой, всегда любила вас больше всех на свете. Мне остается сделать вывод, что женщина, в чьем доме вы в данный момент содержитесь взаперти, играет роль цензора. (А если вы, Эмили Уотсон, посмели прочесть эти строки, то знайте: Господь не оставит без кары такое посягательство на священные права матери!)

Девочки мои, я часто проезжаю в кебе

мимо этого дома в надежде увидеть вас. Если вы подойдете к окну, выходящему на улицу, и выглянете в него, мы сможете увидеть, как я машу вам рукой.

Надеюсь, вы держитесь мужественно. Вы должны стоять друг за дружку, как та пара из сказки „Гоблин Маркет“, которые спасли друг друга от гоблинов. Помните: „Нет более верного друга, чем сестра“.

Часто ли приезжает ваш папа? Почему бы вам не попросить его, чтобы он разрешил вашей маме встретиться с вами хотя бы на полчаса, в любом месте по его выбору? Даже пятиминутное свидание с вами принесет невероятное утешение той, которая в страданиях произвела вас на свет. Попросите его, покажите, как сильно вы огорчены, только не говорите ему, что это была моя просьба.

Не бойтесь за свое будущее, мои бесценные девочки, мама очень скоро будет с вами. А сейчас закройте глазки и представьте, что мама обнимает вас, изо всех сил прижимая к своей груди!»

«Андерсон…

Я сорвала паутину со своих глаз. Отка-

зываясь признавать со мной связь, Вы демонстрируете полное отсутствие совести. Какой же Вы низкий человек!

В эти последние ночи бывают моменты, когда я боюсь, что вот-вот сойду с ума, но, возможно, наоборот, только сейчас ум мой прояснился, и я очнулась от заблуждения. Очевидно, Вы никогда меня не любили, это было лишь плодом моего воображения. Я была только объектом Ваших плотских прихотей, возможностью приятно провести время.

Я проклинаю Вас и Ваши поступки. Говорят, ближайшие кузены не должны вступать в брак; от таких браков часто рождается больное потомство. Возможно, новоявленная миссис Андерсон подыщет кого-то другого, как только Вас направят служить вдали от нее. Будет только справедливо, если Вы сами станете рогоносцем. Я призываю на вашу голову все бедствия, какие только могу представить: позор, ужас бедности, горе потери детей. И когда несчастья сокрушат вас, возможно, тогда вы вспомните

Хелен».

«Фидо, где ты? Почему не отвечаешь на мое письмо?

Мне никто не отвечает. Такое впечатление, будто написанное мною испаряется со страниц. Я стала совершенно нереальной, стеклянной. Неприкасаемой, как те несчастные, мимо которых мы проходили на улицах Калькутты, подбирая юбки. (Сегодня я прочла, что пронесшийся там циклон погубил семьдесят тысяч человек; но я в таком состоянии, что ничего

не чувствую, будто онемела и душой и телом.) Я из последних сил цепляюсь за рассудок, но он не выдерживает, как истершаяся веревка.

Это будет моей последней попыткой. Если ты когда-нибудь любила меня…»

Глава 9
КОНТРОБВИНЕНИЕ
(обвинение, сделанное ответчиком с целью свести на нет обвинение истца)

Жизнь у папы всем на зависть,
Ни забот тебе, ни брани…
Только что же за веселье,
Коли рядом нет жены!

Анонимный автор.
Римский папа

Проснувшись в Рэг-клубе, где он снимал апартаменты, Гарри поморщился от сильной головной боли и невольно вспомнил дружеские попойки юных лет. Он так страдал от тяжкого утреннего похмелья, что с тех пор стал очень осторожен в отношении количества спиртного. Впрочем, вчера он выпил всего полстакана кларета и закусил какой-то пересушенной отбивной. Брат Уильям хотел затащить его на Хей-Маркет посмотреть «Орфея в аду»: «Отвлекись хотя бы на несколько часов от всей этой грязи!» — но Гарри отказался и отправился спать.

На столике у кровати кожаный ларец с его наградами. Это все, помимо одежды, что он уложил в свой видавший виды саквояж, покидая дом на Экклестон-сквер. Гарри открыл ларец и стал перебирать все дорогие для него реликвии: крест Святого Владимира, орден Почетного легиона, орден Спасителя Греции. И внезапно он с горечью осознал, что вряд ли монархи союзников удостоили бы таких почестей желторотого гардемарина за мужество в войне с турками или за рану, полученную им буквально через три дня после девятнадцатилетия во время сражения при Наварине, если бы его отцом не был знаменитый сэр Эдвард. Так что самые блестящие награды за всю военную карьеру Гарри были всего-навсего отсветом славы его отца.

«Кто знает, получу ли я новое назначение!»

Но довольно! Он захлопнул крышку ларца и встал. Рассматривая в зеркале свое заросшее бородой лицо, он размышлял. Может, сегодня стоит немного ее подстричь, чтобы не напугать девочек. «Сопротивление упомянутой мисс Фейтфул испугало его». Всего одна фраза из так называемого контробвинения Хелен, но она продолжала звучать у него в голове, доводя его до бешенства.

Последние восемь дней он переживал одно за

другим сильнейшие потрясения. Появление на Экклестон-сквер миссис Уотсон, которая со злорадным торжеством представила ему Крокера. Подробный отчет сыщика о том, как он следовал за Хелен и ее соучастником до отеля «Гросвенор». Вскрытый письменный стол Хелен, его изуродованная инкрустация слоновой костью; как ни странно, Гарри до сих пор вспоминал об этом со стыдом, несмотря на улики, найденные в ящиках: черновик ее письма Андерсону, дневник с записями о свиданиях. Короткий унизительный разговор с девочками, их огромные, остановившиеся от ужаса глаза, как у зайчат в момент выстрела. («Мама заболела» — единственное объяснение, пришедшее ему в ту минуту в голову. «Вы помните милую миссис Уотсон, — бессмысленно повторял он, — поживете у нее, пока все не определится».) Он быстро собрал свои вещи и позорно сбежал из дома, чтобы не встретиться с Хелен, когда она вернется после поездки по магазинам; он почти боялся встретиться с женщиной, отравившей ему жизнь. Потом бесконечные беседы с Бёрдом; обсуждение тактики ведения дела (будто речь идет о войне!). Визиты к девочкам раз в несколько дней, игры с ними в бирюльки или в шерстяной мяч. (Они перестали спрашивать,

не лучше ли маме.) Потрясение, испытанное при чтении контробвинения Хелен: пренебрежение своими обязанностями супруга, жестокое обращение, «попытка вступить в сексуальную связь с мисс Фейтфул».

Стук в дверь.

— Благодарю, пока ничего не надо, — сказал Гарри.

Но дверь все равно открылась, и в щель заглянул брат Уильям. Черная с проседью борода его стала сплошь седой, и Гарри никак не мог к этому привыкнуть.

— Ты еще не одет?

— Дай мне десять минут.

Гарри, конечно, рад и очень благодарен Уильяму за то, что, получив телеграмму брата, тот сразу бросил все свои дела на Гибралтаре и ближайшим пакетботом прибыл в Англию, чтобы поддержать его во время «этой отвратительной истории», как он назвал ее, тем не менее Гарри находил общество брата слишком назойливым и утомительным.

— Как ты смотришь на то, чтобы повести девочек в зоосад?

Уильям так и брызжет неиссякаемой энергией туриста. Они с девочками уже посетили музей

практической геологии и музей Ост-Индской компании (где позолоченные индийские божки почему-то напомнили Гарри Хелен), слушали тысячеголосый хор Воспитательного дома.

Гарри только пожал плечами. Нужно же как-то проводить время, пока тянется предварительное расследование. Все равно он уже не находит прежнего удовольствия в чтении, известиях о новшествах в кораблестроении, в посещении лекций о военной гигиене, в долгих пеших прогулках по Хэмпстедской пустоши. Последние дни суетные горожане вызывают у Гарри унылую зависть. Он отдал бы любые деньги, чтобы ощутить интерес к жизни, каким светится юная наивная девушка, развозящая по всему городу свои визитные карточки.

Через час он стоял у клетки со львом и смотрел в его желтые глаза, полные безнадежной тоски. Он жалел, что они пришли в это многолюдное место, где, кажется, все узнают его. «Бедные крошки! О чем только думает их отец, впутывая себя и всю семью в эту грязь?» Гарри угадывает эти мысли, потому что месяц назад и сам бы так думал.

— Папа! — обратилась к нему Нелл, дергая за рукав. — Как было бы хорошо, если бы ты каждую неделю водил нас в зоосад!

Что-то в ее голосе задевает его: показная радость, заверение в том, какой он замечательный отец. Неужели девочки боятся потерять и его так же внезапно, как они потеряли мать, даже без прощального поцелуя? Вдруг он осознал, что они ни разу не спросили его, жива ли их мать.

— Это неправильно, — поучала Нэн младшую сестру. — Нужно говорить «зоологический сад».

Как-то Гарри читал — где только? — что нимфомания — это врожденное свойство натуры. Его девочки нравственно чисты и невинны, и все-таки он с невольной тревогой подмечал каждую интонацию, каждый жест и выражение их лиц, напоминающих ему их красивую, но порочную мать.

В Риджентс-парке задул холодный ветер. Уильям принюхался, брезгливо поморщился и предложил отправиться в другое место, не столь зловонное. Нелл радостно рассмеялась, услышав новое для нее слово.

По зеленой лужайке к ним медленно шагал слон в сопровождении смотрителя; Уильям купил пакет с булочками, чтобы девочки его угостили. Они завизжали от восторга, когда слон стал водить по их ладошкам своим теплым хоботом. Забавная штука этот хобот, думает Гарри,

напоминает волосатую змею.

Повернув голову, он поймал на себе любопытный взгляд брата.

— Как думаешь, ты будешь скучать по ней, когда все закончится? — тихо спросил Уильям.

Гарри натянуто рассмеялся:

— И ты еще спрашиваешь — после того, что я узнал в конторе Бёрда? Про гондолу, про пристань, про отели…

— Да, подробности просто поражают, — согласился Уильям.

— Подробности? — Гарри недоумевающе посмотрел на брата. — Уж не хочешь ли ты сказать, что в принципе догадывался?

— О чем? Что эта женщина… так сказать, играет не по правилам? — пробормотал Уильям, не отводя взгляда от девочек, которые гладили слона по могучему боку. — Дружище, нашей семье об этом давно уже известно.

Гарри глубоко поражен и уязвлен.

— Выходит, вы обсуждали мой позор?

— Успокойся. Никто этой темы не касался, у нас это не принято. Я говорю о своем впечатлении, но могу ошибаться, — не очень убедительно объяснил Уильям. — Однако, понимаешь, в тоне наших с тобой сестер было нечто такое… когда

они произносили ее имя.

— Ты это знал. Но каким…

Легкое пожатие плечами.

— Обычно подобные вещи более заметны со стороны. Не знаю, возможно, это проскальзывало в поведении Хелен, в отношении к тебе.

Гарри еще острее почувствовал унизительность своего положения.

— Но, позволь, почему же никто из вас ни разу не намекнул мне об этом?

— За себя могу сказать только одно: помимо общего впечатления, у меня не было никаких конкретных оснований подозревать ее, — угрюмо признался Уильям. — Я даже решил, что ты не захочешь об этом и слышать. Я хочу сказать, думал, что между вами существует определенная договоренность.

Угощая слона булочкой, Нэн тревожно оглянулась на отца, которому удалось небрежно улыбнуться и успокаивающе помахать ей. Видя, что она снова отвернулась, он недоумевающе хмурится, машинально потирая лоб.

— Мог ли я что-то знать, сам того не ведая?

— Право, старина, это уж слишком сложно, — оправдывался Уильям.

— А почему ты спросил меня, буду ли я по ней

скучать? — растерянно спросил Гарри.

Брат усмехнулся:

— Боюсь, на твоем месте я бы наверняка стал скучать.

Жена Уильяма, первая леди светского общества на Гибралтаре, полная добродушная матрона, никогда не давала мужу повода усомниться в своей верности.

Гарри уныло признался:

— Лучшее, что было в Хелен — ее живой и веселый нрав, — перестало для меня существовать уже много лет назад. Последние годы жизнь с нею была сущим адом. О чем же тут жалеть?

Брат небрежно пожал плечами:

— Полагаю, со временем ты это поймешь.

Через десять минут, когда они шли по Птичьей тропе и выискивали в кронах деревьев попугаев, оглашающих все вокруг своими резкими, пронзительными криками, Гарри спросил у девочек:

— Вам весело живется у миссис Уотсон? — и сразу об этом пожалел.

Дочери переглянулись, как заговорщицы.

— Я, конечно, понимаю, что вы еще не привыкли…

Нэн выждала, пока он замолчал, и тогда ответила:

— Она добрая леди.

— Я так и не понимаю, почему они не живут у Джейн, — тихо спросил брат. — Не лучше ли было бы все оставить в кругу семьи?

Гарри отмахнулся. Как только сломанный письменный стол Хелен выдал ее тайны, он почувствовал, что больше не в состоянии оставаться в этом доме, и, поспешно собирая вещи свои и девочек, решил отвезти их к миссис Уотсон, хотя и сам не помнит, чем руководствовался. Но сейчас уже поздно переезжать к сестре — это только еще больнее травмирует девочек.

— Мы думали… — проговорила Нелл.

Нэн не отрывала от нее взгляда.

— …Мы можем поехать домой? Когда…

— …окончится развод, — договорила Нелл.

— Где ты подхватила это слово? — Гарри поражен.

— Только не горячись, старина! — предупредил брата Уильям.

— А что, это плохое слово? — Нэн испуганно закусила губку.

Он пытается подыскать слова.

— Это жаргон, да?

— Это проблема взрослых, и маленьким девочкам не стоит забивать себе этим голову, — объ-

яснил им дядя.

Гарри с силой стиснул зубы.

— Это было написано на рекламке, — призналась Нелл. — На рекламке мальчика-газетчика. Там было написано: «Развод Кодрингтонов: целых четыре страницы».

— Это был «Телеграф», она хотела купить один экземпляр, — пояснила Нэн, разглядывая носки своих башмачков.

— Чтобы посмотреть эти маленькие смешные объявления, которые мама читала нам. Я подумала, может, она написала для нас сообщение, — призналась Нелл, — но Нэн назвала меня дурочкой.

Он видел, что она вот-вот расплачется. «Какой же жестокий этот Кодрингтон, если из-за него дочки плачут прямо в парке, на людях! Черствый, жестокий, да еще склонный к насилию…»

— Ах, мои дорогие малышки! — Опустившись на корточки, он прижал их к груди. — Вы, наверное, замерзли. Да? Останови кеб, пожалуйста, — обратился он к Уильяму. — Девочкам холодно.

Подчиняясь импульсу, он остановил кеб у магазина игрушек на Мэрилибон-Хай-стрит. Первое, что выбирали дочки, настолько дешево, что он раздражен: картонный замок и крошечная ку-

колка с подвижными ручками и ножками.

— Это для маленьких, — презрительно сказала Нэн сестре.

— А это что за интересная штука? — Уильям положил руку на медную машину, на корпусе которой вьется затейливая надпись «Зоотроп,[63] Колесо жизни».

— Это самая последняя новинка, генерал, — объяснил клерк и стал вращать ручку. — Зоотроп в каждом доме!

— Как? Вы утверждаете, что эта вещь есть в каждом английском доме? — удивился Уильям.

Клерк смущен.

— Это только рекламный слоган, сэр, — смущенно признался клерк.

Гарри заглянул в щелку, и в этот момент красный чертенок прыгнул через обруч, совершая сальто-мортале. От неожиданности Гарри отпрянул, затем снова прижался лицом к окуляру. Внутри вращался барабан с наклеенными на внутреннюю сторону обыкновенными картинками, но какой обман зрения!

— Смотрите, девочки, — пригласил он. — Полюбуйтесь, как ловко прыгает этот чертенок.

---

[63] Примечания: 63

Зоотроп — игрушка наподобие калейдоскопа, создающая иллюзию движущейся картинки при вращении барабана.

Они по очереди заглядывают в отверстие, игрушка им нравится, но не так, как ему хотелось. Последние дни у девочек какие-то вымученные улыбки.

— Что ж, берем эту игрушку, — объявил он.

— Правда, папа?

— Это нам?

— Ну конечно правда. Заверните полдюжины барабанов с разными картинками, — сказал он служащему.

— Счастливые девочки! — слащаво воскликнул тот.

Девочки не знали, что выбрать. Уильям предложил барабан с парой, танцующей вальс, и с официантом, который поскальзывается и падает вместе с подносом. Гарри выбрал аиста, взмахивающего крыльями, дерево, листва которого трепещет от ветра, обезьянок, обменивающихся котелками.

— Можно нам отвезти игрушку домой? — робко спросила Нэн, пока они снова ждут кеб.

Гарри поймал себя на том, что ни разу прямо не ответил на их вопросы.

— Лучше пусть она пока побудет в доме Уотсонов, дорогая. Но мы очень скоро возвратимся на Экклестон-сквер.

— Да, но… там будет все как раньше? — Нэн с надеждой посмотрела на отца.

Уильям отвел взгляд.

— Нет, — как можно мягче произнес Гарри, — не совсем так. Вы все поймете, когда подрастете. — Хотя сам он в этом сомневался.

Это произошло в тот момент, когда Гарри остановил кеб на Пэлл-Мэлл, испытывая облегчение, что наконец-то остался один. Он завез девочек к миссис Уотсон, а Уильяма — к своему портному на Джермин-стрит. Поглощенный своими мыслями, он рассеянно нащупал в кармане шиллинг, чтобы расплатиться с кебменом, и, когда Хелен подбежала к кебу, не сразу узнал ее.

Его жена в черных, как у вдовы, одеждах, бледное лицо, рыжие волосы — слабое подобие той девушки, в которую он влюбился много лет назад, весной в Тоскане.

— Поезжайте дальше! — крикнул он кебмену, но из горла вырвался еле слышный писк.

Хелен вцепилась в дверцу. Отведя от жены взгляд, он не дал ей открыть ее.

— Трогайте, говорю я вам! — На этот раз громче и тверже.

Но Хелен не выпустила дверцу, она прижалась лицом к стеклу. Он видит ее глаза цвета морской

воды, прямой нос и горестно кривящиеся губы. «Устраивает публичный спектакль!» — подумал он с ненавистью.

Он отпустил ручку, дверца распахнулась. Хелен попятилась, взмахивая черной юбкой, как ворона крылом.

Видя, что Гарри выходит из кеба, она произносит всего одно слово, но так неясно, что он не понял ее.

— Извини, что ты сказала? — переспросил он и сразу же понял неуместность своей вежливости. Ему нечего сказать этой незнакомке, этой порочной героине отчетов сыщика. И тогда он чуть ли не бегом направился к колоннаде портика Рэг-клуба.

— Сжалься, сжалься! — вот что, оказывается, твердит она снова и снова.

— Эй, а деньги! — заорал возница с крыши кеба.

Покраснев от смущения, Гарри обернулся, роясь в кармане.

— Проси у меня что угодно! — умоляла Хелен, хватая его за руку.

— Эге, мне нравится этот трюк! — надсаживался извозчик. — Сматывается в свой клуб с подружкой!

— Все, что я могу сделать, все, что могу сказать! — Хелен зарыдала.

Он знал, что в этой горсти мелочи должен быть третий шиллинг, но дрожащие пальцы не нащупывали его. Жена висела у него на локте, как терьер; он пытался высвободиться.

— Только не делайте вид, что у вас нет денег! — кричал возница, свирепо вращая глазами, к удовольствию собравшихся ротозеев.

Гарри схватил первую попавшуюся золотую монету — полсоверена — и бросил ее вознице. Но та попала в блестящую стенку кеба и отскочила в канаву.

— Об одном прошу тебя — позволь мне увидеть моих девочек!

— Да замолчи ты! — Он наклонился, вытащил монету из грязи и вручил кебмену.

Хелен по-прежнему цеплялась за его руку.

Возчик довольно улыбнулся ему:

— Ну, это дело другое, вот это в самый раз…

Гарри направился к клубу, затем передумал и повернул в другую сторону. Он сделал несколько шагов и с ужасом представил себе, какое впечатление они производят: распутный военный и его брошенная жена.

— Чего именно ты рассчитываешь добиться

этой публичной сценой? — тихо спросил он.

— Меня не пускают в твой клуб. Говорят, что ты не получал мои письма. Я на грани отчаяния!

Что-то в ее тоне кажется Гарри фальшивым. Возможно, потому, что он больше не верит ей — столько лжи он слышал от нее за пятнадцать лет брака.

— Я заберу назад все, что мой адвокат написал о тебе, все эти… как они называются… контробвинения, — пообещала она, хватая ртом воздух, будто подавилась. — Я во всем буду подчиняться тебе, Гарри, только бы вы с девочками вернулись домой!

Он не сводит с нее взгляда, пытаясь понять, что у нее на уме.

— Что сделано, то сделано, но давай оставим это позади и постараемся довольствоваться годами, которые нам остались. Идем домой, любовь моя! — Она поднялась на цыпочки, обвила руками его шею и попыталась поцеловать — на Пэлл-Мэлл, в десять часов вечера, когда полно прохожих!

Гарри готов отшвырнуть ее. Он уже предчувствует острое наслаждение, с каким оторвет от себя руки Хелен (как цепкие плети плюща), оттолкнет ее и увидит, как она валяется в канаве

подобно разбитной шлюхе.

Но что-то его останавливает. Что-то показное в этой сцене? Настороженное, даже расчетливое выражение, промелькнувшее в глубине ее огромных голубых глаз? Что бы это ни было, он не делает попытки освободиться от нее — «держись твердо, старина, не поддавайся!» — пока Хелен виснет у него на шее и осыпает его бороду отчаянными поцелуями. «Все, что мой адвокат написал о тебе, — повторяет он про себя ее слова. — Все эти… как они называются… контробвинения». (Как будто она не помнит это слово!) Жестокое обращение, да! Жестокое обращение мужа. Вот что она рассчитывает спровоцировать тонко поставленной сценой несчастной жены, униженно вымаливающей прощения у черствого мужа: очередной, на этот раз публичный, акт грубого поведения Гарри, которого будет достаточно, чтобы склонить жюри в ее пользу.

Он глубоко вдохнул и остался стоять неподвижно. Ему уже безразлично, кто глазеет на эту странную пару на Пэлл-Мэлл; главное — это благополучно выбраться из ловушки, расставленной этой насквозь лживой женщиной. Бесконечно осторожно, как полисмен, обезвреживающий бомбу, он отвел руки Хелен от своей шеи.

— Я понял твою игру, — прошептал он ей на ухо, — но я в нее не играю.

Она посмотрела на него немигающим горящим взором.

Ему стоит труда разжать ее пухлые розовые пальчики, но он делает это так бережно, с такой видимой нежностью, что прохожие могут принять их за влюбленных, забывших обо всем на свете.

Глава 10
ПОВЕСТКА В СУД
(письменное предписание свидетелю явиться в суд для дачи показаний)

Старая дева в 1861 году представляет собой невероятно подвижную особу, не обремененную ни мужем, ни детьми; сегодня она гостит у родственников в деревне, завтра она на месяц едет в город, оттуда отправляется в любимый пансионат на Женевском озере; а вскоре уже восхищается Везувием или египетскими пирамидами.

***Фрэнсис Пауэр Кобб.*[64]**
Что делать с нашими старыми девами? (1862)

— В первых выпусках, пока мы не завоюем своего читателя, пусть будет больше авторов

---

[64] Примечания: 64

Кобб Фрэнсис Пауэр (1822–1904) — ирландская писательница, общественный деятель и суфражистка; основательница целого ряда организаций для защиты прав животных, в частности в 1898 г. основала Британский союз за отмену вивисекции.

мужчин, чем женщин, — покусывая кончик пера, предложила Эмили Дэвис.

— Правильно, — согласилась Фидо.

Голова ее занята вовсе не проблемами нового журнала, но она надеется, что ей удается это скрывать. Ей трудно дышать; с того дня, когда за Хелен захлопнулась дверь дома на Тэвитон-стрит, ее легкие работали с натугой и со скрипом. Она следит, чтобы окна в конторе были плотно закрыты, не пропуская черную копоть лондонской осени. Дома она делает то же самое и без конца курит свои сигареты «Свит триз», полагая, что они должны приносить облегчение, как и пары ментола, всю ночь вырывающиеся из чайника над огнем в ее спальне.

— Я уже отправила Арнолду нашу просьбу прислать двух хороших молодых очеркистов… — Эмили Дэвис склонила набок маленькую головку. — Может, заказать им серию очерков о путешествии на Дальний Восток?

— Следовательно, вы верите, что «Виктория мэгэзин» выйдет в свет уже в ноябре? — с напускным энтузиазмом поинтересовалась Фидо.

— А почему бы и нет, если ваши наборщицы справятся к этому времени, — сказала Эмили Дэвис.

— Кое-кто из них работает так небрежно и медленно, что трудно удержаться от замечаний, — признала Фидо. (Если только, как она в последнее время подозревает, кто-то из метранпажей — Кеттл или Данстебл? — не подделывает цифры, поднимая себе жалованье тем, что приписывает девушкам работу, которую в итоге приходится переделывать мужчинам. Но сейчас ее это мало волнует, у нее и так голова готова взорваться.) — Но я могу обещать, что типография закончит набор к этому сроку.

— Превосходно!

— Что ж, хорошо. Полагаю, теперь мы можем сообщить эту новость остальным членам нашей группы…

— О, я уже подала заявление об уходе с места редактора «Журнала», — вздохнула Эмили Дэвис. — Его неминуемый конец, в самом скором или более отдаленном будущем, станет для мисс Паркес сильным ударом, но, думаю, в конце концов она будет даже рада.

— Не все легко расстаются со своим бременем.

— Это верно. Наше движение привлекает женщин, стремящихся прославиться своим самопожертвованием, — заметила Эмили Дэвис, листая свои записи.

Фидо с волнением размышляла, стоит ли обсуждать случившееся во время их последней встречи.

— Кстати… во вторник вы, наверное, были удивлены странным поведением моей посетительницы….

— Не стоит извиняться.

Она может не продолжать, но чувствует необходимость объясниться.

— С тех пор вы могли узнать всю историю из газет, во всяком случае, одну ее версию. Прошу вас, не верьте всему, что…

Коллега неохотно ее прервала:

— Поскольку мы с вами обе дочери викария, скажу вам откровенно: шокировать меня не так легко, как вы думаете. В двенадцать лет от роду я посещала трущобы Гейтсхэда, где видела уродцев, рожденных девушками, изнасилованными собственными отцами.

Фидо потеряла дар речи.

— Мне очень жаль вашу подругу. Закон — инструмент безжалостный.

— Сначала она остановилась у меня, — грустно продолжила Фидо. — Но я почувствовала, что вынуждена просить ее покинуть мой дом.

Понимающий кивок.

— Может, займемся нашими планами?

— Конечно, — сказала Фидо и погрузилась в анализ бюджета «Виктории мэгэзин».

Кажется, этот день тянется целую неделю, столько приходится решать разных проблем. После ланча предстояло особенно неприятное дело: вызвать к себе в кабинет Флору Парсонс.

— Вчера вечером вас видели на Стрэнде, — дыша со свистом, сказала она.

Флора Парсонс изобразила лишь легкое изумление.

— Следовательно, вы это не отрицаете?

— А что толку? — вместо ответа, спросила девушка. — А могу я узнать, кто меня видел?

— Один из метранпажей, — преодолев секундное колебание, ответила Фидо.

— Старший? — сразу догадалась Флора.

Фидо растерянно заморгала.

— А что он там делал так поздно, вот что я хотела бы знать, — весело изумилась Флора Парсонс.

— Ждал свой омнибус, — недовольно отрезала Фидо. Ей следовало понять, что это за девушка, в тот же день, когда она пришла наниматься на работу. Фидо подалась вперед; она думает произвести на девушку впечатление, но вдруг осознает, что ее поза выдает отчаяние. — Мисс

Парсонс, вы довольны своим положением в «Виктории-пресс»?

— Вроде да.

— Разве я несправедливо оплачиваю ваш труд?

— Уж сколько платите.

Фидо возмутила такая наглость.

— А вам этого мало?

Небрежная усмешка.

— Так, только на самое необходимое.

— Вы у меня самая способная работница! — воскликнула Фидо. — И от природы вы очень сообразительны.

— Благодарю, мисс Фейтфул.

Поразительное нахальство! Она воспринимает это как должное!

— Поэтому мне абсолютно непонятно, почему вы рискуете потерять свою работу из-за того, что унижаетесь до самого низкого ремесла, которым может заниматься ваш пол.

«Наш пол!» — похоже, хочет поправить девушка.

— О, вы выразились иносказательно, — сказала Флора Парсонс. — Я занимаюсь этим вовсе не для того, чтобы подзаработать; это мое постоянное занятие с пятнадцати лет.

Фидо вздрогнула.

— Я просто любовница, которая немного подрабатывает в типографии, понимаете?

— Вполне. — Она попыталась собраться с мыслями. — А что с вашей помолвкой… с мистером Данстеблом? — спросила она, кивком указывая на цех.

— С этим покончено, — вскинув голову, ответила девушка.

— И вам все равно, что мне придется уволить вас без рекомендательного письма?

— Ничего, с голоду не помру! — Девушка улыбнулась и ушла.

Фидо понимает, что должна была разговаривать с девушкой более спокойно, но у нее нет на это сил. «А что толку?» — как сказала девушка. Флора Парсонс сама выбрала дорогу, просто стыдно, что Фидо не поняла этого несколько лет назад и только зря потратила время на ее обучение.

Оставшись одна, она в изнеможении откинулась на спинку кресла. Последние три дня после того, как отказала Хелен от дома, она пыталась забыться за работой, но ничего не получалось: она плохо спала и практически ничего не ела. Она сама себя не понимала. Как она могла поступить так с женщиной, которую — несмотря ни на что — по-прежнему любит? И вместе с тем как

могла Хелен втянуть ее в эту грязную историю?

Люди вовсе не такие, какими кажутся даже самим себе. Ведь Гарри Кодрингтон пытался ее изнасиловать, напоминает она себе, и все эти годы она умудрялась не признавать этого. Что еще ужасного удалось Фидо забыть? Какая еще ложь таится в глубине ее души? Да, душа ее — кладбище, где почва внезапно расступается, обнажая побелевшие кости.

В кабинет заглянул посыльный:

— Мадам, к вам мисс Паркес.

Боже милостивый! Именно сегодня! Фидо вскочила и предложила кресло посетительнице.

Бесси Паркес, в своем голубом наряде и со свежим румянцем на щеках, выглядела особенно энергичной и привлекательной.

— Начну с того, что поздравлю вас.

Фидо растерялась, затем вдруг поняла.

— А, вы имеете в виду «Виктория мэгэзин»! Благодарю вас.

— Я уже поздравила мисс Дэвис с новой работой, — сказала Бесси Паркес. — Ведь это она любезно рассказала мне обо всем.

Фидо вся сжалась от невысказанного упрека.

— И теперь, когда она оставляет пост редактора «Журнала английской женщины», я думаю снова,

как в прежние времена, встать у его руля.

— Это замечательно, — тщетно пытаясь изобразить радостное одобрение, сказала Фидо.

— Очень удачно, что как раз недавно я получила наследство, которое позволит мне стать держателем главного пакета акций и взвалить на свои плечи все руководство «Журналом».

— Действительно, очень кстати, — внутренне содрогаясь, кивнула Фидо. Она, конечно, не станет скучать по бесконечным заседаниям комитета, но не может не чувствовать, что теперь все пойдет по-другому.

— Хочу придать ему более практическое направление, чтобы он помогал облегчить жизнь работающих женщин. «Александра мэгэзин и Журнал английской женщины» — вот как я думаю его назвать, — заявила Бесси Паркес.

Фидо скрыла улыбку. Паркес явно подражает ей, заимствуя имя принцессы.

— Очень интересно!

— Боюсь только, мне придется расторгнуть контракт с вашей типографией. Мне нужны более низкие расценки и более надежный график.

Фидо кивнула, прикидывая размеры убытков.

— Следовательно, мы будем воевать на двух флангах общего фронта, как сестринские изда-

ния, — предположила она.

Бесси Паркес кисло улыбнулась:

— Мисс Фейтфул… ваша наивность просто поразительна!

— Я вас не понимаю. — Фидо в недоумении.

— Дело Кодрингтона…

— Да, — пробормотала она. — Я очень сожалею, что заранее не сказала об этом, но, видите ли, произошло недоразумение.

Бесси Паркес скептически выгнула бровь.

— Дело в том, что адвокат… Он ввел меня в заблуждение, заверив, что мое имя не будет упоминаться в связи с этим делом.

— Мисс Фейтфул, — укоряюще произнесла Бесси Паркес, — во всех газетах о вас пишут как о самой близкой подруге этой женщины, и даже хуже того!

Фидо залилась жгучей краской.

— Большая часть того, что пишут, — чистая клевета. И я уже приняла меры к тому, чтобы несколько отстраниться от миссис Кодрингтон… — Она заметила, что совсем охрипла.

Бесси Паркес отмахнулась от ее заявления.

— Мы, участницы движения, обязаны держаться в стороне от женщин, которые публично нарушили основные принципы морали. Это

можно понять, во всяком случае, я так полагаю. Невозможно дотронуться до смолы и не запачкаться.

— Мою подругу еще ни в чем не признали виновной, — слишком горячо запротестовала Фидо и вдруг вспомнила кое о чем. — А как же мисс Эванс? Десять лет назад, когда она сбежала с женатым мужчиной, вы с мисс Бодишон заявили, что поддерживаете ее.

Бесси Паркес недовольно поджала губы:

— У Мэриан были исключительные обстоятельства; только сложности закона помешали Льюису получить развод, чтобы он мог на ней жениться. И она известна не только своими романами, но и высоконравственными поступками, — вот почему она была вновь принята обществом. С другой стороны, ваша Хелен Кодрингтон…

Насмешливая интонация побудила Фидо прервать ее:

— Все равно я в долгу перед ней. Вы забываете о верности, о преданности, о сестринских отношениях, если хотите.

— О нет, не забываю. А вы подумали о нас, о ваших товарищах из Лэнгхэмской группы, когда оказались замешанной в эту громкую историю? Где тогда были ваша верность и сестринское

отношение?

Фидо вцепилась в столешницу, пытаясь глотнуть воздуха.

— Я очень сожалею о том, что все это стало известно. Но вскоре все утихнет, поскольку я не намерена выступать свидетельницей.

Бесси Паркес ехидно посмотрела на нее:

— Вам еще не доставили повестку в суд?

Фидо покачала головой.

— Вы подписали или нет письменное показание под присягой?

— Подписала, но…

— В таком случае вы обязаны явиться в суд под страхом штрафа или заключения в тюрьму.

Фидо охватила паника.

— Я думаю еще раз написать адвокату миссис Кодрингтон. Еще есть время; насколько я понимаю, суд состоится только через несколько недель…

— По словам моего отца, в понедельник, — сказала Бесси Паркес.

Фидо совсем забыла, что Джозеф Паркес юрист.

— Б понедельник? — с трудом произносит она. А сегодня уже четверг!

— Этот день высвободился в результате неожиданного примирения сторон предыдущего дела.

Фидо внезапно побледнела и поднялась:

— Я… Мне нездоровится.

— Вы, очевидно, надеетесь, что вас освободит записка от доктора? Очень сомневаюсь, мисс Фейтфул. — Бесси щелкнула крышкой часиков.

— Я всей душой предана нашему движению, — зарыдала Фидо, — и меня не заставят сделать то, что может повредить ему даже в малейшей степени.

— Интересно, а вы хоть отчасти осознаете, какой вред вы уже ему нанесли?

С этими словами Бесси величественно покинула ее кабинет.

Фидо почувствовала, что должна немедленно ехать домой и лечь в постель. Ментоловые пары ей наверняка помогут. «Понедельник! Понедельник!» Она не станет об этом думать, ей нужно экономить дыхание. Нужно еще прожить эти страшные четыре дня, а там что будет! И проживать их нужно постепенно, час за часом. Отважная реформистка, полная стремления изменить мир к лучшему, исчезает; теперь она просто мисс Фейтфул, дочь приходского священника, дыхание которой вырывается с пугающим свистом.

— Приходил клерк из конторы мистера Фью, —

сообщила ей Джонсон, как только она переступила порог своего дома.

Фидо испуганно на нее посмотрела.

— Он… сказал, по какому делу?

Джонсон, как всегда, бесстрастно покачала головой.

— Он хотел передать что-то лично вам в руки, вот и все, что он сказал. Он еще зайдет сегодня.

Сердце у нее замерло. «Повестку в суд!»

Она не может туда явиться, просто не может. И дело не в том, что она боится предстать перед судом; Фидо надеется, что, если этого потребует ее совесть, она найдет в себе силы. Нет, дело в проблеме, которую она должна решить: под присягой дать показания против человека, обвинив его в том, чего она не может вспомнить, как ни старается, или признаться, что она этого не помнит, и, следовательно, дала ложные показания, что разрушит все обвинение ее подруги.

«Это невозможно, невозможно!»

Она все время откладывала ответ на письмо своей любимой сестры. Теперь она принимается его писать, стоя у стола, так как боится сесть, чтобы не передумать.

«4 октября

Дорогая моя Эстер!

Не могу выразить, как мне стыдно, что из газет родителям стало известно о моем невольном участии в деле Кодрингтонов. Пожалуйста, скажи им, что я надеялась избавить их и всю семью от этого страдания, принимала меры для того, чтобы мое имя не упоминалось, — но тщетно.

Как благородно с твоей стороны, Эстер, предложить сопровождать меня в суд по бракоразводным делам. Но должна сказать, что не пойду туда как свидетельница. Сегодня я уезжаю за границу и останусь там до тех пор, пока не закончится этот судебный процесс. Прошу тебя, если ты услышишь, что обо мне говорят, не верь ничему дурному.

Твоя сестра Эмили».

Мысль о побеге придала Фидо силы. За полчаса она собрала свои вещи. Вынула бархотку, украшенную маленькими сокровищами из Кента, с минуту посмотрела на нее, снова завернула в салфетку и убрала в ящик бюро. Она поручила Джонсон сообщить другим слугам, чтобы, если их будут спрашивать, они сказали, что их хозяйка

уехала за границу по личным делам.

— И запомните: не принимайте никаких документов на мое имя, ни при каких обстоятельствах.

— Да, мадам. — Землистое лицо горничной, как всегда, невозмутимо.

«Слуги тоже читают газеты, — сообразила Фидо. — Должно быть, они видят меня насквозь!»

Если она не получит эту страшную повестку, не могут же ее обвинить в том, что она ее проигнорировала? К сожалению, она плохо разбирается в законах. Не в первый раз она проклинала отсутствие системы в женском образовании. Ей пришло в голову посоветоваться со своим адвокатом, мистером Маркби, который защищал прессу в нелепом обвинении в плагиате рассказа, связанного с правилами игры в бридж. Но нет, как она объяснит ему, что подписала (не читая) свои показания под присягой относительно инцидента, во время которого пребывала в полусонном состоянии в результате приема лауданума!

Горничная шла следом за ней со словами:

— Но, мадам, куда же вы на самом деле отправляетесь?

Беспокойство ли в ее низком голосе? Осуждение? Привязанность? Фидо не знала.

— Извините меня, Джонсон, но если вы не будете этого знать, то вам нечего будет сказать, как бы вас к этому ни принуждали.

Она подхватила небольшой саквояж, вышла из дома и посмотрела на Тэвитон-стрит. Город готов поглотить ее, как пропасть.

Глава 11
TRIAL
(англ.: испытание; переживание, злоключение; рассмотрение дела компетентным судом, судебное разбирательство)

Женщина не должна делать любовь своей профессией.

Барбара Лей Смит (позднее Бодишон). Женщина и работа (1857)

— Садитесь, пожалуйста. — Хелен провела в пыльную гостиную Фью, явившегося к ней в пятницу вечером. Спустя десять дней после увольнения слуг — за исключением молчаливой миссис Николс — у дома уже запущенный вид. — Шерри? — предложила Хелен, через силу заставляя себя соблюдать вежливость. Какаду пронзительно верещал.

— Нет, благодарю вас, — отказался Фью, скромно опускаясь на простой стул. — Меня ждет семья.

Хелен была удивлена: адвокат выглядел закоренелым холостяком.

— В таком случае приступим сразу к делу, — стараясь держаться как можно более непринужденно, сказала Хелен и села. — Что вы можете сказать о судье Уайлде?

Фью пожал плечами:

— Он занимается выведением различных сортов роз.

Хелен размышляла, какое значение для ее дела может иметь эта страсть. Нетерпимость к тем, кто представляет угрозу законам, или сочувствие к женщине как к хрупкому цветку? Она заметила, что три серебристые рыбки неподвижно лежат на поверхности воды в круглом аквариуме. Видимо, миссис Николс покормила неугомонную птицу, а про рыбок забыла.

— Миссис Кодрингтон, — покашляв, привлек ее внимание Фью. — Я пришел к вам лично, чтобы сообщить неприятное известие.

— О моих девочках?! — вскрикнула она.

— Нет, нет! О вашей подруге, весьма неуместно именуемой мисс Фейтфул, — сухо сказал он. — Она исчезла.

Хелен остановила на нем недоверчивый взгляд.

— Вчера днем мой клерк попытался вручить ей повестку в суд… и обнаружил, что она отправи-

лась за границу.

— Я не верю.

— Слуги в один голос говорят, что она уехала и даже не оставила свой адрес для писем. То же самое относится и к работникам ее типографии; мой клерк разговаривал с несколькими девушками и с мужчинами, которые наблюдают за их работой.

Хелен злобно стиснула зубы.

Фью старчески закряхтел.

— Вряд ли мне нужно объяснять вам, что без ее показаний относительно попытки изнасилования… Ее побег в одиннадцать часов вечера может вызвать у присяжных впечатление, что вся эта история — вымысел.

«Негодяйка!»

— Далее. Противной стороне требуется несколько дней на подачу искового заявления, что дает нам немного времени. Если у вас есть хотя бы малейшее представление о том, где может скрываться мисс Фейтфул, например, у родственников…

Она покачала головой.

— Я думал, вы с ней давние друзья.

— Ну, мало ли что вы думали! — огрызнулась Хелен. — Я, например, думала, что знаю ее, но,

оказывается, ошибалась.

— Гм… Что ж, мне пора идти, — сказал Фью. — Я пришлю вам полный отчет о первом дне судебного заседания, которое состоится в понедельник вечером…

Проводив его, Хелен осталась стоять в сумрачном холле, не в состоянии решить, что делать дальше. Лечь в постель со слабой надеждой уснуть? Попросить миссис Николс принести поесть? Вернуться в гостиную и рассматривать мертвых рыбок?

Она не двигалась и смотрела в стеклянную панель парадной двери, будто ответ, который она ищет, может быть там, на тихом и безлюдном Экклестон-сквер.

«Фидо, Фидо, где ты?»

Хелен мысленно рыскала по всему Лондону… по Англии… Европе. В этом году по железной дороге уже можно добраться до Ниццы. Зажмурив глаза, Хелен живо представила, как под знойным солнцем Ривьеры Фидо, тяжело дыша, прохаживается по Променад-дез-Англез.

«Как ты могла покинуть меня в такой час, когда ты так мне нужна?» Хелен уверена, что Фидо изменило мужество. Но результат все тот же — предательство. «После стольких лет! Мы столько

вместе пережили, так были дороги друг другу. Она просто обязана мне помочь!»

И лишь позднее, когда Хелен беспокойно металась в постели, путаясь в ночной сорочке, она пришла к более горькому выводу.

Да, она использовала Фидо. С самого начала воспользовалась наивностью, доверчивостью и идеалистическими взглядами старой подруги. Точно так же, как Андерсон воспользовался ее скукой и тщеславием. Так уж устроен мир: все друг друга используют. Главное — знать, сколько может вынести тот или иной человек. Нет сомнений: Фидо была бы на ее стороне в течение этого ужасного судилища, если бы Хелен не потребовала от нее слишком большой жертвы — не заставила бы дать показания против Гарри. «Все по моей вине, это я во всем виновата, глупая!»

Теперь Хелен потеряла всех. Муж, дочери, любовник, подруга — все ушли, словно песок сквозь пальцы.

Хелен нашла свободное место в последнем ряду. Она спокойна настолько, насколько это могут сделать пятнадцать капель лауданума. Хотя лицо ее было скрыто под вуалью, она опасалась, что ее заметят и станут указывать на нее. Зал суда полон посетителей, как их официально

называют, хотя Хелен нашла это странным: как будто они явились сюда отдать визит вежливости. Правильнее было бы назвать их жадными до зрелищ зеваками. Такое впечатление, что сюда допускается любой горожанин, сумевший раздобыть себе пальто и шляпу; вот идет один из помощников шерифа и находит место для сомнительного типа в помятом цилиндре. От одежды людей, стоящих в конце зала, так пахнет промозглой сыростью, что, скорее всего, их загнал сюда холодный дождь. Хелен никогда бы сюда не пришла, но в прошлом году двое ее знакомых выстояли длинную очередь только для того, чтобы послушать, как восьмидесятилетний виконт Пальмерстон будет защищать себя от обвинения в измене с женой распутного ирландца. И как же они были возмущены, когда было объявлено, что брак, заключенный в Ирландии, считается недействительным, а потому дело прекращено! Тогда Хелен отнеслась к этой истории как к забавному анекдоту.

Она старалась успокоиться и разобраться во всем, что видит сквозь мешающую ей черную вуаль. Вон то кресло с высокой спинкой определенно предназначено для судьи, но его еще нет. Слева от него, на первой скамье для посетителей,

с трудом помещаются газетчики. Справа — Хелен знала это по иллюстрациям в отчетах о судах — за невысоким ограждением место для свидетелей, как будто их необходимо держать в клетке, иначе они сбегут. И еще одно отгороженное место, куда уже входят какие-то люди и занимают свои места на длинной скамье, — должно быть, это присяжные. У одних лица самоуверенные и важные, другие выглядят смущенными, на лицах остальных можно видеть любопытное сочетание осознания своей значительности и растерянности. Всем предстоит провести на этой скамье много часов, к тому же без оплаты, зато им выпало весьма интригующее дело. «Кто эти чужие люди, чтобы судить, имеет ли Гарри право бросить меня?» Трое или четверо, судя по одежде и манерам, джентльмены, остальные буржуа. Один, тот, что в военном мундире, самодовольно усмехается сквозь густые усы какой-то леди из публики, — этот вполне может принять сторону Хелен.

Андерсона, конечно, в зале нет. Отправился в свадебное путешествие или спешит вернуться в полк на Мальте со своей маленькой шотландской новобрачной? Интересно, последнее письмо Хелен отзывается ему кошмарными снами? Ей

оставалось только надеяться на это. Как она проклинала свою доверчивость!

Вдруг Хелен заметила своего адвоката, медленно продвигающегося по проходу.

— Мистер Фью, — тихо окликнула она его, когда он задел ее локоть.

Он всмотрелся и нахмурился.

— Я не смогла устоять и вот пришла.

Фью недовольно проворчал:

— Вы только расстроитесь, а если вас узнают, это вызовет толки.

«Толки?» Хелен усмехнулась про себя. А для чего же собралась вся эта толпа? Разумеется, для того, чтобы посплетничать о самых интимных подробностях ее истории!

— Только ваши густые брови могут привлечь ко мне внимание, — почти игриво произнесла она. — Кто мой барристер?

— Высокий джентльмен за столом слева. — Он незаметно указал пальцем. — Хокинс — блестящий адвокат.

Тот выглядел весьма импозантно в парике и при перчатках, примерно в два раза моложе Фью, что внушало некоторую надежду. Его сосед, уткнувшийся носом в какой-то свод законов, производит впечатление человека, абсолютно

равнодушного к своей внешности, его судейская мантия вся в пыли, а свисающие на грудь белые ленточки выглядели так, будто их основательно пожевали.

— А тот, рядом?

— Это Боувил, адвокат истца, — бросил Фью и проследовал дальше.

Вскоре появился муж Хелен, он прошел по проходу, едва не задев ее юбку. Она вздрогнула, но он ее не заметил. «Долговязая колода без души и сердца!» Он выглядел таким же, каким был в прошлую среду у своего клуба, когда с несвойственной ему нежностью отвел от себя ее руки и держал ее на расстоянии, как мяукающего котенка. (Значит, это было напрасное унижение, думала Хелен, скрипя зубами от ярости.) Гарри сел рядом со своим барристером, и они обменялись несколькими словами. Хелен на мгновение закрыла глаза.

Когда в зал стремительно вошел судья Уайлд — лохматые седые брови на дородном лице, — задние двери с трудом закрылись, и слышно, как помощник шерифа объявил: «Больше мест нет, нет мест!»

Клерк начал гундосо зачитывать прошение о разводе, и в аудитории поднялся гул, как в

улье. Есть что-то возбуждающее, с удивлением обнаружила Хелен, в этих словах, когда они произносятся вслух. Этот суд — единственное место в Англии, думала она, за исключением докторского кабинета, где человек откровенно говорит о сексуальных проблемах.

— Позвольте выразить вам сочувствие в связи с тем, что вам предстоят не очень приятные обязанности, — обратился к жюри судья Уайлд. — Вам представят исчерпывающие доказательства весьма низменного свойства. — Предвкушающий смешок из зала заставил его сурово нахмуриться. — Но я надеюсь, что посетители, допущенные присутствовать при рассмотрении дела, воздержатся от громких и вульгарных замечаний.

Когда встал Боувил, защитник мужа Хелен, она вынуждена была изменить свое мнение о противнике: несмотря на свой неряшливый вид, он явно умен и педантичен.

— Многие заблуждаются, полагая, что в наше время довольно легко добиться развода, — спокойно начал он, — но когда вы услышите свидетельские показания, джентльмены, вы испытаете большое удовлетворение, освободив истца, верного слугу ее величества, пострадавшего в боях во имя славы отечества, от тяжких

оков, которые связывают его с безнравственной женщиной.

Хелен нервно облизнула онемевшие губы. Она вообще не чувствовала своего лица. Наверное, приняла слишком большую дозу лауданума.

— С женой, которая не была ему настоящей женой — пренебрегала своим домом и материнским долгом, постоянно противоречила своему супругу и неоднократно унижала его изменами с другими мужчинами.

Должно быть, из-за лауданума Хелен почувствовала странную отстраненность: ей казалось, будто речь идет о какой-то другой женщине. Боувил приступил к повествованию о выдающемся начале карьеры адмирала, о его выборе молодой, выросшей за границей невесты, но она не могла отделаться от ощущения нереальности происходящего; это описывают не ее, не Гарри, а каких-то крошечных марионеток на далекой сцене. Чувствует ли то же самое ее муж?

— В течение некоторого времени после появления на свет двух дочерей сохранялась иллюзия счастливой семейной жизни. С вашего позволения я зачитаю письмо ответчицы, написанное истцу в апреле 1856 года, когда он получил приказ отправиться в Крым… — Боувил начал монотонно

читать, будто перед его глазами список белья для прачечной: — «В эту седьмую годовщину нашей супружеской жизни, родной Гарри, я по-прежнему живу тем, что тебе дорого. Редко найдешь женщину, которая может сказать, что не видит от своего супруга ничего, кроме добра. Господь да благослови и сохрани тебя! Addio alma di mia vita! *Хелен*». Последняя фраза на итальянском языке означает: «До свидания, любовь моей жизни», — пояснил Боувил, повернувшись к жюри.

Хелен не помнила этого письма, но оно ее не удивило: какая жена время от времени не пишет нежных писем мужу, находящемуся вдали, на войне? Да, должно быть, она написала его, чтобы успокоить Гарри после небольшой ссоры, произошедшей незадолго до его отъезда. Странно видеть, как всплывают на поверхность обломки их семейной жизни. Она начинала понимать тактику Боувила. Супруги вовсе не были несовместимыми с самого начала; нет, нет! Жена охладела к своему супругу за то время, пока он воевал с русскими.

Вдруг она услышала имя Фидо.

— Отношения осложнялись присутствием в доме компаньонки ответчицы мисс Эмили Фейтфул, вместе с которой обычно спала миссис

Кодрингтон. Той самой мисс Фейтфул, которая в прилагающемся к контробвинению ответчицы письменном показании под присягой заявила, что якобы в октябре 1856 года истец покушался на ее невинность. Это голословное порочащее обвинение, о котором я предпочел бы не говорить, если бы меня не принуждал к этому мой долг, — выразительно повысил голос Боувил, — настолько оно непристойно и абсурдно. Сама мысль о том, что респектабельный джентльмен мог забраться в постель между спящей женой и ее спящей подругой — девушкой двадцати одного года и, считаю должным добавить, не отличающейся особой привлекательностью… — В зале раздались грубые смешки. — И совершить попытку осквернить честь последней! Только что мне стало известно, и я спешу довести до сведения суда, — с явным удовольствием сообщил адвокат, — что мисс Фейтфул по загадочным причинам уклонилась от присутствия в суде и отправилась за границу, вместо того чтобы устно подтвердить свои письменные показания в качестве свидетельницы. Джентльмены в составе жюри могут сделать из этого обстоятельства логический вывод.

Внезапно Хелен пришло в голову, что Гарри

мог нанять какого-нибудь бандита, чтобы тот похитил Фидо. Она пыталась увидеть мужа за головами посетителей. Знакомое бородатое лицо его мрачно. Но как мог предполагаемый похититель убедить всех слуг и работников Фидо говорить, что она уехала за границу? «Это не приключенческий роман!» — одернула она себя.

— Весной 1857 года ситуация достигла критического момента, — продолжал Боувил, — когда миссис Кодрингтон предприняла экстраординарный шаг и категорически заявила, что больше никогда не войдет к мужу в спальню. С тех пор, да простит мне суд мою откровенность, все супружеские отношения прекратились. — Он сделал паузу, чтобы подчеркнуть важность момента.

Что ж, звучит убедительно, признала Хелен, отдавая должное барристеру; все сказано просто и четко, словно в проповеди. Она испытала желание встать и заявить: «Дверь в мою спальню не запиралась; и не пытайтесь убедить меня, что он пылал страстью ко мне, потому что я никогда этому не поверю!»

— Ответчица выдвинула вздорное требование о раздельном проживании на основании несовместимости, хотя, разумеется, в британском законе ничего подобного не предусмотрено, — добавил

Боувил. — Истец поступил абсолютно правильно, пригласив для обсуждения возникшей проблемы родителей жены и своего брата генерала Кодрингтона. В результате переговоров ответчица согласилась хотя бы внешне поддерживать видимость семейной жизни.

Да, вспомнила Хелен, в доме тогда царил полный хаос. Бесконечные ссоры, остывающая еда на столе… Нэн или Нелл в нервном припадке разбила окно деревянным кубиком.

Когда она снова прислушалась к Боувилу, он уже описывал их жизнь на Мальте.

— Поведение ответчицы отличалось странными переменами: дома она была раздражительна, дерзка и самоуверенна; в обществе — расточительна, чрезвычайно возбуждена и кокетлива. — Голос барристера помрачнел. — В 1860 году она стала постоянно появляться в обществе лейтенанта Милдмея, который, как нам сообщили из Бомбея, по совету своего адвоката отказался представить свои объяснения.

«Жалкий трус!» А ведь когда-то этот Милдмей рыдал, уткнувшись лицом ей в колени, ноги ей целовал! Неужели ему трудно было ответить с безопасного расстояния в несколько тысяч миль: «Нет, нет, ничего подобного, эта леди безупреч-

на!»

— С нетерпением буду ждать пояснений моего ученого коллеги, — подняв брови, сказал Боувил.

«Ученый коллега» — это, должно быть, Хокинс. Все эти напыщенные обращения напоминали палату общин.

— А пока предлагаю проницательным членам жюри самим сделать вывод, по какой причине Милдмей, бывший близкий друг ответчицы, не пожелал просветить суд относительно своих с ней отношений.

В зале раздался грубый мужской смех. Хелен насторожилась: две женщины на передней скамье обернулись и посмотрели прямо на нее, затем одна что-то прошептала другой. Хелен закусила губы, жалея, что не надела более плотную вуаль. Она здесь не единственная в вуали, но остальные дамы кажутся более пожилыми и некрасивыми, чтобы быть «печально известной миссис Кодрингтон», как написал «Спектейтор» в субботнем номере. Да, поскольку ей не с кем поговорить в доме на Экклестон-сквер, она снова стала читать газеты, на этот раз с болезненным интересом.

— Поскольку истец всегда был, так сказать, ранней пташкой, к полуночи он уже уставал и должен был ложиться, — сочувственно объ-

яснял Боувил, — тогда как миссис Кодрингтон предпочитала оставаться на танцы и в результате возвращалась домой на гондоле адмирала только в два, три, а порой и в четыре часа утра в сопровождении какого-либо офицера — обычно это были лейтенант Милдмей или соответчик по данному делу полковник Дэвид Андерсон.

Барристер поднял вверх какой-то предмет, который издали показался Хелен игрушкой. Когда стало ясно, что это миниатюрная модель гондолы, она с трудом удержалась от смеха. Публика вытягивала шеи, чтобы посмотреть, как присяжные внимательно рассматривают каюту, с которой снята крыша. Это похоже на интермедию: что еще достанет шарлатан фокусник из своего кармана?

В отделение для свидетелей вошел невысокий темноволосый мужчина и поклялся говорить только правду. Хелен была уверена, что видит его впервые, но, оказывается, это один из гондольеров.

— Синьор Скичма, сколько времени занимает переход через гавань Валлетты от центра города до дома адмирала? — задал вопрос Боувил.

— Четверть часа, сэр, — ответил итальянец, и его ответ показался Хелен заученным.

— Эта дверь застеклена? — Боувил поднял вверх

модель гондолы и постучал пальцем по каюте.

— Si, но если внутри нет света, то ничего не видно.

— Вы имеете в виду каюту?

— Si.

— Пожалуйста, отвечайте на английском. Ваш ответ: да?

— Да, сэр.

— В те вечера, когда в каюте вместе с миссис Кодрингтон находились лейтенант Милдмей или полковник Андерсон, в ней обычно было светло?

— Нет, нет, свет был только на носу лодки.

— Не замечали ли вы в такие ночи еще что-нибудь необычное?

Послушный кивок.

— Гондола, как бы это вам сказать, выходила из повиновения.

Из публики понеслись удовлетворенные ахи и охи, и судья Уайлд легонько постучал своим молотком.

У Хелен пылало лицо. Как она могла считать гондолу романтическим уголком для свиданий! Этот тараканий взгляд на ее прошлое все превращает в грязь.

— Вы можете пояснить, синьор Скичма, что вы имеете в виду?

— Она сильно кренилась на борт, так что нам было трудно грести, — уточнил лодочник, выразительно показывая рукой.

— То есть она накренялась таким образом, что было ясно: два человека в кабине сидели рядом на одной скамье, а не напротив друг друга, на противоположных скамьях?

— Милорд, я возражаю! — Ее барристер Хокинс встал во весь свой внушительный рост, всем видом демонстрируя негодование. — Мой ученый коллега не должен делать выводов из показаний свидетеля!

Судья Уайлд в раздумье почесывал седую бровь.

— Мистер Боувил, не желаете ли перефразировать свой вопрос?

— Разумеется, милорд. Синьор Скичма, какова, по-вашему, причина такого крена?

— Да как вы и сказали. Эти двое сидели рядом.

Хелен была поражена: это же просто игра в слова!

— Это заставляло меня кое-что подозревать, понимаете? — добавил лодочник, как школьник, желающий доставить удовольствие своему учителю. — Мы с ребятами все смеялись над этим.

Хелен поверить не могла, что ее будущее будет

зависеть от состояния лодки в заливе с мелкой зыбью.

Вот поднялся элегантный Хокинс и устроил перекрестный допрос свидетелю по поводу его показаний, которые он назвал «сказками Старой Калоши». Но кроме подтверждения, что для лодки является естественным крен то на один, то на другой борт, по мнению Хелен, он ничего особенного не достиг.

Вышел второй свидетель, и у Хелен упало сердце: она узнала в нем Джорджа Даффа, противного лакея с вечно сальными волосами. Как она терпела его целых пять лет!

Даффом явно двигала злоба.

— Ну, иногда он прощался с ней на лестнице, Милдмей-то, а другой раз заходил с ней в дом адмирала.

— И оставался там? — подсказал Боувил.

— Да, сэр, минут на двадцать. А то и на час, — добавил Дафф не слишком убедительно. — В маленькой гостиной, где диван стоит. И света там не было.

«Лживый пес!» — возмущалась Хелен. Там почти всегда горела лампа.

Сидящая перед Хелен женщина со смешком сжала руку своей соседки. Хелен обратила вни-

мание, что многие женщины пришли со своими знакомыми, видимо для взаимной поддержки.

— Где же находился в это время истец? — спросил Боувил.

— Он уже уходил спать, сэр. Или работал в своем кабинете и не велел его беспокоить.

— Вы когда-нибудь заходили в маленькую гостиную, когда там находилась ваша хозяйка с Милдмеем?

— Нет, сэр, — с легким сожалением ответил Дафф и, тряхнув головой, откинул с глаз тусклые жирные волосы, — но как-то раз я был в коридоре, который вел к ней…

— Когда это было?

— В конце 1860 года, сэр, или в начале 1861-го, — сказал он. Глазки его бегали. — Я видел, как Милдмей стоит и обнимает ее за шею. — Он показал, как мужчина развратно обнимает воображаемую женщину.

Хелен с волнением вспомнила ощущение горячей руки Алекса Милдмея. Он был милым мальчиком — во всяком случае, она считала его таковым до сегодняшнего дня, когда узнала, что он отказался дать показания в ее пользу. Таковы мужчины! Неужели все они ненавидят женщин? Или они обладают «особым талантом» оставлять

прошлое позади, словно за стеной из толстого стекла?

— И как вы поступили? — спросил Боувил.

— Ну конечно, поскорее ушел в комнату для слуг, — с добродетельным видом ответил Дафф.

Он продолжал давать показания. Скрип на темной лестнице в дома адмирала; шепот и шелест одежды, восклицания и вздохи. Лоскут материи, который он нашел на лестнице после визита полковника Андерсона и который, как уверен Дафф, соответствовал разрыву на лифе миссис Кодрингтон, замеченному им на следующий день. Его показания словно были взяты из порнографических журналов, которые джентльмены держат под ключом в книжном шкафу, подумала Хелен. Боувил предъявил крошечную модель лестницы в доме адмирала, что вызвало у публики саркастические аплодисменты. Кто делал эти модели? Искусные и ловкие руки детей в каком-нибудь нелегальном предприятии Сохо?

Примерно треть заявлений Даффа совпадало с воспоминаниями Хелен. Но жюри, естественно, трудно уловить разницу между полуправдой и чистым вымыслом его показаний. И конечно, он умолчал о тех долгих и невыносимо скучных официальных приемах и церемониях, на которых

Хелен обязана была присутствовать в качестве супруги начальника военного порта. И ни слова о том, как много времени она проводила с дочерьми, которые не считали ее плохой матерью.

Она облегченно вздохнула, когда встал Хокинс и приступил к допросу свидетеля.

— Мистер Дафф, вы подтверждаете, что испытывали антипатию к вашей хозяйке?

Лакей поморщился и дернул себя за свисающие за ухом сальные космы.

— Ну, это… она все время придиралась ко мне… просто так, безо всякой причины.

— Приведите пример.

— Что будто я не снял шляпу во время литании.

Хелен совсем об этом забыла.

— Вы же не хотите сказать, что миссис Кодрингтон — приверженица римской католической веры? — сурово уточнил Хокинс.

— Нет, только она сказала, что это показывает неуважение к соседям.

Хокинс заглянул в свои записи.

— Правда ли, что адмирал уволил вас после того, как вы были замечены в приставании к горничной Терезе Борг с непристойными предложениями?

Лицо Даффа перекосилось, к огромному удовольствию Хелен.

— Я ушел по собственному желанию. Все было не так; эта Борг сама пригласила меня в свою комнату, а потом вдруг нажаловалась. Она же мальтийка, — пояснил он присяжным.

Хокинс зашел с другой стороны:

— Вы можете точно назвать час, день или хотя бы год любого из этих предполагаемых инцидентов с участием Милдмея или Андерсона?

Дафф пожал плечами:

— А к чему мне было записывать?

— Но вы говорите, что они вас беспокоили. Не нарушили ли вы свой долг, не поставив об этом в известность адмирала?

— Я… — Дафф умолк и испуганно моргал, как взломщик, застигнутый на месте преступления. — Я думал, это не мое дело.

— Почему же?

— Ну, он же должен был знать, что эти офицеры часто приходят к нему в дом.

Благородное лицо Хокинса просветлело.

— Ага! Вы полагаете, что адмирал намеренно не обращал внимания на дружеские отношения супруги с этими мужчинами или даже поощрял их?

«Попустительство, потворство, потакание», — перечисляла в уме Хелен. Ее барристер не только эффектный мужчина, но и опытный юрист.

Боувил сердито посмотрел на своего свидетеля: Дафф с трудом приходил в себя.

— Я этого не говорил.

— Да, вы хранили молчание до тех пор, пока несколько недель назад агенты истца не нашли вас во Франции. Могу я спросить, какую компенсацию вам предложили в обмен на ваши внезапно всплывшие воспоминания? — уничтожающе вопросил Хокинс.

— Только дали мне денег на корабль… в третий класс, — заявил тот.

— И последний вопрос, Дафф. Вы видели когда-нибудь собственными глазами акт прелюбодеяния между миссис Кодрингтон и каким-либо мужчиной? — Хокинс медленно выговаривал каждое слово, будто обращался к слабоумному.

— Да вроде как нет.

— Достаточно было просто сказать «нет».

Дафф спустился с возвышения, и снова встал Боувил:

— Так все и продолжалось.

Хелен уже узнавала его ключевую фразу, которую он с каждым разом произносил все более

мрачным тоном. Далее он зачитал письменные показания под присягой, полученные у свидетелей на Мальте агентами, облеченными соответствующими полномочиями. Собранные сведения о множестве нескромных эпизодов подействовали на Хелен чрезвычайно угнетающе. Сидящие впереди нее женщины явно узнали ее; они то и дело оборачивались взглянуть на нее и перешептывались. Вместо того чтобы скрывать, эта несчастная вуаль скорее выдавала ее, как горящая шапка на голове вора! Но она выслушает все до конца, сколько бы ни длилась эта пытка.

Она не могла поверить своим глазам, когда следующей свидетельницей оказалась не кто иная, как миссис Николс, которая сегодня утром услужливо подавала ей завтрак. Какое вероломство!

— Вы можете описать этот дом как христианский? — спросил Боувил.

— Ну… — Слабый вздох. — Адмирал с девочками молится каждое утро, но хозяйка при этом не присутствует. И в церковь она ходит не больше двух раз в неделю.

«И я держала ее все эти годы, тогда как она готова меня с грязью смешать…»

— Вы можете сказать нам, где спали члены семьи на Мальте в летние месяцы?

— О да! — оживилась миссис Николс. — Из-за страшной жары в доме адмирала невозможно было находиться, поэтому адмирал забирал дочерей и нас, слуг, и отвозил на «Азов», где мы и проводили ночь, но миссис предпочитала каждый вечер ехать домой. Говорила, что там ей лучше спится. — Она саркастически поджала губы.

— А теперь расскажите нам, пожалуйста, о поездке в Курмайор, курорт, расположенный на франко-итальянской границе, в августе 1860 года.

У Хелен все сжалось внутри; она забыла, что и об этом будут говорить.

— Общество состояло из миссис Кодрингтон, ее родителей, двух ее дочерей, меня и горничной, — перечисляла миссис Николс, как школьница заученный урок. — Через несколько дней в том же отеле остановился лейтенант Милдмей, будто бы случайно. Я слышала, как хозяйка представила его новым знакомым как своего кузена!

— Она обращалась к вам с просьбой отнести в его номер письмо?

Кивок.

— И когда я возразила, она сказала: «Вот глупая! Тогда его отнесет Мэри!»

Неужели Хелен действительно так сказала?

Впрочем, возможно.

— А в Валлетте вы видели ответчицу и лейтенанта наедине? — спросил Боувил.

— Да! Однажды, когда она была еще в постели, он провел в ее комнате десять минут, — с готовностью ответила миссис Николс. — Я это знаю, потому что мне все время приходилось заходить в ее спальню по делу.

— И во что она была одета, в ночную сорочку?

— Да, с накинутой поверх блузой, — неохотно признала та. — Она разложила на покрывале покупки из Неаполя и Легхорна и просила его отвезти носовые платки в Англию и отдать их вышить.

Совершенно невинный разговор; Хелен едва его помнит. В те дни ни она, ни Милдмей и не думали что-то скрывать.

— Да! А в другой раз у хозяйки от ходьбы появился нарыв на подошве, и он вскрыл его своим перочинным ножиком.

Упоминание о подобной интимной услуге вызвало в зале гул и шорох. Хелен слабо усмехнулась под вуалью. Он сделал это так искусно, что она почти не почувствовала боли.

Миссис Николс явно вошла во вкус.

— А еще как-то вечером я застала его сидящим

на лестнице.

— Кого, Милдмея?

— Нет, прошу прощения, на этот раз я говорила про полковника Андерсона. Я сказала: «Вы меня напугали!» — а он засмеялся.

Это у него общая черта с Милдмеем, оба ужасно смешливые. Ей это нравилось. Она не может точно вспомнить, что еще там было. Неужели ее дважды купили за минуту веселья?!

— А потом еще был случай, тоже вечером, уже после десяти… Я шла по темному коридору, — таинственным голосом произнесла миссис Николс, — и едва не наткнулась на них — на нее и снова на Андерсона, хочу я сказать, — они обнимались. Я бегом вернулась в свою комнату.

— Что на ней было надето в этот час?

— Широкая красная юбка и фланелевая блуза, — докладывала экономка.

— Итак, миссис Николс, — быстро сказал Боувил, — можете ли вы сказать, что к 1862 году полковник Андерсон начинает занимать место лейтенанта Милдмея в качестве постоянного кавалера ответчицы?

— Верно! Мы все заметили это изменение. Обычная смена, как сказал один из лакеев.

Это замечание вызвало такой хохот, что судья

Уайлд вынужден был прибегнуть к помощи молотка, чтобы восстановить тишину.

Наступила очередь Хокинса задавать вопросы экономке. Хелен нетерпеливо подалась вперед, крепко стиснув руки.

— Некоторое время назад, когда с вами беседовал мой коллега мистер Фью, разве вы не признали, что никогда не видели что-либо действительно неподобающее между вашей хозяйкой и каким-либо мужчиной?

Миссис Николс недовольно поджала тонкие губы.

— Ну, может, я так и сказала.

Нужно было видеть дышащий благородным негодованием взгляд, который он устремил на членов жюри.

— Милорд, больше вопросов нет!

Экономка явно разочарована.

— Но Фью не просил рассказывать все, что я знаю, чтобы не поставить меня в неловкое положение перед моим мужем, — бессвязно пробормотала она. — И потом, тогда я не давала присягу, как сейчас.

— Вот как? Следовательно, вы говорите правду лишь при особых обстоятельствах?

Казалось, что миссис Николс вот-вот распла-

чется.

— Можете спуститься, — кивнул ей судья.

«Ей-богу, сегодня же рассчитаю эту мерзавку, пусть даже мне самой придется поджаривать тосты!» — решила Хелен.

На помост поднялся незнакомый человек в блестящей фуражке полисмена с жезлом на поясе.

«Это как перед самой смертью, — подумала Хелен, — знакомые и забытые лица призраками проплывают перед глазами».

— Джон Роув, — мрачно представился незнакомец. — Работал в портовой полиции в Валлетте.

— Расскажите суду, что произошло десятого июля текущего года, — попросил Боувил. — А именно примерно за месяц до возвращения Кодрингтонов в Англию.

— Да, сэр. — Роув посмотрел в пол, но почему-то кажется, что он делает это от смущения, а не потому, что избегает смотреть на адвоката. — Я хорошо помню тот вечер потому, что на пристани играл оркестр, а в городе была иллюминация из-за какого-то католического праздника.

У Хелен вспыхнули щеки: она тоже помнила тот вечер.

— Я шел к воротам провиантского склада и увидел ее…

— Ответчицу?

— Да. Она шла мне навстречу, а за ней полковник Андерсон… то есть соответчик, — поправился он, — и приводил в порядок свой мундир.

Из зала донеслись презрительные смешки.

— Могу я попросить вас выразиться более определенно? — в своем учительском тоне спросил Боувил.

— Ну, он застегивал… это… штаны, — ответил Роув, не поднимая взгляда.

«Боувил всегда выжидает секунду-две после какого-нибудь шокирующего момента, чтобы придать ему вес», — подумала Хелен.

— Миссис Кодрингтон разговаривала с вами? — спросил он чуть погодя.

— Она отвлекла меня какими-то вопросами о голубях.

Снова смех, даже гогот. Да, Хелен вспомнила интересный разговор об использовании почтовых голубей в работе полиции. Все эти совершенно невинные мгновения ее прошлого сейчас возникают в ярком свете рампы, как мрачные сцены из «Отелло».

Встал ее барристер. Его светские манеры не в силах скрыть охватившего его негодования.

— Эта выдумка про спущенные брюки просто

невероятна! — гневно заявил Хокинс. — Действительно ли было настолько светло, Роув, что вы разглядели каждую подробность одежды джентльмена?

— В ту ночь было полнолуние из-за праздника… Я хотел сказать, — поправился полисмен, — что этот праздник проводится у них как раз в полнолуние.

— Если вы стали свидетелем такой шокирующей сцены, то почему сразу не доложили об этом своему начальству?

— Осмелюсь сказать, я выбросил это из головы.

— Сэр, вы знакомы с логикой?

Полисмен стиснул челюсти.

— В логике есть критерий, известный под названием парсимония, экономия, что в юридическом смысле означает, — обратился Хокинс к присяжным, — что из двух объяснений какого-либо факта верным обычно является более простое из них. Принимая во внимание, что соответчик стоял у воды, не думаете ли вы, что он расстегнул одежду, чтобы удовлетворить естественную потребность? Если позволит суд — не является ли мочеиспускание более простой и, следовательно, более правдоподобной причиной беспорядка в его одежде, чем акт прелюбодеяния?

Прямо за спиной Хелен пронзительно захохотала какая-то женщина.

Роув решительно покачал головой:

— Я и подумать не могу, чтобы офицер делал такое в присутствии жены своего сослуживца.

По залу прокатились волны хохота.

«Нет, мне никогда не быть настоящей англичанкой!» — подумала Хелен. Этот надутый индюк искренне считает, что удовлетворить малую нужду в присутствии женщины — поступок более непристойный, чем обладание ею.

Судья объявил перерыв, и большая часть публики вышла в задние двери. Некоторые берегут свои места, заметила Хелен, и разворачивают свертки с бутербродами. Рядом с ней остановился утомленный Фью.

— Позвольте предложить вам подкрепиться, — сказал он.

Хелен отказалась.

— Все довольно плохо, не так ли? — нарочито бодрым тоном спросила она.

— Ну, говорить еще рано.

Хелен вышла в Вестминстер-Холл в числе последних. Сквозь вуаль она всматривалась в огромные тесаные балки, с которых свисали выцветшие знамена. Вся обстановка в духе нор-

дических саг. Но вместо отважных героев зал заполнен юристами в париках и их клиентами, а также говорливыми толпами посетителей, выходящими из других залов суда.

У прилавка она выбрала себе кусок пирога. Оказалось, несмотря на переживания, она все же способна есть. Однажды, когда Гарри еще только ухаживал за ней, он сказал, что в ней таится удивительная жизненная сила. Интересно, как бы он определил ее сейчас: вульгарной?

Первой свидетельницей после перерыва оказалась та, кого Хелен боялась больше всех: Эмили Уотсон. С ненавистью глядя на нее, Хелен вдруг подумала: человек, который однажды становится тебе другом, берет на себя ответственность: если уж он выделил тебя из остальных и впустил в свое сердце, то лучше ему до конца хранить тебе верность, иначе ты станешь ему врагом.

«О, Фидо, Фидо!»

Седая почтенная леди демонстративно стянула перчатку и благоговейно положила обнаженную руку на Библию, произнося присягу; Хелен в ярости сжала кулаки.

— Меня зовут Эмили Уотсон, я жена преподобного Джошуа Уотсона, — скромно, но с достоинством сообщила свидетельница и внезапно

улыбнулась в публику.

«Должно быть, своему обожаемому Гарри!» — решила Хелен.

— Когда вы познакомились с ответчицей на Мальте? — спросил Боувил.

— В июле 1861 года. Несколько вечеров подряд мы с Хелен — простите, но я всегда ее так называла — посещали миссис Коксон, она инвалид и оказалась в крайне стесненном денежном положении.

— Какое мнение о личности ответчицы сформировалось у вас за это время?

Теперь миссис Уотсон артистически изобразила терзающие ее сомнения.

— Я бы сказала, что она показалась мне не совсем строгих правил… пожалуй, даже излишне независимой и эксцентричной.

— Но, несмотря на это, впоследствии вы подружились с миссис Кодрингтон, не так ли? — уточнил Боувил.

— Да, мы стали добрыми друзьями. Я горжусь тем, что верю в лучшее в человеке, хотя порой и страдаю из-за этого, — заметила она, приглаживая свой жесткий шиньон.

Хелен с досадой покусывала палец сквозь перчатку. «Как я могла пригреть у себя на груди эту

змею!»

— И как в это время жили супруги?

— Внешне все было прилично, но, к сожалению, дома — совершенно иначе. — Она тяжело, трагически вздохнула. — Мы, преподобный и я, считали своим долгом всячески способствовать улучшению их отношений. Адмирал доверял нам свои огорчения, как сестре и брату, и я всеми силами старалась наставить его жену на добрый путь.

Боувил кивнул:

— Как в это время относился к ней адмирал?

— С исключительной добротой и вниманием. Иногда, впрочем, мягко упрекал ее. Его тревожили долги дорогой Хелен, ее легкомысленное поведение, безразличие к мнению общества.

— И непристойные отношения с мужчинами? — подсказал Боувил.

Миссис Уотсон вскинула морщинистые руки.

— Простите, но вы употребили слишком сильное выражение!

Ее жеманство едва не вызвало у Хелен возмущенный вопль.

— Я бы предпочла слово «фривольные», — сконфуженно потупив взгляд, уточнила миссис Уотсон. — Адмирал полагал — поначалу и мы

заодно с ним, — что она была просто легкомысленна, но не безнравственна. Дорогая Хелен не нашла в материнстве обычного женского удовлетворения… и у меня сложилось впечатление, что она… скажем, находила убежище в фантазиях.

— Что вы имеете в виду под словом «фантазии»? — спросил Боувил.

— Пожалуй, она слишком переоценивала свои прелести, — с материнским сочувствием произнесла миссис Уотсон. — И воображала, что все холостяки на острове от нее без ума.

«Карга завистливая!»

— И не только на Мальте, но и в Англии. Так, она рассказывала всем и каждому, что будто бы на одном из приемов принц Уэльский оказывал ей исключительное внимание, что, конечно, было лишь плодом ее воображения.

Хелен с такой силой сжала кулаки, что ногти врезались в ладонь. Неужели присяжные не видят, что это за особа?!

Голос Боувила стал басовитым.

— Когда в первый раз у вас появилось подозрение, что дружеские отношения ответчицы с мужчинами граничат с недозволенностью?

— В октябре 1861 года, — с дрожью в голосе сообщила миссис Уотсон. — Хелен призналась мне,

что обнаружила в своей гостиной лейтенанта Милдмея, который сидел, обхватив голову, находясь в полном отчаянии от страсти к ней.

Да, Хелен не удержалась от легкого намека; и тогда эта новость вызвала у миссис Уотсон лишь восторженное возбуждение и интерес.

— Он бросился к ней, и, сопротивляясь, она… она дала ему пощечину.

Аудитории это явно понравилось, по рядам пронеслись шепотки.

«Я не говорила ей этого, — с ужасом подумала Хелен. — И в жизни никому не давала пощечины!»

— Возникали ли между вами впоследствии ссоры?

— Нет, только не ссоры, — возразила она. — Я, разумеется, укоряла и предостерегала ее, но мне и в голову не приходило, что в этом могла быть ее вина. Но в тот же самый вечер я с удивлением увидела, как она готовится выйти из дому в весьма легкомысленном наряде. «Милдмей в ужасном состоянии, — сказала она мне. — Я должна навестить его». Как ее близкий друг я не могла оставаться безразличной и сказала: «Подумайте, как это будет воспринято, если вы увидитесь с ним наедине; я непременно пойду

вместе с вами!» Тогда она пообещала, что никуда не пойдет, и заверила меня, что хотела, так сказать, только успокоить его смятенную душу.

У Хелен голова пошла кругом. Такое впечатление, что Эмили Уотсон читает отрывок из романа, где она является благочестивой героиней или, по меньшей мере, ее наперсницей.

Боувил держался невозмутимо, но услышанное явно доставило ему удовлетворение.

— И когда вы начали думать, что ваша подруга действительно повинна в непристойных отношениях с лейтенантом Милдмеем?

Свидетельница закрыла лицо руками.

— Миссис Уотсон, — встревожился судья. — Вам нужно немного отдохнуть?

Та покачала головой.

— Может быть… стакан воды?

— Да, если можно!

«Это уже слишком похоже на спектакль! — со злостью подумала Хелен. — Неужели они с Боувилом заранее все придумали для большего эффекта?»

Эмили Уотсон подождала, пока клерк принесет ей воды, и, взяв стакан в дрожащую руку, сделала глоток.

— Я виню себя! — неожиданно горько восклик-

нула она. — Да! Моя простодушная доверчивость помешала мне вовремя прийти на помощь моей подруге.

— Мне повторить вопрос? — спросил Боувил.

Слабый кивок.

— Когда вы начали думать, что ваша подруга действительно повинна в непристойных отношениях с лейтенантом Милдмеем?

— Я не догадывалась о том, что на нее легла печать позора… вплоть до того вечера, когда она сама призналась мне в этом.

Это произвело впечатление грома среди ясного неба.

«В чем призналась?!» Несмотря на свое полное смятение и панику, Хелен машинально отметила пораженный взгляд Боувила, который он остановил на свидетельнице. «Этого он не ожидал!»

Но барристер быстро пришел в себя:

— Когда это произошло?

— Тринадцатого декабря 1861 года, — без запинки сообщила миссис Уотсон. — Хелен Кодрингтон сообщила мне то, о чем я никогда не говорила, так как прежде чем сделать свое признание, она взяла с меня обещание хранить все в тайне. Но сейчас, когда я принесла присягу говорить правду и только правду, я чувствую себя вправе

и даже считаю своим долгом сказать все, что мне известно.

«Боже, о чем она?!»

С трагическим видом миссис Уотсон прижала пальцы к вискам.

— В тот день я пригласила Хелен на чай к семи часам, но она пришла только в половине девятого… Дверь ей открыл мой муж. Вместо того чтобы сразу появиться в гостиной, она прошла в мою спальню и прислала с горничной записку, умоляя меня поговорить с ней наедине. И еще попросила горничную принести ей миску горячей воды. Когда я поднялась к себе, я застала ее за тем, что она пыталась… — Долгая пауза и крошечный глоток воды из стакана. — Она пыталась оттереть какое-то пятно со своей юбки.

Парень, который сидел в нескольких футах от Хелен и все время жадно грыз ногти, презрительно загоготал. Раздавленная новой ложью, она зажмурилась. Однажды она действительно чистила юбку у Уотсонов, но это было после поездки в двуколке во время дождя: юбка оказалась забрызганной уличной грязью.

— Какое платье на ней было?

— Насколько я помню, из желтого нанкина.

— Вы можете описать это пятно?

— Что касается его цвета и консистенции, нет, поскольку она уже смочила пятно водой, — с сожалением признала миссис Уотсон. — Но оно было спереди на юбке, размером примерно с верхнюю часть пальца.

— Вы имеете в виду кончик пальца?

— Нет, всю верхнюю фалангу пальца, — сказала свидетельница и подняла палец.

Боувил наклонился и обменялся со своим клиентом — Гарри невозмутимо сидел рядом — несколькими словами, затем что-то записал в своем блокноте.

«Они впервые слышат эту историю, — догадалась Хелен. — Эта ведьма специально приберегла ее для суда!»

Барристер Гарри прокашлялся.

— Что именно сказала вам миссис Кодрингтон?

— Она была невероятно взволнованна, — миссис Уотсон прижала руки к груди, — и сказала, что перешла последнюю грань дозволенного.

В зале начался шум, шорох и громкие веселые выкрики.

Судья Уайлд устремил на публику суровый взгляд:

— Видимо, мне придется очистить зал?

Все утихли, как пристыженные школьники.

«Последнюю грань дозволенного!» Хелен знала за собой манеру при случае щегольнуть пышным выражением, но никогда бы не позволила себе такой дешевой высокопарной фразы.

— Это были ее собственные слова? — будто сомневаясь, спросил Боувил.

— Я не помню слово в слово, как она выразилась, — призналась миссис Уотсон, — поскольку была слишком потрясена ее шокирующим признанием.

— Это естественно. Она поделилась с вами… подробностями?

— О да! Она сказала, что полчаса назад Милдмей проводил ее до моего дома, но вместо того чтобы здесь расстаться с ней, уговорил ее пройти в переулок за домом, где и совершилось это ужасное деяние.

Боувил открыл рот, собираясь что-то сказать, но не находил слов.

— Ужас парализовал меня! — продолжала миссис Уотсон. — Хелен обхватила голову руками и воскликнула: «Вы презираете меня, Эмили? Вы отшатываетесь от меня? Я погибла».

— И вы действительно отшатнулись от нее?

Миссис Уотсон колебалась. «Подыскивает ди-

пломатичный ответ», — догадалась Хелен.

— Сначала да, но потом я подумала: кто я такая, чтобы столкнуть ее в пропасть? Она рыдала у моих ног, в волнении теребила свое платье. Поэтому я сказала: «Хелен, если вы действительно раскаиваетесь — как сказал Господь наш Магдалине, — идите и больше не грешите». — В глазах ее блестели слезы.

«Неужели она сама верит этому вздору?» Память часто подводит людей, особенно в пожилом возрасте. Возможно ли, чтобы Эмили Уотсон в своем заблуждении принимала эту драматическую историю за то, что было на самом деле? Нет, объяснение намного проще: зал заседаний превращает ничтожество в тирана на час, предоставляя ему сцену, где он может произнести самую изощренную ложь и клевету!

Миссис Уотсон продолжала:

— Я взяла с нее обещание немедленно порвать эту грешную связь с Милдмеем и отослать ему подаренные им безделушки и медальоны. Затем нас позвали пить чай, и мы спустились в гостиную, — прозаически закончила она.

Несколько секунд Боувил, очевидно, не знал, какой вопрос задать свидетельнице.

— Вы рассказали преподобному Уотсону о ее

признании?

— В тот раз я этого не сделала, поскольку доктор советовал мне оберегать его от волнений. Конечно, из-за этого мне было еще труднее переносить выпавшее на мою долю испытание. — Она поднесла к глазам платок.

— Известно ли вам, возвратила ли она подарки Милдмею?

— Я так думала, — грустно ответила миссис Уотсон, — но она просто спрятала их под замок в ящике своего бюро. В последующие месяцы по отдельным намекам и обмолвкам я с ужасом поняла, что она и не думала прервать их отношения!

— И вы поссорились?

И опять миссис Уотсон болезненно поморщилась от этих слов.

— Не открыто. Исключительная преданность — мое слабое место.

Хелен хотелось схватить ужасную лгунью за плечи и трясти, пока у нее позвоночник не треснет.

— Но сердце мое отвернулось от нее, — заверила миссис Уотсон. — У нас состоялся один очень… тяжелый разговор в начале следующего года. До меня дошел слух, что она считает визиты адми-

рала Кодрингтона в мой дом слишком частыми и намекает на чрезмерно близкие отношения между нами. И я открыто подняла этот вопрос; я напомнила ей, что моя дружба с адмиралом развилась с ее полного одобрения и для ее же пользы. Она обвинила меня в том, что якобы я исподволь оказываю влияние на ее дочерей, пытаюсь узурпировать ее права матери и жены!

Да, эту ссору Хелен помнила и позволила себе слегка усмехнуться.

— Я попросила ее в письменном виде опровергнуть эти слухи, — сказала миссис Уотсон, — но она заявила, что честная женщина не нуждается в доказательстве своей порядочности! И когда я деликатно намекнула ей на ее собственную подмоченную репутацию, она стала кричать как безумная: «Пошлите за моим мужем! Можете выдать ему мою тайну и навсегда погубить меня!» Затем она бросилась мне в ноги и умоляла извинить ее. Я откинула ей волосы с лица и сказала: «О, Хелен, дорогая, так-то ты воздаешь мне за всю мою любовь к тебе?»

Наглость этой женщины ошеломила Хелен: в каждом предложении были ловко перемешаны отдельные факты и откровенная ложь! Она описывала их бывшие действительно дружескими

отношения, осложненные взаимными претензиями, но так, словно вспоминает их в горячечном бреду. И вдруг Хелен догадалась: «Отношения со мной — единственное волнующее событие за всю ее жизнь!»

Боувил торопливо скрипел пером. Затем внимательно прочитал свои записи.

— Так написала ли ответчица то письмо, о котором вы ее просили, — письмо, в котором она отрицает, что намеревалась обвинить вас и своего мужа в неподобающе близких отношениях?

— Да, написала, — самодовольно сообщила миссис Уотсон, — и, чтобы восстановить мое доброе имя, перед отъездом я показала его некоторым своим знакомым.

— Миссис Уотсон, мой следующий вопрос очень важен! — Он устремил на нее строгий взгляд. — До вашего с супругом отъезда с Мальты в июле 1862 года говорили ли вы что-либо адмиралу Кодрингтону о тайнах его жены?

— Нет, не говорила.

— А позднее, в письмах? Ни намека, чтобы насторожить его?

«Ну, смелее, придумай какую-нибудь сцену, в которой ты играешь роль мудрой сивиллы!» — мысленно подтолкнула ее Хелен. Если бы она

позволила себе хотя бы малейший намек, то он станет виновным в снисходительном отношении к изменам своей супруги…

— Ни разу, ни словом не обмолвилась!

Увы, она далеко не глупа.

На скулах престарелой женщины неожиданно вспыхнули пятна.

— Кое-кто может поставить это молчание мне в вину, хотя я знаю, что адмирал этого не сделает, — сказала она и благодарно кивнула Гарри. — Я рассматривала свое молчание как жертву на алтарь умершей дружбы. Мною руководило женское сочувствие.

Пока Боувил поблагодарил свидетельницу и объяснил, что ей придется остаться на месте для перекрестного допроса, Хелен вспомнила то, о чем весь день старалась не думать: «И мои дети в руках у этой гнусной твари!»

Хелен взглянула на барристера Хокинса. Он о чем-то оживленно перешептывался с Фью. Затем поднялся, выпрямился во весь свой рост и по-кошачьи вкрадчиво подошел к свидетельнице.

— Итак, миссис Уотсон, — начал Хокинс, — с того момента, как ответчица перестала сопровождать истца на проповеди вашего супруга, он был вынужден в одиночестве посещать ваш

дом по воскресным дням. Я должен спросить вас: позволял ли он себе когда-либо какие-либо вольности по отношению к вам и говорил ли какие-либо вещи, неподобающие вашему положению замужней дамы?

Глубокий вдох.

— Никогда!

Вскочил Боувил:

— Ваша честь! Не позволяет ли себе мой ученый друг вкладывать в этот вопрос свои предположения?

— Только в связи с контробвинением, — мягко объяснил Хокинс, — где говорится, что истец пренебрегал обществом своей супруги ради жены другого человека.

— Формулировка неопределенная, — возразил Боувил, — и рассчитана на то, чтобы подвергнуть сомнению безупречную репутацию этой почтенной леди.

Хелен улыбнулась.

— Я готов опустить этот момент, если он воспринимается как оскорбление, и продолжать допрос, — согласился Хокинс. — Хотя, должен признаться, даже не знаю, с чего начать после столь невероятных показаний этой безупречной леди.

Эмили Уотсон приняла вид оскорбленной невинности.

— Взять хотя бы один пример. Этот переулок за вашим домом на Мальте, мадам… там находятся какие-либо дома? — спросил Хокинс.

— Да.

— И там все время бывают прохожие?

— Этого я не знаю.

— У меня вызывает недоумение, как могли два человека совершить вышеупомянутый акт в восемь часов вечера в этом переулке, чтобы им никто не помешал?

Легкое пожатие плечами.

— Я повторила слово в слово то, что сказала мне моя подруга — бывшая подруга.

Хокинс обернулся к присяжным.

— К сожалению, джентльмены, моя клиентка лишена права заявить, что заявление миссис Уотсон является чистой ложью. — Он возвысил голос. — Эта безупречная леди поведала нам о диалоге, который происходил наедине между ней и ответчицей — о так называемом признании, — прекрасно зная, что ответчице не дано права выступать в суде.

Судья Уайлд кивнул и громко прокашлялся.

— И это лишь одно из отрицательных по-

следствий параграфа английского закона, запрещающего разводящимся сторонам давать показания, — параграфа, который я надеюсь однажды увидеть аннулированным.

— Мы все на это надеемся, милорд, — с широкой улыбкой произнес Хокинс. Затем заглянул в свои записи, и лицо его снова приобрело суровое выражение. — Вы утверждаете, что в начале 1862 года «ваше сердце отвернулось» от ответчицы, поскольку к тому времени вы полагали, что ее связь с лейтенантом Милдмеем продолжается. Однако я располагаю письмом, датированным 15 июня, то есть спустя полгода после предполагаемого признания ответчицы. Это ваш почерк?

Она неловко водрузила на нос очки и всмотрелась в строчки.

— Полагаю, мой.

— В таком случае я зачитаю суду отрывок из него:

> «Моя дорогая Хелен!
>
> Сожалею, что вызвала твое неудовольствие тем, что позавчера ушла, не дождавшись, когда ты ко мне спустишься. Поскольку обычно мне позволяется заходить в твою комнату в любое время

дня, то, что ты занята туалетом, показалось мне недостаточно веской причиной отказа повидаться со мной. Но довольно об этом; жизнь слишком коротка, чтобы тратить ее на пустые ссоры; а настоящие друзья встречаются слишком редко, чтобы ими разбрасываться. Пусть это будет лишь апрельским дождиком, и пусть снова воссияет солнце.

Всегда преданная и любящая,

твоя Эмили Уотсон».

Свидетельница облизнула пересохшие губы.

— Согласитесь, это письмо доказывает, что между вами сохраняются самые сердечные отношения?

Ее глазки забегали от судьи к присяжным.

— Внешняя форма этой дружбы осталась, — бормотала она, — хотя внутри уже все умерло.

— Поразительное лицемерие!

— Мне не хотелось огорчать адмирала открытым разрывом…

Хокинс пристально смотрел на нее.

— Здравый смысл поможет джентльменам из жюри рассудить: либо вы лжете в этом письме, уверяя ответчицу в своей любви, либо лжете сей-

час, то есть на самом деле этого разрыва не было, потому что в 1862 году вы не считали женщину, к которой обращались с этим письмом, виновной в супружеской измене, поскольку того признания, которое вы ей приписываете, попросту не было!

— Нет-нет! — Миссис Уотсон схватила стакан и, давясь, отпила.

Хокинс хищно склонился к ней.

— Еще мне хотелось бы знать, как вы можете с такой точностью помнить день предполагаемого признания?

— Я записала его в своем дневнике.

От изумления его тонкие брови взлетели вверх.

— С какой целью, позволю себе спросить?

— Так… Я не знаю… Был какой-то импульс…

— То есть на самом деле у вас был импульс, план, намерение однажды расстроить брак вашей дорогой Хелен?

Боувил вскочил:

— Милорд, я категорически возражаю против…

— Я согласен выразить это иначе, — уступил Хокинс. — Миссис Уотсон, предвидели ли вы, что однажды будете давать показания против нее во время бракоразводного процесса?

— Нет!

— Во время бракоразводного процесса, главной и первоначальной причиной которого являетесь вы сами! Когда в прошлом месяце истец пришел к вам, — гремел Хокинс, не давая ей вставить слово, — вы, жена священника, сразу стали оправдывать его ревнивые предположения! Вы даже не попытались, как подобает благочестивой христианке, успокоить его тревогу и помочь сохранить семью, а немедленно наняли сыщика для слежки за его женой. Ничего не скажешь, вы действовали очень ловко и быстро!

— Адмирал находился в крайне расстроенных чувствах, — возразила миссис Уотсон.

— Поэтому вы сами нашли ему адвоката для получения развода — кстати, абсолютно наперекор учению церкви вашего мужа. Вы подталкивали его бросить леди, которой всегда завидовали из-за ее красоты и привлекательности, из-за прекрасных детей и высокого положения в обществе на Мальте. Леди, которой вы втайне поклялись отомстить еще с того момента, когда она пожаловалась, что вы заигрываете с ее мужем.

— Но, право… — приподнялся Боувил.

Но Хокинс уже обращался к присяжным:

— Джентльмены, вам предстоит решить, имеет-

ся ли хоть крупица правды во всем этом лживом вздоре. Можно ли верить этой фальшивой подруге, на деле оказавшейся врагом, когда она рассказывает о своем разговоре с глазу на глаз с ответчицей, которой, как знает миссис Уотсон, не позволено защищаться. Не исказила ли миссис Уотсон свой разговор с ответчицей о безответной страсти лейтенанта Милдмея? Не напоминает ли вам выдумка об испачканном платье и о признании, неожиданно для нас прозвучавшем сегодня, эффектный трюк фокусника, который поражает зрителей, извлекая из своей шляпы кролика?

Как ни странно, но Хелен наслаждалась его речью.

— Мне нехорошо, — стонала миссис Уотсон. — Могу я попросить перерыв на отдых?

— Гм… Вы не проявляли и признаков усталости, когда отвечали на вопросы моего ученого друга, — заметил Хокинс. — Но у меня остался всего один вопрос.

— Вы согласны ответить на него? — спросил ее судья Уайлд.

— Если я обязана…

— Двадцать пятого сентября этого года, в день, когда адмирал покинул свою жену и свой дом, не вы ли приняли его дочерей в свой дом?

— Он был так великодушен, что предоставил их моим заботам, — слабым голосом ответила миссис Уотсон. — То есть моим и моего мужа.

— А позволялось ли этим девочкам, находящимся в ранимом возрасте одиннадцати и двенадцати лет, встречаться, переписываться или хотя бы мельком увидеть их мать с того самого дня?

— Нет.

Она спустилась с помоста, будто сразу состарившись на десять лет.

Существует ли защита от яда этой лгуньи, размышляла Хелен. Хокинс великолепно провел допрос, но история о так называемом признании словно висела в душном воздухе судебного зала. Хелен понимала: по странной прихоти судьбы она может проиграть не из-за того, что было на самом деле, а из-за этой лжи.

Внезапно она почувствовала себя невероятно уставшей. Она едва прислушивалась к Боувилу, который продолжал свой рассказ: отъезд Уотсонов, перенос страсти ответчицы с Милдмея на Андерсона; затем, летом 1864 года, адмирал Кодрингтон получает приказ вернуться в Англию, и полковник Андерсон по случайному совпадению в это же время просит предоставить ему отпуск для поездки домой. Она пришла в себя, только

когда услышала замечание Боувила:

— Ее старая подруга мисс Фейтфул, как мы докажем, помогала и содействовала этой постыдной связи.

«Фидо, Фидо, — горько подумала Хелен, — будь ты хоть на краю света, тебе все равно не избегнуть своей доли презрения!»

Боувил поднял для обозрения томик, в котором Хелен узнала свой дневник в кожаном переплете.

Хокинс встал, чтобы заявить протест:

— Этот предмет был изъят в отсутствие ответчицы и против ее воли.

— Следует ли мне напомнить моему уважаемому коллеге, что в день бракосочетания ответчица отказалась от правовой идентичности, в том числе от права на собственность?

Он поджал губы.

— Женам всегда разрешалось иметь некоторые личные вещи, не имеющие денежной ценности.

— Милорд, — взывал Боувил, — эта книга была найдена в письменном столе вишневого дерева, который в качестве предмета домашней обстановки может рассматриваться как движимое имущество истца.

Судья Уайлд кивнул. «Просто ему интересно

узнать, что там написано», — поняла Хелен. Все эти почтенные мужи ничем не лучше любопытных мальчишек, что толпятся у входа в бродячий цирк!

Боувил зачитал короткие записи, сопровождая их мрачной мимикой:

— «Сцена с Г., наложил запрет на мои выходы из дома», «Г.» может быть только истец, адмирал Генри Кодрингтон, — заметил он. — «В. П.». Здесь, по-видимому, подразумевается издательство «Виктория-пресс», место работы мисс Фейтфул на Грейт-Корэм-стрит. «На Т. С., там Анд., плохо». Что, безусловно, означает: «Визит в дом мисс Фейтфул на Тэвитон-стрит — там полковник Андерсон — и встреча прошла плохо».

Хелен проклинала себя за то, что делала эти маленькие записи.

— Таким образом, мы видим, что отсутствующая свидетельница ответчицы, мисс Эмили Фейтфул, играла постыдную роль в интрижке Андерсона как посредница, помощница, одним словом, сводница!

Публика выражала буйный восторг.

Хокинс встал и выразил формальный протест против произвольной и недоказуемой трактовки инициалов. Хелен закрыла руками пылающее от

стыда и ужаса лицо.

— И вот мы подходим к чрезвычайно важному моменту — к записи от 21 сентября, — торжественно вещал Боувил. — «Э. Ф. получила письмо из Шотландии. Тяжелый вечер». Хотя тяжелый вечер для ответчицы мог быть из-за легкого нездоровья, — с сарказмом допустил Боувил, — думаю, скорее, это связано с известием о помолвке Андерсона, переданным ей их преступной пособницей мисс Фейтфул.

На помосте появился новый свидетель, незнакомец с серым прыщавым лицом.

— Джон Крокер, — нервно ответил он на вопрос о его имени. — Кебмен на конюшнях в Саутгемптоне.

— Но разве вы не были наняты в качестве частного сыщика?

— Да, сэр, я следил за миссис Кодрингтон… с 18 по 24 сентября, — ответил он, сверяясь со своей записной книжкой.

Значит, Гарри нанял сыщика следить за ней! Кто бы подумал, что старик на это способен? Хелен выслушивала монотонный и скучный отчет о долгих днях, проведенных Крокером в наблюдении за их домом, ожидая, когда речь зайдет о ее поездке в Уайтли. «Словно я какая-нибудь

принцесса!»

Боувил попросил Крокера перейти к понедельнику 24 сентября.

— Она в спешке вышла одна из дому и наняла кеб до номера 24 на Пэлл-Мэлл. Точнее, кеб остановился у номера 28, но она отправила кебмена постучать в дверь дома номер 24, — педантично говорил Крокер. — Из этого дома вышел джентльмен со светлыми курчавыми волосами и усами и уселся к ней в кеб. Поскольку я стоял в тридцати ярдах, я не видел его лица, чтобы идентифицировать его, но цвет волос и мундир соответствовали фотографии полковника Андерсона, которую накануне передал мне истец. Затем я следовал за их кебом до отеля «Гросвенор», там они вошли внутрь.

Хелен закрыла глаза и вспомнила жалкий номер и резкий запах табачного дыма, раздирающий ей горло. Кто мог тогда знать, что это была их последняя встреча!

— Я ждал снаружи, и около полуночи они вышли и взяли кеб до Экклестон-сквер. Миссис Кодрингтон вышла из него за четыре дома до своего номера и остаток пути шла пешком.

«Я погибла!» Хелен обмякла на скамье. В показаниях этого человека нет ничего театрального,

ничего, что вызвало бы подозрения во лжи. Они ясны как день.

Хокинс проводил перекрестный допрос, но без особого результата. Он язвительно интересовался, сколько платят за слежку, — оказывается, девять шиллингов в день, гораздо меньше, чем думала Хелен, — и расспрашивал о давних отношениях семьи свидетеля с миссис Уотсон.

— Накануне этого вечера… ну, что у отеля, я хотел отказаться от этой работы, — признался Крокер. — Мне казалось подлым следить за леди, которая не замечена ни в чем дурном. Но миссис Уотсон заверила меня, что это благородное занятие, потому что эта леди не так уж хороша, как ей следовало бы быть.

Судорожные смешки из зала.

— Как это часто бывает, — говорил Хокинс присяжным со своей магической усмешкой, — детектив призван «обнаружить» то, что подтвердит подозрения нанимателя.

«Да-да, — думала Хелен, — но это не зачеркивает истории с отелем „Гросвенор“». — И размышляла: если бы она была более осторожной и скрытной, удержалась бы она от падения в эту бездну позора и несчастья? Она вела себя как мальчишка, медленно подталкивающий своих

оловянных солдатиков к краю стола только для того, чтобы посмотреть, что с ними случится.

Опять вступил Боувил.

— Я хотел бы обратиться к улике, обнаруженной в дневнике, — с явным удовольствием сказал он. — Это сложенный листок бумаги, в котором находятся, как установлено, частички мха и вереска, с надписью «Твой навсегда. А.».

Вуаль вдруг прилипла к покрытому испариной лицу Хелен.

— Тогда как инициалы подлежат тщательному исследованию, как старался объяснить нам мой ученый собрат, полагаю, джентльмены из жюри понимают, что в данном конкретном случае инициал «А» может означать только соответчика — полковника Андерсона.

Она втайне вздохнула. «Частички мха и вереска». Они с того холма за Валлеттой, где они целовались в кустах. Эти памятные фрагменты принадлежат ей, и только ей! Но теперь какие-то посторонние, чуждые ей люди деловито положат их в папку и уберут на полку в подвалах этого средневекового здания, и больше она никогда их не получит.

— И последняя, но далеко не маловажная улика, — говорил Боувел. — Письмо, точнее, его

черновик, обнаруженный в столе ответчицы, которое устраняет все возможные сомнения относительно отношений между ответчицей и соответчиком.

Боувил приступил к чтению, и все обратились в слух, шикая друг на друга.

> *«Воскресенье, 23 сентября*
>
> У меня ушло целых два дня на то, чтобы написать это письмо. Прежде чем совершить помолвку, Вы, несомненно, обязаны были как порядочный человек сказать мне о том, что Ваши чувства изменились…»

Он читал ее слова с издевательской четкостью, а Хелен зажимала уши. Она на склоне холма, что за гаванью, солнце нагревает вереск и мох под ее юбками, в волосах веет соленый ветерок.

— Хотя это письмо не содержит ни имен, ни даже инициалов, — заключил Боувил, — такие опытные мужчины, как вы, джентльмены, неизбежно придете к выводу, что в течение двух лет между миссис Кодрингтон и полковником Андерсоном имела место незаконная связь. И хотя в письме отсутствуют упоминания о сексуальных отношениях, вы понимаете, что, когда замужняя

женщина позволяет себе такую низость, чтобы отдать свое сердце другому человеку, — это неминуемо приводит ее к тому, чтобы отдать ему и себя.

Вскочил худой человек, он оказался доктором Свейби, адвокатом соответчика. У Хелен мурашки поползли по коже.

— Милорд, я утверждаю, что это письмо ни в коем случае не говорит против моего клиента, полковника Андерсона, — визгливо заявил он. — Нам не представили никаких доказательств, что оно было адресовано ему, что оно было отправлено ему или что он его получил, а также что оно вообще имеет к нему какое-то отношение!

Судья Уайлд холодно улыбнулся:

— Уважаемый юридический советник, безусловно, прав с точки зрения закона, но не с точки зрения здравого смысла. Жюри вольно сделать из этого письма вывод, что миссис Кодрингтон изменяла своему супружескому долгу с вашим клиентом.

Свейби на секунду растерялся, но затем взял себя в руки.

— Даже если это так, то мой долг — выдвинуть справедливое сомнение в том, что мой клиент находился в преступных сексуальных отношени-

ях с миссис Кодрингтон.

В зале хохот. Свейби помрачнел.

— Хорошо, доктор, — невозмутимо произнес судья и обратился к жюри: — Джентльмены, если вы считаете вероятным, чтобы женщина вступила в сексуальные отношения с мужчиной таким образом, что он не имел с ней таковых отношений, тогда рекомендую вам при рассмотрении виновности или невиновности полковника Андерсона не принимать в расчет данное письмо.

Это предложение вызвало еще более оглушительный гогот, который представители закона с трудом пытались игнорировать.

Вечером Фью посетил Хелен на Экклестон-сквер.

— Надеюсь, вы и мистер Хокинс понимаете, что показания миссис Уотсон сплошная выдумка? — раздраженно спросила она.

Старик вздохнул:

— Большинство ее историй отдают духом дешевых романов, но все равно они произвели эффект на жюри. Хокинса, между прочим, больше всего заинтересовал ее акцент на силе вашего воображения.

Хелен удивленно посмотрела на него:

— Вы хотите сказать… когда это ничтожество

заявило, что я тешу себя иллюзиями, полагая, что в меня влюбляется каждый встречный?

— Гм… Хокинс полагает, что это может сыграть в вашу пользу, если он немного перестроит вашу защиту в соответствии с этим утверждением.

Хелен откинулась на подушки дивана.

— Я абсолютно ничего не понимаю.

— Прошу вас, миссис Кодрингтон, только не примите это как оскорбление. Тяжелые времена требуют отчаянных мер, не так ли?

Она смерила его взглядом.

— Хокинс предлагает следующее. Что, если он представит вас несчастной женщиной, которая находится в плену своего воображения? Женщину, по существу, никогда не заходившую дальше невинного кокетства, но в своих мечтах вовлеченную в самые страстные интриги?

— Фью, это вздор, и при этом оскорбительный вздор.

Старый адвокат поднял руку.

— Да-да, конечно, но будьте любезны, выслушайте меня. В таком случае ваши похождения на Мальте, ваше так называемое признание миссис Уотсон, даже ваш дневник и ваше письмо Андерсону можно будет объяснить просто… как ваши фантазии.

— Точнее, безумие, — поправила она.

— Сошлюсь на недавний прецедент, — сказал он с осторожным энтузиазмом. — Я имею в виду случай некоей миссис Робинсон. Ее муж нашел ее личный дневник, в котором она писала о своей измене супругу с одним из врачей водолечебницы, но ее адвокат заявил, что она все это выдумала под влиянием эротомании, вызванной принимаемыми ею средствами против зачатия! Присяжные предпочли счесть ее неуравновешенной, а не безнравственной, и в результате мистеру Робинсону было отказано в разводе.

— Что за кретины эти ваши присяжные!

Фью пожал плечами:

— Англичанам не хочется низводить леди с их пьедестала.

— Если Хокинс докажет, что я повредилась рассудком, — возразила Хелен, — то муж может запереть меня на всю жизнь в больницу для душевнобольных. Я права?

— Ах, оставьте! Риск такого поворота…

— Но зачем же рисковать? И унижать меня еще больше? — отрывисто спросила она. — Я предпочитаю, чтобы английские газеты скорее считали меня шлюхой, чем жалкой помешанной, которая только воображает, что она вызывает страсть в

мужчинах.

Фью смерил ее долгим холодным взглядом.

— Это ваше право, миссис Кодрингтон.

— Кроме того, у меня сложилось впечатление, что для отказа в разводе вам необходимо доказать не мою безупречность, а виновность Гарри.

— Это верно.

— Тогда в чем же дело?

— Доказать это стало невероятно трудно в связи с отсутствием нашей главной свидетельницы. — Фью оттянул тесный воротничок. — Мне очень жаль, что вы привели ко мне вашу подругу, которая в результате подвела вас.

— Можете мне поверить, мне тоже очень жаль, — мрачно призналась Хелен.

— Между прочим, один мой знакомый солиситор слышал, что мисс Фейтфул все еще в Лондоне.

Она пораженно посмотрела на него.

— И можете вообразить, под видом мужчины!

— Не могу и не хочу! — с отвращением заявила Хелен. Люди склонны придумывать всякие гадости об эмансипированных женщинах. Ходить без корсета еще ничего, но в мужских брюках?! — При всех своих смелых взглядах, мистер Фью, она в высшей степени достойная и воспитанная

леди.

Проводив адвоката, Хелен села у гаснущего камина и поужинала сэндвичем с заветренной ветчиной, которую нашла в кладовке. (Миссис Николс после своего выступления в суде, естественно, не вернулась, и ее комната пуста.) С завтрашнего дня, размышляла Хелен, придется посылать мальчика за едой в трактир. И нужно что-то сделать с рыбками, которые разлагаются в аквариуме. Как быстро все приходит в упадок. Когда закончится суд, она наймет новую прислугу, но еще раньше нужно отдать белье в стирку. До чего же она дошла!

Она легла в постель и в надежде утомиться и поскорее заснуть открыла «Домик в Оллингтоне».[65]

---

[65] Примечания: 65

«Домик в Оллингтоне» (1864) — роман Энтони Троллопа.

Глава 12
УЛИКА
(доказательство; факт, подтверждающий заявление; устное свидетельство; письменные и материальные объекты, имеющие право быть предъявленными суду)

Каждый член семьи должен, по возможности, иметь в доме свою, отдельную комнату, которая является для него таким же неприкосновенным убежищем, как для семьи — весь дом.

Анонимный автор.
Правила жизни (1865)

Вечером в тот же понедельник Гарри и Уильям курили в переулке за конторой Бёрда в Грей-Инн, куда в просветы между крышами еще попадают косые лучи заходящего солнца. Гарри сильно затягивался крепким табаком.

— Как быстро течет время!

— А?

— Это я вспомнил давние времена. Помнишь, мама застала нас с тобой, когда ты учил меня набивать табак в трубку, и крепко отругала нас обоих. Мне было всего одиннадцать лет.

Брат усмехнулся:

— Да, с сигаретами проще.

— Ох, Уилл, — заметил Гарри, выпустив длинную струю дыма, — за все мои пятьдесят шесть лет, кажется, у меня не было такого долгого и тягостного дня!

— Однако прошел он неплохо, насколько можно рассчитывать в таких вещах.

— Что ж, пожалуй, если не думать о том, сколько унизительного было публично сказано о моем положении обманутого мужа, — угрюмо заметил Гарри. Хотя выражение «положение обманутого мужа» уже устарело. Черт его знает, как теперь называют его позор! — Вот оборотная сторона процесса, — продолжил он. — Чтобы избавиться от Хелен, я вынужден выставлять себя на посмешище читателям всех газет Британии.

Уильям обнял его за плечи.

— Когда матросу нужно сделать ампутацию, что говорит ему хирург?

— Чем острее нож, тем лучше, — усмехнулся Гарри, и некоторое время братья курили в пол-

ном молчании. — Кстати, хочу поблагодарить тебя за приезд.

Уильям отмахнулся:

— Тебе и так приходится слишком часто полагаться на чужих людей.

Гарри уловил скрытый упрек.

— Кстати, эта твоя миссис Уотсон. Ты полностью веришь в ее россказни?

— Ты насчет платья, признания и рыданий у ног? — Гарри в раздумье почесал бороду. — Нет, на Хелен это не похоже, и у меня создалось впечатление, что ни Бёрд, ни Боувел ей не поверили.

— Да, видимо, эта достойная леди слегка приврала, — пробормотал Уильям. — Ложь во имя великой правды, как это бывает. А она сама… э-э… счастлива в своей семье?

Гарри нахмурился.

— Абсолютно.

— Только ты не подумай, старина, что я в чем-то тебя подозреваю, — добродушно рассмеялся Уильям. — Просто уж слишком горячо она защищает тебя. Эти пожилые бездетные дамы…

— Ей нечем заняться, только и всего. Вот она меня и опекает.

— И все-таки это лучше, чем присоединиться к той компании на Лэнгхэм-Плейс! Кажется, они

еще не понимают, что у женщины уже есть дело: брак, семья. И старых дев следует считать, по существу, банкротами, которым не удалось завести семью, — заметил Уильям.

Вспомнив о Фидо Фейтфул, Гарри загорается яростью.

— Завтра Боувил намерен всеми силами очистить мое имя от обвинения в изнасиловании. — Он нарочно произнес это слово вслух, чтобы привыкнуть к нему. — Сколько еще будет тянуться этот проклятый процесс?

— Сложно сказать, — небрежно, будто речь идет об игре в крикет, ответил Уильям. — Между прочим, в низших классах общества существует обычай, известный как развод с веником. Если год спустя вы так и не сумели ужиться друг с другом, то просто ставите метлу поперек дверного проема, а потом перепрыгиваете через нее задом наперед. Изумительно легко и просто!

Гарри выдавил из себя улыбку.

— Но судебные дела, по моему мнению, всегда растягиваются надолго, в зависимости от имен людей, которых они касаются.

— Что значит — от имен? — повторил Гарри с зевком. Удивительно, как утомительно высидеть целый день в многолюдном зале.

— Я имел в виду положение в обществе. Видишь ли, если бы ты был каменщиком и проломил жене голову, думаю, тебя уже через полчаса признали бы виновным, — пошутил Уильям. — И не забывай, что этим законникам платят за каждый день: они будут раскручивать это дело, сколько выдержит твой бумажник.

Да, конечно, а еще до тех пор, пока Гарри не получит вердикт о разводе, он обязан оплачивать все расходы Хелен, будь то конфеты, или одежда («платье с пятном размером с верхнюю фалангу пальца»), или обвинение мужа в позорном поступке. Гарри оплачивает каждое слово, сказанное в суде с обеих сторон, словно финансирует какое-то абсурдное театральное представление. Но если он выиграет дело, то Хелен придется самой оплачивать гонорар своим дорогостоящим адвокатам…

— Вообще-то, — заметил Уильям, — сегодня меня неприятно поразило не долгое заседание, а вся эта грязь. Все эти сверхученые юристы, которые стараются перещеголять друг друга в подыскивании эвфемизмов для «упомянутого преступления».

Гарри кивнул.

— Ты заходил в «Судью и жюри», что напротив

Ковент-Гарден?

— Это что, гостиница?

— Нет, пародийный суд, — объяснил ему Уильям. — Там ты сидишь за столиком с сигарой и рюмкой рома, а тебя развлекают невероятно непристойным зрелищем.

Гарри остановил на нем тяжелый взгляд:

— А ты можешь представить меня в подобном заведении?

Уильям усмехнулся:

— Пожалуй нет, братец Пристойность.

— Кроме того, судя по сегодняшнему спектаклю, вряд ли судебный процесс нуждается еще и в пародии, — пробормотал он.

Они еще несколько минут курили, затем вошли в контору.

Бёрд оторвался от своих бумаг и кивком приветствовал каждого из братьев.

Уже находившийся там Боувил продолжил говорить:

— Я по-прежнему считаю, что ей можно предъявить обвинение в неуважении к суду, поскольку она скрылась явно для того, чтобы уклониться от дачи показаний.

— Но я никак не могу понять — простите мою несообразительность, джентльмены, — говорит

миссис Уотсон, — зачем нам вообще ее искать? Не следует ли нам скорее радоваться, что ее нежелание подтвердить в суде эти возмутительные обвинения против адмирала одинаково доказывают и ее трусость, и ее лживость?

Солиситор тяжело вздохнул, рассеянно теребя лацкан сюртука.

— Любое жюри, мадам, представляет собой часть публики, а публике не свойственно рассуждать и выстраивать логичные доводы. Слухи и необоснованные обвинения, как дурной запах, держатся долго.

— Точнее, — вставил Боувил, — липнут к ковру, как пыль и грязь, пока их не выбьешь!

— В Рэг-клубе ходят совершенно нелепые слухи, — заметил Уильям, — что мой брат тайно переправил эту Фейтфул за границу, если не того хуже.

Гарри пристально посмотрел на брата, недовольный тем, что тот не говорил ему об этом.

Бёрд покачал головой:

— Парадокс ситуации заключается в том, что, если адвокат миссис Кодрингтон не доставит в суд эту пропавшую свидетельницу, мы не сможем опровергнуть ее показания.

— Это же просто смешно! — взорвался Гарри. —

Если бы вы знали мисс Фейтфул… Поверьте, она определенно не из тех женщин, что способны пробудить… — Вспомнив о присутствии миссис Уотсон, которая тоже была «не из тех женщин» и заигрывать с которой не пришло бы в голову ни одному мужчине, он резко оборвал фразу. — Даю слово джентльмена, что никогда не заходил в комнату, когда там спали моя жена и мисс Фейтфул, за исключением одного-двух раз, просто проверить огонь в камине.

— Но с какой стати?! — вдруг воскликнул Уильям, и все обернулись к нему. — Я хотел сказать, разве это не дело горничной?

Гарри чувствует, как вспыхнули щеки.

— По требованию Хелен я согласился жить в отдельных комнатах, но это не означало, что я не мог обратиться к ней с какими-либо вопросами или замечаниями по поводу домашнего хозяйства.

— А значит, проверка огня была только предлогом, — пробормотал Бёрд.

— Во время разговора я действительно мог присесть на край кровати, — резко заявил Гарри. — Но готов встать перед Фидо… мисс Фейтфул, — смущенно поправился он, — чтобы она заявила, глядя мне в глаза, что я когда-либо

дотрагивался до нее!

— Адмирал, а она не могла затаить против вас личную вражду? — спросил Боувил.

— С какой стати? Когда она жила у нас в доме, я считал ее другом. — Он сам понимает, что это звучит неубедительно; впрочем, его все равно принимают за полного идиота.

— Но тогда она была еще совсем молоденькой, — заметил Боувил. — Возможно, теперь, когда она стала бороться за права женщин, она из принципа относится отрицательно к нашему полу?

— Простите, джентльмены, что вмешиваюсь, — перебила адвоката миссис Уотсон, — но, боюсь, вы можете просмотреть очевидное. Из того, что я слышала об этой особе, и судя по моим личным встречам с ней, я делаю заключение, что она исключительно предана миссис Кодрингтон. Возможно, вся эта жуткая история о… э-э… покушении на ее честь — чистая выдумка вашей жены, адмирал, а мисс Фейтфул просто ее повторила.

Гарри ошеломленно смотрел на нее.

— Ведь никто лучше меня не знает, — продолжила миссис Уотсон, потупив взгляд, — как Хелен умеет использовать сильные чувства, свойствен-

ные женской дружбе.

— Кажется, она нащупала правду, — прошептал брату Гарри.

— Ну, как бы ни были сложны мотивы ее поступка, — раздраженно заявил Боувил, — нам бы только поставить эту женщину на место свидетеля, а там уж я из нее фарш сделаю!

— Нам не обязательно иметь адрес, чтобы послать ей письмо; где бы она ни находилась, она наверняка читает английские газеты, — заметил Бёрд. — Мы можем предложить ей что-либо в качестве приманки… или лучше даже угрозы?

— Я уже назвал ее сводницей, — вставил Боувил. — Какие еще стрелы остались у нас в колчане?

— Ученики или помощники, которых били или морили голодом в этой ее знаменитой типографии? — шутливо предложил Уильям. — Друзья из числа мужчин? Внебрачный ребенок, который растет где-нибудь в Суррее? Прошу прощения, миссис Уотсон.

— Не стоит, — пробормотала та. — Не знаю, как это назвать, джентльмены, но…

— Говорите, не стесняйтесь, — подбодрил ее Бёрд.

Миссис Уотсон в смущении приложила руки

к щекам.

— Прежде всего я должна извиниться за… э-э… некоторую непристойность темы… В связи с исполнением пасторского долга и связанными с ним частыми разъездами уязвимые места общества известны мне лучше, чем подобало бы женщине благородного воспитания.

— Говорите же смело, прошу вас, — подтолкнул ее Гарри, скрывая раздражение.

— Что ж… Позвольте мне только намекнуть, — она не поднимала взгляда от сложенных на коленях рук, — что поведение женщины, которая на протяжении достаточно длительного времени занимает место мужа в постели его жены, может быть истолковано самым… гм… дурным образом.

Все подавленно молчали. Гарри чувствует укол в сердце.

— Не хотите ли вы…

Миссис Уотсон закрыла лицо руками:

— Не принуждайте меня договаривать!

Молчание нарушил брат Гарри:

— Право, миссис Уотсон, вы на что-то наткнулись! Пожалуй, это может сработать!

Боувил энергично кивнул:

— Я определенно могу намекнуть на что-то в этом духе и дать понять, что, если мисс Фейтфул

не явится немедленно в суд, я предам эти соображения широкой огласке.

— Но это нелепо… — нерешительно возразил Гарри.

— Здесь необходимо проявить тонкость и сметку; сказать, ничего конкретного не называя; любое прямо высказанное предположение может обернуться против нас, — продолжал барристер. — Адмирал, вы, случайно, не читали рассказ «Украденное письмо»?

— Я не любитель беллетристики.

— А с точки зрения юриспруденции рассказы мистера Эдгара По исключительно интересны и познавательны! В этом рассказе министр правительства, желая приобрести власть над одной королевской особой, крадет у нее письмо, — рассказывал всем Боувил. — Но суть в том, что он не показывает это письмо ее супругу, чтобы опозорить ее, потому что власть министра заключается именно в обладании этого письма, а не в его использовании, точнее, в постоянной возможности его использования.

— Но мне и в голову не приходило подозревать между ними что-либо… противоестественное! — снова взорвался Гарри. — Должны ли мы думать или ожидать от английских присяжных, что-

бы они думали, что моя жена, позволив себе вступить в интимные отношения с двумя мужчинами, еще и… — Голос его пресекся.

Уильям пожал плечами:

— У испорченных женщин бывают самые разные извращенные наклонности.

— Не забывайте, она росла и воспитывалась в Индии и в Италии, — подчеркнул Бёрд и успокаивающе похлопал Гарри по руке. — Но не мучьте себя, адмирал: никто из присутствующих и не думает, что в данном случае имела место подобная извращенность.

У Гарри в горле ком.

— Почему бы вам не позволить, чтобы на завтрашнем заседании Боувил намекнул, что у вас могли быть такие подозрения, и тогда в среду все газеты поместят его предположения, а мисс Фейтфул в полном ужасе первым же пароходом вернется в Англию, чтобы защитить свое доброе имя, а?

Гарри не видел конца позору, падающему на его голову, издевательским смешкам при имени Кодрингтон, которое его предки, происходящие от копьеносца короля Генри V, передали ему чистым и незапятнанным. Гарри помнит, когда сэра Эдварда обвинили в превышении своих

полномочий, выразившихся в том, что он лично принял решение начать сражение при Наварине, он сел и спокойно составил подробный доклад о своих действиях, очистивший его имя. И хотя в его годы царили грубоватые нравы, правда служила человеку надежным щитом. Сыну сэра Эдварда выпало несчастье жить в другое время, когда для того, чтобы стать свободным, нужно городить ложь за ложью.

После тяжкого раздумья он кивнул:

— Если все вы считаете, что стоит попытаться.

— Вот и хорошо, — принялся успокаивать его солиситор.

Боувил вслух размышлял:

— Если бы только кто-нибудь записал что-нибудь компрометирующее о том периоде, когда мисс Фейтфул жила на Экклестон-сквер… Не обязательно читать это вслух: сам факт, что подобные подозрения могут быть переданы в газеты, говорил бы против нее. Полагаю, адмирал, дневник вы не вели? — спросил он, наклонив голову набок.

— Я никогда ничего подобного не вел, за исключением записей в корабельном журнале.

— А может, были письма к какому-нибудь близкому другу, где вы упоминали о вашей жене

и ее наперснице? — предположила миссис Уотсон. — Если бы вы доверили мне свои опасения на Мальте…

— Вы не можете дважды выступать свидетельницей, — тихо напомнил ей Бёрд.

Наконец Гарри понимает, чего ждут от него присутствующие.

— Ну, возможно, я мог в то время что-то записать, но забыл. Я посмотрю в своих бумагах, — пообещал он с тяжелым сердцем.

— Подойдет все что угодно, — объяснил Бёрд. — Короткая записка на память, например, подписанная, датированная и запечатанная… Я уверен, что вы запечатали ее, чтобы она случайно не попалась на глаза слугам.

— И конечно, адмирал мог передать такой документ в надежные руки, скажем, своему брату, — подмигивая, сказал Боувил.

— Гм… Пожалуй, было бы лучше, — сказал Бёрд, — если бы не адмирал, а генерал выступил свидетелем и подтвердил обстоятельства, при которых был написан этот… гм… документ.

— Разумеется, — согласился Уильям.

— Если я что-то подобное написал, то наверняка отдал брату на сохранение, — заставил себя выговорить Гарри.

Миссис Уотсон одарила его ослепительной улыбкой.

Вернувшись в свою спальню в Рэг-клубе, Гарри достал со дна коробки для писчей бумаги несколько листов.

— Они кажутся пожелтевшими. Как думаешь, похоже, что этой бумаге уже семь лет?

— Да, на них стоит титул: «Вице-адмирал Генри Дж. Кодрингтон», — указал Уильям. — А если не ошибаюсь, в 1857-м ты был еще капитаном, верно?

Гарри проворчал что-то на свою несообразительность и скомкал бумагу.

— Лучше взять обыкновенную бумагу, вон у тебя в ящике.

Чтобы оттянуть неприятный момент, Гарри налил брату бренди.

— А себе? — спросил тот.

Он покачал головой.

— Я его плохо переношу, голова туманится. — В комнате повисла гнетущая тишина. — Мне очень не по душе, Уилл, что я втягиваю тебя в…

— Чепуха, успокойся. К тому же, — прибавил практичный Уильям, — я не собираюсь утверждать ровным счетом ничего, кроме того, что получил из твоих рук запечатанный конверт, что

будет полной правдой.

— Значит, вина в лжесвидетельстве полностью ложится на меня, — мрачно смирился Гарри.

— Гляди веселей! Ведь тебе не придется что-то утверждать. Ты только напиши это… как ее… записку для памяти, а об остальном позаботится Боувил.

— Господи, до чего мне претят все эти подлые трюки. Что подумал бы отец… — Голос Гарри вздрогнул и прервался.

— К чертям нашего святого отца! — У Уильяма выступили пятна на щеках, очевидно от бренди. — Ты вечно носишься с ним, как с каким-то идолом, рыцарем без страха и упрека! А по моим представлениям, он сделал блестящую карьеру только благодаря своему дипломатическому таланту.

— И ты можешь говорить такое — его наследник, его любимец!

— Опять за свое? — удивился брат. — Повторяю, он любил нас с тобой одинаково сильно, понимаешь? Джейн говорила, что, когда он получил твое письмо из Акры, он прямо за завтраком разрыдался от гордости за своего юного отпрыска. Я уверен, сейчас он смотрит вниз из лучшего мира и надеется, что ты выиграешь это дело, пусть

даже при помощи маленькой ловкости рук.

Гарри обдумал все, пока Уильям осушал стакан. Прав ли брат, вот в чем вопрос. Он сомневался, и его совесть была встревожена.

Он взял лист бумаги и разгладил его на столе.

— Мы не подумали вот о чем, — пробормотал он. — Поймут ли наши английские присяжные скрытый намек на такой порок?

— Э, даже если это поймет не каждый из них, с тем большим удовольствием те, кто догадался, растолкуют им, о чем идет речь, когда они запрутся в своей комнате для совещания, — с насмешкой заверил брата Уильям. — Любой, кто читал Бодлера или… как называется эта поэма о женах двух лордов, которая до сих пор ходит по рукам? «Они не знают другой радости, чем сорочка друг друга…»

Гарри вздрогнул и опустил взгляд на пустой лист.

— И все же все это полный вздор.

— И не сомневайся! — горячо уверил его Уильям. — Что далеко ходить: когда подруги моей собственной женушки приезжают к нам в гости, она просит их ночевать в ее спальне, даже в одной с ней постели!

— Я хочу сказать, что Фидо… что эта женщина

одно время действительно раздражала меня, когда принимала сторону Хелен. Я даже находил, что она вызывает в нас отчуждение взаимной привязанности, выражаясь юридическим языком, — заставил себя сказать Гарри. Это похоже на растравливание раны, но он не может остановиться. — Эта их всепоглощающая страсть бывает чертовски неудобной, даже встает между мужем и женой, этого я отрицать не могу. Но сходить с ума и подозревать бог знает что…

— Да-да! Но уже поздно, пробило полночь, — напомнил ему Уильям, постукивая пальцами по листу бумаги.

— Сейчас, еще минуту… — Он тупо уставился на шероховатую бумагу. — Я понимаю, что раньше заблуждался. Видишь ли, я думал, что после двух родов… у нее… словом, что она потеряла интерес к мужчинам, — с крайним смущением признался он. — Она казалась… Откровенно говоря, Уилл, она практически не реагировала на меня, была холодной, как рыба.

Брат поморщился.

— Я полагал, что она просто жить не может без внимания и комплиментов мужчин, а до остального ей и дела нет, и как же я ошибался! И сейчас это заставляет меня думать, возможно

ли теоретически… существует ли вероятность того, что я был настолько слеп, что не замечал других ужасных вещей, которые происходили почти буквально у меня под носом, в соседней комнате…

— Довольно! Можешь сидеть здесь хоть всю ночь и сходить с ума, — сказал ему Уильям, вставая и потягиваясь. — А я хочу спать.

Гарри снова уставился на бумагу и сидел так, пока перед глазами не начали плыть пятна.

— Что же мне написать?

— Боувил сказал, что, скорее всего, его не будут зачитывать, — успокоил его Уильям. — Ты только начни, а там уже все само собой получится. Ну, спокойной ночи.

Гарри положил перо и вытер вспотевшие руки.

— Ну, что еще?

— В конце концов, это моя первая попытка сфабриковать фальшивку, — со слабой потугой на шутку пожаловался он.

— Раз ты подписываешься под ней, это уже не фальшивка, — бросил на ходу Уильям, направляясь к двери.

В день второго судебного разбирательства Боувил выглядел весьма довольным.

— Сегодня я намерен опровергнуть контробвинения, выдвинутые ответчицей, а точнее, клеветнические выпады против доброго имени истца. А именно ее заявление о том, что если супружеская измена действительно имела место, то лишь потому, что на это ее толкнул муж своим пренебрежением к супружескому долгу и жестоким обращением. Любой иностранец, даже поверхностно знакомый с британскими законами, назвал бы это странной защитой со стороны женщины, которая настаивает на своей полной невиновности. — Он говорил бесстрастно, но явно ожидал смеха публики. — Но, оставляя в стороне этот очевидный момент, давайте рассмотрим, насколько дурно должен был вести себя истец по отношению к своей жене, чтобы она стала искать утешение в объятиях другого мужчины. О, прошу прощения, — обратился он к жюри, — я, конечно, хотел сказать, в объятиях не менее двух других джентльменов.

Это вызвало смешки.

У Гарри тяжелели веки. Как будет досадно, если он проспит такой важный для него момент. Но этой ночью он спал всего час-полтора, да и в этот короткий промежуток ему приснилась Хелен. Не та вздорная женщина, с которой он еще недавно

жил под одной крышей, а танцующая Хелен в легком прозрачном платье, прекрасная одалиска.

— Двое из наших свидетелей — миссис Николс и миссис Уотсон — охарактеризовали отношение истца к жене как исключительно доброе и терпимое, — напоминает Боувил присяжным. — Да, он находил ее эксцентричной, раздражительной и взбалмошной, однако, видимо, давно с этим примирился. Далеко не пренебрегая ею, он глубоко верил в ее порядочность, ни в чем ее не подозревая, когда она порхала по всему острову в обществе разных офицеров. В 1857 году, еще до их отъезда на Мальту, когда она потребовала себе отдельную комнату, он не стал отстаивать свои супружеские права. Какой муж в этом зале — да и во всей стране! — может похвастаться такой терпимостью?

«Я выгляжу какой-то тряпкой, — думал Гарри, низко опустив голову. — Или евнухом».

В голосе его барристера звучали возмущенные нотки.

— Опираясь на зловещие факты прошлого, открывшиеся во время разбирательства, адвокат ответчицы может обвинить истца в том, что он слишком потакал слабостям своей жены, но что это, как не глубокая супружеская любовь?!

Могут даже возразить, что он должен был понимать, какую роль играют Милдмей и Андерсон в жизни его жены, но дело в том, что честная и прямодушная натура этого закаленного боевого ветерана ее величества не допускала и мысли о предательстве своих товарищей по оружию, не говоря уже об особе нежного пола.

Гарри едва удерживает стон. У Боувила получается портрет какого-то близорукого Дон Кихота, слабоумного рыцаря! Неужели в его деле не обойтись без того, чтобы превратить его в полностью безвольное и бесполое существо?

— Погруженный в служебные обязанности, не желая подозревать что-либо дурное в поведении матери своих детей, — продолжал Боувил, — истец все же делился своими тревогами с другими, большей частью с Уотсонами, но также — что естественно — с овдовевшим отцом своей жены мистером Кристофером Уэббом Смитом. Если позволите, я зачитаю несколько важных строк из письма, которое уважаемый торговец Флоренции прислал своему зятю в ноябре 1863 года, то есть в прошлом году… — Боувил откашлялся. — «Я могу лишь выразить надежду, что моя дочь изменит свое поведение и избежит опасности обесчестить своего мужа, детей и семью, что она удержится

от гибели». Жюри следует обратить внимание, — говорил Боувил, многозначительно поднимая палец, — что мистер Смит, как и адмирал, судя по всему, еще не знает, что Хелен Кодрингтон уже погибла. Следовательно, истец, как и его тесть, был глубоко обеспокоен, но ни в коем случае не потворствовал, не попустительствовал — или, как сейчас принято говорить, не смотрел на все сквозь пальцы, — скорее он был ослеплен глубокой любовью, достойной всяческих похвал. И лишь в текущем году, после возвращения супругов в Англию, истец, сняв с себя бремя забот своего поста, имел время более серьезно и внимательно подумать о поведении своей жены. Шестнадцатого сентября внезапно заболела их дочь, и он отправил телеграмму в дом мисс Фейтфул на имя своей жены. Но когда он понял, что она ее не получала, у него возникло страшное опасение, что она действительно изменяет ему.

Где же в ту ночь были Хелен и Андерсон, думает Гарри. В какой-нибудь гостинице сомнительной репутации, тогда как Нелл задыхалась и металась в жару? Даже после множества представленных показаний многое в жизни его жены оставалось для него неизвестным.

Боувил заглянул в свои записи.

— Теперь я обращусь к наиболее возмутительному обвинению, а именно обвинению в жестоком поведении, и особенно к письменным показаниям мисс Фейтфул о том, что в октябре 1856 года адмирал покушался на невинность мисс Эмили Фейтфул. В связи с подозрительным отсутствием этой леди я предлагаю моему уважаемому коллеге подумать, не будет ли лучше для всех, кого это касается, если данное заявление будет немедленно отозвано.

Гарри насторожился. Если это обвинение будет отозвано, то не нужно будет упоминать про записку, которую вчера, в половине первого ночи, он запечатал предательски дрожащими руками.

Встал Хокинс, элегантный как всегда:

— Я благодарю моего уважаемого коллегу за это предложение, но отклоняю его. Я буду удовлетворен, если он снимет еще более возмутительные обвинения против моей клиентки.

Этот остроумный ответ вызвал в публике веселые смешки. «Черт побери этих законников! — подумал Гарри. — Для них все это всего лишь забавная игра!»

Боувил вкрадчиво продолжал:

— Ну что ж. В таком случае… Мой клиент просил меня не только категорически отвергнуть это

обвинение, но также полностью разъяснить присяжным пагубную роль, которую мисс Фейтфул сыграла в их браке в том злосчастном 1856 году. Тогда истец приютил ее в своем доме на Экклестон-сквер как друга семьи и содержал за свой счет более двух лет. И как же она ему отплатила? По возвращении из Крыма истец обнаружил, что страстные чувства его жены к этой особе стали причиной ее резкого охлаждения к мужу.

Хокинс вскочил:

— Стали причиной?! И мой ученый коллега, видимо, намерен представить нам неопровержимые доказательства этой причинной связи?

— Безусловно. Прежде всего, позволю себе подчеркнуть, что рост взаимной привязанности двух леди и охлаждения отношений между супругами был взаимосвязанным и соразмерным, — сухо подчеркнул Боувил. — Ответчица обычно спала с мисс Фейтфул, объясняя это тем, что ее подруга страдает астмой и ночью нуждается в помощи. — Он сделал многозначительную паузу, чтобы эти слова запечатлелись в уме слушателей. — На следующий год отношения между супругами достигли критической точки, и, когда мой клиент призвал на совет своего брата и родителей миссис Кодрингтон, они полностью сошлись с ним

во мнении, что мисс Фейтфул следует удалить из дома.

В зале шум и разговоры. Гарри кусал губы.

— В этот тяжелый момент он и излил на бумаге свои размышления о ее роли в этом кризисе и причины ее изгнания, каковой документ был им запечатан и передан брату.

В зале воцарилась гробовая тишина. Затем Хокинс снова пришел в ярость.

— Ни мне, ни ответчице неизвестно о таком документе! Я возражаю против любых заявлений относительно его содержания, если не будет доказано, что ответчица была о нем информирована.

— Она не была информирована, — шелковым голосом произнес Боувил, — но документ целиком посвящен ей и ее поведению.

— Какого рода этот документ, могу ли я спросить? Это изложение фактов?

Гарри обливался потом, будто стоял на палубе под лучами тропического солнца.

Боувил колебался с ответом.

— В данный момент…

— Он адресован его брату?

— Нет, он не адресован генералу Кодрингтону.

— Тогда кому же он адресован? — потребовал ответа Хокинс.

— Ни к кому конкретно, кроме как к самому истцу. Но это не запись событий, а скорее размышления и чувства, даже подозрения. — Боувил произнес последнее слово со зловещей вкрадчивостью. — Пожалуй, этот документ лучше назвать просто письмом.

Хокинс смерил своего оппонента долгим взглядом.

— Это запечатанное письмо находится в суде?

— Да, — сказал Боувил.

По залу пробежала дрожь предвкушения.

Гарри зажал взмокшие руки между колен.

— Я упоминаю о нем, чтобы предварить показания нашего последнего свидетеля: я вызываю генерала Уильяма Кодрингтона.

После нескольких предварительных вопросов об отношении Гарри к жене — «самое внимательное и тактичное», Уильям повторил несколько раз, — Боувил спросил относительно ухудшения отношений супругов в 1857 году.

— Это запечатанное письмо, оно находится в вашем распоряжении?

Уильям достал из кармана сложенный лист бумаги, скрепленный тяжелой черной печатью. При виде него Гарри вздрогнул.

Боувил умолк и не пытался забрать письмо.

— Вы узнаете эту печать?

— Это печать моего брата, адмирала Кодрингтона.

— Она взломана или, может, случайно испорчена?

— Нет, письмо находится в том виде, в каком брат передал мне его.

«Все присутствующие в этом зале так и сверлят глазами эту бумагу», — подумал Гарри. Он осмелился оглянуться на напряженно вытянувшиеся лица — на всех читалось одинаково жадное любопытство. Только у одной леди, сидящей в последнем ряду, лицо скрыто черной кружевной вуалью, похожей на мантилью, с какими ходят на Мальте католички. «Минутку!»

— Вам известно его содержание? — спросил Боувил генерала.

— Нет, неизвестно.

«Неужели?!» Он изогнулся, чтобы лучше рассмотреть эту даму с вуалью. Вот прядь рыжих волос под краем кружева.

— Истец объяснил вам содержание этого письма?

Уильям ответил с хорошо разыгранной неловкостью:

— Да, это объяснение причин, по которым он

предложил мисс Фейтфул покинуть его дом.

«Это Хелен!» Сидит ли она здесь все утро, была ли вчера? Какая дерзость! Да, ему следовало сообразить, что женщина, внимательно изучающая интригующие объявления в «Телеграф», вряд ли устоит перед желанием увидеть, как воспроизводится ее собственная ужасная история. Как Гамлет среди актеров.

— Могу я спросить, милорд, — снова встал Хокинс, — собирается ли адвокат истца вскрыть это письмо, которому придается столь серьезное и таинственное значение?

Гарри напряженно повернул голову и посмотрел на белый конверт с черной печатью, на которой выдавлен герб Кодрингтонов. Все зависит от следующих нескольких секунд.

— Я предоставляю на усмотрение моего ученого собрата решить, взломать ли печать или оставить ее нетронутой, — с вежливым поклоном произнес Боувил.

Гарри испытал прилив радости, видя, что адвокат Хелен явно раздражен. Но означает ли это, что он откроет письмо?

— Если бы этот документ содержал какие-либо факты, объясняющие грубое обращение истца с мисс Фейтфул, — заявил Хокинс, — не сомнева-

юсь, что мой ученый друг вскрыл бы письмо и зачитал его суду.

— Я не посмел бы предпринять этот шаг без совета моего ученого друга, — возразил Боувил и, подняв бровь, смело выдержал упорный взгляд Хокинса.

Следует долгая пауза; самая долгая за это заседание, по мнению Гарри.

— Я не выражаю ни согласия, ни возражения относительно вскрытия письма, — осторожно сказал Хокинс. — Предоставляю моему ученому другу решить, внести ли этот документ в число вещественных доказательств — разумеется, только в том случае, если он может доказать, что оно имеет прямое отношение к моей клиентке.

Вмешался судья Уайлд:

— Если содержание письма относится к данному делу, оно, несомненно, должно быть вскрыто.

Гарри снова обернулся, чтобы посмотреть на Хелен. Да, конечно, это она, он узнал бы ее с первого взгляда, несмотря на густую вуаль. Она сидит неподвижно, как мраморная статуя… Что это за пьеса, в которой оживает статуя женщины?

— Если мой ученый собрат отказывается… на этот раз, милорд, я не возьму на себя такую смелость, — ответил Боувил судье.

Уильям убрал конверт в карман. Зажатые между колен руки Гарри дрожат, как пойманный зверек.

— В таком случае, — быстро отреагировал Хокинс, — я прошу убрать из записей всю дискуссию по данному вопросу.

«Что это значит? — недоумевает Гарри. — Как может жюри забыть то, что они слышали?»

Боувил едва заметно улыбнулся Гарри.

— Уважаемые господа присяжные, я заканчиваю. Мы, адвокаты истца, показали, как дремлющие зачатки порока, которые Хелен Кодрингтон проявляла, еще будучи молодой женой, постепенно довели ее до самого гнусного преступления. Мы не видим необходимости и дальше шокировать и утомлять вас рассказом о ее падении, хотя любой французский романист, без сомнения, долго и со вкусом описывал бы, как легко миссис Кодрингтон пленяла людей, как она неизбежно причиняла боль и страдания каждому, кто попадал в ее паутину, — были ли то подруги, наперсницы, любовники или, прежде всего, ее давно заблуждавшийся, а сейчас оставшийся с разбитым сердцем ее супруг.

Гарри уже привык узнавать свое искаженное изображение в этом кривом зеркале. Когда этот

процесс закончится и кипы газет пойдут на фунтики для чая или для других хозяйственных надобностей, какой из Кодрингтонов запечатлится в памяти людей? Герой трагедии или мишень для насмешек из фарса? Закаленный в боях воин или Панталоне, этот старый дурак, по заслугам носящий рога?

Когда при первом свидании с Бёрдом он сказал, что хочет развестись, ему это казалось самым естественным и простым решением. Но сейчас Гарри казалось, что он разводится сам с собой. Вернется ли когда-нибудь его прежняя уверенность в себе?

Он снова обернулся и успел заметить, как солиситор Хелен бесшумно скользит по проходу и что-то говорит своей клиентке, и она, поправив вуаль, выходит за ним из зала. Дверь бесшумно закрылась, а Боувил продолжал разглагольствовать о постыдных моментах жизни Хелен Джейн Смит Кодрингтон. «Напрасно ты ушла — ты пропускаешь самое главное!» — мысленно сказал Гарри жене.

— Я призываю вас, — торжественно обратился Боувил к жюри, — принять во внимание все ужасающие обстоятельства этого брака, хотя, возможно, они разрушают традиционное рыцар-

ское представление о женской невинности. Я призываю вас освободить от змеиных колец этого брака одного из самых честных и преданных слуг, которых когда-либо имел наш суверен.

И он с довольной улыбкой посмотрел на Гарри. Но тот, вместо того чтобы испытывать гордость или хотя бы облегчение, чувствовал лишь страшную усталость и полное безразличие.

Во время короткого перерыва он стоял в Вестминстер-Холл, украдкой выискивая Хелен, но ее нигде не было.

Уильям увел его прогуляться по Парламент-сквер, окутанной октябрьским туманом. Слева от Вестминстерского моста простирается грязный хаос самого амбициозного строительного проекта Лондона. Поскольку каждый дюйм территории города был занят теснящимися друг к другу домами, улицами и железной дорогой, застройщики затеяли строительство на самой Темзе: заполонили широкую поверхность воды грязью, загромоздили грудами канализационных труб и назвали все это сооружением набережной Виктории. Такое невозможно было бы объяснить жителю какого-нибудь островка в Тихом океане. Гарри считал себя человеком прогрессивных взглядов, но в данном случае он предпочел бы,

чтобы они оставили реку в покое.

— В городе по-прежнему дурно пахнет, — заметил Уильям.

Гарри мрачно кивнул.

— Хотя строительная инспекция уверяет, что обнаружила в реке семгу.

— Что, одну рыбину?

— Да, но живую! Они называют это знаком надежды на новую эру в ассенизации.

Уильям саркастически улыбнулся.

— Кстати, можешь это забрать. — Он протянул брату конверт с черной печатью.

Странно, но Гарри почему-то не хочется его брать, однако он положил его в карман.

— В какой-то момент я был почти уверен, что Хокинс потребует, чтобы его вскрыли.

— К счастью, все произошло так, как и предсказывал Боувил: ни один адвокат не рискнет потребовать, чтобы в суде зачитали документ, в содержании которого он не уверен.

Гарри испытывал невыносимую усталость и опустошение.

— Ты думаешь, стоило затевать всю эту историю?

— Пока сложно сказать, — ответил его брат, поглаживая серебристую бороду. — Завтра об

этом расскажут все газеты, а это может выманить Фейтфул из ее убежища как раз вовремя, чтобы она успела дать показания.

Но Гарри в это не верилось. В каком бы уголке Европы ни скрывалась Фидо, на каком бы корабле ни направлялась в Филадельфию или в Шанхай, она казалась такой же далекой и нереальной, как персонаж какой-то сказки.

— По меньшей мере, — уверенно продолжал Уильям, — это скомпрометирует ее не меньше, чем Хелен. Вполне вероятно, что присяжные уже решили не верить ни одному ее слову!

Возвращаясь в судебный зал, Гарри ожидал застать выступление Хокинса, в котором он представляет ситуацию с точки зрения ответчицы. Но оба адвоката стояли перед ложей присяжных и что-то серьезно обсуждали.

— Что случилось? — прошептал Гарри на ухо Бёрду.

Солиситор пребывал в страшном возмущении.

— У них хватает наглости просить отложить заседание.

— Отложить?

— Да, на несколько недель. Под явно надуманным предлогом, будто в нашем первоначальном заявлении не упоминается один из фактов изме-

ны, имевшей место в переулке за домом Уотсонов! Хокинс заявляет, что он не может опровергнуть этот факт, пока не отправит своего агента в Валлетту.

— Но что может изменить еще один факт измены?

— Разумеется, ничего, но закон смотрит на это иначе, — с досадой сказал Бёрд. — Адвокат противной стороны утверждает, что от этого зависит, достойна ли доверия наша свидетельница.

— Тогда, может, нам изъять это конкретное обвинение?

— Это уже не в наших силах; ведь мы, собственно, ничего не знаем об этой истории с признанием.

Гарри мысленно проклинал миссис Уотсон.

Судья Уайлд прокашлялся и обратился к суду:

— Принимая во внимание, что отсрочка вызовет еще больше волнений и потребует с обеих сторон дополнительных расходов, предлагаю консультантам истца рассмотреть возможность отказа от обвинения ответчицы в интимной связи с лейтенантом Милдмеем и удовлетвориться обвинением против нее и соответчика полковника Андерсона.

В зале оживление и разговоры.

— Ну как? — тихо спросил Гарри Бёрда. — Мне кажется, у нас и так достаточно доказательств против этих двоих, особенно в связи с посещением отеля «Гросвенор»…

— И отказаться от большей части показаний миссис Николс и полностью от показаний миссис Уотсон? — Возмущенный тон Бёрда призван продемонстрировать Гарри, что он ничего не понимает в юриспруденции. — Ни в коем случае! — Адвокат кивнул Боувилу, и тот обернулся к судье.

— Что ж, — торжественно провозгласил судья Уайлд. — Иной раз жернова справедливости должны вращаться медленно, чтобы молоть тщательнее. У меня нет иного выхода, как перенести рассмотрение этого дела на две недели и возобновить его двадцать третьего октября.

У Гарри закружилась голова. Он надеялся, что этот кошмар закончится через три-четыре дня, перестрелка прекратится, и судно направится в мирную гавань.

Публика расходилась, и Бёрд фамильярно положил руку на плечо Гарри, отчего тот внутренне сжался.

— Не расстраивайтесь, адмирал. За время отсрочки наши показания глубже проникнут в

сознание присяжных, и я не сомневаюсь, что наши агенты на Мальте выяснят еще какие-либо компрометирующие факты. К тому же вся эта шумиха на самом деле вовсе не из-за того, что было или не было в том переулке.

— Что это значит?

Бёрд постучал пальцем по своему крупному носу.

— Как вы не понимаете? Для них это только предлог. Хокинс и Фью отчаянно нуждаются во времени, чтобы обнаружить пропавшую свидетельницу, особенно после того, как мы предъявили наше запечатанное письмо. И сейчас, когда обе стороны направят своих агентов прочесывать морские порты в поисках мисс Фейтфул, есть шансы, что она наконец найдется.

Глава 13
САБОТАЖ
(повреждение или уничтожение имущества для противодействия осуществлению чего-либо; действия, направленные на ослабление противника путем диверсий, повреждение или уничтожение военных сооружений)

Если наши женщины, которых мы до сих пор считаем в некотором смысле предназначенными для семейной жизни, начинают выходить на улицу, как шумные скандалисты в жестокой толпе, то ради этой свободы, под которой они понимают право на самоутверждение, грубые высказывания и грубое поведение, им следует отказаться от права на уважение и защиту.

***Монтегю Куксон.*[66]**
Священный пол.
«Сатердей ревю», 13 мая 1871 г.

Мисс Беннет сидела у гаснущего огня в камине. Нужно бы позвонить горничной, чтобы она принесла угля, — несмотря на середину октября, погода очень холодная, — но она не решалась.

Она здесь уже полторы недели. (Ей не хватило смелости уехать во Францию или в Италию; она знала, что с таким же успехом может затеряться в скромном районе Пимлико.) Уже полторы недели, как она жила в полном одиночестве, целыми днями сидела у камина, слушая свое хриплое дыхание в угнетающей тишине комнаты. Ей казалось, что горничная что-то подозревает. Только сегодня утром она вспомнила, что носовые платки помечены ее монограммой: почему это у мисс Беннет на платке вышиты инициалы Э. Ф.? В любой момент может появиться домовладелица и потребовать у нее объяснений. Почему приличная женщина снимает комнату под вымышленным именем?

Фидо позаимствовала это имя из романа «Гор-

---

[66] Примечания: 66

Куксон Монтегю (Хьюберт Монтегю Крэкэнторп) (1870–1896) — британский писатель Викторианской эпохи; в основном работал в жанре эссе, коротких рассказов и новелл.

дость и предубеждение», хотя нисколько не похожа на этих очаровательных девушек с ожидающим их блестящим будущим. Ну, может, какое сходство у нее есть с той героиней романа, имя которой вылетело у нее из памяти, что подолгу играла на пианино, заставляя гостей зевать.

Никогда еще ей не снились такие страшные сны. Этой ночью во сне она стояла у типографского станка и набирала текст так быстро, что руки так и мелькали, укладывая буквы в строчки. Потом она почувствовала какой-то рывок; опустила глаза и увидела, что одна из оборок ее пышного белого платья попала в механизм пресса «Уорфедейл». Медленно, но неуклонно Фидо затягивало все ближе к алчным барабанам машины. И вот она уже в недрах пресса, где ее сплющивает, как лист бумаги, и покрывает словами, набранными красной краской. Странно, что ее пугали и заставляли беззвучно кричать не страх и не боль, а неспособность прочесть эти слова.

После десяти дней, проведенных в этой комнате, она уже с трудом заставляла себя встать раньше девяти. Она ни с кем не общалась, ничем не занималась, не получала почты. Она испытывала смутную вину за то, что в такой момент, когда много работы, возложила руководство

типографией на самого серьезного работника, метранпажа Уилфреда Хэда, не говоря уже о том, что все заботы о новом журнале «Виктория мэгэзин» переложила на плечи Эмили Дэвис, но полная беспомощность парализовала ее. Несколько дней назад она прервала свое затворничество, как она называла это про себя, и вышла подышать свежим воздухом. И вдруг взгляд ее упал на афишку с надписью: «Шокирующие разоблачения первого дня дела Кодрингтона». С того дня она не читала газет, не смея даже подумать, что может там увидеть. Наверное, это трусость. Что ж, вероятно. Взяв себе имя Беннет, Фидо временно отказалась от всех своих принципов.

Если судебное разбирательство началось восьмого… наверняка теперь оно уже закончилось? Но чтобы это узнать, она должна купить газету, а при одной этой мысли у нее начинались спазмы в желудке.

Руки и ноги ее ослабели от столь долгого бездействия. Должно быть, вот так чувствуют себя аристократические бездельники, не выходящие за пределы Мейфэра и Белгравии. Фидо боялась заглянуть в парк, где могла встретить знакомых. Столица с трехмиллионным населением казалась ей маленькой деревней, здесь тебя на

каждом шагу подстерегают случайные встречи. (Вроде той, что произошла в последний день августа на Фаррингдон-стрит. Две связанных судьбы разошлись на целых семь лет, после чего внезапно снова столкнулись.)

Фидо вспоминала и свое первое случайное знакомство с Хелен Кодрингтон, состоявшееся уже десять лет назад; тогда она увидела ее сидящей на скале и плачущей. Был ли у нее в тот момент выбор? Фидо могла спокойно пройти мимо, сделав вид, что не заметила слез, заливающих это маленькое прелестное личико; могла ничего не сказать, даже обычной вежливой фразы: «Я могу вам помочь?» Но подобное равнодушие не было ей свойственно ни теперь, когда серьезная работа и политическая борьба закалили ее, ни тогда, когда ей было всего девятнадцать лет. Так что, вероятно, наш характер определяет нашу судьбу. А от судьбы не убежишь.

Но даже ради того, чтобы избавить себя от разных неприятностей, действительно хотела бы Фидо иметь такой характер, чтобы равнодушно пройти мимо расстроенной незнакомки, опасаясь оказаться замешанной в какое-то дело? Вряд ли. Какой скучной и заурядной была бы тогда жизнь. Жизнь без риска.

Раздался стук в дверь, и она вскочила.

— Мисс Беннет!

— Войдите.

— Вам телеграмма, — сказала девушка и протянула ей узкую полоску бумаги, сложенную вдвое.

Оставшись одна, Фидо попыталась успокоиться, выровнять дыхание. Единственный человек, которому она на всякий случай сообщила свой адрес, — это Бриджет Малкаи из типографии. «Пожалуйста, приезжайте немедленно. *Б. М.*».

Она взяла кеб до Блумсбери и, приехав, застала типографию в ужасающем положении. Грейт-Корэм-стрит была забита кашляющими и рыдающими работницами. Глухонемая мисс Дженнингс неподвижно стояла у кромки тротуара, у нее из глаз потоком лились слезы.

— Что случилось? — в тревоге спросила Фидо у другой работницы, которая согнулась от приступа кашля у дверей типографии.

Стоящая рядом девушка что-то хрипло произнесла. Фидо показалось, что она сказала «умираю».

— Что-что?

— Кайен. Кайенский перец, мадам, весь пол им засыпан.

Вызывающий удушье перец не только на полу, он и в машинах, и в литерных гнездах. Как просто, но как эффективно! Горло ее судорожно сжалось. Она заметила на стене надпись красной краской: «Здесь дурно пахнет».

— Вы вызвали полицию? — спросила она мистера Хэда, у которого покраснело от кашля лицо.

— Конечно, — коротко ответил он.

Сотрясаясь от приступов кашля, она пробралась к своему кабинету, где Бриджет Малкаи с лицом, замотанным шарфом, как у служанки гарема, мыла пол.

Фидо в изнеможении упала на стул, дрожа под своим плащом.

— Мы уже ветераны таких саботажей, мисс Малкаи, не так ли? — Она хотела подбодрить работницу, но фраза прозвучала жалко.

— Это не саботаж, а настоящая война. — Ирландский акцент женщины усилился от волнения. — У бедных девушек, которые первыми пришли сегодня, ожог гортани.

— Это все из-за меня, — пробормотала Фидо.

— Ну что вы, мадам!

— Я не должна была уходить. Они хотели навредить именно мне. — Она с трудом заставила себя говорить. — Это нападение направлено не

только против найма женщин на работу. Эта надпись на стене…

— Ее, наверное, уже соскребли, — угрюмо произнесла Бриджет.

Фидо покачала головой:

— Вы не хуже меня знаете, что она намекает на мое имя, связанное с этим громким разводом.

Лицо мисс Малкаи осталось невозмутимым.

— Я уже сказала девушкам, что считаю Кеттла соучастником нападения.

— Вы про мистера Кеттла? Нашего верстальщика?! — испуганно воскликнула Фидо.

— Вчера утром он неожиданно прислал извещение о своем увольнении. И окна не разбиты, значит, у бандитов были ключи!

Фидо закрыла лицо ладонями. Она долго сидела так, собираясь с силами, затем выпрямилась. На губах чувствовался жгучий вкус перца. Возможно ли, чтобы Кеттл впустил сюда их врагов? Она подозревала его в махинациях со счетами, но не больше того. Но если он… Значит, она не слишком-то хорошо разбирается в людях.

Как Фидо ни пыталась отстраниться от дела Кодрингтона, оно затягивало ее в свою грязную паутину. Какой прок в том, что она решила отказаться от появления в суде? Пусть она не

поднялась на место свидетельницы, все равно в каждом лондонском доме ее судят и выносят приговор. Она впилась зубами в костяшки пальцев и почувствовала во рту металлический привкус крови.

К тому моменту, когда типография была приведена в порядок, все работницы осмотрены доктором и улажены мелкие, но самые срочные дела, Фидо поняла, что она не может снова вернуться в Пимлико и стать мисс Беннет. Она отправила посыльного забрать оттуда свои вещи и отправилась домой на Тэвитон-стрит.

Он расположен всего в нескольких минутах ходьбы от типографии, но сегодня этот путь отнял у нее четверть часа. Она неуверенно брела в дымке холодного дня.

Открыв дверь своим ключом, она напугала в холле Джонсон. Побледневшая горничная смотрела на нее словно на привидение.

Фидо не нашла в себе сил для объяснений. Да и зачем заводить слуг, если ты обязан с ними объясняться?

— Я буду у себя в кабинете, — хрипло сказала она.

— Да, мадам.

Она откашляла в тазик желтовато-коричневую

массу и выпила два стакана воды. На столе аккуратная стопка непрочитанных номеров «Таймс». Она содрогнулась при их виде. Затем приняла решение покончить с этим, так как вряд ли этот день принесет что-нибудь хуже того, что уже произошло.

Первый судебный отчет, который она нашла в номере от 9 октября, вызвал у нее головокружение, когда она читала о ярко обрисованных героях дела: безрассудной миссис Кодрингтон, заслуживающем сочувствия адмирале, сменивших друг друга дерзких любовников — Милдмее и Андерсоне. Затем на сцену вышла подруга жены, таинственная мисс Фейтфул. (Ее представили как компаньонку Хелен, будто она была какой-то приживалкой, работающей ради крова и хлеба все три года, которые она провела на Экклестон-сквер.) Фидо страдальчески поморщилась, читая о встречах Хелен и Андерсона в ее доме. Как она могла поверить уверениям Хелен, что та хочет постепенно порвать с ним отношения? «По словам мистера Боувила, пропавшая свидетельница соответчицы — мисс Эмили Фейтфул — играла в этой интриге постыдную роль посредницы, пособницы, одним словом, сводницы!» Она старалась не думать о родителях, братьях и сестрах,

читающих эти строки, но тщетно.

Но когда она нашла в номере от 10 октября, что суд принял решение не отзывать письменное показание под присягой, которое взял у нее Фью, на нее напала нервная дрожь. Адвокат истца высмеял саму мысль, что его клиент мог приставать к молодой женщине, которая «не слыла красавицей». Фидо вытерла слезы — постыдное самолюбие, укорила она себя — и стала читать дальше. «Предоставляю судить жюри, какую тень бросает исчезновение мисс Фейтфул на правдивость ее показаний».

Она пробежала глазами колонки статей, отыскивая свое имя. Вот еще: странно искаженная версия лета 1857 года, когда она покинула дом на Экклестон-сквер. «Пагубное влияние мисс Фейтфул… страстное чувство его жены к этой особе вызвало у нее охлаждение к мужу. Он доверил бумаге свои размышления о роли мисс Фейтфул в этом кризисе и причинах ее удаления из дома — каковой документ запечатан и передан им в руки его брата». Дальше следовала перебранка адвокатов по поводу статуса и значения «запечатанного письма».

Фидо потерла висок, где судорожно билась жилка. Она никогда не слышала об этом письме.

Когда Гарри предложил ей вернуться домой в Суррей… она помнит его тон, почтительный, добрый и даже смущенный. Почему ему вздумалось записать это для памяти? Разве без этой записи он мог забыть то, что происходило у него в голове?

Следовательно, в качестве доказательства? Доказательства чего? Медленно, с трудом сознание ее отделяло шелуху от зерна.

Она снова перевела взгляд на газету. «Страстное чувство его жены к этой особе вызвало у нее охлаждение к мужу». Фидо остановилась на этой фразе, перечитала ее раз, затем снова.

«Боже милостивый!»

Да, именно в качестве доказательства его подозрений. Никто не назвал, что именно он подозревал, ни в суде, ни в газете. (Подобные вещи не каждый решится назвать вслух, даже в эти времена вседозволенности.) Умный поймет. Те же, кто не понимает, даже не заметят, что они что-то упустили; остальные поймут все с первого слова. «Запечатано».

У нее закружилась голова, к горлу подступила тошнота. Она уцепилась за стол, будто находилась в лодке, застигнутой жестоким штормом.

Глава 14
ПРЕЗРЕНИЕ
(сильное чувство неуважения или антипатии; сознательное игнорирование власти; поступок в расчете препятствовать суду, наказуемый штрафом или тюремным заключением)

Мужчина, который стремится жить только умом, будет таким же чудовищным отклонением от нормы, как женщина, живущая только сердцем… У мужчин так же нет монопольного права на работу, как у женщин — на рыдания.

Эмили Дэвис.
Высшее образование женщин (1866)

На следующий день Гарри стоял на Лэнгхэм-Плейс и рассматривал медную дощечку с надписью «Читальня для женщин». Это выглядело вполне безобидно, будто женщины приходят сюда почитать стихи или просмотреть французские журналы мод.

На его звонок дверь открыла невысокая женщина в очках, и он ожидал, что вид сурового морского офицера громадного роста заставит ее оробеть. Но она невозмутимо заметила, что он пришел слишком рано.

— Но вы не знаете, что привело меня сюда, мадам.

— О, простите. Я думала, вы пришли на собрание.

— На какое собрание?

— Что значит — какое? Общества социологических наук. Сегодня нам предстоит обсуждение результатов местных экзаменов в Кембридж. Хотя девушек недостаточно обучали математике, они блестяще сдали экзамены, — объяснила она пришепетывающим голосом. — Надеюсь, вы останетесь? Мы ожидаем графа Шафтсбери и миссис Фаусет.

Гарри отмахнулся.

— Вы… позволите узнать ваше имя?

— Мисс Левин, сэр, секретарь ОСОТРУЖ.

Название ему ничего не говорит.

— Я хотел бы поговорить с кем-нибудь о мисс Фейтфул.

— Ах да! Мы надеемся услышать о ней от ее друзей, — со смущенной улыбкой заметила сек-

ретарь. — Она не оставила адреса для связи, когда уехала путешествовать, что вызывает множество неудобств.

Гарри откашлялся. Какое ему дело до неудобств этой банды благодетельниц!

— Кто у вас здесь главный?

Мисс Левин растерянно поморгала.

Он порылся в памяти.

— Мисс Паркес здесь?

— Она наверху, — подтвердила секретарь. — Но я должна спросить…

Когда наконец Гарри провели в кабинет, удивительно красивая леди в сером платье без корсета крепко пожала ему руку. Даже стоя, она была едва вполовину его роста, но он сразу почувствовал в ней властную натуру.

— Благодарю вас за прием, — сказал он, с трудом заставляя себя быть вежливым.

— Я, конечно, узнала ваше имя, — призналась Бесси Паркес.

— Теперь оно известно всей Англии, — с горечью заметил он.

— Присаживайтесь, адмирал. Примите мое искреннее сочувствие…

Он наклонил голову, испытывая к ней странную благодарность, и взял стул.

— Однако сразу должна сказать, что из-за вас пошли насмарку десять лет нашей работы!

Гарри поморщился.

— Я не назвал имя вашей коллеги в своем заявлении. Это она решила выступить на стороне моей жены, нагромоздив обо мне горы чудовищной лжи. И сейчас я вынужден просить, чтобы мне сказали, где она находится, чтобы она лично выступила в суде.

Она спокойно прервала его:

— Вероятно, вы удивитесь, если я скажу, что сейчас мисс Фейтфул значительно сократила свое участие в работе нашей организации.

И он действительно был очень удивлен.

— Хотя прежде она была одной из самых активных деятельниц, некоторое время назад она предпочла идти своим путем, — с сожалением заметила мисс Паркес. — На мой взгляд, ее больше интересует коммерция, а не реформа. Недавно она основала свой собственный журнал, не имеющий абсолютно никакого отношения к животрепещущим проблемам общественной жизни. Поэтому мне пришлось аннулировать контракт с «Виктория-пресс» на издание «Журнала английской женщины».

Гарри возмутился:

— Неужели вы думаете, что меня хоть сколько-нибудь интересует ваш журнал?

Твердый взгляд маленькой женщины пригвоздил его к сиденью. Она встала, словно собираясь указать ему на дверь.

— Простите, мисс Паркес. Я нахожусь в состоянии сильнейшего волнения. — Он стиснул руки, чтобы скрыть их дрожь.

— Я понимаю, — холодно сказала она и снова села. — Я подробно рассказала об этом только для того, чтобы убедить вас, что никто из нас не имеет представления о месте, где укрывается мисс Фейтфул. Она даже не соблаговолила поставить нас в известность о своем отъезде.

Не столько слова, сколько суровый тон убедил Гарри в ее искренности.

— Признаться, я ожидал совершенно иного, когда шел сюда, — доверительно произнес он.

Мисс Паркес слегка покраснела.

— Что? Вы думали, что ее преданные единомышленницы встретят вас в штыки? — Нерешительно помолчав, она продолжила: — Полагаю, адмирал, вам известно, каково служить с товарищем, поведение которого заставило вас изменить о нем свое мнение.

— Не скрою, приходилось плавать с парнями,

которых я был бы рад увидеть смытыми волной за борт.

Леди тонко усмехнулась. Гарри с удивлением отметил, что получает удовольствие от разговора. За последнее время помимо Уильяма он ни с кем не разговаривал, если не считать адвокатов, которым он платил.

— В Эмили Фейтфул есть нечто весьма болезненное, странность, которая, как я надеялась, со временем, когда она возмужает, пройдет, но все произошло наоборот, — сказала она, глядя прямо перед собой. — Могу я быть с вами вполне откровенной?

— Прошу вас.

Бесси Паркес аккуратно, как кошечка, облизнула губы розовым язычком.

— Судя по тому, с каким видом вы вошли в этот кабинет, вы не приверженец нашего дела.

Он горько усмехнулся:

— Вам известна… впрочем, теперь уже и не только вам, история моего брака. Вы можете себе представить, чтобы он склонил меня требовать еще большей свободы для женщин? Свободы зарабатывать собственные средства, одновременно расточая деньги мужа? Свободы расхаживать где угодно, бросать своих детей, оставлять дом в

полном беспорядке?

— Адмирал…

— Вы и вам подобные — это террористы в юбках! — возмущенно продолжил он. — Вы можете обманывать себя, думая, что хотите только более современно обставить несколько комнат, но в результате вы уничтожите все здание!

Гарри был уверен, что эта провокация вызовет в Бесси Паркес ярость; он с нетерпением ждал, когда она сбросит с себя маску. Но она отвела взгляд в сторону, и ее изящное лицо словно осунулось на глазах.

— Что касается мисс Фейтфул… Видите ли, наша великая цель — стремление создать новые, более справедливые отношения между представителями вашего и нашего пола — требует жертвы в виде отказа от радостей супружеской жизни и материнства. И я признаюсь вам, что большинство из нас в душе остаются обыкновенными женщинами, которым недостает этих радостей.

Он удивленно посмотрел на нее.

— Но порой, особенно когда у женщины отсутствует истинная вера, происходят… так сказать, своего рода сбои. — Бесси Паркес брезгливо скривила губы. — Девичество сродни острому оружию, которое женщины типа Фидо Фейтфул

носят с наслаждением. Установленные судом факты, показывающие, как далеко она зашла в своей рабской преданности вашей жене… — Содрогнувшись, она оборвала фразу.

— Интересно, если бы вы знали, где она скрывается, — говорит Гарри, — вы сообщили бы мне?

Бесси принужденно улыбнулась:

— Должна признаться, я рада, что мне это неизвестно.

Гарри отвесил поклон и поблагодарил мисс Паркес за уделенное ему время.

На следующий день город окутался первым густым туманом. Уже в одиннадцать часов утра небо померкло, и в окнах замерцали огни. Днем Гарри с раздражением заметил, что на его манжетах лежит темный налет копоти.

В его комнате зазвенел звонок — недавнее новшество; престарелые члены клуба жаловались, что это заставляет их чувствовать себя лакеями, — и Гарри спустился в отделанный мрамором холл, где под гобеленом, изображающим Диану и Актеона, его ждал старший портье.

— С вами хочет говорить одна леди, сэр.

— Вам даны четкие инструкции…

— Это не ваша жена, — шепотом уточнил портье. — Эта дама хотела войти, но я объяснил ей

наши строгие правила относительно недопущения в клуб женщин, за исключением Дня леди. Она ждет в кебе снаружи.

Может, это миссис Уотсон?

— В такую погоду вы могли позволить ей войти внутрь, — строго заметил Гарри.

— Не хотел создавать прецедента, адмирал.

Гарри торопливо вышел на улицу. Повсюду лежал густой желтый туман, по краям зеленый, в воздухе пахло угольной гарью, обжигающей легкие. Он без кителя, поэтому задрожал от холода, когда заглянул в оконце кеба.

Оттуда на него глянули большие карие глаза Фидо.

От неожиданности он отшатнулся.

Она откашлялась.

— Мне сообщили, что вы искали меня на Лэнгхэм-Плейс.

Неожиданно для себя он заметил, что отвечает ей в такой же вежливой манере.

— Совершенно верно. Боюсь, я не могу пригласить вас в клуб…

— Правила есть правила, — понимающе кивнула она.

Он огляделся. На Пэлл-Мэлл действительно нет места, где могли бы поговорить наедине мужчи-

на и женщина из общества.

— А вы… Вы не можете подняться ко мне? — с некоторой обидой спросила она.

Гарри подумал, как это будет выглядеть в суде. «Истца и свидетельницу противной стороны видели сидящими вместе в интимной близости в экипаже…» Впрочем, сейчас ему все вокруг кажется грязным; его воображение поражено заразой. Он открыл дверцу и забрался внутрь.

Их колени почти соприкасались. Гарри возился с кожаной дверцей, тянул ее, пока она хотя бы частично не скрыла их от посторонних взглядов.

— Почему вы меня преследуете? — вырвалось у Фидо.

Гарри вгляделся в нее в сумраке экипажа.

— Вот это мне нравится!

— Это «запечатанное письмо», которое ваш брат предъявил в суде, — сказала она. — Выходит, все эти годы вы думали, как бы меня уничтожить?

Он поставил локти на колени, приблизив к ней свое лицо.

— Это вы заявили, будто я напал на вас, как обезумевший орангутанг!

Фидо еле удалось сдержать рыдание.

— Я была гостьей в вашем доме; была юной и наивной девушкой. Вы можете заглянуть в свое

сердце и чистосердечно отрицать, что действительно пытались…

— Полагаю, лишь вследствие отсутствия у вас опыта близких отношений с мужчинами у вас создалось обманчивое представление о нашей необузданности. — Он откинулся на спинку сиденья и внимательно посмотрел на нее. — Но, поверьте, даже в самых диких мечтах, даже если бы я был в горячке или слабоумным, мне и в голову не пришла бы мысль вступить с вами в интимную связь!

Она отвернулась, подавленная унизительным смыслом фразы.

Он тяжело дышал. Он сознавал свою жестокость, но она ее заслуживала; больше того, ей пойдет на пользу подобная откровенность. Чуть успокоившись, он заговорил более мягким тоном:

— Но мне кажется, вы искренне верите, что в ту ночь произошло нечто в этом роде.

— Разумеется, искренне!

— В таком случае вы стали жалкой жертвой обмана.

Эта история хранит на себе отчетливые следы грязных пальцев Хелен.

Фидо изумленно на него посмотрела.

Он что-то обдумывал.

— Но как ей удалось убедить вас в этом?

Она тихо заговорила:

— Я знаю, что вы пытаетесь сделать. Вы пользуетесь тем, что я смутно представляю себе случившееся.

— Почему смутно?

— На ночь я приняла лекарство против астмы…

— Ага! — Теперь он все понял. И вот на этом невинном фоне Хелен построила свои коварные интриги!

— Когда я проснулась, вы как раз выходили из комнаты, — упрямо продолжила она. — Вы можете посмотреть мне прямо в глаза и поклясться, что не забирались в постель, даже…

— Конечно могу! — прорычал он. — И в ответ я прошу вас верить тому, что вы способны отчетливо помнить: хоть раз я сделал вам что-то плохое за все годы, пока вы жили с нами под одной крышей?

Фидо только растерянно моргала.

— Очнитесь! И подумайте, не обманывает ли вас снова эта хитрая бестия?

После долгого раздумья Фидо покачала головой:

— Я согласна, порой Хелен способна преувеличивать. Такое впечатление, что ей все представляется в слишком ярком свете…

— Она лгунья, — спокойно поправил он ее. — У нее патологическое отвращение к правде. Она фантазирует, как ребенок, который не сознает разницы между вымыслом и действительностью.

— Вряд ли вы способны бесстрастно судить о ее характере.

Он судорожно рассмеялся:

— Вы — ее рабыня. Когда-то я тоже был ее рабом, поэтому узнаю эти признаки. Вы по ошибке принимаете ее пылкие признания за истинные чувства. Поверьте, — понизив голос, произнес Гарри, — в конце концов вы прозреете и пожалеете, что это произошло так поздно.

Фидо уверенно, но холодно заговорила:

— Вернемся к делу. Этот документ, которым размахивал ваш брат, — могу я спросить, каково его содержание?

Он почти восхищался тем, как она упорно настаивала на своем, и испытывал прилив вдохновения.

— О, мисс Фейтфул, вам не стоит о нем беспокоиться, — перешел он на официальный тон. — В

вашей власти сделать так, чтобы письмо навечно осталось запечатанным.

— Обо мне с презрением сплетничают во всех кофейнях Лондона! — Она так резко взмахнула рукой, что ударилась о кожаную дверь.

— Все эти пересуды и насмешки рассеются как дым, — возразил Гарри, — если двадцать третьего вы явитесь в суд как моя свидетельница…

— Ваша? — недоверчиво переспросила Фидо сорвавшимся голосом.

Он выдавил улыбку:

— Теперь, когда вы снова в Лондоне, адвокаты моей жены вручат вам повестку и обяжут явиться в суд под страхом обвинения в пренебрежении к суду.

— Мне это известно.

— Но только ваша совесть должна подсказать вам, как поступить. Мы с вами разумные люди. Так не положить ли нам конец всем этим ужасам?

Она молчала.

— Скажите правду, и ваша репутация будет восстановлена. — Он хотел придать своему призыву торжественный оттенок, но фраза прозвучала скорее как мефистофельское предложение сделки.

Она ничего не ответила.

— И после ее бесцеремонного обращения с вами вы будете свидетельствовать в пользу Хелен?! Она же бросила вас в ту же минуту, как мы отплыли на Мальту, затем, по возвращении, снова подобрала, как… как какой-нибудь зонтик или носовой платок…

И снова Фидо возмущенно тряхнула головой.

— Прекратите, вы сами не знаете, что говорите. Было просто глупое недоразумение, письма затерялись…

Гарри невольно вспыхнул от досады на нее.

— Фидо, вы всегда мне нравились, я считал вас очень умной и рассудительной. Но когда речь идет о Хелен, вы, прошу прощения, становитесь какой-то слабоумной. Затерявшиеся письма, ну да! Помню, как на Мальте Хелен вскрыла одно из ваших писем и, отбросив его, презрительно заметила, что у старых дев слишком много свободного времени.

В кебе повисло напряженное молчание. Он выжидал. Своим последним сообщением он разбил ее, он в этом уверен: еще минута — и она зарыдает и станет просить у него прощения…

Вместо этого она потянулась к двери, давая понять, что разговор окончен.

Глава 15
CHARGE
(англ.: обвинение в правонарушении; атака, нападение; цена)

Дружба не всегда бывает продолжительной, особенно когда становится слишком горячей и когда из-за чрезмерной близости обе стороны попадают в зависимость друг к другу.

***Элиза Лесли.*[67]**

Книга мисс Лесли о хороших манерах (1853)

Хелен откинула голову на спинку обтянутого бархатом дивана.

— Больше мне нечего сказать.

Фью постукивал пальцами по колену — это одна из множества маленьких раздражающих привычек, которые она заметила за своим адвокатом.

— Миссис Кодрингтон…

---

[67] Примечания: 67

Лесли Элиза (1787–1858) — американский автор популярных книг о кулинарии и этикете.

— Да это пустая болтовня! — взорвалась она. — Какой-то хитрый трюк. Сколько раз я должна повторять: я не знаю, что написано в этом запечатанном письме, и меня это не интересует.

— Думаю, вам следовало бы интересоваться. Должны же вы представлять, что происходило в голове вашего мужа…

— Эта выдающаяся голова всегда была непроницаемой для меня. Откуда мне знать, что за фантастический бред Гарри нацарапал на листе бумаги целых семь лет назад? Я столько всего наслушалась за эти два бесконечных дня в суде! — Она почти кричит. — Как вы думаете, чем еще меня можно испугать?

Солиситор молчал.

— И ведь они так и не вскрыли этот проклятый документ, не так ли? Значит, будем считать этот вопрос закрытым!

Хелен прищуривается. Она сознает, что для суда ничего не остается закрытым. Она уже поняла, что точно так же, как разбирательство дела о разводе требует подробного изучения фактов прошлого, так и все, что произносится в суде — каждый эпитет, каждый ничтожный факт и высокопарный оборот речи, — становится объектом изучения и без конца повторяется в газетах.

Адвокаты ссылаются на сказанное друг другом, расспрашивают свидетелей, и ни одно слово не остается без внимания. И что раз сказано, того не возьмешь назад, и никакой вопрос не может быть закрыт. Все повторяется снова и снова, свиваясь в тошнотворную спираль.

— Я ведь неспроста снова заговорил об этом, — тихо объяснил Фью. — Мисс Фейтфул опять в Лондоне.

По спине Хелен пробежала нервная дрожь, и она широко раскрыла глаза.

— Сегодня я получил от нее короткую записку, она извиняется за свое отсутствие и сообщает, что в среду, когда снова будет рассматриваться ваше дело, она готова дать свидетельские показания.

Хелен окатила теплая волна облегчения.

— Это же замечательно!

— Надеюсь.

От его осторожного тона ее бросило в дрожь.

— Фью, — сказала она, поправляя клетчатую юбку, — вам недостает уверенности; удивляюсь, как вы вообще выигрываете дела.

Его седые брови удивленно полезли на лоб.

— Не вы ли говорили мне, что мисс Фейтфул заставила вас покинуть ее дом?

— Да, но раз она здесь, значит, поддержит ме-

ня.

— Я полагал, она оскорблена тем, что обязана выступать в суде вашей свидетельницей.

Хелен засмеялась:

— Мужчины ничего не понимают в дружбе.

— Вы имеете в виду женскую дружбу?

— Но только женщины и способны на истинную дружбу. Бесстрастные, прямолинейные и кратковременные отношения между мужчинами не могут называться дружбой. Да, женщины могут набрасываться друг на друга, как разъяренные кошки, но все равно в глубине их души скрывается невидимый и неиссякаемый источник любви.

— Что ж, миссис Кодрингтон, поверю вам на слово.

Он ушел, и Хелен, пройдя по запущенному дому из комнаты в комнату, погасила лампы. Поднявшись на несколько ступенек по лестнице, она вдруг разразилась слезами.

Наконец она стряхнула слезы с корсажа, чтобы на шелке не осталось пятен, опустилась на застеленную толстым ковром ступеньку и сжалась в комочек. «О, Фидо!»

Хелен следовало знать, что ее подруга вернется. Не стоило насмехаться над ней и оскорблять ее,

ни прямо в ее простоватое честное лицо, ни за ее твердой спиной. И не нужно было втягивать ее в эти опасные дела. Через четыре дня младшая дочь викария, известная деятельница движения за права женщин, являющая собой поразительный пример успеха, какого способна достигнуть женщина, займет место свидетеля и даст ложные свидетельские показания, совершив клятвопреступление, — и все ради Хелен Кодрингтон. Ради испорченной и грязной женщины. Ради «ничтожества», думает Хелен с греховным торжеством.

«О, Фидо, я не должна была сомневаться в твоей любви!»

Глава 16
СВИДЕТЕЛЬСТВОВАТЬ
(видеть что-либо своими глазами; давать показания против кого-либо или в пользу кого-либо; служить признаком, уликой, доказательством)

Что для тебя столь же ложно, как правда?

Роберт Браунинг.
Последнее слово женщины (1855)

Вечером 22-го Фидо взволнованно расхаживала по своей спальне. Завтра она дождется, когда назовут ее имя, затем поднимется на помост, положит руку на Библию и произнесет клятву, а потом…

Но что она скажет?

Каждый раз, проходя мимо зеркала, краем глаза она улавливала отражение своего широкого лица. «Не славится особой красотой». Она не поворачивалась к зеркалу лицом — нужды нет. «Даже в самых диких мечтах, — сказал он в кебе, — даже если бы я был в горячке или слабоумным».

Фидо это не слишком задело; она никогда не добивалась от мужчин интереса такого рода. Она спокойно перенесла свою непривлекательность, у нее есть другие хорошие черты. Но мысль, что ее обвели вокруг пальца, не давала ей покоя.

Итак, никакой попытки изнасилования не было. О, Гарри, конечно, нанес ей страшный удар этой подлой историей с запечатанным письмом, но никогда и пальцем ее не коснулся.

Как она могла поверить в эту коварную выдумку Хелен? Не говоря уже о полном неправдоподобии — подозрения вызывает и момент, когда она вытащила на свет эту историю. Если бы ей не понадобилось дать своим адвокатам какое-нибудь веское доказательство, завела бы она речь на эту тему тогда, в кофейне? «Невероятно ужасный инцидент. Ты намеренно похоронила его в глубине своей памяти». Чушь! И вся эта игра в благородство, в угрызения совести: «Дорогая, я никогда не попросила бы тебя подтвердить… Если б я могла снять с тебя эту ношу…» Фидо стиснула пальцы в кулаки, ускоряя шаг. Теперь, оглядываясь назад, она видит столько случаев, когда любая женщина среднего интеллекта распознала бы фальшь, ловушку. А Фидо знает, что умнее многих женщин, то есть когда ее ум не

замутнен присутствием Хелен Кодрингтон. «Она снова и снова обманывает меня, и я допускаю это, я распахиваю руки навстречу ее лжи, словно она дарит мне цветы!»

Теперь, когда до нее дошел смысл того, что сказал ей Гарри, она уже не могла остановиться. Взять хотя бы эти два пропавших письма якобы по вине плохой работы почты на Мальте. Но как может быть, чтобы два разных письма от одного отправителя на двух разных почтовых суднах потерялись по пути из Валлетты в Лондон? «Вскрыв как-то за завтраком одно из ваших писем, — сказал Гарри, — она отбросила его и язвительно сказала, что у старых дев слишком много свободного времени». Да, Фидо живо представила Хелен во время этой сцены, насмешливое выражение ее сверкающих голубых глаз. Следовательно, на самом деле Хелен просто бросила свою самую близкую подругу, поскольку та была слишком далеко и потому стала ей бесполезной. «И это после стольких лет, которые я провела у нее в доме, спала в ее постели и старалась удержать ее жизнь от краха!» А затем, когда Хелен наткнулась на Фидо спустя семь лет на Фаррингдон-стрит…

«Стоп!» Хоть и с трудом, но ум ее работал.

Фидо резко дергает шнурок колокольчика и

ждет, когда горничная поднимется наверх. Губы ее пересохли.

— Извините, что побеспокоила вас так поздно, Джонсон, но не принесете ли вы мне теплого молока, чтобы я легче заснула.

— Никакого беспокойства, мадам.

Невозмутимая старая горничная, должно быть, знает, что завтра ее хозяйка будет выступать свидетельницей. Слуги наверняка в курсе всех подробностей этого грязного процесса — и о пятне на желтом нанковом платье, и о «запечатанном письме», и предположениях, что в нем может идти речь об отношениях их хозяйки с неверной супругой. Фидо вдруг осознает меру их преданности: Джонсон уже могла бы сделать деньги, предложив интервью одной из еженедельных газет. «Тесная связь: за стенами дома одинокой феминистки».

Она заставила себя сказать:

— И еще… Вы позволите проверить вашу память… в отношении одного пустяка…

— Конечно, мадам.

Фидо с трудом сглотнула комок в горле.

— В первый раз, когда вы встретились с миссис Кодрингтон… — Это имя как пятно на покрывале. — Вы, случайно, не помните, когда это было?

Горничная сосредоточенно нахмурила брови.

— Кажется, где-то в начале сентября… Думаю, шестого.

Фидо вздохнула; с какой стати этот день запомнился бы горничной.

— В тот день она приходила ко мне на чай… с военным. — Странно, но она не в силах выговорить имя Андерсона.

Неожиданно Джонсон решительно покачала головой.

— У вас, конечно, не было причин запомнить дату, — бормочет Фидо больше для себя.

— Но я видела ее раньше, мадам.

Это она и боялась услышать.

— Вы хотите сказать, что в первый раз увидели миссис Кодрингтон до того дня, когда она пришла ко мне на чай?

Горничная кивнула.

— Самое меньшее за неделю до этого — в конце августа, должно быть, — хотя тогда я, конечно, не знала, что это была она. Миссис Кодрингтон заезжала в кебе с этим же джентльменом, — говорит горничная с явным неодобрением, — и спрашивала вас.

У Фидо гулко колотится сердце.

— Вы это точно помните?

— Да, мадам, я запомнила это, потому что они не назвались, хотя я, конечно, спросила, — ответила горничная. — Она, то есть миссис Кодрингтон, хотела знать, действительно ли мисс Фейтфул живет по этому адресу. Я сказала, что вы находитесь в своей типографии на Фаррингдон-стрит, и спросила, не оставит ли она свою карточку. Но она ничего не ответила и сразу уехала. Я имею в виду, они оба уехали.

Фидо в ужасе.

— Так мне принести вам молоко?

— Не беспокойтесь, — еле выговорила она и, отвернувшись к окну, подождала, когда за горничной закроется дверь.

Итак, все это было задумано с самого начала. Узнав от горничной, что Фидо находится в Сити, Хелен с Андерсоном прогуливались возле ее типографии, чтобы сделать вид, будто столкнулись с ней совершенно случайно. Как великолепно все было сделано — приступ астмы у Фидо в подземке, их визит в типографию, вся эта показная радость вновь обретенной дружбы… И Фидо с такой простодушной готовностью поддалась на эту уловку, что отнесла счастливую встречу на волю провидения!

Впрочем, если допустить, что ни провидения,

ни судьбы не существует, то мы сами расставляем себе ловушки, в которые и попадаем, с горечью подумала она.

Она обхватила ледяными ладонями пылающее лицо. «Хелен, что я тебе сделала? Разве я не любила тебя всем сердцем, разве не старалась спасти тебя, перенося от тебя невероятные унижения?!»

Но нет, вдруг пришло ей в голову, она смотрит на это не под тем углом. Самое ужасное — это то, что сама Фидо, по существу, для Хелен никто: удобный посыльный, посредник, связной. «Какой-то зонтик или платок». В запутанной мелодраме Хелен Фидо играет лишь роль статистки. Именно это доставляет такую боль, именно ложь о случайной встрече на Фаррингдон-стрит ранит сильнее, чем все другие ее обманы, даже более серьезные. Ирония всей этой истории в том, что Хелен, вероятно, и не думала оскорбить Фидо. Она нанесла ей страшный, смертельный удар, но сделала это бездумно, мимоходом, как роняют книгу.

Но делает ли это ситуацию лучше? Нет, только хуже. «Я не ничтожество, меня нельзя было сбрасывать со счетов», — решила Фидо, гордо поднимая голову.

Она глубоко вздохнула и распрямила плечи.

Затем подошла к туалетному столику. Взяв из коробки для украшений бархотку, поднесла к глазам и поразилась, как могла восхищаться такой пустой безделушкой. Затем яростно сорвала с ленточки потускневшие бусинки и остатки ракушек.

Ей стало легче дышать, когда она сказала себе: «Я могу ее уничтожить. И уже завтра сделаю это!»

Фидо нерешительно расхаживала в конце судебного зала, оглядывая заполненные ряды. Неужели ей придется простоять на ногах несколько часов? Вряд ли она это выдержит после бессонной ночи. Но в эту минуту какой-то джентльмен вежливо уступил ей место на скамье, и она села, поблагодарив его кивком.

Она в своем обычном деловом костюме с длинными рукавами и юбкой. (Утром она надела свое лучшее платье — из сиреневого бархата с накрахмаленными нижними юбками, — затем сочла это лицемерием и сняла его.) Никто на нее не смотрел; хотя имя ее у всех на устах, но в лицо ее никто не знает. К концу дня все изменится: каждый, кто находится в переполненном зале, запомнит ее черты. («Пожалуйста, никаких снимков для газет!»)

Со своего места поднялся самый высокий адвокат.

— Джентльмены, я рад, — обратился он к жюри, — что наконец-то настал момент обсудить дело моей гонимой клиентки.

«Это Хокинс, адвокат ответчицы», — подумала Фидо; таким его описывают газеты.

— Я сожалею, что нам пришлось просить о переносе разбирательства. Но я полностью убежден, что, несмотря на все предосудительные доводы против Хелен Кодрингтон, которые вы слышали две недели назад, вы не спешили составить свое мнение, помня о том, что ваш вердикт в нравственном смысле означает для этой леди жизнь или смерть. Это трагическая история, — высокопарно произнес он, — о не очень счастливых супругах, которые, по британским законам — не сомневаюсь, что вы придете к такому выводу, — должны оставаться супругами до конца своих дней и сделать все от них зависящее для того, чтобы жизнь их стала лучше. Таковой вердикт послужит ценным уроком мужьям: если они захотят жить более или менее независимо от своих жен, им будет не так-то просто освободиться от брачных уз, которые стали казаться им обременяющими.

Фидо обнаружила Гарри, который сидел рядом со своими адвокатами. В профиль он напоминал деревянную фигуру на носу корабля, потемневшую от штормов.

— Ответчица обладает живым и безыскусным нравом, — отметил Хокинс, — она склонна к преувеличениям и не любит подчиняться общепринятым правилам. В юном и наивном возрасте она беспечно согласилась стать спутницей жизни сурового морского офицера средних лет, что было неблагоразумно, но, уверяю вас, ни в коем случае не преступно.

Насмешливое хмыканье в зале.

У Хокинса строгий вид.

— Воспитанная в атмосфере свободных нравов Индии и Италии, моя клиентка усвоила заграничные привычки, в частности позволяла джентльменам провожать ее вечером домой или принимать их в своем будуаре, находясь в кровати. Эти привычки могут вызвать у вас, англичан, возмущение, но было бы в высшей степени несправедливо судить их согласно английским правилам поведения.

«Неужели здесь кто-то верит тому, что говорит этот человек?» — думала Фидо.

— Мой ученый собрат развернул перед вами

паутину из злобных и непристойных инсинуаций, чтобы доказать супружескую неверность миссис Кодрингтон, — продолжал Хокинс. — Когда супруги живут каждый сам по себе, даже по обоюдному согласию, это чревато серьезными последствиями, особенно для жены. Частые посещения мужа другой женщины — в данном случае миссис Уотсон, — мрачно уточнил он, — обычно воспринимаются как вполне невинные, в то время как дружба жены с другим мужчиной вызывает самые непристойные подозрения.

Что ж, пожалуй, это так, в браке нет равенства. Если бы Фидо не знала правду — если бы на месте Хелен оказалась любая другая женщина, — она могла бы сомневаться в предъявленных ей обвинениях.

— Хотя истцу было известно о знакомствах его жены, — подчеркнул Хокинс, — он не пытался положить им конец. В отношении лейтенанта Милдмея: могу ли я… следует ли мне… говорить, что моя клиентка вряд ли попросила бы его явиться в суд в качестве свидетеля, если бы считала свои отношения с ним хотя бы отчасти неприличными. Отказ Милдмея можно отнести к естественному нежеланию огласки, а возможно, к более низким мотивам: он вполне мог испыты-

вать к ней некоторую антипатию, поскольку она лишила его своей благосклонности…

Фидо почти восхищалась легкостью, с какой адвокат швырял в зал эти возмутительные предположения.

— Нам говорили о пылких разговорах, тайных встречах и свиданиях, — говорил Хокинс, — но все эти показания косвенны и противоречивы. Мы выслушали не факты, а умозаключения свидетелей, которым трудно верить, в том числе оскорбленную экономку, лакея, уволенного за грубые приставания к служанке, а также явно враждебно к ней настроенную ее бывшую подругу Эмили Уотсон. — Адвокат многозначительно выпятил губу. — Большинство этих так называемых показаний представляют собой откровенную фантазию. Мой ученый друг просил вас, в частности, поверить, что леди и джентльмен могут совершить прелюбодеяние, стоя на набережной при свете полной луны! Или на скамье каюты шириной всего двенадцать дюймов во время поездки на гондоле, которая занимает не больше десяти минут!

— Хватит и трех минут! — кричит кто-то с галереи. Следует взрыв хохота.

Фидо сгорала от стыда. В этом многолюдном

душном помещении говорили невероятные вещи: это же настоящий ад в центре столицы, где все превращается в грязь, словно посредством какой-то таинственной алхимии.

После краткого перерыва, во время которого судья Уайлд приказал найти и выставить из зала хулигана-крикуна, он сделал замечание Хокинсу.

— Пусть суд простит мне все эти подробности, ваша честь, — величественно произнес Хокинс, — поскольку этим инструментом я намерен разбить толстые слои инсинуаций, которые грозят поймать в ловушку мою клиентку.

Затем он вызвал одного за другим своих свидетелей: еще одного лодочника, который отрицал, что гондола слишком сильно накренялась в те вечера, когда на ней находилась миссис Кодрингтон с кем-либо из своих спутников; еще одного бывшего слугу, который утверждает, что на Мальте в спальне миссис Кодрингтон обычно спала горничная. Фидо почти их не слушала, охваченная волнением, свойственным актерам перед выходом на сцену: когда ее вызовут?

Перейдя к лондонским показаниям, Хокинс признал, что клиентка действительно скрывала свои встречи с полковником Андерсоном, по

чистой случайности получившим отпуск в это же время, но «исключительно по той причине, что истец начал проявлять необъяснимую враждебность к своей жене, продолжающей в Англии независимый образ жизни, к которому привыкла на Мальте», — пояснил он.

— Что же касается так называемого любовного свидания в отеле «Гросвенор», то нам не был предъявлен ни один свидетель из этого отеля, так же как и никаких доказательств, что полковник Андерсон снял спальный номер. Вряд ли они с миссис Кодрингтон могли совершить акт измены в комнате для чая! Такой же ловкий трюк мой ученый друг проделал в отношении черновика письма, обнаруженного в письменном столе ответчицы, — продолжил он свое стремительное нападение. — Не доказано, что она отправила письмо адресату; черновик может представлять собой просто разговор с самой собой, излияние эмоций. В любом случае характер письма показывает, что оно написано не закоренелой прелюбодейкой любовнику, а расстроенной леди своему платоническому другу накануне его поспешной женитьбы. Не стану отрицать, что замужней леди не пристало писать подобные письма, но, если говорить по существу, то его

грустный тон и самые добрые и искренние пожелания счастья адресату ни в коем случае не могут служить доказательством, что между ними существовали какие-либо предосудительные отношения, тем более предполагающие ее измену супружескому долгу.

Хокинс сделал паузу и отпил воды. Фидо готова была аплодировать ему.

— Но я допускаю, что кое на кого из джентльменов жюри могли повлиять эти мелкие и вводящие в заблуждение эпизоды, откопанные агентами и советчиками истца, — сурово произнес Хокинс. — Вот почему в контробвинении ответчицы указывается, что, если вас ошибочно вынудили счесть ее виновной в прелюбодеянии, она желает поставить вас в известность о серьезном пренебрежении своим долгом и о жестоком обращении со стороны ее мужа, что могло бы привести к этому преступлению, если оно вообще имело место.

Его предложения становились все более тяжеловесными и запутанными. Видимо, адвокату трудно было делать вид, что он верит своему клиенту. Или все адвокаты лгуны по определению? Умей обманывать, тогда станешь хорошим адвокатом. «Когда женщинам будет доступна

любая профессия по их выбору, — думала Фидо и сама поразилась абсурдности своей мысли, — Хелен Кодрингтон сможет стать очень хорошим адвокатом».

— Прежде всего, поговорим о пренебрежении своим долгом супруга, — деловито предложил Хокинс. — Безразличие и фактическое игнорирование им потребностей его очаровательной юной жены проявилось сразу же после их переезда из Флоренции в Англию. Оказалось, от нее ожидали, чтобы она изо дня в день занималась лишь домашним хозяйством, вынашивала его детей и ухаживала за его умирающим отцом. Джентльмены, призываю вас обратить внимание на это обстоятельство: игнорируя потребности своей жены в мужском внимании и развлечениях, истец тем самым толкал ее искать их самостоятельно, без супружеской защиты, подвергаясь злобным сплетням света.

Голос его становился зловещим.

— Но он пренебрегал не только этими интересами. Последний отпрыск этого брака, их младшая дочь, родилась в 1853 году; и приблизительно через четыре года, когда у ответчицы кончилось терпение, а сердце ее было разбито, она наконец с достоинством потребовала себе отдельную

комнату. — Он выдержал многозначительную паузу, чтобы аудитория прониклась важностью момента. — Поскольку истец, как нам было сказано, время от времени заходил в комнату своей жены — дверь ее не запиралась, — можно сделать вывод, что именно по его согласию или даже по его желанию супружеские отношения ни разу не возобновлялись в течение последующих семи лет. Вряд ли нужно напоминать вам, джентльмены, что дело супруга, а не супруги требовать исполнения супружеского долга.

Фидо следила за выражением лиц присяжных: кто-то самодовольно усмехался, кто-то был явно смущен.

— Чтобы более ярко осветить этот деликатный предмет, я вызываю капитана королевского флота Стрикленда.

Стрикленд оказался очень застенчивым рыжим военным моряком, бывшим на Мальте в подчинении у Гарри.

— Не жаловалась ли вам с горечью ответчица, что муж не посещает ее по ночам? — спросил Хокинс.

— Да, было дело.

— Хорошо. А истец когда-либо спрашивал, сколько у вас детей?

Мрачный кивок.

— Я сказал, двое.

— А что он сказал на это?

— Он сказал: «Этого вполне достаточно. Послушайтесь моего совета и больше детей не заводите».

По залу пронеслись неодобрительные шепотки.

— Как вы думаете, он говорил просто о воздержании, — многозначительно и мрачно уточнил Хокинс, — или, прошу у суда прощения, об использовании специальных средств для предотвращения зачатия?

— Точно не скажу, что я тогда подумал, — почесывая висок, пробормотал Стрикленд.

— Истец выражал сожаление по поводу того, что у него всего двое детей?

— Нет-нет, скорее гордость.

— Гордость!

Боувилу, который что-то шептал Гарри, предложили задать свидетелю вопросы, но он отказался.

Внезапно Фидо пришло в голову, что Кодрингтоны являются, вернее, были очень современными супругами. В каком-то смысле даже прогрессивными (хотя в остальном напоминали ушедшего в

поход крестоносца и его распутную хозяйку). Осознанное ограничение рождения детей, разные друзья, нежелание двух уникальных личностей слиться в одну — разве не к этому идеалу призывают Фидо и ее подруги с Лэнгхэм-Плейс, когда обсуждают «новые отношения между полами»?

Ей стало не по себе от этого сравнения. Женщины, подобные Хелен, подрывают доверие общества к самой идее о женской независимости. Неужели все сводится к одному — к торопливому совокуплению на чужом диване?

Тем временем Стрикленд уступил место коротенькому живому человечку — военно-морскому врачу Пикторну.

Хокинс задал ему вопрос:

— Они ссорились по вопросам воспитания детей?

— Да, — признал Пикторн, — особенно в связи с вмешательством миссис Уотсон в их воспитание. Она — миссис Кодрингтон — говорила мне, что адмирал грозил отправить детей в Англию, чтобы они жили в доме его сестры, леди Боуршир.

Адвокат в удивлении вскинул брови и сокрушенно покачал головой.

— Теперь коснемся вопроса спален. Что сказала вам однажды в 1862 году миссис Кодрингтон?

— Что, когда она хотела войти в комнату адмирала, он выставил ее за дверь, причинив ей боль.

— Причинив ей боль, — повторил адвокат, глядя на жюри. — Вы разговаривали с адмиралом относительно этого случая?

— Я счел это своим долгом, поскольку был врачом леди. Но он отрицал, что был хотя бы отчасти груб с ней.

— Опираясь на ваш опыт, доктор Пикторн, объясните нам, какие последствия может вызвать у женщины тот факт, что ее лишают естественного удовлетворения?

— Вы имеете в виду…

— Супружеские потребности.

— Это зависит от темперамента женщины, — серьезно произнес доктор. — Если она холодная и пассивная, то, скорее всего, никаких особенных последствий это не вызовет. Но если она горячего темперамента, то будет страдать от напряжения, плохого сна, нарушения пищеварения и эмоционального расстройства.

— А как бы вы охарактеризовали темперамент ответчицы?

— Как очень горячий.

«Он хочет ее», — поняла Фидо. Этот маленький врач жаждет ее, но говорит себе, что просто по-

доброму к ней относится. Такое впечатление, что Хелен возбуждает желание у каждого встречного, и грустная ирония состоит в том, что Гарри, когда-то сам страстно ее желавший, не видел этого, не понимал.

— Следовательно, если человек на протяжении многих лет лишает жену ее прав на физическую близость, — уточнил Хокинс, — можно ли считать этого человека невиновным в том случае, если природная жажда страсти захлестнет ее и подтолкнет искать освобождения где-то в другом месте?

— Ни в коем случае!

Боувил шепотом посоветовался со своим клиентом и вдруг вскочил.

— Доктор Пикторн, вы бы удивились, — рычит он, — если бы узнали, что в ночь так называемого жестокого обращения мужа ответчица вернулась с бала очень поздно и пребывала в неестественном возбуждении, вызванном танцами и крепким пуншем, — подчеркнул он, — и что, когда она упорно пыталась забраться в постель истца, при этом отпуская выражения, недостойные английской леди, он был вынужден мягко выпроводить ее из комнаты?

Доктор неопределенно пожал плечами:

— То, что кажется мягким высокому и сильному офицеру, может не показаться таковым хрупкой женщине.

Боувил принял еще более решительный вид.

— Кроме того, знакома ли вам точка зрения многих известных медицинских авторитетов, что целомудренная женщина не нуждается в плотских утехах? Что для многих жен естественное прекращение супружеской близости после рождения нескольких детей кажется подлинным облегчением?

— Я знаком с таким мнением, — смело заявил доктор, — и считаю его крайне невежественным.

Боувил изобразил полное изумление.

— Разве мужчины и женщины, при всех их различиях, не сделаны из одного теста?! — воскликнул доктор.

Фидо внутренне застонала. Он говорит как сторонник феминизма.

Как только этот свидетель был отпущен, снова встал Хокинс.

— В этом зале суду приходилось часто слышать страшные показания о жестокости, с какой рабочие обращаются со своими женами, но у образованных джентльменов имеются свои, утонченные формы жестокости. Они редко раз-

махивают кулаками, — коварно бросил он через плечо в сторону Гарри. — Они просто совершают насилие над нежными женскими чувствами, просто терзают их утонченные души!

А позиция Хелен выглядит довольно уверенной, неожиданно поняла Фидо. Во всяком случае, жюри может прийти к выводу о частичной вине Гарри и развести их. И какой тогда станет жизнь Хелен? Без детей, с подмоченной репутацией. Впрочем, у нее останется ее имя, доход и свой дом.

«Правда, суд еще не выслушал мои показания».

— Истец пошел еще дальше, — выразительно подчеркнул Хокинс, — и 11 октября 1856 года обнаружил свой истинный характер. Я вызываю мисс Эмили Фейтфул.

Она едва расслышала свое имя сквозь рев толпы и готова была бежать по проходу подальше от этого возбужденного гвалта и жадных глаз.

Будто в бреду, она поднялась на место для свидетелей. Оглядела зал в поисках Хелен, но вместо нее увидела единственное знакомое лицо — к ее ужасу — лицо сестры Эстер: полные щеки и строго поджатые губы. Фидо поспешно отвела взгляд. Эстер проявила благородство, явившись сюда от имени всей семьи, но Фидо хотелось провалиться

сквозь землю.

Она положила руку на Библию и без колебаний произнесла слова присяги. Само слово больше не имело для нее значения, только дух. Она была обязана найти свой путь через эти непроходимые дебри.

Хокинс коротко улыбнулся, словно поздравляя, что ей удалось преодолеть свое малодушие. Фидо внутренне настроила себя не поддаваться на его заигрывания.

Она механически ответила на несколько вопросов о ее владении издательством «Виктория-пресс», как она догадывалась, предназначенных показать, что она человек серьезный и деловой.

— При каких обстоятельствах вы познакомились с супругами Кодрингтон?

— Это было в 1854 году, — ответила она и откашлялась. — В 1854 году я жила с… — не надо упоминать ее сестру. — Я жила в деревне Уолмер в Кенте, где и познакомилась с миссис Кодрингтон.

— Это десять лет назад. Сколько вам было лет?

— Ровно девятнадцать.

— Вы жили в доме деревенского пастора, воспитывались в очень строгих правилах и совсем не знали свет?

— Пожалуй да. — Он решил показать ее в этом ракурсе? Подождав, она продолжила подготовленный рассказ: — Миссис Кодрингтон познакомила меня со своим мужем, и по их общему настойчивому приглашению я приехала к ним в дом на Экклестон-сквер. Я находилась там до 1857 года — не в качестве компаньонки миссис Кодрингтон, как писали газеты, — жестко уточнила она, — а в качестве друга.

— Преданного друга семьи, — кивая, уточнил Хокинс.

«Он считает, что я еще свидетель Хелен; думает, что я ее последний и самый выигрышный шанс».

— Какое впечатление у вас создалось об их семейной жизни?

Вот оно!

— К сожалению, они часто ссорились. В первые же дни моего знакомства с ней… с миссис Кодрингтон, она призналась, что несчастна в семейной жизни. Иногда они по неделе не разговаривали друг с другом.

— Какую комнату вы занимали в доме на Экклестон-сквер осенью 1856 года?

— Большую спальню, примыкающую к спальне Кодрингтонов.

— Вы хотите сказать, что они спали в одной комнате?

Фидо с трудом верила, что во всеуслышание говорит о столь интимных вещах.

— В то время очень редко. Эта спальня скорее считалась супружеской, — нерешительно пояснила она.

— Они спали там вместе после возвращения истца из Крыма в августе и до октября указанного года?

— Поскольку это было давно, я не помню, чтобы замечала это. — Ложь, она всегда знала, где спала Хелен: всего в нескольких дюймах рядом с ней или за закрытой дверью в соседней комнате.

— Когда миссис Кодрингтон спала с вами в вашей комнате?

— В отсутствие адмирала. — Опасаясь, что ее поймают, Фидо добавила: — А иногда также, когда он находился дома. Я страдаю астмой и порой нуждаюсь в медицинской помощи… — «Разве для этого нет горничной?» — спросила она себя, но Хокинс оставил это заявление без уточнений.

— А когда миссис Кодрингтон не спала с адмиралом, где он проводил ночь?

— В своей комнате.

— Вы говорите о третьей комнате, по другую

сторону от вашей?

— Нет, я… — Боже, она уже запуталась. — Он спал в той комнате, которая считалась их общей спальней. А она находилась в смежной с моей спальней.

Ей показалось, что дело не стало яснее, но Хокинс только спросил:

— Эти две комнаты имеют общую дверь?

Фидо кивнула.

— Пожалуйста, ответьте словами.

— Да. — Разумеется, все должно быть записано. Словно вырублено в камне.

Хокинс заговорил тоном рассказчика истории о привидениях.

— Мисс Фейтфул, в те ночи, когда миссис Кодрингтон спала с вами в одной комнате, эта дверь запиралась?

— Она плотно закрывалась, но не запиралась на ключ. Хелен… ответчица… иногда ходила туда и обратно. — Она тут же пожалела о сказанном. Это вызывает представление о мелькании в темноте.

— Заходил ли когда-либо к вам истец, когда вы спали с его женой?

Она насторожилась.

— Он мог зайти, чтобы что-то сказать ей или

разбросать угли в камине.

Адвокат вопросительно поднял бровь:

— Вы часто зажигали камин в вашей спальне?

— Это из-за моего здоровья; у меня была лихорадка и давняя астма, — объяснила она странным извиняющимся тоном. — Адмирал был… очень беспокойным; он не доверял горничной следить за огнем в камине. — Ей следовало сказать «в каминах»; почему он выбрал камин в ее комнате, а не те, что внизу? Все прозвучало так странно, что она невольно начала оправдываться. — Мне это не нравилось, и я сказала ей… миссис Кодрингтон, что лучше бы она не разрешала ему заходить. Но она только засмеялась и ответила, что если адмиралу нравится роль горничной, то ей это безразлично.

Хокинс два раза подряд кивнул, словно желая умерить ее нервозность.

— Перейдем к ночи одиннадцатого, — значительно произнес он. — Во сколько вы и миссис Кодрингтон отправились спать?

Фидо напряглась до предела.

— Наверное, около десяти… Я приняла лекарство, — подчеркнула она, — и крепко заснула.

— И в какое время вы проснулись?

— Этого я не могу сказать. — Она прокашлялась

слишком громко. — Помню только, что огонь почти совсем погас, и я увидела, как из двери выходит какая-то фигура в белом.

Хокинс слегка нахмурился.

— Нет-нет, мисс Фейтфул, начните с самого начала.

— Я и рассказываю с самого начала, — стиснув зубы, сказала она.

Он ничего не понимал и думал, что нужно слегка подбодрить свою главную свидетельницу.

— Сначала истец вошел через общую дверь?

Фидо покачала головой:

— Нет, я проснулась и увидела фигуру в белом, которая выходила из комнаты, и решила, что это был адмирал, поскольку больше никто не имел обыкновения входить к нам, и миссис… и ответчица сказала мне потом, что это был он. — Она говорила слишком быстро и неясно. Если все это правда, то почему кажется ложью?

Еще больше нахмурясь, Хокинс заглянул в свои записи.

— Он был в ночной сорочке?

— Кажется, в халате. — Это не так непристойно. — На самом деле все произошло так быстро, что я с трудом могла объяснить, что я видела; я еще была под действием лекарства и не совсем

очнулась.

— На нем были брюки?

— Этого я не могу утверждать, — резко ответила она.

— Что еще вы желаете поведать жюри об этом инциденте?

— Ничего.

Адвокат сверлил ее взглядом.

— Мисс Фейтфул, уверен, что вы не все говорите из-за женской скромности, а не из желания нарушить присягу.

От этого предположения у Фидо начало отчаянно колотиться сердце. Она покачала головой, стараясь не смотреть туда, где сидит ее сестра. Как Эстер расскажет все родственникам?

— Должен ли я напомнить вам, мисс Фейтфул, что 29 сентября вы дали совершенно иные показания об этом инциденте солиситору ответчицы мистеру Фью?

У Фидо перед глазами поплыли черные пятна.

— Я это сознаю, — едва не запинаясь, сказала она. — И рада возможности рассеять любые недоразумения.

— Недоразумения?! — У Хокинса едва не сорвался голос. — Мадам, или вы лгали, подтверждая свои письменные показания под присягой, или

лжете сейчас!

Присяжные смотрели на нее, вытаращив глаза и открыв рот. Сидящий за столиком юристов Фью не сводил с нее злобного взгляда. Она смотрела на свои руки.

— Нет, думаю, я сказала мистеру Фью то же самое, что сказала сейчас вам, — с запинкой произнесла она, — но с добавлением некоторых подробностей.

— Вот именно, с добавлением одной очень важной подробности! — неистово бушевал Хокинс. — А именно, что вас разбудило… Позвольте мне зачитать четвертый параграф: «Истец в ночной рубашке вошел в комнату и забрался в кровать, где спали миссис Кодрингтон и мисс Фейтфул, и ему помешало выполнить его намерение только сопротивление проснувшейся мисс Фейтфул».

Гул голосов в зале оглушил ее. Лицо ее горело, будто от ожога.

— Так сказала миссис Кодрингтон, — еле слышно объяснила она.

— Говорите громче.

Фидо повысила голос:

— Как раз перед моим разговором с мистером Фью она… ответчица рассказала мне, что ее муж

вел себя… непристойно в названную ночь. Она убедила меня, что принятое мною лекарство стерло из моей памяти воспоминание об этом инциденте.

У Хокинса глаза полезли на лоб.

Она поспешно продолжила:

— Считаю нужным объяснить, что это не я рассказала все по памяти мистеру Фью; предварительно он выслушал миссис Кодрингтон, и у меня было впечатление, что меня спрашивают только для того, чтобы я подтвердила ее показания. Он едва упоминал о подробностях и, щадя мои чувства, выражался деликатными намеками, — в отчаянии сказала она. — Когда он спросил меня, верно ли составлен отчет, я дала ему понять, что верно, потому что я искренне верила тому, что сказала мне подруга.

— Оставьте, мисс Фейтфул! — почти кричал адвокат. — Вы же образованная леди! И позволю себе добавить, известная защитница прав женщин. И вы должны понимать, что, когда адвокат задает вам вопрос, он ждет от вас вашего собственного ответа. Мистер Фью дал вам прочитать ваши записанные показания…

— Он подтолкнул документ мне, — признала Фидо, — но я была не в состоянии внимательно

прочитать его, чтобы ознакомиться с содержанием. Я была сильно смущена и взволнована, и мне трудно было дышать; кроме того, мистер Фью все время что-то говорил, и мне трудно было сосредоточиться. — «Господи, как же глупы женщины, — промелькнула отчетливая мысль, — это доказывают мои показания. Мы, легкомысленные существа, не умеем рассуждать логично, когда от этого зависит наша жизнь, не умеем исполнять гражданские обязанности, которые неотъемлемы от гражданских прав».

— Но вы официально подписали этот документ!

— Этого я не отрицаю, — с сожалением произнесла она, — но не помню, чтобы я подтвердила их полную достоверность во всех отношениях. Теперь я вижу, мне следовало объяснить мистеру Фью, что я все говорю со слов его клиентки. Позднее в тот же день у меня возникли возражения, и я попросила вернуть мне мои показания, но было уже поздно. — Фидо по-прежнему избегала смотреть в пятый ряд, где сидела ее сестра. — В минуту слабости я уехала за границу, чтобы избежать появления в суде и повторить суду эту историю.

Хокинс изобразил отвращение.

— Что ж, мисс Фейтфул… Хотя в то время вы на-

ходились в заторможенном состоянии, в данный момент считаете ли вы, что истец напал на вас, как сказала ответчица?

«Он считает меня добросовестной и честной», — поняла она и четко и ясно ответила при полной тишине в зале:

— Нет.

Хокинс пристально посмотрел ей в глаза.

— Вы должны признать, что-то, что вы помните, — что проснулись от испуга и увидели его выбегающим из комнаты, — несовместимо с попыткой изнасилования.

Она глубоко вздохнула.

— Я не говорила, что была испугана и что человек, которого я видела, выбегал. — Нужно говорить дальше, чтобы завтра с чистой совестью увидеть свои глаза в зеркале. — Сейчас я твердо уверена, что в ту ночь ничего подобного не произошло.

— Абсолютно ничего? — У адвоката дергалось адамово яблоко.

— Просто адмирал вошел в комнату, когда я спала, обменялся с женой несколькими словами и вернулся к себе.

Наступила тишина, пока Хокинс собирался с силами.

— Вы понимаете, мадам, что обвиняете свою близкую подругу в том, что она придумала всю эту ужасающую ложь с целью помешать объективному расследованию?

Фидо помолчала, затем хрипло произнесла:

— Возможно, ей это приснилось.

Зал взорвался оглушительным хохотом.

— Я хотел бы знать, не угрожает ли вам кто-либо, что заставляет вас изменить ваши показания?

У нее мурашки поползли по спине. Ей нельзя смотреть в сторону Гарри. «Вот как все было», — в отчаянии напомнила себе Фидо, но никогда раньше она не чувствовала себя такой лгуньей.

— Нет, — упорствовала она. — У меня было время все обдумать, и я решила выполнить мой долг и рассказать всю правду.

— У меня есть еще одно предположение, — прорычал Хокинс. — Возможно, попытка адмирала лишить вас невинности в ту ночь была успешной?

Фидо схватилась за деревянное ограждение бокса, чтобы не упасть.

— Говорю вам, все эти разговоры о заторможенном состоянии после приема лекарства и пробелов в памяти — это бесполезная попытка

отвергнуть ужас того, что произошло.

— Мистер Хокинс!

— Если истец виновен в попытке насилия, мадам, никто не станет винить вас в том, что вы стали беспомощной жертвой его вожделения.

— Я…

Он не дал ей говорить.

— Но если из-за слабовольного желания спасти свою репутацию вы покрываете его преступление и тем самым уничтожаете мою клиентку…

— Преступления не было.

Хокинс растерянно поморгал, затем снова сменил тон.

— А, так, значит, вы не сопротивлялись? — спросил он так мягко, что сначала она не поняла его и смотрела на него в полном замешательстве. — На самом деле вы почти согласились на ухаживания со стороны красивого мужа вашей подруги, с которым жили в непосредственной близости более трех лет? И разрешенная связь должна была состояться всего в нескольких дюймах от его спящей жены?

— Как вы смеете…

— Мистер Хокинс! — вмешался судья.

Но адвоката невозможно было остановить.

— А потом, когда она проснулась, вы ужасну-

лись содеянному и сказали ей, что он пытался изнасиловать вас…

— Нет! — крикнула Фидо.

Все эти недели, когда она с ужасом ждала этого дня, ей в голову не приходило такое страшное наказание. Адвокаты — злые, алчущие крови хищники. Хокинс не в состоянии был придумать что-либо правдоподобное, а потому стремится дискредитировать ее в глазах присяжных. «Ну, потерпи, осталось еще немного», — сказала она себе, словно успокаивая ребенка.

— Ничего не произошло, — задыхаясь, произнесла она. — Если суд потребует, я готова подвергнуться медицинскому освидетельствованию. «Только не это, все что угодно, но только не это!»

После долгой паузы Хокинс отступил.

— У меня больше нет вопросов, милорд.

Фидо уже приготовилась уйти, как встал Боувил, и она вспомнила, что ее еще должен допросить адвокат Гарри. Опасаясь, что разрыдается, она устало опустилась на стул.

— Не спешите, мисс Фейтфул. Дать вам воды?

— Нет, благодарю вас, — прошептала она.

Его голос мягок и мелодичен.

— Теперь вы уже понимаете, что напрасно

хранили искреннюю верность коварной подруге, напрасно доверяли ответчице, а не свидетельству своих чувств, напрасно уклонялись от вызова в суд. Но от имени британского правосудия я хочу поблагодарить вас за мужество, позволившее вам появиться здесь сегодня. — Широкая поощрительная улыбка. — Джентльмены из жюри, я уверен, сочувствуют вашему рассказу об обманутом доверии и рады, что вы вовремя все осознали и прояснили характер ответчицы и ваш характер.

Его добрый тон лишает ее сил. «Только не плакать, — приказала себе Фидо, — не смей плакать!»

— Могу только сожалеть, что в своих предыдущих выступлениях я так дурно отзывался о вас, мисс Фейтфул, и здесь, перед лицом суда, я беру назад свои слова. Мой клиент в данный момент получил более ясное представление о сложностях его семейных отношений с 1854 по 1857 год, — сказал Боувил, — и по его желанию я заявляю, что он считал ваше влияние на жену скорее положительным, чем отрицательным.

Так вот оно, вознаграждение, которое Гарри обещал ей, сидя рядом в кебе. Но как присяжные воспримут этот крутой поворот? «Все мы похожи

на лжецов, все без исключения».

— Вы подтверждаете, что истец хорошо относился к вам во время вашего пребывания в его доме на Экклестон-сквер?

— Да, я видела от него только доброту и вежливость, — бесстрастно произнесла Фидо.

— В отношении так называемого запечатанного письма, которое вызвало столько досужих домыслов, — продолжал Боувил. — Я хотел бы отметить, что, насколько помнит истец, оно содержит только запись о его мнении, что вам лучше возвратиться к своим родителям, и ничего порочащего вас.

Ей следует радоваться: это ключ от двери ее тюремной камеры. (Но для слушателей это совершенно непонятно: если в письме нет ужасных обвинений против нее, тогда зачем Гарри писал его и передал брату и почему Боувил так многозначительно размахивал им в суде две недели назад?) Тише, тише, Иуда уже получил свои тридцать сребреников. «Умоляю, отпустите меня!»

— Теперь, если позволите, перейдем к полковнику Андерсону. Когда вы с ним познакомились?

У Фидо опять началось усиленное сердцебиение. Гарри и его адвокат наверняка думали, что по условиям их сделки она готова сказать все. И

конечно, вчера, когда она рвала на клочки бархотку, она и сама решила, что сегодня отплатит Хелен за все. Но сейчас, когда дело дошло до этого, почему-то…

Она начала спокойно описывать свои встречи с Дэвидом Андерсоном.

— Боюсь, я не могу назвать даты его визитов, так как не веду дневника.

— Были ли они наедине в вашем доме? — подсказал Боувил.

— Наедине? — повторила Фидо. Вот он, ее шанс, эта линия, прочерченная на песке.

Адвокат кивнул и ждал ее ответа.

Она обнаружила, что почему-то не может… и не хочет переступать черту.

— Мне повторить мой вопрос, мисс Фейтфул?

Она покачала головой. Это не милосердие; больше она не испытывает тепла и нежности к Хелен Кодрингтон.

— Нет, — осипшим голосом проговорила она.

— Под этим «нет» вы имеете в виду, что мне не нужно повторять вопрос?

— Я имею в виду, что они никогда не находились в моем доме наедине.

«Я там тоже была: стояла прямо за дверью гостиной и прислушивалась».

В зале шум, шорох подошв по полу, переговоры. Кто из них радуется за эту красивую порочную женщину, думает Фидо, и кто предпочел бы, чтобы Хелен была наказана? Ей пришло в голову сравнение со сценой утопления ведьмы: гладкая золотистая головка появляется над водой, снова тонет, снова выныривает и опять скрывается.

Адвокат подозрительно сощурился.

— Вы помните разговоры с миссис Кодрингтон о соответчике?

«Если я скажу, что не помню, никто мне не поверит». Она молчит, осторожно выбирая слова.

— Однажды я сказала ей, что ее дружба с полковником неблагоразумна и что я не хочу быть замешанной в их отношения. — Да, это звучит правдоподобно. Фидо действительно говорила так Хелен — среди прочих вещей. «Правда, частичная правда и все что угодно, только не вся правда».

Боувил подошел ближе.

— И это все, что вы думаете о ее поведении? Ничего более серьезного, чем просто неблагоразумие?

— Я уже сказала.

— Вы утверждаете, что никогда не видели своими глазами непристойной близости между

ними?

Что значит — видеть своими глазами? А если снаружи, за дверью, прижимаясь к ней, отгораживающей ее от тайны?

— Никогда, — подтвердила она.

Она судорожно стиснула пальцы, умирая от желания затянуться сигаретой. То, что Фидо делает, — скорее, не делает — конечно, может не играть важной роли. Существуют и другие свидетели, которые охотно поклянутся на Библии в преступности Хелен. Но Фидо не сделает второй шаг. Пусть Хелен падет, но Фидо не станет той, кто столкнет ее в пропасть. Она скорее предоставит это сделать суду, провидению или если провидения нет, то судьбе, року. Ее руку останавливает не преданность и не прощение. Только стремление сохранить душевное равновесие, уверенность в себе, не стать подобной Хелен. Только уйти назад, в прошлое, чтобы найти себя, свое настоящее «я» в этом вязком тумане.

Фидо показалось, что Боувил собирается нанести упрямой свидетельнице ответный удар. Он может потребовать, чтобы суду было предъявлено запечатанное письмо. Одна эта мысль приводит ее в полное смятение. Черная печать может быть взломана, и, подобно чумной зара-

зе, страшное обвинение вырвется на свободу. Фидо опустила свое оружие, тогда как Гарри по-прежнему крепко сжимает свое. Она умоляюще посмотрела на адвоката.

Боувил вздохнул и обменялся взглядом со своим клиентом. Гарри едва заметно качает головой, и адвокат произносит слова, которые даруют ей свободу:

— Милорд, у меня нет больше вопросов.

Глава 17
ВЕРДИКТ
(от англо-нормандского «говорить правду»: окончательное и единодушное решение жюри по окончании судебного разбирательства)

Веселей гляди, ребята, наш корабль летит вперед!
Там нас вновь победа ждет, как весь славный этот год.
Мы не рабские душонки, честь и слава — наш удел.
Кто свободней сынов моря? Кто на них пойти посмел?

***Дэвид Гаррик.*[68]**
Дубовое сердце, гимн военно-морского флота (1759)

«КОДРИНГТОН ПРОТИВ КОДРИНГТОН И АНДЕРСОНА

---

[68] Примечания: 68

Гаррик Дэвид (1717–1779) — английский актер, драматург, директор театра Друри-Лейн.

Вердикт соответственно касался всех обвинений, выдвинутых истцом. Судья Уайлд огласил приговор, который вступит в силу после установленной даты, если до нее не будет отменен, и потребовал, чтобы соответчик (полковник Андерсон) возместил истцу судебные расходы в размере 943 фунтов. К удивлению многих присутствующих, затем судья Уайлд предпринял необычный, хотя и имевший уже прецедент шаг, обязав истца выплатить ответчице (Хелен Джейн Уэбб Смит, бывшей Кодрингтон) сумму 1100 фунтов на том основании, что истец в течение многих лет вынуждал страдать свою жену, отказываясь исполнять с ней супружеский долг по ночам и лишая ее своего общества днем. Как обычно, королевский проктор имеет в своем распоряжении срок не менее шести месяцев для установления каких-либо доказательств тайного сговора между разводящимися супругами. В случае отсутствия таковых судья Уайлд объявит приговор окончательным».

Этот день в конце октября очень холоден. Гарри

уже несколько часов неподвижно сидит в кресле перед одним из шести каминов в знаменитой кофейной комнате Рэг-клуба. Он размышляет о дочерях: что он скажет им на следующей неделе, когда заберет их у Уотсонов и отвезет домой на Экклестон-сквер. Он мысленно пытается представить свой монолог.

«Мама очень плохо себя вела и уехала». Неубедительно и как-то по-детски.

«Ваша мама больше не имеет права быть мамой». Слишком сухо и официально.

«Лучше считать, что она умерла — для нас умерла». Нет, Нэн и Нелл начнут плакать, а он не выносит их слез.

«Развод означает, что ваша мама должна уехать из дома и жить далеко от вас». На самом деле он не представлял, что станет с Хелен: куда она уедет и что будет делать. Вчера, во время последнего разговора с Бёрдом, Гарри едва не дал слабинку и не предложил ей какое-нибудь содержание, но потом снова взял себя в руки.

«Ваша мать…» А нужно ли им что-то говорить? Неправильно подобранное слово может ранить сильнее, чем молчание. Девочки и сами быстро все поймут. Может, лучше просто заехать за ними в кебе, по дороге занимая их разговором о

подаренном зоотропе, и совсем не упоминать об отсутствующей матери, ни в этот день, ни потом.

Вошли два члена клуба и заняли столик позади него; он не узнал их по голосам. Его внимание привлекало слово «кочерга».

— В ночной рубашке, да еще с кочергой наготове, — сказал один. — Он и сам словно из пословицы.[69]

— Ну, видимо, боялся, что леди замерзнут, если он не поворошит у них дрова, — с усмешкой заметил второй. — Хотя этот шут гороховый все время пропадал в море, так что они обходились и без его забот.

— Еще бы! Им и без него было достаточно тепло в постели!

Гарри стиснул кулаки.

— Эта ее приятельница, должно быть, сильна не только головой, если сумела отбить жену у такого верзилы, хотя и принимала «лекарство»! — захохотал первый. — Куда до нее адмиралу… О да, благодарю вас, три кусочка сахара.

«Не обращай внимания», — приказал себе Гарри. Он не в силах запретить людям чесать языки. Он стал тем, что управляющие крупными фирма-

[69] Примечания: 69

Английская пословица as stiff as poker (*букв.* «негнущийся как кочерга»), аналогична русской «прямой как аршин проглотил».

ми называют «притчей во языцех».

Как только официант удалился, снова прозвучал первый насмешливый голос:

— На мой взгляд, этот старый хрыч иного и не заслуживал.

— Ты это серьезно?

— Конечно. Судя по всему, он еще до того, как его жена стала блудить, был не очень-то строгим мужем.

— Да ты же слышал, как нагло она себя вела! — возразил второй.

— А он не должен был этого терпеть, судья так и сказал. Если бы он держал ее в руках, она утихомирилась бы, умерила свою страсть, занялась бы домом и детьми.

«Что я наделал?» — с ужасом спрашивал себя Гарри. В унылой и тесной каморке Бёрда мстительная миссис Уотсон высказала самое грязное предположение насчет отношений между Хелен и Фидо, а он, дурак, согласился, чтобы об этом говорилось во всеуслышание, и теперь публика воспринимает все это как святую истину! Вот уж действительно, пусти козла в огород!

— Гм, — глубокомысленно мычал второй, будто они обсуждали сооружение канализационной сети или права ирландцев. — Но судя по тому, что

говорилось в суде насчет ее потребностей, они у нее превосходят обычные.

— Не это главное. Моя жена тоже довольно пылкая по натуре, но даже если я оставляю ее в разочарованном состоянии, она не пустится во все тяжкие.

Больше Гарри не мог этого выносить. Он встал так резко, что опрокинул стул, и, нависая над приятелями, грозно спросил:

— Сэр, вы меня узнаете? А вы?

У одного вид смущенный, у другого брезгливый.

Один, заикаясь, произнес:

— Не думаю, что я имел честь…

— Меня зовут Генри Джон Кодрингтон, — прогремел адмирал. «И я любил свою жену, как мог, и не был с нею жестоким, а она не была ненормальной!» — готов он закричать. — Не знаю вашего имени, но с уверенностью могу сказать, что вы не джентльмен.

— Оставьте, адмирал…

— Все в порядке? — Рядом с Гарри возник швейцар.

Гарри не обратил на него внимания.

— Это возмутительно! Вы смеете пачкать имя леди, которую никогда не видели… — В голове у

него мутится. Как может он защищать имя Хелен, когда на то, чтобы обесчестить ее, потратил тысячи фунтов и опозорил старинный и почтенный род Кодрингтонов?

Один из приятелей выжал слабую усмешку.

— Мы только повторяем то, что пишут в газетах.

— Жалкое объяснение!

Швейцар положил руку на локоть Гарри.

— Успокойтесь, адмирал. В клубе не полагается устраивать ссоры.

— Во времена наших отцов, — гремел Гарри, указывая пальцем на их испуганные лица, — я бы вышвырнул вас отсюда. Я схватил бы вас за горло и отколошматил тростью, как последних подлецов!

— Право, адмирал, никаких ссор в клубе, — повторял швейцар, уводя его прочь.

Глава 18
FEME SOLE
(англ. юр.: незамужняя женщина)

Встань! И если держит прошлое тебя,
Забудь и радости, и горести его:
Ведь хуже нет напрасных сожалений!
Каким бы ни было оно — оно мертво.
Так вырвись без оглядки из призрачных цепей,
Усвоив лишь его уроки для той борьбы святой,
Что ты ведешь Сегодня!

Аделаида Проктор.
Сейчас (1864)

«NB. Поскольку искательницы работы нередко направляли свои заявления в типографию „Виктория-пресс“, ошибочно полагая, что ее владелица мисс Э. Фейтфул представляет Общество содействия трудоустройству женщин и что именно к ней и нужно обращаться в подобных

ситуациях, полагаем, здесь будет уместно разъяснить истинное положение вещей.

Одно время Общество рассматривало возможность организации типографии, где работали бы женщины, но пришло к заключению, что таковое предприятие будет более успешным как частное предприятие; потому мисс Фейтфул и взяла на себя осуществление данного проекта. Общество считает необходимым заявить, что оно не связано с издательством „Виктория-пресс“ ни юридически, ни организационно. За последние четыре года мисс Фейтфул не принимала никакого участия в деятельности Общества содействия трудоустройству женщин, а также в „Журнале английской женщины“, а потому предназначенную ей корреспонденцию не следует направлять в Общество по адресу Лэнгхэм-Плейс, 19.

Выражаем надежду, что после данного разъяснения вопрос можно будет считать закрытым»

(Александра мэгэзин и Журнал английской женщины. 1864. № 1).

«Лэнгхэм-Плейс
30 октября 1864 г.
Дорогая мисс Фейтфул!

Прилагаю окончательный вариант первого номера „Виктории мэгэзин“ и с нетерпением жду, когда я смогу просмотреть гранки.

Хотя Вы можете этого не знать, но Ваше неожиданное отсутствие на протяжении нескольких недель чрезвычайно осложнило мне подготовку к выпуску этого номера. По дополнительным причинам эта задача оказалась более трудной, чем я ожидала; должна сказать, что с тем бюджетом, который Вы мне предоставили, я нашла практически невозможным достигнуть высоких стандартов, о которых мы с Вами мечтали. Я понимаю, что вложения должны расти постепенно, но в настоящий момент, не располагая достаточными средствами для выплаты гонорара уважаемым писателям, вряд ли можно добиться реального улучшения.

Признаюсь, лишь после долгих размышлений я решила со следующего месяца отказаться от интересной работы,

которую Вы так любезно предложили мне, я имею в виду создание периодического издания, которое со временем, под Вашим редакторством или кого-то другого, безусловно, станет очень значительным и авторитетным выразителем идей нашего движения.

Разумеется, в принятом мной решении сыграли свою роль и определенные посторонние факторы. Нам нет необходимости обсуждать их.

Поверьте, мисс Фейтфул, я ничего не имею лично против Вас — я всегда буду испытывать глубочайшее уважение к Вашей работе и сожалеть о требованиях момента.

Искренне Ваша, Эмили Дэвис».

Фидо лежит в постели; сквозь занавеси с трудом проникает бледный желтый свет. Она с удивлением ловит себя на том, что хотела бы никогда не уезжать из Хэдли. Но мысль почувствовать себя заурядной женщиной кажется ей очень привлекательной. Она могла бы остаться жить в своей семье, быть просто дочерью, у которой только и дела, что играть на фортепьяно и помогать

матери заботиться о деревенских ребятишках…

После суда Эстер не осталась поговорить с Фидо. Фидо видела ее снаружи Вестминстер-Холла, когда та еле шла по улице, спотыкаясь, словно больная. Как она опишет этот долгий день своему мужу, что расскажет отцу и матери, когда приедет к ним?

Фидо не могла заставить себя принимать это близко к сердцу. Слишком велика ее усталость после шести лет работы в замкнутых душных конторах, где ей приходилось выслушивать отчаявшихся женщин; после шести лет отчаянных усилий предоставить возможность выбора представительницам своего пола (которые, в большинстве своем, в основном интересуются рюшками да оборками!). Она израсходовала все свои силы, все терпение, все сочувствие. И каковы же результаты грандиозного проекта, в котором она принимала участие? Около двух дюжин женщин, которые умеют набирать текст и вести бухгалтерский учет, вместо того — или перед тем — чтобы рожать детей. Сколько взволнованных речей, сколько страстных убеждений и доводов — и все напрасно! Ни один закон, попирающий права женщин, так и не изменен.

«Я не из таких женщин», — сказала Хелен,

когда Фидо предложила ей работу корректора. Только теперь Фидо осознает подразумеваемый ею оскорбительный смысл. Хелен вовсе не хотела этим сказать, что она не способна на эту работу. Она имела в виду, что работа — это унизительный выход для женщин, число которых сейчас намного превышает мужское население Англии, не нашедших себе мужа.

Фидо продолжает неподвижно лежать в постели. У нее не осталось никакого запаса сил, все ее резервы исчерпаны. «Можно продать типографию, — думает она со смутным искушением, — или закрыть ее на время и отправиться за границу — на собственные средства. Родителям это понравилось бы». (В Париж? В Амстердам? Или в Рим?) Это понятно; кто мог бы винить ее после того, что произошло?

Она отворачивается от окна и продолжает лежать. «Еще несколько минут, — говорит она себе, — и я встану и приму холодный душ».

Через час она уже была в типографии на Грейт-Корэм-стрит и работала над невыполненными заказами. Все утро она наспех корректировала материалы. Она сознавала, что пропускает ошибки, но это не важно: главное — поскорее все напечатать.

Как она будет выпускать «Виктория мэгэзин» теперь, когда уходит Эмили Дэвис? Авансовой подписки не так много, как она надеялась, — в Лондоне не так уж плохо, но в сельской местности — полный провал. Она была не в состоянии платить высокие гонорары за второсортные рассказы Тома Троллопа; в следующий раз подумает, прежде чем обещать. Оставалось ей самой быть и издателем, и редактором, и распространителем. Придется экономить и — под разными именами — самой писать материалы для журнала. Где же она найдет многообещающих писателей, которые согласятся участвовать в журнале практически без вознаграждения?

В перерыве Фидо просматривала свою почту, отмечала, кто ей пишет, а кто многозначительно молчит. Как жрица по внутренностям жертвенного животного читала будущее, угадывала и считала своих друзей, врагов и, конечно, тех, кто выжидает, что станет с когда-то влиятельной и энергичной Фидо Фейтфул. Она не видела среди писем приглашения выступить на очередной конференции Общества социологических наук — но, с другой стороны, оно не аннулировало контракты с ней на издание его статей и отчетов. Кроме Бесси Паркес, никто из ее клиентов не

порвал с ней деловых отношений.

Ни одного письма от Изы Крейг, Джесси Бушере, Сары Левин. Означает ли это, что вся Лэнгхэмская группа солидарна с Эмили Дэвис и Бесси Паркес, что все они решили предать Фидо забвению?

Но она не позволит себе предаваться унынию, ни у кого не станет просить помощи. В настоящий момент она, во избежание оскорблений, ни к кому не ездит, не развозит свои карточки, не посещает никакие светские мероприятия. Это временное, стратегическое отступление. Она напомнила себе, что к тому моменту, когда она покинула место свидетелей, Боувил сделал все, что было в его силах, чтобы как-то подправить ее репутацию. Некоторое время Фидо будет тихой и кроткой, но в отчаяние не впадет. И уж конечно, из принципа ни за что не закроет типографию!

Забыв о том, что на столе стоит чашка чая и тост с ветчиной, она сосредоточенно изучала счета типографии. Суммы оказываются значительно выше, чем она ожидала. Несколько минут она сидела в задумчивости, затем приняла решение и вызвала старшего метранпажа.

— Мистер Хэд, я начинаю понимать, что не совсем справляюсь с делами.

Молодой человек с вежливым вопросом в гла-

зах склонил голову набок.

— Мне надоело, что меня обманывают и подсовывают негодную бумагу. Чтобы контролировать расходы типографии, для чего у меня нет ни времени, ни достаточных знаний, мне требуется серьезный и ответственный человек. Вы могли бы взять на себя эту работу?

— Если меня устроят условия, — без запинки ответил он.

— Разумеется. Кроме того, должна доверительно сказать вам, что типография крайне нуждается в средствах. Я решила — хотя и неохотно — продать паровой пресс, поскольку у нас явно недостаточно для него газетной работы. (И потому, что она больше не хочет появляться на Фаррингдон-стрит.)

— Скажите, мисс Фейтфул, вы никогда не думали пригласить партнера?

Она настороженно выпрямилась.

— Видите ли, у моего отца имеется небольшой капитал, который он намерен передать мне, если подвернется подходящее дело, — смущенно пробормотал мистер Хэд. — Тысяча фунтов.

Фидо подбадривающе улыбнулась.

— За такие деньги вы можете приобрести четверть всего бизнеса.

— Думаю, треть, мэм.

Она удивленно вскинула брови.

— Последняя оценка стоимости типографии составляла около трех тысяч фунтов, не так ли?

— Да, но с тех пор наша репутация значительно выросла, — попыталась она блефовать.

— Что ж. — Он сделал паузу, во время которой оба могут поразмыслить над тем, что стало с ее собственной репутацией за последние недели. — Если принять во внимание, что я буду исполнять обязанности управляющего, можем мы говорить о трети стоимости типографии и равной доли от всех доходов — вместо жалованья?

Является ли этот молодой человек ее спасителем или искателем выгоды, пользующимся ее слабостью? Не важно. Бескорыстных спасителей не существует. Подумав, Фидо кивнула, и он протянул ей свою длинную холодную руку.

Странно будет оказаться на равных со своим подчиненным, но Фидо решила, что привыкнет к этому. Люди гораздо легче приспосабливаются к обстоятельствам, чем им кажется.

Когда Хэд вернулся в типографский цех, Фидо села и оглядела свой кабинет. В нем все еще ощущается запах кайенского перца. История движется скачками; она уверена, что впереди ее

ждут новые сражения.

Вместо того чтобы пойти домой, она сама не заметила, как оказалась на Лэнгхэм-Плейс.

У номера 19 ей пришло в голову, что нужно постучать, чтобы ее не упрекнули в невежливости. Но у нее есть свой ключ, и после минутного колебания она сама открыла дверь.

В читальне и в зале заседаний ни одного человека, никто ее не встретил, никто не преградил дорогу. Она постучала в двери разных маленьких кабинетов и наконец добралась до кабинета Бесси Паркес.

— Мисс Фейтфул! — Бесси Паркес даже не встала и посмотрела на Фидо, сидя за своим письменным столом, где, как всегда, царил образцовый порядок.

В первый момент Фидо была не в состоянии говорить, а просто протянула номер «Александры мэгэзин», открытый на восьмой странице.

— Я пришла просить, чтобы вы напечатали опровержение. — Она судорожно глотнула воздух. — В этом сообщении, помещенном в вашем новом журнале, вы полностью исказили все факты. Вы заявляете, что я в течение четырех лет не принимаю участия в деятельности Общества содействия трудоустройству женщин и в

журнале…

— Вы не занимаете никакого поста в каком-либо комитете, — напомнила ей Бесси Паркес.

— Вы прекрасно знаете, что я присутствовала на всех собраниях и участвовала во всех кампаниях. Я основала отделение общества в Дублине и в Эдинбурге… Вела один из регистрационных журналов учета рабочих мест, не говоря уже о помещении в «Таймс» статей, в которых знакомила женщин с нашей работой… — Фидо говорила слишком взволнованно, хотя и старалась успокоиться. — И если у меня не было официальной должности, все понимали, что это только из-за того, что я занималась издательством «Виктория-пресс», которое, несмотря на ваши жалкие попытки отказаться от него, остается блестящим примером способности женщин к профессиональному труду!

Долгий вздох.

— Вы находите необходимым этот разговор? Какую пользу, по-вашему, он может принести?

— А было ли так необходимо публично отрекаться от меня, делать из меня козла отпущения?

— У нас были для этого основания, — резко возразила Бесси Паркес. — Вы навлекли дурную

славу не только на себя, но и на Лэнгхэмскую группу: это мы имеем право считать себя оскорбленными. Со всех табличек уже стирается ваше имя, как личное, так и профессиональное. Общество социологических наук вряд ли продолжит печатать у вас свои материалы, и, если вы и дальше будете вести себя так же бесцеремонно, можно не сомневаться, что королева сочтет необходимым лишить ваше издательство своего покровительства.

— Полагаю, что после недавних неприятностей я вышла с восстановленным именем, — сказала Фидо, стараясь не замечать своей неуверенной интонации.

— Скорее, едва оправданным, — уточнила Бесси Паркес, выразительно глядя на нее своими большими, как у куклы, глазами. — Судья Уайлд, конечно, проявил к вам милосердие в своей заключительной речи, представив вас просто не слишком разбирающейся в законе и отступницей. Воистину, это достойно удивления: как вам удалось предать одновременно и вашу подругу, и наше движение!

Фидо судорожно перевела дыхание.

— Я предана нашему делу, и вы это знаете.

— Нет, мисс Фейтфул, боюсь, я считаю вас без-

надежной. При всем вашем уме и энергии, теперь я вижу, что с вами не все в порядке, что однажды — упаси бог! — может привести вас в тюрьму Милбанк.[70]

— Это неправда! — настаивала она. — Я такая же, как была всегда.

Бесси Паркес пожимает плечами:

— Но рты уже открылись, и их не закрыть.

— Следовательно, для вас имеет значение только внешняя сторона?

Бесси Паркес вспыхнула:

— Стремление сохранять благопристойный вид — это еще не грех! Если работающая женщина не носит нижних юбок, но верхняя у нее всегда чистая и аккуратно заштопана, или она ставит чашку на стол так, чтобы гостю не видно было, что она треснутая, — вы можете назвать это лицемерием, а я скажу, что она делает это из уважения к обществу.

Фидо кое о чем вспомнила.

— То есть вы из уважения к обществу уволили Макс Хейс два года назад, сочтя, что из-за

---

[70] Примечания: 70

Милбанк — первая современная тюрьма в Лондоне, была открыта в 1816 г. В ней были отдельные камеры на 860 заключенных. Власти были удовлетворены проектом, началось строительство тюрем ввиду быстрого увеличения числа заключенных в связи с отменой смертной казни и неуклонного сокращения этапирования в колонии.

нее у нас уменьшилось число подписчиков?! — возмущенно парировала она. — А мы сидели и блеяли, как робкие овцы, и ничего не сделали, чтобы остановить вас. Вы, вероятно, считаете, мы должны очищать свои ряды, избавляясь от одной женщины за один раз, и тогда была ее очередь?

Лицо Бесси Паркес странно исказилось.

— Я всегда буду с любовью думать о бедной Макс и поминать ее в своих молитвах, но она такая же неуравновешенная, как и вы. Эти ужасные сцены ревности между нею и мисс Кушман…

Фидо растерянно смотрела на нее.

— Нет, вы положительно опасная особа! Не знаю, сумасшедшая вы или порочная, но в любом случае вас нельзя допускать в наше движение, вы порочите его репутацию.

— Я вложила в него всю свою душу!

— Значит, настало время остановить вас; вы приносите заразу в него.

Не находя слов, Фидо направилась к двери, но обернулась.

— Все мы нужны нашему делу, — твердо сказала она. — Несмотря на наши недостатки. Это касается и вас, смею вас заверить. Но вы не помешаете мне вносить свою лепту в работу, если не здесь, то в любом другом месте.

— Пожалуйста, не забудьте забрать свои вещи, — бросила Бесси Паркес, возвращаясь к своей работе. Ее голос едва заметно дрожал.

Ничего не видя из-за выступивших слез, Фидо побрела к столу, целых шесть лет бывшим ее рабочим местом, и начала укладывать в свою ковровую сумку бумаги, перья и все, что попалось ей под руки.

В первый день ноября Фидо сидела в своем кабинете на Тэвитон-стрит и писала для «Виктории мэгэзин» статью, посвященную трехлетней годовщине смерти принца Альберта. Она радовалась, что умение писать не покинуло ее; хоть и с трудом, но она подбирала нужные слова, как инвалид, снова обучающийся ходьбе. Она остановилась и перечитала написанное. Цель статьи — внушить королеве мысль о необходимости сократить пышные траурные мероприятия, которые парализуют ее двор, но при этом не задеть ее чувства. Может, стоит адресовать статью не только Виктории, но и тем ее подданным, которые когда-либо понесли горькую утрату?

«Это период полного отсутствия какой-либо деятельности, который природа позволяет для великой скорби». Не написать ли слово «природа» с заглавной буквы? Нет, она недоверчиво

относится к заглавным буквам, например в слове «женщина». «Очнемся же и снова примемся нести нашу каждодневную ношу», — написала Фидо, затем исправила «ношу» на «бремя»; архаический стиль придает статье остроту. Она обмакнула перо в чернила. «Будем же неослабно исполнять обязанности своего положения». После «неослабно» она вставила «и самоотверженно». Может, лучше упомянуть Бога? Или провидение, это более привычно слуху народа. Она снова перечитала абзац.

«Некоторые из нас, после короткого периода полной бездеятельности, который природа допускает в дни великой скорби, должны снова встать и нести свое бремя, неослабно и самоотверженно исполняя обязанности своего положения, высокие или низкие, к чему призывает нас Провидение».

Услышав стук в парадную дверь, Фидо подняла голову и ждала, когда к ней поднимется Джонсон.

Горничная принесла не визитную карточку, а пакет. И не просто пакет. Под коричневой оберточной бумагой обнаружился плотный белый конверт. Фидо сразу узнала в нем конверт, которым размахивали в суде. Тот самый конверт, на

котором — подобно комку масла, брошенному с размаху в стену, пришло ей в голову сравнение — красуется печать с драконом из герба Кодрингтонов, а над ним фамильный девиз из четырех букв, который расшифровывается, вспомнила она с небольшим усилием, как «Мужество непобедимо».

К конверту прикреплен маленький листок тонкой бумаги с надписью: «С поздравлениями от Генри Дж. Кодрингтона». Стандартная фраза, но она написана рукой самого Гарри, отметила Фидо и представила его сидящим за своим столом на Экклестон-сквер. Девочки занимаются уроками, повариха хлопочет у горячей плиты. А он, вероятно, приводит в порядок свои дела, отправляет банковские переводы своим адвокатам и сыщику. Все это он делает сосредоточенно, стараясь ничего не упустить, и вдруг решает отправить этот особый документ мисс Фейтфул в качестве признательности. Даже надписывает: «С поздравлениями от Генри Дж. Кодрингтона». От нее не укрылась некоторая доля иронии этой фразы. Не поздравляет ли он ее со всеми этими двусмысленными и уклончивыми ответами в суде? Со всеми этими увертками, которыми она отстояла свою репутацию?

— Что сделано, то сделано, — вслух сказала Фидо и услышала, как ее хриплый голос отдается эхом в голове.

Словно воочию увидела она, как Гарри нагибается к свежеокрашенной решетке камина в своем кабинете, где в это утро разведен небольшой огонь, достаточный для того, чтобы сжечь бумаги, которые он подбрасывает одну за другой. Да, это было бы типично для адмирала: сжечь все свидетельства этой истории. Не только самого суда, но и следы женщины, которая называлась его женой: все письма, все фотографии (сохранив, однако, серебряные рамки; возможно, когда-нибудь он вставит в них снимки своей новой жены, на этот раз англичанки не только по рождению, но и по воспитанию).

А Хелен, думала Фидо, где она сейчас? Не у друга: у нее больше не осталось друга, который принял бы ее в свой дом. Не у любовника: они тоже покинули ее, как осенью опадают листья дерева.

«О, дорогая моя!»

При мысли о Хелен, одинокой в этом враждебном мире, Фидо стало не просто грустно, а даже физически тяжело, и она наклонилась к столу, словно ей на плечи давит свинцовый груз.

Странно, невольно отметила она, что ее душа настолько неразрывна с телом, которое корчится и задыхается; странно, что даже сейчас, после необратимых событий прошедших двух месяцев, после ударов и контрударов, таких мощных и унизительных, что, казалось бы, они должны были уничтожить все прежние привязанности, — как невыразимо странно обнаружить остатки того, что можно назвать только любовью. Призрачной, покрытой пеплом, раскаленной добела.

Прижав пальцы к губам, Фидо со свистом втянула в себя воздух.

Хватит чувств, нужно заняться делами! Но здесь, на столе, под ее локтем, лежал этот простой белый конверт, из-за которого адвокаты дрались, как собаки. (Интересно, сколько заплатила бы за него «Таймс»?) Письмо не надписано, на нем только блестящая черная печать. Когда она его прочтет, пообещала себе Фидо, она сожжет его, и тогда уже все останется позади.

Текут минуты, но подобно повзрослевшей, умудренной и осторожной Пандоре, она не спешила сломать печать. Она взяла маленький серебряный нож для вскрывания писем, но не решалась вскрыть этот конверт. Фидо считала себя принадлежащей к миру литературы, кото-

рая дышит стихией текста, но только недавно она осознала, какую опасность таят в себе слова, эти черные остроклювые птицы, что коварно и непредсказуемо нападают на человека. Но если она не вскроет письмо сейчас, если спрячет его подальше от чужих глаз — его власть над ней станет еще сильнее. Днем и ночью она будет помнить, что оно лежит у нее в сейфе, засунутое за бухгалтерские книги, рядом с ее завещанием, которым она оставляет все свое имущество племянникам и племянницам, потому что больше у нее никого нет в этом мире. Оно будет источать зло, как какая-то черная лампа.

«Ну же, вскрой письмо!»

Фидо вдруг подумала, что лучше его сжечь не читая. Что бы ни говорилось в нем о ней, какие бы грязные предположения или зловещие угрозы ни доверил бумаге несчастный муж семь лет назад — понадобится всего несколько минут, чтобы все это превратилось в золу и пыль. И зачем она вообще принуждает себя прочесть его? Какую пользу принесет оно ей, если она увидит все эти слова?

Она размышляла, что это могут быть за слова; подбирала ужасные синонимы. Но если она сожжет письмо — вдруг сообразила она — то никогда не узнает, что его содержание могло быть и

хуже. Нет, она не в силах заставить себя пройти три шага, отделяющие ее стол от тлеющего в камине огня. Будто в этом конверте содержится тайная повесть о ее жизни. «Прочти и покончи с этим!» Что бы в нем ни было…

Внизу раздался стук дверного молотка. Фидо вздрогнула.

На этот раз горничная сообщила о приходе некоей мисс Смит.

Фидо недоумевающе наморщила лоб.

— Не думаю, что я знаю…

— Хелен Смит, просила она сказать, — недовольно проворчала горничная, отводя взгляд.

Фидо так поспешно сунула письмо под стопку книг, что смяла его края. У нее перехватило горло, мелькнула мысль притвориться, что ее нет дома, но это только отсрочило бы разговор, и потом… «Ты жалкое ничтожество, трусиха!!»

— Я спущусь в гостиную… Нет, пожалуй, проводите ее сюда.

Эту гостью лучше принять в деловой обстановке.

— Сюда?

— Да, я же сказала.

Оставшись одна, она старалась успокоиться и выровнять дыхание.

Когда в кабинете появилась Хелен, Фидо поняла, что ожидала увидеть сломленную женщину, возможно, побитую, если не раскаявшуюся. Но Хелен сияла улыбкой и была одета в эффектное красное платье с пышными оборками.

— Ты выглядишь очень модной, — сказала Фидо, чувствуя, что фраза прозвучала мрачным упреком.

Она забыла предложить гостье присесть и поймала себя на том, что играет с ножиком для бумаг, будто пребывающая в нерешительности Макбет.

— Отправляюсь за границу! — весело объявила Хелен.

Ну конечно! И все-таки услышать это было больно.

— Куда именно? — Наверное, в Бельгию или в Италию, но наверняка не во Флоренцию; опозоренный старик не откроет дверь такой дочери.

— А это важно? — Хелен кокетливо склонила рыжую голову.

Фидо откашлялась.

— Лично для меня нет…

— И мне это безразлично, — небрежно пожав плечами, заверила Хелен.

Значит, куда бы она ни отправилась, это будет полусвет. В каждом городе найдутся дамы с

сомнительной репутацией, которым не на что жить, кроме как выигрывать в карты или рассчитывать на покровительство джентльменов. «Могла ли я спасти ее? — думала Фидо, чувствуя острую боль в сердце. — Если бы я была умнее, тверже и сильнее?» Она пыталась говорить серьезным тоном владелицы «Виктории-пресс».

— Твоя ситуация действительно…

Но ее прерывает удивленный смех.

— Фидо, прощаешь ты меня или осуждаешь, но ты никогда меня не понимала!

Фидо пораженно смотрела на нее.

— Ты всегда воспринимала меня как романтичную и сентиментальную Эмму Бовари, тогда как на самом деле все намного проще, — спокойно, будто речь идет о погоде, объяснила Хелен. — Я всегда искала развлечений. И когда не находила их, то мне трудно было играть роль добродетельной супруги и примерной матери, это правда! Но значит ли это, что хуже меня никого и на свете нет? В конечном счете все мы — потомки обезьяны!

Фидо не нашла слов против подобного философского вывода.

— Мы… Мы — дети Божьи, — наконец выговорила она.

Хелен уперлась руками в край стола.

— Ну а если сам Господь вложил в меня эту неуемную страсть, то пусть он за это и отвечает, разве это не справедливо?

В комнате повисла тягостная тишина.

— Но я пришла не для разговоров, — деловито добавила Хелен.

— За чем же?

— За деньгами.

Это слово вызывает у Фидо одышку. Оно редко произносится в ее кругу; люди предпочитают говорить «средства», «вознаграждение», «ресурсы».

— Адмирал… Конечно, если ты скромно попросишь… как мать…

— Если забыть о том, что я больше не в состоянии выносить унижения, — сухо прервала ее Хелен, — в его глазах я уже не мать его детей. Разве ты не знаешь, что он считает меня ошибкой, которая пятнадцать лет назад вкралась в его расчеты при женитьбе? Мне передали, что мне нельзя появляться в его доме даже для того, чтобы проститься.

Только сейчас, да и то на мгновение, в этих голубых глазах Фидо замечает влажный блеск.

— А почему ты обращаешься за деньгами ко мне? — запинаясь, спросила Фидо.

— Потому что у меня нет ничего, кроме того, что можно выручить за несколько украшений, — рассудительно объяснила Хелен. — Теперь до конца моих дней мне всегда придется добывать средства на жизнь тем или иным способом.

— Но почему? Я подумала… потому что я чувствовала себя обязанной поступить так… в суде.

Хелен щелкнула крышкой изящных часиков.

— Хотя тебя, вероятно, очень утешило бы, если бы мы упали друг другу на грудь, обмениваясь признаниями, обвинениями и рыданиями, боюсь, у меня нет для этого времени.

— Я только хотела знать, почему именно у меня? — упрямо повторила Фидо.

— А у кого же еще? — Хелен внимательно рассматривала ее. — В конце концов, ты была первой.

Фидо взяла себя в руки. Хелен коснулась ее больного места.

— Ты же ничего не забыла, — сказала Хелен, сложив руки на груди. — Готова поклясться, что ты помнишь каждую ночь гораздо отчетливее меня.

Фидо не может вздохнуть.

В улыбке Хелен таится что-то страшное.

— Мы были такими юными, — прошептала

Фидо.

И снова язвительный смех.

— Ну, при этом достаточно взрослыми, чтобы понимать, что у нас на уме.

— Мы никогда про это не говорили.

Хелен равнодушно пожала плечами.

— Нужды не было, поэтому я и щадила твою щепетильность. Но, кажется, сейчас настало время называть все своими именами.

Фидо с трудом сглатывает.

— После всего, что я перенесла по твоей вине, ты занимаешься вымогательством?

— Дорогая моя, я смотрю на это намного проще, — заверила ее Хелен. — Поскольку ты первая склонила меня изменить моему супружескому долгу…

— Нет, — прошептала Фидо. Она не могла вынести мысль, что между ею и мужчинами, которые совратили Хелен, может быть какое-то равенство. — Это было… не то же самое. — В кабинете такая напряженная атмосфера, что, казалось, вот-вот искры посыпятся. — Если мы никогда об этом не говорили, то только потому, что слова способны все исказить, извратить. Для этого… Это невозможно выразить словами.

Хелен нетерпеливо передернула плечами.

— Я бы сказала, что мы получали удовольствие, как и любые другие дети природы. А сейчас так уж случилось, что кто-то должен за это заплатить. Поскольку ты первая завладела мной — за много лет до других, — то ты и должна заплатить, не так ли? — Она выжидала. — Разве ты не предпочла бы сама это сделать?

Слезы капали на руки Фидо, на стол, на бумаги. Она безмолвно кивнула и неловко нащупала перо.

— Я выпишу тебе чек в мой банк.

— Я предпочла бы наличные.

Фидо подошла к сейфу, отперла его. Достала коробку с деньгами, в которой лежало жалованье для рабочих типографии. На секунду ее охватило сомнение, но, не в силах пересчитывать купюры, она подтолкнула всю коробку через стол.

Хелен переложила все в свою сумку: не только банкноты, но золотые соверены, серебряные кроны и полукроны, флорины и шиллинги. Оставила только медную мелочь.

Фидо следила за быстрыми движениями изнеженных ручек и молча ждала. Чего? Какой-то благодарности. Любых слов.

Но Хелен защелкнула замок на сумке и вышла из кабинета.

После ее ухода Фидо долго сидела без движения. Она всматривалась в длинный туннель своей жизни. Кент, рыдающая женщина на морском берегу, первый разговор. Было бы лучше, если бы ей хотелось, чтобы этого никогда не было. «О, Хелен, Хелен, Хелен!» — раздается в ее ушах крик, подобный крику чаек. Любовь, найденная, запутавшаяся, потерянная, вновь обретенная и снова погибшая, и зависело ли от Фидо, чтобы история этой любви была иной, не такой горькой?

Остается еще одно дело. Она вытягивает из-под стопки книг письмо. По контрасту с черной печатью конверт выглядит белоснежным, как девичья кожа. Чего еще ей бояться?!

Печать сломалась под пальцами Фидо. Сложенный лист развернулся. Он пуст, ни единого слова.

Послесловие автора

Эмили Фейтфул (1835–1895), Фидо, как называли ее близкие друзья, была одной из выдающихся активисток первой волны британского женского движения. Ее коллега по Лэнгхэм-Плейс Иза Крейг написала стихотворение «Эта Троица», прославляющее Аделаиду Проктор как Веру, Бесси Паркес как Любовь и Фидо Фейтфул как Надежду. Вот строки о Фидо:

Вдаль устремлен ее ясный взор,
Провидя прекрасное будущее.
Любое препятствие для нее — вздор!
Цель — вот вся ее сущность.

Но к 1870 году, когда это оптимистическое стихотворение было опубликовано в сборнике «Английская лирика», все уже изменилось: скончалась Аделаида Проктор, Бесси Паркес вышла замуж за француза, которого едва знала (среди их детей — писатель Хилер Белок (1870–1953), и практически перестала участвовать в движении; главный офис Товарищества реформисток перебрался с Лэнгхэм-Плейс в дом Эмили Дэвис, а

Фидо Фейтфул стала парией.

«Запечатанное письмо» — это роман, основанный на подробных отчетах о деле «Кодрингтон против Кодрингтон и Андерсона», которые печатались в номерах «Таймс» от 30 июля, 1 и 2 августа, 18, 19, 21 и 24 ноября 1864 года, а также в «Дейли телеграф», «Спектейтор», «Рейнолдс мэгэзин» и «Ллойдс Уикли Лондон ньюспейпер». В частности, письмо Хелен, отправленное Андерсону с возражениями против его помолвки, почти дословно повторяет документ, который зачитывался в суде. То, что может показаться анахроничной аллюзией с импичментом Билла Клинтона, например испачканное платье или спор о том, может ли женщина иметь секс с мужчиной таким образом, что мужчина не имеет с ней секса, на самом деле реальные факты дела Кодрингтонов. Я внесла единственное существенное изменение: сократила официальное время ссоры между супругами с 1858 по 1866 год до срока с августа по октябрь 1864 года, что придало роману большую драматичность.

В судебных отчетах указывается, что Эмили Фидо Фейтфул, свидетельница со стороны жены, скрылась, чтобы уклониться от дачи показаний в суде, но затем вернулась и дала показания в

пользу мужа. Но почему? Роберт Браунинг, конечно, думал, что причины ему известны, когда 19 января 1865 года отправил своей подруге, старой деве Изе Блэгден, следующую злую записку:

«Один из юристов, участвующих в рассмотрении этого дела, сказал моему знакомому, что в „запечатанном письме“ содержится обвинение, на суть которого я не смею даже намекнуть вам. Так вот страх перед этим открытием и заставил мисс Фейтфул переметнуться на другую сторону. Как всегда, суд развязал людям язык, и теперь все уверяют, что „давно это знали“, хотя какое это имеет значение».

Поскольку «запечатанное письмо» не было зачитано в суде и не попало в судебное «дело», вряд ли мы когда-нибудь узнаем его содержание.

Уильям Э. Фредмен в работе «Эмили Фейтфул и „Виктория-пресс“: опыт социологической библиографии» (Library. Сер. 5. 29. № 2. 1974. Июнь. С. 139–164) был первым, кто упомянул о злых намеках Браунинга относительно содержания «запечатанного письма»; он отрицает, что адмирал Кодрингтон использовал его в качестве шантажа, чтобы Фейтфул перешла на его сторону.

Наоборот, написанная Джеймсом Стоуном

биография прапратетки его жены «Эмили Фейтфул: защитница прав женщин Викторианской эпохи» (1994) объясняет изменение ее позиции предательством Хелен, которая нарушила свое обещание не призывать ее в суд.

Первое подробное изложение этого сложного случая содержится в эссе Марты Висинус «Лесбийские извращения и викторианский брак: бракоразводный процесс Кодрингтонов 1864 года» (Журнал британских исследований. 1997. № 36. С. 70–98); оно также включено в ее книгу «Интимные подруги»). Основанный на тщательном изучении характеров всех участников процесса, газетных отчетов и официальных документов, этот блестящий анализ стал для меня неоценимой помощью в работе над «Запечатанным письмом». Марту Висинус не убедило предположение Стоуна о том, что Хелен Кодрингтон и ее адвокаты обманным путем заставили наивную Фейтфул одобрить написанное Фью письменное показание. В ее эссе Фейтфул предстает коварной деловой женщиной, которая, выступая свидетельницей, дает блестящее представление, опираясь на предрассудки Викторианской эпохи (в частности, представления о том, что взрослая замужняя женщина легко может сбить с пути

юную наивную девушку), что и помогает ей более или менее благополучно выйти из этой истории.

Создавая своих Фидо, Хелен и Гарри и пытаясь разгадать сложную головоломку дела Кодрингтонов, я заимствовала сведения у этих трех историков и у некоторых других.

Спустя четыре года после показаний в суде Фидо размышляет о своем опыте с Хелен Кодрингтон скорее с печалью, чем со злобой, в бестселлере «Череда перемен» (1868). Она пишет от имени серьезного молодого человека Уилфреда, безнадежно влюбленного в свою легкомысленную кузину Тини. «У женщин бывает несколько натур, — грустно заключает он. — Думаю, одной своей натурой она действительно любила меня». В предисловии к американскому изданию, вышедшему в свет в 1873 году под названием «Тростник, колеблемый ветром», Фидо признает: «Я своими глазами видела любопытное сочетание силы интеллекта с неустойчивой волей, изображенное в образе Тины Хейрвуд; с болью в сердце я наблюдала изменчивость пристрастий и вялые попытки искупления, описанные на этих страницах».

По меньшей мере несколько родственников Фейтфул приняли ее сторону. Во время процесса

ее поддерживала одна преданная подруга, которую я не описала в романе — Эмми Уилсон (о ней можно прочитать в книге Марты Уэстуотер «Сестры Уилсон»).

Я уместила в более тесные временные рамки многие события, происходившие на Лэнгхэм-Плейс в начале 1860-х годов, и при этом кое-что выпустила, включая муки рождения «Журнала английской женщины», открытие издательства «Виктория-пресс» и журнала «Александра мэгэзин». Я использовала цитаты, рассказы о каких-либо событиях и людях, инциденты и факты из архива Бесси Паркес Белок, ее отца Джозефа Паркеса, ее дочери Мари Белок Лондес и ее коллег Барбары Смит Бодишон, Эмили Дэвис и Аделаиды Проктор. Некоторые из этих документов опубликованы, но большая их часть в виде рукописей хранится в Гиртон-колледже, Кембридж — колледже для женщин, основанном Дэвис в 1869 году. (Когда в 1990-х годах я писала в Гиртоне свою докторскую диссертацию, мне и в голову не приходило, что однажды я вернусь сюда для того, чтобы заняться исследованиями для своего романа. Мне хочется выразить глубокую признательность архивариусу Кейт Перри за помощь и понимание, проявленные ею во время моего

приезда в 2005 году на целую неделю.)

Пространная переписка членов Товарищества реформисток зачастую чрезвычайно перегружена иносказаниями, что представляет их читателю большое затруднение. В моменты кризиса — такие, как изгнание замечательной Матильды «Макс» Хейс из «Журнала» или разрыв отношений между Бесси Паркес и Фидо — письма, точнее, весь круг писем, относящихся к данным событиям, утеряны или, что более вероятно, утаиваются наследниками. Например, в письме, в котором Бесси Паркес сообщает о том, что Фидо оказалась замешанной в деле Кодрингтонов, отсутствует по меньшей мере первая страница. В результате мне приходилось часто догадываться об отношениях между женщинами Лэнгхэмской группы. Желающим ближе познакомиться с фактическим состоянием британского феминизма в эти решающие годы я рекомендую обратиться к следующим работам: Пэм Хирш «Барбара Лей Смит Бодишон: феминистка, художница и бунтарка», антология Кандиды Энн Лесей «Барбара Лей Смит Бодишон и группа „Лэнгхэм-Плейс“» и эссе Джейн Рендалл о «Журнале английской женщины» в ее работе «Равенство или различия: женская политика в 1800–1914 годах».

В своей «Семейной хронике» за 1864 год Эмили Дэвис крайне сдержанно пишет о кризисе в семье Кодрингтон: «В связи с упоминаниями о ней в этом бракоразводном процессе мисс Фейтфул вынуждена была на время покинуть общество, и я, как и некоторые другие, прекратила с ней отношения».

На самом деле Фидо ушла в тень только на очень короткое время. Несмотря на мрачные прогнозы Бесси Паркес, Общество социологических наук не забрало свои заказы у «Виктории-пресс» и через несколько лет, а именно в 1869 году, снова пригласило Фидо выступить на своей ежегодной конференции. Точно так же и королева не отозвала свое имя у предприятия мисс Фейтфул «как постоянного типографа и издателя ее величества». Фидо и Уильям Уилфред Хэд официально поделили между собой типографию в 1867 году, и она просуществовала до начала 1880-х годов.

Несмотря на то что Фидо была изгнана из группы «Лэнгхэм-Плейс», она продолжала активную деятельность и не очень долго подвергалась остракизму в широком женском движении. В 1869 году она основала Общество работы для женщин и Викторианское дискуссионное общество, а в 1874 году — Производственное и образователь-

ное бюро для женщин, где им предоставлялась возможность получить профессию, работу и выезд за границу. В 1871 году коллеги подарили ей чайный и кофейный сервиз из серебра (в числе них была леди Голдсмит из комитета Общества содействия в трудоустройстве женщин), а позже в это же десятилетие и Эмили Дэвис постепенно восстановила с ней отношения. Фидо продолжала популяризировать идеи феминизма, включая право женщин на голосование, в своем журнале «Виктория мэгэзин», а также в более дешевой еженедельной газете «Женщина и работа» (1874–1876), в своем издании «Уэст Лондон экспресс» (1877–1878) и в иллюстрированном журнале «Лединз пикчерел», где она вела авторскую колонку в 80-х и 90-х годах XIX века. Интересно, что она, видимо, не затаила обиды на Бесси Паркес и часто с уважением писала о ней в печати.

Не удовлетворяясь деятельностью в женском движении, работой в качестве лектора, издателя, редактора, журналиста и писателя, Фидо организовала небольшую драматическую труппу, которая в 1875 году давала представления в Лондоне и в провинции. Ее известность выросла после поездок с лекциями по Соединенным Штатам, описанных в книге «Три тура по Америке»

(1884). В 1888 году она получила от королевы подписанный портрет в знак признания тридцати лет работы во имя интересов женщин.

И она не была одинока. После того как в 1868 году ее верная подруга Эмми Уилсон вышла замуж, секретарем и компаньонкой Фидо на протяжении 1869–1883 годов была актриса Кейт Паттисон. За этим долгим партнерством последовала дружба и совместная работа с декоратором Шарлоттой Робинсон. В 1884 году Фидо и Шарлотта поселились в тихом и уютном доме в Манчестере, руководили женским колледжем по декораторскому искусству и бизнесом, в результате чего Шарлотта была назначена «домашним декоратором ее величества».

Несмотря на постоянные проблемы с легкими, Фидо оставалась заядлой курильщицей: во время ее первой поездки в Соединенные Штаты в 1872–1873 годах один чикагский журналист писал, что «знаменитая Эмили Фейтфул, полная и задорная, дымит, как баржа на озере Мичиган». Она скончалась от бронхита в 1895 году, через несколько дней после своего шестидесятилетия. В своем завещании она оставила тактичное, но твердое послание своим родственникам:

«Я уверена, что любящие члены моей семьи,

которые переживут меня, уважат мое желание, чтобы мое небольшое состояние было передано в абсолютное и исключительное владение моей любимой подруге Шарлотте Робинсон в качестве скромного выражения моей благодарности за множество услуг, которыми я ей обязана, а также за нежную привязанность и заботу, которые сделали мои последние годы самыми счастливыми».

Фидо уничтожила почти все свои личные бумаги, за исключением тех, которые поручила Шарлотте передать ее любимому племяннику Фердинанду Фейтфулу Бегу, который после этого исчез.

Но, хотя она более или менее благополучно пережила дело Кодрингтонов, имя ее долгое время смутно ассоциировалось в памяти людей с этим скандалом. По меньшей мере одна из журналисток в посвященном ей некрологе (в «Иллюстрейтед Лондон ньюс» от 15 мая 1895 года) критиковала ее за то, что она была приверженкой мужского стиля одежды, — тогда это возбуждало зловещие подозрения в том, что доктора стали называть «ненормальностью», «половым извращением» или «гомосексуализмом». Как свидетельствует в своей биографии Джеймс Стоун,

смерть этой неутомимой независимой личности сопровождалась заговором молчания со стороны ее товарищей, которые вычеркнули ее из истории первого движения британских женщин за свои права.

Джессика Балмер — блестящий исследователь из Центра изучения феминизма в Йоркском университете — сумела пролить свет на жизнь обоих супругов Кодрингтон после развода в 1865 году.

Вице-адмиралу Генри Кодрингтону простили позор бракоразводного процесса, и в 1867 году ему было пожаловано рыцарское звание. Таким образом, уже как сэр Генри Кодрингтон он снова женился через два года на вдове Кэтрин Комптон. (Поскольку ее первый муж адмирал Эйтчисон дрался в Брюсселе на дуэли, во время которой оба противника благородно завязали глаза повязкой, после чего застрелили друг друга, вероятно, она была рада не меньше Гарри, что на этот раз нашла себе более благоразумного спутника жизни.) Они жили по соседству с его братом генералом Уильямом Кодрингтоном на Итон-сквер. В 1870-м леди Кодрингтон одновременно представила королеве двух дебютанток: дочь Селину и падчерицу Нэн. Гарри больше не был призван в действующую армию, но получил звание адмирала флота и стал

кавалером ордена Бани 2-й степени незадолго до своей смерти, последовавшей в 1877 году. Он оставил каждой из своих дочерей по 30 тысяч фунтов. (Позднее Нэн стала матерью Дениса Финч-Хэттона, известного героя книги Исаака Дайнесена «За пределами Африки», а Нелл вышла замуж за сэра Джона Дейсента, который увез ее в Вест-Индию.) Сестра Гарри леди Боуршир опубликовала два тома воспоминаний о своей семье под названием «Мемуары о жизни адмирала сэра Генри Кодрингтона» (1873) и «Избранные отрывки из писем сэра Генри Кодрингтона» (1880), в которых проявила себя тонкой мастерицей недоговорок и эвфемизмов, в результате чего в них почти не найти упоминаний о первом браке Гарри.

Что касается Хелен, то она продолжала носить свою фамилию по браку Хелен Джейн (иногда ошибочно пишут Джеан) Кодрингтон и получать постоянный доход с акций Бенгальского банка, которые ее отец Кристофер Уэбб Смит передал ей с Гарри в 1850 году. В 1871 году ее отец скончался, и Хелен подала в суд на Гарри и своих дочерей (в числе других ответчиков, включая сэра Александра Линдсея) с требованием выплатить ей наследство в размере около 80 тысяч рупий. Дело «Кодрингтон против Линдсея» оказалось

настолько запутанным, что по сравнению с ним процесс «Кодрингтон против Кодрингтон и Андерсона» кажется кристально ясным и простым. Закончилось оно в 1875 году относительной победой Хелен. Но вскоре она скончалась от рака в возрасте сорока пяти лет (12 сентября 1875 года, на Саут-стрит, 17–1, в Саут-Кенсингтоне, согласно помещенному через три дня извещению в «Таймс»). Как писала газета «Ливерпульский Меркурий» в колонке светских новостей от 17 сентября: «Говорят, все свои деньги она вложила в преследование по закону своего мужа и умерла в нищете».

В период с 1670 по 1852 год в Британии происходило в среднем меньше двух разводов в год, и во всех случаях, кроме четырех, истцами выступали мужчины. После принятия в 1857 году Закона о бракоразводном праве эта цифра стремительно выросла до семисот разводов в год, и, несмотря на юридические и финансовые препятствия, женщины выступали истцами почти в половине дел о разводе и практически во всех делах о раздельном проживании. В 1923 году от двойного стандарта наконец отказались: теперь и жена получила право требовать развода на основании измены супруга. Интересно, что двойной

стандарт был исключительно английским изобретением; в Шотландии уже в XVI веке мужчины и женщины могли требовать развода из-за измены супруга. Принятый в 1923 году Закон об опеке несовершеннолетних детей наконец наделил отца и мать одинаковыми правами на заботу о детях и, главное, создавал почву для благополучия детей. Акт Гербера 1937 года увеличил число оснований для развода, включив в них жестокое обращение, оставление семьи (на срок до трех лет), неизлечимое психическое заболевание и пристрастие к алкоголю, и уже на следующий год число разводов удвоилось. В 1969 году Закон о реформе бракоразводного законодательства подтвердил три основных «вины» — измена, оставление семьи и безрассудное поведение (более широкое понятие, чем жестокое обращение) — и позволил супругам получить развод на основании несовместимости после того, как они прожили врозь два года.

В 1996 году Семейное законодательство собиралось еще более облегчить процедуру развода, сократив сроки рассмотрения заявлений и не требуя доказательства в какой-либо «вине», но проект встретил широкое сопротивление публики, и этот раздел закона никогда не применялся.

В августе 2006 года, призывая в «Индепендент» к реформе британского бракоразводного законодательства, лорд Джастис Уолл с сожалением признал, что трудно будет допустить развод «без вины», поскольку «людям не нравится, что они не могут предъявить обвинение».

Благодарность

Выражаю глубокую признательность моему агенту Кэролайн Дэвидсон и редакторам Анн Патти и Айрис Туфолм, которые своими пытливыми вопросами по существу очень помогали мне в работе.

EMMA
DONOGHUE

ЭММА
ДОНОХЬЮ

The Sealed LETTER

a novel

Запечатанное ПИСЬМО

роман

Москва
ЦЕНТРПОЛИГРАФ